

p-ISSN 2304-0785

e-ISSN 2305-6754

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal
is published
by the Institute
for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Журнал
издаётся
Институтом
славяноведения
Российской академии
наук

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

Fjodor B. Uspenskij

The Editorial Board

Iskra Hristova-Shomova, Angel
Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*);
Milan Mihaljević, Mate Kapović
(*Croatia*); Václav Čermák (*Czech
Republic*); Roland Marti, Björn
Wiemer (*Germany*); András Zoltán
(*Hungary*); Marcello Garzaniti
(*Italy*); Jos Schaecken (*Netherlands*);
Alexander I. Grishchenko,
Ekaterina I. Kislova, Roman N.
Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim
M. Makartsev, Philip R. Minlos,
Alexander M. Moldovan, Tatiana
V. Rozhdestvenskaya, Anatolij
A. Turilov, Boris A. Uspenskij,
Rev. Michael Zheltov (*Russia*);
Jasmina Grković-Major, Tatjana
Subotin-Golubović (*Serbia*); Robert
Romanchuk, Alan Timberlake,
William Veder, Alexander
Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Фёдор Б. Успенский

Редакционная коллегия

Мария Йовчева, Ангел Николов,
Искра Христова-Шомова (*Болгария*);
Андраш Золтан (*Венгрия*); Бьёрн
Вимер, Роланд Марти (*Германия*);
Марчелло Гардзанити (*Италия*);
Йос Схакен (*Нидерланды*); Александр
И. Грищенко, свящ. Михаил Желтов,
Екатерина И. Кислова, Роман Н.
Кривко, Максим М. Макарецв,
Филипп Р. Минлос, Александр М.
Молдован, Сергей Л. Николаев,
Татьяна Вс. Рождественская,
Анатолий А. Турилов, Борис А.
Успенский (*Россия*); Ясмينا
Грекович-Мейджор, Татьяна
Суботин-Голубович (*Сербия*);
Александр Жолковский, Роберт
Романчук, Алан Тимберлейк,
Уильям Федер (*США*); Милан
Михалевич, Мате Капович
(*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Moscow

2015

Москва

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 4

№ 1

Part 2

Moscow

2015

Москва

Included in / Журнал включён в:

*Russian Science Citation Index /
Российский индекс научного цитирования*
Linguistic Bibliography Online
Slavic Humanities Index
Ulrich's Periodicals Directory
Directory of Open Access Journals
EBSCOhost
Index Copernicus
ERIH PLUS

<http://elibrary.ru>
<http://bibliographies.brillonline.com/>
<http://slavus.ca>
<http://ulrichsweb.serialssolutions.com>
<https://doaj.org>
<http://www.ebscohost.com>
<http://www.indexcopernicus.com>
<http://erihplus.nsd.no>

Academic Editors

Fjodor B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
Alexander I. Grishchenko (Executive Editor),
Moscow State Pedagogical University

Ekaterina I. Kislova, Lomonosov Moscow State
University
Roman N. Krivko, National Research University
Higher School of Economics, Moscow
Philip R. Minlos, Yandex N. V., Moscow
Roland Marti, Saarland University,
Saarbrücken

Managing Editors

Tatiana I. Afanasyeva, Alexander I. Grishchenko,
Roland Marti

Technical Copy Editors

Tatyana O. Mayskaya, Ekaterina Z. Vologina,
Alexandra E. Soboleva

Russian Language Copy Editor

Elena I. Derzhavina

Russian Language Proofreaders

Ekaterina I. Kislova, Galina M. Krylova,
Lidiya A. Stotsenko

English Language Copy Editor, Proofreader

Claudia R. Jensen

Bulgarian Language Copy Editor, Proofreader

Maxim M. Makartsev

Layout Editor

Marfa N. Tolstaya

Design (2012)

Igor' N. Ermolaev

Научная редакция

Фёдор Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Александр И. Грищенко (ответственный
редактор), Московский педагогический
государственный университет
Ekaterina I. Kislova, Московский государ-
ственный университет им. М. В. Ломоносова
Roman N. Krivko, НИУ Высшая школа
экономики, Москва
Филипп Р. Минлос, ООО "Яндекс", Москва
Roland Marti, Университет земли Саар,
Саарбрюкен

Редакторы выпуска

Татьяна И. Афанасьева, Александр И. Грищенко,
Roland Marti

Технические редакторы

Татьяна О. Майская, Ekaterina Z. Vologina,
Alexandra E. Soboleva

Литературный редактор (русский язык)

Elena I. Derzhavina

Корректоры (русский язык)

Ekaterina I. Kislova, Галина М. Крылова,
Лидия А. Стопенко

Литературный редактор, корректор (английский язык) Клаудия Р. Дженсен

Литературный редактор, корректор (болгарский язык) Максим М. Макартцев

Вёрстка

Марфа Н. Толстая

Дизайн (2012)

Игорь Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 4. № 1 (К 70-летию проф.
М. В. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ и проф. Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ = In Honor of the 70th Birthdays of
Prof. Milena V. ROZHDESTVENSKAYA and Prof. Tatiana V. ROZHDESTVENSKAYA). — Москва: Ин-т
славяноведения РАН, 2015. — 298+280 с.

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот номер журнала “Slověne = Словѣне” посвящён 70-летию проф. Милены Всеволодовны РОЖДЕСТВЕНСКОЙ и проф. Татьяны Всеволодовны РОЖДЕСТВЕНСКОЙ — крупнейших российских палеославистов и исследователей Древней Руси, представляющих С.-Петербургский государственный университет и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Подобно двойному юбилею наших дорогих коллег, состоящим из двух частей получился и этот номер журнала. Все тридцать пять статей и заметок, написанные специально для этого номера авторами из России, Болгарии, Германии и Италии, прошли принятую в нашем журнале процедуру двойного “слепого” рецензирования.

EDITORIAL

This issue of the journal *Slověne = Словѣне* is dedicated to the 70th birthdays of Prof. Milena V. ROZHDESTVENSKAYA and Prof. Tatiana V. ROZHDESTVENSKAYA— eminent Russian palaeoslavists and specialists in Old Russian studies from St. Petersburg State University and the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. Like our double celebration of our dear colleagues, this double issue also turned out to have two parts. All thirty-five articles and notes, which were written specially for this issue by authors from Russia, Bulgaria, Germany, and Italy, met our editorial standards with the observance of the principle of double-blind peer review.

Милена Всеволодовна Рождественская

Татьяна Всеволодовна Рождественская

Milena V. Rozhdesvenskaya

Tatiana V. Rozhdesvenskaya

TABULA GRATULATORIA

Александр Григорьевич Авдеев	Евгений Вячеславович Казарцев
Светлана Андреевна Аверина	Татьяна Борисовна Карбасова
Анатолий Алексеевич Алексеев	Нина Валерьевна Квливизде
Всеволод Евгеньевич Багно	Екатерина Игоревна Кислова
Florentina BADALANOVA GELLER	Ralph CLEMINSON
Екатерина Юрьевна Басаргина	Нина Васильевна Колгушкина
Елена Владимировна Белякова	Мария Владимировна Корогодина
Александр Григорьевич Бобров	Вадим Борисович Крысько
Наталья Викторовна Богданова	Жанна Леонидовна Левшина
Николай Александрович Бондарко	Elisabeth LÖFSTRAND
Николай Юрьевич Бубнов	Ольга Викторовна Лосева
Isabelle VALLOTON	Roland MARTI
Антон Михайлович Введенский	Татьяна Вячеславовна Марченко
Евгений Германович Водолазкин	Игорь Павлович Медведев
Мария Дмитриевна Воейкова	Альбина Александровна Медынцева
Ирина Александровна Вознесенская	Heinz MIKLAS
Андрей Владимирович Вознесенский	Явор Милтенов
Петр Григорьевич Гайдуков	Надежда Ильинична Милютенко
Marcello GARZANITI	Ангелина Минчева
Лора Александровна Герд	Екатерина Андреевна Мишина
Елена Викторовна Горбова	Александр Михайлович Молдован
Дмитрий Григорьевич Демидов	Татьяна Мострова
Елена Игоревна Державина	Мария Савельевна Мушинская
Александра Владимировна Духанина	Людмила Михайловна Навтанович
Фатима Абисаловна Елоева	Александр Евгеньевич Наумов
Андрей Анатольевич Зализняк	Наталья Алексеевна Нечунаева
Наталья Николаевна Запольская	Александра Юрьевна Никифорова
Людмила Владимировна Зубова	Николай Иванович Николаев
Сергей Валентинович Иванов	Наталья Владимировна Николенкова
Елена Юрьевна Иванова	Светлина Николова
Климентина Иванова	Мария Олеговна Новак
Мария Йовчева	Karine ÅKERMAN SARKISIAN

Олег Витальевич ПАНЧЕНКО
Димитр ПЕЕВ
Павел Владимирович ПЕТРУХИН
Вера Григорьевна ПОДКОВЫРОВА
Дмитрий Георгиевич ПОЛОНСКИЙ
Федор Борисович ПОЛЯКОВ
Наталья Владимировна ПОНЫРКО
Михаил Борисович ПОПОВ
Гелиан Михайлович ПРОХОРОВ
Анна Владимировна ПТЕНЦОВА
Джамили Нуровна РАМАЗАНОВА
Анастасия Анатольевна РОМАНОВА
Варвара Андреевна РОМОДАНОВСКАЯ
Елена Александровна РЫБИНА
Алексей Александрович САВЕЛЬЕВ
Наталья Вячеславовна САВЕЛЬЕВА
Татьяна Семёновна САДОВА
Алексей Геннадьевич СЕРГЕЕВ
Алексей Владимирович СИРЕНОВ
Лидия Викторовна СОКОЛОВА
Krassimir STANTCHEV
Антон Анатольевич СТЕПИХОВ
Александр Борисович СТРАХОВ
Ольга Борисовна СТРАХОВА

Татјана СУБОТИН-ГОЛУБОВИЋ
Jos SCHAEKEN
Лора ТАСЕВА
Sergejus TEMČINAS
Алексей Петрович ТОЛОЧКО
Светлана Михайловна ТОЛСТАЯ
Марфа Никитична ТОЛСТАЯ
Елена ТОМОВА
Борис Андреевич УСПЕНСКИЙ
Евгений Анатольевич ФИЛОНОВ
Борис Львович ФОНКИЧ
Christian HANNICK
Александр Леонович ХОСРОЕВ
Искра Христова-ШОМОВА
Constantin ZUCKERMAN
Дмитрий Наилевич ЧЕРДАКОВ
Ольга Александровна ЧЕРЕПАНОВА
Ольга Валерьевна ЧУМИЧЕВА
Елена Эриковна ШЕВЧЕНКО
Мария ШНИТТЕР
Ирена ШПАДИЈЕР
Петр Валерьевич ШУВАЛОВ
Елена Михайловна ЮХИМЕНКО
Валентин Лаврентьевич ЯНИН

Contents/Содержание

Part 1/Часть 1

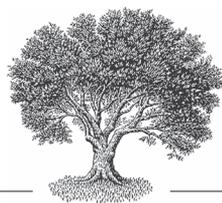
- 13 Татьяна И. Афанасьева, Вячеслав В. Козак, Георгий А. Мольков, Евгений Г. Соколов, Миляуша Г. Шарихина (С.-Петербург). *Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана*
Tatiana I. Afanasyeva, Viacheslav V. Kozak, Georgii A. Molkov, Evgenii G. Sokolov, Miliusha G. Sharikhina (St. Petersburg). *Language Innovations in Manuscripts Attributed to Cyprian the Metropolitan*
- 39 Ольга В. Белова (Москва). *“Глиняные птички”: апокрифический мотив в фольклорных легендах*
Olga V. Belova (Moscow). *“The Birds of Clay”: An Apocryphal Motif in Folklore Legends*
- 45 Марина А. Бобрик (Москва). *Значение др.-рус. plurale tantum ПАМЯТИ*
Marina A. Bobrik (Moscow). *The Meaning of the Old Russian Plurale Tantum ПАМЯТИ*
- 52 Андрей Ю. Виноградов, Михаил С. Желтов (Москва). *“Апокрифическая” надпись с Мангуна и обряды “изобличения вора”: магия и право между Античностью и Средневековьем*
Andrey Yu. Vinogradov, Mikhail S. Zheltov (Moscow). *The “Apocryphal” Inscription from Mangup, Crimea, and Rituals of “Exposing the Thief”: Magic and Law from Antiquity to the Middle Ages*
- 94 Тимофей В. Гимон (Москва). *Летописание и развитие письменной культуры (Новгород, XI – первая половина XII в.)*
Timofey V. Guimon (Moscow). *Annalistic Writing and the Development of Written Culture (Novgorod of the 11th and the First Half of the 12th Centuries)*
- 111 Алексей А. Гиппиус (Москва). *Еще раз о новгородской берестяной грамоте № 724*
Aleksey A. Gippius (Moscow). *Once Again on the Novgorod Birchbark Letter No. 724*
- 128 Александр И. Грищенко (Москва). *Славяно-русский апокриф “Благословение Иаковле сыном своим”: текстологические и лингвистические наблюдения*
Alexander I. Grishchenko (Moscow). *The Slavonic-Russian Pseudepigraphon Jacob's Blessing to His Sons: Some Textological and Linguistic Observations*
- 159 Федор Н. Двинятин (С.-Петербург). *Количественная грамматика и поэтика личных форм глагола в “Гусли доброгласной” Симеона Полоцкого*
Fedor N. Dviniatin (St. Petersburg). *The Quantitative Grammar and Poetics of Finite Verb Forms in the Gusl' Dobroglasnaia by Simeon Polotsky*
- 170 Татьяна Н. Джаксон (Москва). *“Страна городов” и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов*
Tatjana N. Jackson (Moscow). *Garðaríki and Its Capital: Novgorod on the Mental Map of Medieval Scandinavians*

- 180 Елена Л. Конявская (Москва). *Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев*
Elena L. Konyavskaya (Moscow). *Polovtsians in the Early Chronicles: Assessments and Interpretations by the Chroniclers*
- 191 Александр Г. Кравецкий (Москва). *Социолингвистические аспекты первых переводов Библии на русский язык*
Alexander G. Kravetsky (Moscow). *Sociolinguistic Aspects of the First Translations of the Bible into the Russian Language*
- 204 Роман Н. Кривко, Маргарита И. Чернышева (Москва). *Лексикографические миниатюры: критические заметки по русской и церковнославянской исторической лексикографии*
Margarita I. Chernysheva, Roman N. Krivko (Moscow). *Lexicographic Miniatures: Research Notes on Russian and Church Slavonic Historical Lexicography*
- 218 Анна Ф. Литвина, Фёдор Б. Успенский (Москва). *Именины в пространстве летописного нарратива*
Anna F. Litvina, Fjodor B. Uspenskij (Moscow). *The Name Day as a Part of Medieval Historiographical Narrative*
- 240 Ирина А. Лобакова (С.-Петербург). *“... извѣстия совершеннаго нѣтъ”: Интерпретация исторических событий в Житии Галактиона Вологодского*
Irina A. Lobakova (St. Petersburg). *“... There Is No Perfect Knowledge About ...”: The Interpretation of Historical Events in the Life of Galaktion Vologodsky*
- 253 Павел В. Лукин (Москва). *Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г.*
Pavel V. Lukin (Moscow). *Strata of the Novgorod Population in the Opasnaia Gramota of 1472*
- 266 Елена А. Мельникова (Москва). *Имя Тудоръ в домонгольской Руси: христианское или скандинавское?*
Elena A. Melnikova (Moscow). *The Name Tudorъ in Pre-Mongol Rus': Christian or Scandinavian?*
- 277 Анисава Милтенова (София). *Късни отгласи от така наречения Княжески изборник в славянските литератури*
Поздние отзвуки так называемого Князьего Изборника в славянских литературах
Anissava Miltenova (Sofia). *Later Echoes of the So-called Kniazheskii Izbornik in Old Slavic Literatures*

Part 2/Часть 2

- 311 Савва М. Михеев (Москва). *О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши*
Savva M. Mikhееv (Moscow). *On Two Old Russian Inscriptions from Belarus and Poland*
- 323 Александр В. Назаренко (Москва). *Дудика, Негварь: два германских антропонима в новгородских памятниках*
Alexander V. Nazarenko (Moscow). *Dudika, Negvar: Two German Anthroponyms in Texts from Novgorod*
- 334 Валентина И. Охотникова (Псков). *Послание Корнилия, инока Снетогорского монастыря. К вопросу о времени создания*
Valentina I. Okhotnikova (Pskov). *The Epistle of Cornelius, a Monk of the Snetogorsky Monastery*
- 348 Татьяна В. Пентковская (Москва). *“Послания берестяные” в Толковом Апостоле (Деян 28:22)*
Tatiana V. Pentkovskaya (Moscow). *Birchbark Letters in the Apostle with Commentaries (Acts 28:22)*
- 356 Владимир Я. Петрухин (Москва). *“Гридьба в корабли” и “перепелка в дубраве”: к прочтению древнерусского фольклорного текста*
Vladimir Ya. Petrukhin (Moscow). *“Grid’ba in the Ship” and “Quail in the Forest”: A Reading of the Old Russian Folklore Text*
- 361 Анна А. Пичхадзе (Москва). *Как работал с источниками древнерусский переводчик?*
Anna A. Pichkhadze (Moscow). *How Did a Translator into Old Russian Work with His Sources?*
- 366 Александра А. Плетнева (Москва). *О происхождении лубочного текста “Реестр о дамах и прекрасных девицах”*
Alexandra A. Pletneva (Moscow). *On the Origins of the Lubok Text The Register of Dames and Handsome Maidens*
- 377 Мария Б. Плюханова (Перуджа). *Стихи о Софее в Стишном прологе из Папского Восточного Института в Риме*
Maria B. Pliukhanova (Perugia). *The Verses about Sofei in the Stishnoi Prolog from the Pontifical Oriental Institute in Rome*
- 394 Ирина А. Подтергера (Фрайбург в Брайсгау). *Что такое история языка?*
Irina A. Podtergera (Freiburg i. Br.). *What Is Language History?*
- 456 Татьяна Р. Руди (С.-Петербург). *Об аскезе юродивых (из истории агиографической топики)*
Tatiana R. Rudi (St. Petersburg). *On the Asceticism of Holy Fools (from the History of Hagiographic Topoi)*
- 474 Светлана А. Семячко (С.-Петербург). *“Поучение к братии обще живущей”: к вопросу о формировании дисциплинарного устава на Руси*
Svetlana A. Semiachko (St. Petersburg). *The Sermon to the Coenobitic Monastic Brotherhood: On the Formation of the Monastic Disciplinary Charter in Rus’*

- 493 Елизавета Г. Сосновцева (С.-Петербург). *О почитании князя Андрея Васильевича Большого в Угличе и создании его жития*
 Elizaveta G. Sosnovtseva (St. Petersburg). *On the Cult of Prince Andrey Bolshoy in Uglich and the Creation of his Life*
- 507 Сурен А. Тахтаджян (С.-Петербург). *Ксеркс в пьесе М. А. Булгакова "Адам и Ева"*
 Souren A. Takhtajan (St. Petersburg). *Xerxes in Mikhail Bulgakov's Play Adam and Eve*
- 511 Анатолий А. Турилов (Москва). *К палеографической датировке двух мощевиков из Благовещенского собора Московского Кремля*
 Anatolij A. Turilov (Moscow). *On the Palaeographic Dating of Two Reliquaries from the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin*
- 526 Ирина В. Федорова (С.-Петербург). *К вопросу об апокрифах в Хождении игумена Даниила*
 Irina V. Fedorova (St. Petersburg). *On the Apocrypha in the Pilgrimage by Daniel the Traveler*
- 541 Ирина А. Федотова (С.-Петербург). *К истории издания Четвх Миней Дмитрия Ростовского (статья "О лете скончания преподобной Марии Египетской" в составе дополнений к Четвм Минеям святителя Дмитрия)*
 Marina A. Fedotova (St. Petersburg). *On the History of the Publication of the Menaion Reader by Demetrius of Rostov (the Text On the Year of Death of St. Mary of Egypt as an Additional Article to the Menaion Reader by St. Demetrius)*
- 554 Маргарита И. Чернышева (Москва). *ВЪЗГЛАВЛЕНИЮ или ВЪЗГРАЖДЕНИЮ? (о переводе греч. ἀνακεφαλαίωσις)*
 Margarita I. Chernysheva (Moscow). *VЪZGLAVLENIJE or VЪZGRAŽDENIJE? On the Slavonic Translation of the Greek Word Ἀνακεφαλαίωσις*
- 564 Мария Н. Шевелёва (Москва). *О некоторых глагольных формах в "Поучении" Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI–XII вв.*
 Maria N. Sheveleva (Moscow). *Some Verbal Forms in the Testament of Vladimir Monomakh to His Children and the Language of Kiev in the 11th Century*

О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши

On Two Old Russian Inscriptions from Belarus and Poland

Савва Михайлович Михеев

Институт славяноведения РАН (Москва)

Savva M. Mikhееv

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences (Moscow)

Резюме

В данной заметке рассматриваются два древнерусских граффити: надпись *Марѣкова жана добра* 'Маркова жена — добрая / хорошая' конца XIII или начала XIV века со стены Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке и надпись *Ежъковъ ножъ а иже и жкрадетъ проклятъ . . .* 'Ежков нож. А кто его украдет, проклят . . .' конца XI – XII века на костяной рукояти ножа, происходящей из раскопок в Дрогичине (древнерусском Дорогычине) на востоке Польши. Обе надписи уже публиковались ранее, однако их прочтение требует нескольких уточнений, а их палеография и язык — более обстоятельного комментария. Как показано в заметке, полоцкая надпись, интересная своей восхваляющей формулой, содержит ранний пример отражения яканья, белорусской фонетической особенности. Дрогичинская же надпись выделяется весьма нестандартной палеографией.

Ключевые слова

Белоруссия, Полоцк, Спасо-Евфросиниевский монастырь, Спасо-Преображенская церковь, Польша, Дрогичин (Дрогичин), археология, эпиграфика, надписи-граффити, палеография, древнерусский язык, история белорусского языка, XI–XIV века

Abstract

Two Old Russian graffiti inscriptions are examined in the present paper. The first one, dating back to the late 13th–early 14th centuries, is located on one of the walls of the Savior Transfiguration Church in the St. Euphrosyne convent in Polotsk, Belarus. It reads *Марькова жана добра* ‘Mark’s wife is good.’ The second graffiti was inscribed on a knife handle excavated in Drohiczyn, Eastern Poland (Old Russian *Dorogyčînʹ*), and dates to the end of the 11th through the 12th centuries. The inscription reads *Ежьковъ ножь а иже и украдетъ проклетъ . . .* ‘Ezhko’s knife. Whoever steals it, be cursed . . .’ Although both inscriptions have been published, the present study adds more in-depth paleographic and linguistic commentary and suggests corrected readings. The laudatory inscription from Polotsk is particularly interesting because it contains an early example of a spelling reflecting yakanye, a trait of Belarusian phonetics, whereas the interest of the Drohiczyn inscription lies in its unusual paleographic features.

Keywords

Belarus, Polotsk, St. Euphrosyne convent, Transfiguration Church, Poland, Drohiczyn, archaeology, epigraphy, graffiti inscriptions, paleography, Old Russian, Belarusian language history, 11th–14th centuries

Мой интерес к двум древнерусским надписям-граффити, о которых пойдет речь ниже, был вызван прочтением книги “матери белорусской эпиграфики” Инны Леонидовны Калечиц “Эпіграфіка Беларусі Х–XIV стст.” [Калечиц 2011]. Эта заметка посвящается бабушке и двоюродной бабушке белорусской эпиграфики — Татьяне и Милене Всеволодовнам Рождественским. Хочется надеяться, что формализованность подачи материала будет скрашена нестандартностью текстов рассматриваемых надписей.

“Маркова жена” из Полоцка

Я сердечно признателен И. Л. Калечиц за предоставленные ею фотографии заинтересовавшего меня полоцкого граффито.

Местоположение: Полоцк, Спасо-Евфросиньев монастырь, Спасо-Преображенская церковь, проем между алтарем и жертвенником (согласно [Калечиц 2011: 147]).

Материал: Фресковая штукатурка, датирующаяся началом 1160-х годов [Сарабьянов 2012: 286–330].

Тип надписи: Граффито.

Сохранность: Поверх надписи пришлось несколько штрихов более поздних граффити.

Рис. 1. Стена Спасо-Преображенской церкви. Фотография, предоставленная И. Л. Калечиц (сверху)¹, фотография И. Л. Калечиц (внизу)

Fig. 1. Wall of the Transfiguration Church. Photograph provided by I. L. Kalechits (top), photograph by I. L. Kalechits (bottom)

Текст:

- 1 Марькова жана
- 2 добра

Лингвистический разбор:

Нормализация:	<i>Марькова</i>	<i>жана</i>	<i>добра</i>
Грамматическая характеристика:	Маркова	жена	добра
Словарная форма:	НОМ.СG.Ф	НОМ.СG	НОМ.СG.Ф
Перевод:	Марковъ	жена	добръ
	‘Маркова	жена –	добрая / хорошая’.

Издания: (фотография, прорись) Калечиц 2011: 147, 254 (фот. 147, рис. 195), № 116².

Литература: Калечиц 2013: 144³.

¹ Данная фотография приведена в книге И. Л. Калечиц в черно-белой передаче [Калечиц 2011: 254 (фот. 147)]. См. увеличенную центральную часть этой фотографии на рис. 2 ниже.

² Первоначально И. Л. Калечиц не имела доступа в алтарную часть церкви, поэтому надпись опубликована ею по фотографии, выполненной помощником (письма И. Л. Калечиц автору от 14 и 27 апреля 2014 года).

³ В новейшем издании части граффити Спасо-Преображенской церкви [Залилов 2014] рассматриваемая надпись не упоминается.

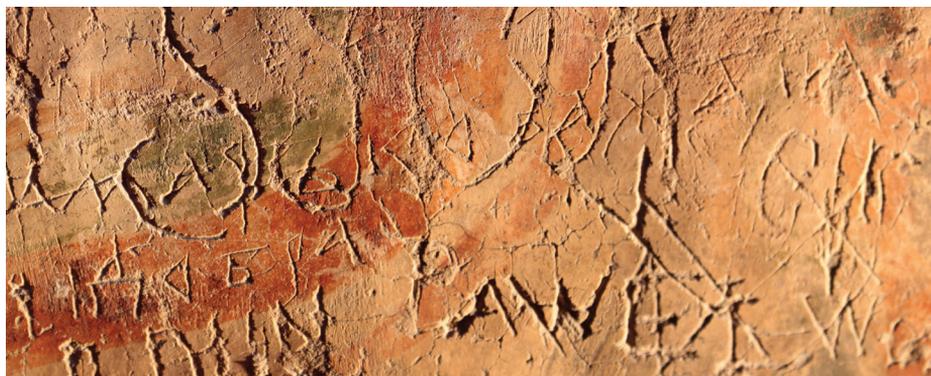

Рис. 2. Полоцкая надпись. Фотография, предоставленная И. Л. Калечиц (увеличена), прорись автора

Fig. 2. Inscription from Polotsk. Photograph provided by I. L. Kalechits (enlarged), line drawing of the author

Датировка: По мнению И. Л. Калечиц, надпись относится к рубежу XIII–XIV веков. По методике внестратиграфического датирования А. А. Зализняка [2000] граффито следует отнести ориентировочно к первому двадцатилетию XIV века⁴.

Комментарий: В книге И. Л. Калечиц первая строка воспроизведена неверно из-за ошибок в прочтении букв *р*, *в*, *ж* и *на* и в словоделении.

В написании *жана* <*жена*> отражается яканье в первом предударном слоге, свойственное всем белорусским — а также многим русским, в том числе псковским — диалектам и регулярно фиксируемое памятниками с XV века [КАРСКИЙ 1908: 202–203]⁵.

⁴ Датировочные признаки: *ж* III “звездоподобные в 4 взмаха” (до [1320], предпочтительно до [1220]), *о* 4 “вместо правой дуги прямая” (после [1300]), *р* V “петля с двумя изломами” (после [1280]). Буква *р* в надписи имеет необычное начертание с сильно выгнутой мачтой (особенно *р* в первой строке).

⁵ Слово *ищазажеть* в Псалтыри 1296 года (ГИМ, Син., 235) обыкновенно трактуется как форма старославянского глагола *ищазати*, а не как случай отражения яканья.

В надписи использована довольно редкая формула, ср. два ранних граффити со стен Софии Новгородской: глаголическое $\text{ДѢДЪА} | \text{ДОБРЪ КРОТЪКЪ}$ (Дѣдѣта | добръ кро|тѣкѣ) второй половины XI – первой половины XII века (вероятно, не позже начала XII века) [Михеев 2012: 79–80, № 16] и кириллическое *Наст[а] правѣдѣн[ъ] | добръ ...* (дальнейший текст читается неудовлетворительно) второй половины XI – начала XII века⁶. Смысл данной формулы, вероятно, заключается в том, что пишущий выражает при помощи нее благодарность своему благодетелю, в рассматриваемом случае – Марковой жене⁷.

Имя *Маркъ* (или *Марко*)⁸ представлено еще как минимум один раз в эпиграфике Спасо-Преображенской церкви – в надписи второй половины XII – XIII века *Г помози рабоу своему | Ма^ркови на мног[а] л[ѣт](а)*⁹.

“Ежков нож” из Дрогичина Надбужского

Надпись публикуется благодаря Дариушу Домбровскому, отыскавшему несущий ее артефакт в Государственном археологическом музее в Варшаве, а также археологам Анджею Пётровскому и Сильвии Вайде, организовавшим и произведшим его цифровую фотосъемку (серия высококачественных цифровых фотографий этой находки была выполнена С. Вайдой весной 2014 года).

Место хранения: Варшава, Государственный археологический музей (Państwowe Muzeum Archeologiczne), инвентарный № PMA V/1454.

Место и условия находки: По музейным сведениям, артефакт происходит из раскопок К. Мусянович, производившихся в июле 1954 года на раскопе I на западном посаде Дрогичина (древнерусского Дорогичина) в Семятыченском повете Подляшского воеводства Польши. Дрогичин / Дрогичин / Дорогичин находится примерно в 100 км на северо-запад от Бреста (древнерусского Берестья), ниже по течению Западного Буга, на правом берегу реки¹⁰. В древнерусский период он был пограничным

⁶ Надпись Насты пока не опубликована, она находится на восточной грани южной лопатки юго-восточного подкупольного столба, в дьяконнике, в 5 см от левого края и 18 см ниже современного пола.

⁷ Следует рассмотреть и возможность того, что Маркова жена оставила данную надпись сама. Вероятность этого крайне мала, так как граффито располагается в алтарной части церкви, куда доступ женщинам воспрещен. Начертав здесь восхваляющую ее надпись, Маркова жена совершила бы два греха одновременно.

⁸ Добавлю, что наличие между слогами словоформы *Марѡкова* вставного ѡ типично и для раннедревнерусского и для более позднего времени.

⁹ Конец надписи, к сожалению, плохо видный на фотографии, прочтен ее издателем как *на много лет(ъ)*. И. З. Залилов датировал данную надпись XIII веком [Залилов 2014: 81–82, табл. LIII: 3–4, № 88].

¹⁰ Не путать с другим Дрогичином – районным центром Брестской области Белоруссии, который находится в 100 км к востоку от Бреста.

городом и служил местом взимания таможенных пошлин. По сообщению К. Мусянович, артефакт был найден на участке А раскопа I, недалеко от границы с участком В, в квадрате 88, на глубине 1,5 м [MUSIAŃOWICZ 1955: 343].

Эпиграфическое поле: Костяная рукоять ножа. Материал: одно из средних ребер зубра (по определению К. Крысяка) [MUSIAŃOWICZ 1955: 343; РОРРЕ 1957: 90]¹¹. Одна из плоских сторон рукояти сохранилась почти целиком, другая же почти полностью отколота. Размеры: длина 12,3 см, ширина 3,8 см. К. Мусянович полагала, что такие крупные размеры могли быть только у боевого ножа [MUSIAŃOWICZ 1955: 343] (со ссылкой на работу [Колчин 1953: 72]). Между тем, согласно А. Н. Кирпичникову, “воинские ножи в большинстве случаев не отличаются от обычных бытовых. И те и другие были разного размера [. . .] Для воина нож являлся универсальным хозяйственным и походным инструментом” [Кирпичников 1966: 72], следовательно нет никаких оснований считать нож, рукоять которого была найдена К. Мусянович, боевым¹².

Рис. 3. Рукоять ножа. Фотография С. Вайды

Fig. 3. Knife handle. Photograph by S. Wajda

Тип надписи: Граффито.

Сохранность: Обломом рукояти частично уничтожены две последние буквы второй строки. Нижние части букв третьей строки, по-видимому, стерты в древности при использовании рукояти.

¹¹ В. В. Немчук также не исключает того, что рукоять была вырезана из лопатки лося.

¹² Ср. также соображения А. Поппэ: [РОРРЕ 1957: 91].

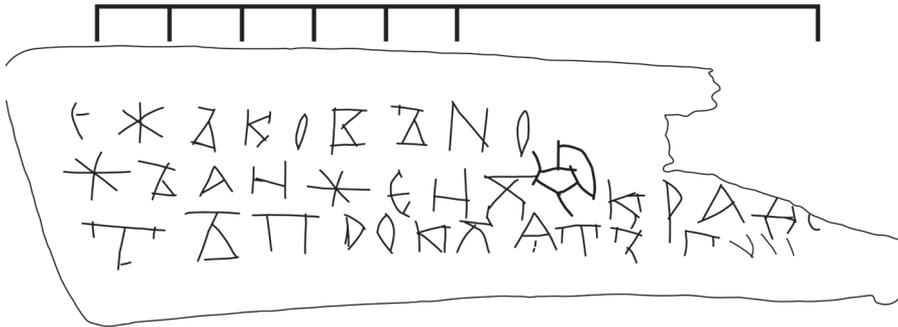
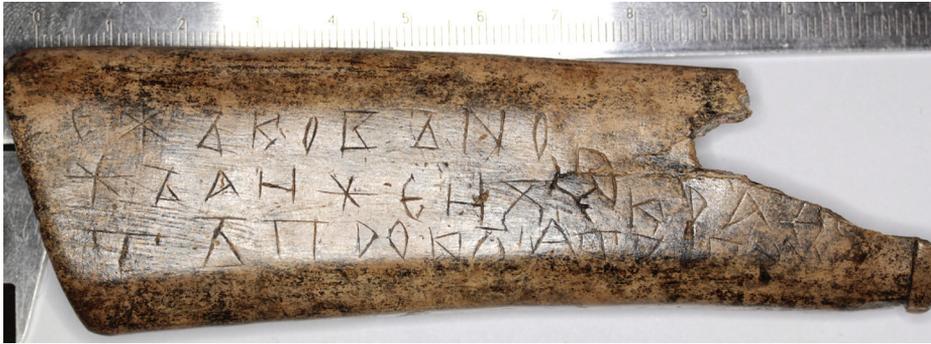

Рис. 4. Надпись на рукояти ножа. Фотография С. Вайды, прорись автора

Fig. 4. Inscription on the knife handle. Photograph by S. Wajda, line drawing of the author

Текст:

- 1 Ежковъ ноџ
- 2 жь а иже и жкрадеџ
- 3 ть проклатъ -

Лингвистический разбор:

	Ежковъ	ноџ	а	иже	и	жкраде ть	проклатъ	-
Нормализация:	Ежковъ	ножь	а	иже	и	оукраде ть	проклатъ	?
Грамм. характ-ка:	NOM.SG.M	NOM.SG		NOM.SG.M	ACC.SG.M	PRES.3.SG	T-PART.NOM.SG.M	
Словарная форма:	Ежковъ	ножь	а	иже	*и	оукрасти	проклати	
Перевод:	‘Ежков	нож.	А	кто	его	украдет,	проклат	...’.

Издания: (фотография, прорись) MUSIAŃOWICZ 1955: 343–344, tabl. XLVI¹³; (фотографии, прорисы) РОРРЕ 1957.

Литература: КАЛЕЧЫЦ 2011: 99, 207 (рыс. 77); НІМЧУК 2013; КОВАЛЬ, МЕДЫНЦЕВА 2013: 169¹⁴.

¹³ К. Мусянович ссылается на помощь А. Мировича в прочтении текста надписи.

¹⁴ Мне, к сожалению, пока недоступны следующие работы, в которых, судя по всему, идет речь о рассматриваемой надписи: это книги Ю. И. Гаврилюка

Датировка: К. Мусянович не указала датировок слоя, в котором была найдена рукоять. По ее данным, изученная в 1954 году часть поселения существовала с конца XI или начала XII по начало или первую половину XIII века [MUSIAŃOWICZ 1955: 344–345]. Это обстоятельство вкупе с полным отсутствием инновационных черт в палеографии надписи позволяют датировать граффито концом XI – XII веком, предпочтительно концом XI – началом XII века¹⁵.

Комментарий: Надпись почти полностью занимает одну из плоских сторон рукояти. До надписи и другим – более толстым – инструментом здесь был вырезан рисунок или знак (возможно, тамга), находящийся между буквами *ж* и *к* второй строки надписи¹⁶. Писавший перешел с первой строки на вторую, упершись в это изображение, а дойдя до рисунка во второй строке, сделал отступ перед буквой *к*.

После завершающей третью строку буквы (*б* с затертой петлей или *з*) видны еще четыре тонких штриха. Все исследователи надписи ошибочно интерпретировали данные штрихи как буквенные¹⁷. Места для продолжения текста в этой строке не было. Возможно, дополнительные тонкие штрихи имели орнаментальное назначение. Уверенно определить, принадлежат ли они руке автора надписи, не представляется возможным. Таким образом, последнее слово надписи, скорее всего, было

“Історія Пiдляшска (Берестейскаго краю) у X–XIV столiттях” (Гайнiвка, 1990) и “Podlasze: Śladami ruskiej przeszłości” (Bielski Podlaski, 2000) и книга К. Мусянович “Drohiczyn od VI do XIII wieku: dzieje i kultura” (Olsztyn; Białyłstok, 1982).

¹⁵ В надписи представлено архаичное начертание буквы *ж* типа Ia₁ “прямая звезда” по А. А. Зализняку [2000: 164–166, 222]. Концом XI – началом XII века граффито датировали также И. Л. Калечиц и В. В. Немчук, между тем как А. Поппэ относил надпись к памятникам XII века.

¹⁶ По мнению А. Поппэ, это мог быть знак, изображающий птицу [POPPÉ 1957: 90].

¹⁷ Были предложены следующие интерпретации текста после слова *проклѣтъ*: *б-м*, то есть ‘богом’ (К. Мусянович; А. Поппэ); пять нечитаемых букв (sic!) с предположительным переводом ‘будет / пойдет?’ (И. Л. Калечиц); *гдм*, то есть *господьмь* (В. В. Немчук). Следует указать на еще несколько ошибок в предлагавшихся ранее вариантах прочтения надписи Ежка. А. Поппэ писал, что *тъ* в начале третьей строки — это местоимение, хотя перед нами окончание глагольной словоформы. И. Л. Калечиц, не знакомая с публикацией А. Поппэ, ошибочно относит надпись Ежка к одноеровым. Между тем у этимологических ерей в данном граффито нет засечек слева, но есть широкие горизонтальные полузасечки-полупокрытия, уходящие в двух случаях правее мачты буквы, а у конечных еров в словах *Ежьковѣ* и *проклѣтъ* на фотографиях хорошо видны вертикальные засечки слева, следовательно, эти буквы являются ерами, а остальные — ерами (не расположение горизонтального элемента относительно мачты, а именно наличие или отсутствие вертикальной засечки является в подобных случаях смыслообразующим, как, например, в новгородских берестяных грамотах № 718 и 742). В. В. Немчук, не знакомый с публикациями К. Мусянович и И. Л. Калечиц, вслед за А. Поппэ не исключает ошибочного чтения *ѣ* для буквы *ж* во второй строке, полагая возможным наличие покрытия у буквы *ѣ* (sic!), как у буквы *л* в третьей строке.

не дописано. Наиболее вероятно, что Ежко хотел употребить здесь слово *бѣдетъ* ‘будет’¹⁸.

Почерк надписи очень значительно различается в первой и последующих строках. Первая строка написана аккуратным и весьма стандартным почерком, а вторая и третья строки выглядят совершенно иначе: все буквы размашисты и ярко индивидуальны, засечки непропорционально длинны. Наибольшие отличия между двумя манерами письма заметны в начерках букв *н* и *ж*, представленных в обеих частях граффито. Пример подобной смены почерка с красивого официального в первой строке надписи на неупорядоченный, но более оригинальный и запоминающийся находим в автографе писца Мутижира Огафангеловича второй половины XI – начала XII века на стене Софии Новгородской [Гиппиус, Михеев 2013: 161–162].

Кроме общей размашистости и не вполне обычного начертания *ж* в виде горизонтально перечеркнутой буквы *х* почерк второй и третьей строк надписи Ежко выделяется использованием нестандартного варианта большого юса, который не имеет нижнего короткого вертикального штриха, то есть является “полым юсом большим” по терминологии А. А. Зализняка¹⁹.

Притяжательная форма *Ежьковъ* не позволяет уверенно утверждать, звучало ли имя владельца ножа как **Ежько* или как **Ежькъ*. Вариант **Ежько* находит себе подтверждение в прозвище крестьянина Турского погоста Новгородского уезда Никитки Вожка [Тупиковъ 1903]²⁰. Ср. также [Німчук 2013: 141].

Особенности графической системы и языка надписи позволяют констатировать, что надпись написана либо на наддиалектном древнерусском языке, либо на диалекте, отличавшемся от него не очень значительно (например, на местном диалекте Берестейской земли)²¹. В граффито

¹⁸ Благодарю А. А. Гиппиуса за консультацию по этому вопросу. Ср. многочисленные примеры заклятий с использованием слова *проклатъ* [СДРЯ, 9: 84–86]. Впрочем, нельзя полностью исключать возможности интерпретировать последнюю букву надписи как цифру · ̄ · ‘3’ (отсутствие глагола-связки в таком случае можно объяснить презентной семантикой: ‘А кто его украдет, тот трижды проклят’).

¹⁹ Рядом с буквой *а* в третьей строке видно несколько тонких вертикальных царапин, одна из которых находится под большим юсом второй строки, однако эти царапины не являются частью надписи. “Полый юс большой” представлен в трех новгородских берестяных грамотах: № 903 рубежа XI–XII веков, № 778 начала XIII века (грамота представляет собой азбуку, где “полый юс большой” следует за обыкновенным юсом большим) и № 151 второй четверти XIII века. Подробнее см. [Зализняк 2000: 212 (табл. 36)] (в таблице здесь ошибочно указан № 904 вместо № 903) и [Янин, Зализняк 2004: 15–16, 95].

²⁰ Ср. другие варианты антропонимов от того же корня: *Вожикъ*, *Вожевъ*, *Ежевь* [Тупиковъ 1903].

²¹ В. В. Немчук в своей статье “Давньоукраїнський напис із Дорогичина” охарактеризовал рассматриваемое граффито как “один из древнейших

представлены восточнославянское смешение *ж* и *у* (*жкредеть*); употребление *е*-, а не *о*-, свойственного основной части будущего белорусского ареала, в корне **jež-* (*Ежьковъ*)²²; употребление *-ть*, а не *-тъ* и не нулевого окончания, в 3-м лице презенса (*жкредеть*).

Библиография

Гиппиус, Михеев 2013

Гиппиус А. А., Михеев С. М., “О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора”, в: А. М. Молдован, отв. ред., *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 152–179.

Зализняк 2000

Зализняк А. А., “Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование”, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.). *Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*, Москва, 2000, 134–429.

Залилов 2014

Залилов И. З., *Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв.*, Полоцк, 2014.

Калечиц 2013

Калечиц И. Л., “Антропонимия алтарных граффити Спасо-Преображенской церкви города Полоцка”, *Вопросы эпиграфики*, 7: *Материалы I Международной конференции “Вопросы эпиграфики”*, 2, Москва, 2013, 135–145.

Калечиц 2011

Калечиц И. Л., *Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст.*, Минск, 2011.

КАРСКИЙ 1908

КАРСКИЙ Е. Э., *Бѣлоруссы*, 2: *Языкъ бѣлорусскаго племени*, 1: *Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія*, Варшава, 1908.

Кирпичников 1966

Кирпичников А. Н., *Древнерусское оружие*, 1: *Мечи и сабли IX–XIII вв.* (= Археология СССР: Свод археологических источников, Е1–36), Москва, Ленинград, 1966.

Коваль, Медынцева 2013

Коваль В. Ю., Медынцева А. А., “Новая эпиграфическая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль”, *Вопросы эпиграфики*, 7: *Материалы I Международной конференции “Вопросы эпиграфики”*, 2, 2013, 164–174.

Колчин 1953

Колчин Б. А., *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период)* (= Материалы и исследования по археологии СССР, 32), Москва, 1953.

Медынцева 1978

Медынцева А. А., *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века*, Москва, 1978.

памятников живого языка украинских полешуков” [Німчук 2013: 141]. Между тем называть этот древний диалект украинским или белорусским не вполне корректно.

²² Следует отметить, что зона рефлексов **ožь* обходит стороной западнополесский регион [ОЛА 2011: карта 1]. Ср. также [ОЛА 2011: карты 2–6]. Благодарю М. Н. Толстую и С. Л. Николаева за консультацию по этому вопросу.

МИХЕЕВ 2012

МИХЕЕВ С. М., “22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода”, *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, 2012, 63–99.

НІМЧУК 2013

НІМЧУК В. В., “Давньоукраїнський напис із Дорогичина”, в: *Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*, Київ, 2013, 138–142.

ОЛА 2011

*Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), Серия фонетико-грамматическая, 6: Рефлексы *e*, Москва, 2011.

САРАБЬЯНОВ 2012

САРАБЬЯНОВ В. Д., “Живопись середины 1120-х – начала 1160-х годов”, в: *История русского искусства, 2/1: Искусство 20–60-х годов XII века*, Москва, 2012, 158–335.

СДРЯ, 9

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 9: провадити – ражьезизаємъ, Москва, 2012.

ТУПИКОВЪ 1903

ТУПИКОВЪ Н. М., *Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ*, С.-Петербургъ, 1903.

ЯНИН, ЗАЛИЗНЯК 2004

ЯНИН В. Л., ЗАЛИЗНЯК А. А., “Новгородские грамоты на бересте: [№№] 776–915 (из раскопок 1997–2000 гг.)”, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус, *Новгородские грамоты на бересте*, 11: *Из раскопок 1997–2000 гг.*, Москва, 2004, 9–107.

MUSIANOWICZ 1955

MUSIANOWICZ K., “Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w roku 1954 w Drohiczyne, pow. Siemiatycze,” *Wiadomości archeologiczne. Bulletin archéologique Polonais*, 12/3–4, 1955, 332–346.

POPPE 1957

POPPE A., “Zabytek epigrafiki staroruskiej z Drohiczyzna: Napis na rękojeści noża z XII wieku,” *Studia źródłoznawcze: Commentationes*, 1, 1957, 89–108.

References

Gippius A. A., Mikheev S. M., “O podgotovke Svoda nadpisei-graffiti Novgorodskogo Sofijskogo sobora,” in: A. M. Moldovan, ed., *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriiia slavistiki: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.: Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 152–179.

Kalechyt's I. L., *Epigrafika Belarusi X–XIV stst.*, Minsk, 2011.

Kalechyt's I. L., “Antroponimiiia altarnykh graffiti Spaso-Preobrazhenskoi tserkvi goroda Polotska,” *Voprosy epigrafiki*, 7/2, Moscow, 2013, 135–145.

Kirpichnikov A. N., *Drevnerusskoe oruzhie, 1: Mechi i sabli IX–XIII vv.*, Moscow, Leningrad, 1966.

Kolchin B. A., *Chernaia metallurgiiia i metalloobrabotka v Drevnei Rusi (domongol'skii period)*, Moscow, 1953.

Koval' V. Yu., Medyntseva A. A., “Novaia epigraficheskaia nakhodka domongol'skoi epokhi s gorodishcha Rostislavl,” *Voprosy epigrafiki*, 7/2, Moscow, 2013, 164–174.

Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofijskogo sobora: XI–XIV veka*, Moscow, 1978.

Mikheev S. M., “22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda,” *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 62, 2012, 63–99.

Musianowicz K., “Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w roku 1954 w Drohiczyne, pow. Siemiatycze,” *Wiadomości archeologiczne. Bulletin archéologique Polonais*, 12/3–4, 1955, 332–346.

Nimchuk V. V., “Davn'oukrains'kyi napsy iz Dorohychyna,” in: *Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*, Kiev, 2013, 138–142.

Poppe A., “Zabytek epigrafiki staroruskiej z Drohiczyzna: Napis na rękojeści noża z XII wieku,” *Studia źródłoznawcze: Commentationes*, 1, 1957, 89–108.

Sarabyanov V. D., “Zhivopis' serediny 1120-kh – nachala 1160-kh godov,” in: *Istoriiia russkogo*

iskusstva, 2/1: *Iskusstvo 20–60-kh godov XII veka*, Moscow, 2012, 158–335.

Yanin V. L., Zalizniak A. A., “Novgorodskie gramoty na bereste: 776–915 (iz raskopok 1997–2000 gg.),” in: V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 11, Moscow, 2004, 9–107.

Zalilov I. Z., *Graffiti Spaso-Preobrazhenskoj tserkvi v Polotske XII–XVII vv.*, Polotsk, 2014.

Zalizniak A. A., “Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie,” in: V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10, Moscow, 2000, 134–429.

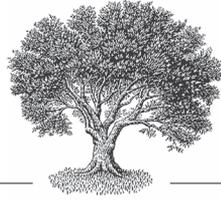
Савва Михайлович Михеев, канд. ист. наук

Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник Отдела
типологии и сравнительного языкознания

119991, Москва, Ленинский проспект, 32А

Россия/Russia

mikheev@gmail.com

Дудика, Негварь:
два германских
антропонима
в новгородских
памятниках

Dudika, Negvar:
Two German
Anthroponyms
in Texts from
Novgorod

**Александр Васильевич
Назаренко**

Институт всеобщей истории РАН /
Институт российской истории РАН
(Москва)

Alexander V. Nazarenko

Institute of World History of the
Russian Academy of Sciences / Institute
of Russian History of the Russian
Academy of Sciences (Moscow)

Резюме

Дудика, холоп и, видимо, тиун новгородского епископа, упоминаемый под 1055 и 1058 гг. в “Новгородской первой летописи”, носил нижненемецкое имя (н.-нем. *Dōdico*) и, вероятно, был саксом. *Негварь*, имя посла галицко-волинского князя Романа Мстиславича в Константинополь в 1200 г., упоминаемого в “Книге Паломник” Антония, архиепископа новгородского, происходит от др.-сканд. *Ingvarr*.

Ключевые слова

антропонимика, заимствования в древнерусский язык, средненижненемецкий язык, древнескандинавский язык, Новгород

Abstract

According to the Novgorod First Chronicle (in entries from 1055 and 1058), a servant (*холопъ*) and probably steward (*тиунъ*) of the Novgorodian bishop Luka had the name *Dudika*. The name seems to be of Lower German origin (< Old Saxon *Dōdico*), and so Dudika himself must have been a Saxon. That is why, after he was convicted of calumniating his bishop, he fled to Germany (*в Нѣмци*). A person named *Negvar* is mentioned in the year 1200 in the pilgrimage book of Antonius, archbishop of Novgorod, as a member of an embassy to Constantinople, which

was directed by Roman Mstislavich, duke of Galich. This name can be interpreted as an Old Russian version of the Old Nordic *Ingvarr*. As a result of metathesis in the muta cum liquida group, after the pattern of the Slavic *orb- > old Russian rob-, a virtual form like the Old Russian *Nigvarь might have appeared. The further transformation *Nigvarь > Negvar was induced by frequent personal name models either with the initial group Ne- (such as Nedanь, Nevidь) or with the first stem Nĕg- (such as Nĕgoradь). So the Old Scandinavian *Ingvarr* was reflected as a loan-name in the Old Russian dialects three times: *Igorь* (before losing the nasal vowels), *Ingvarь*, and *Negvarь* (before and after losing the reduced vowels in unaccented positions).

Keywords

anthroponymics, loan-words in Old Russian, Middle Lower German, Old Nordic, Novgorod

В “Новгородской первой летописи” младшего извода, а также в летописях, отразивших так называемую новгородско-софийскую традицию, под 6563 (1055/6) г. сообщается о злключении новгородского епископа Луки Жидяты: “В семъ же лѣтѣ клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудики, и изиде изъ Новагорода и иде Кыеву, и осуди митрополит Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта”. О благополучном для епископа исходе узнаем из статьи 6566 (1058/9) г.: “Сем же лѣтѣ архиепископъ Лука прия свои столъ в Новѣгородѣ и свою область. Дудицѣ же холопу оскомины: урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ, и бѣжа в Нѣмци” [НПЛ: 182–183; НК: 65; НІВ: 118; СІ: 183; Тв. лет.: 152–153]. В “Никоновской летописи” к этому краткому тексту имеются небольшие добавления, происхождение которых неясно; Дудика обвиняет епископа “въ неподобныхъ рѣчехъ”, митрополит Ефрем осуждает Луку “по Дудикинымъ рѣчемъ и злых его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ”, в итоге наказаны не только Дудика, но “и лукавымъ совѣтникомъ, Козмѣ и Даміану, достойное воздаша по злодѣянію ихъ” [Ник. лет.: 91].

Насколько нам известно, это происшествие обсуждалось в науке только как эпизод из церковной [МАКАРИЙ 1995: 136, 265; ГОЛУБИНСКИЙ 1901: 293; СВЕРДЛОВ 2003: 381–382 и др.] и даже социальной [РОМАНОВ 2014: 39¹; ЛИХАЧЕВ 1996: 490–491; ЗИМИН 1973: 145–146²] истории

¹ Б. А. Романов усматривал в Дудике наиболее раннее упоминание “холопа чернеца (чернеческого)” [РП: 67, ст. 46 “Пространной Правды”].

² И Д. С. Лихачев, и А. А. Зимин видят в конфликте Луки и Дудики отражение каких-то социальных протестов: “движений холопов” в Новгороде (А. А. Зимин) или же “движения ремесленников против епископа” (Д. С. Лихачев). Вторая из названных точек зрения представляется совсем бесосновательной: добавление “Никоновской летописи” о “другах” Дудики Козме и Демьяне предлагается понимать как искажение первоначального древнего сообщения о прихожанах

средневекового Новгорода или как юридический казус — первое известие о применении на Руси византийских членовредительских казней [Карпов 2001: 286–287, 430]. Сама же персона холопа Дудики совсем не привлекала внимания.

Между тем в истории Дудики много странного.

Начнем с того, что по древнерусскому праву свидетельство холопа не имело силы — разве что “по нужи”, да и то исключение делалось лишь для “боярьска тивуна” [РП: 69, ст. 66 “Пространной Правды”] (на это обстоятельство в связи с показаниями Дудики против своего епископа указал А. Ю. Карпов). Правда, названная статья относится к комплексу норм, кодифицированных, как считается, только при Владимире Мономахе в первой четверти XII в. Правда и то, что киевский митрополит-грек в своем суде не обязан был руководствоваться “Русской Правдой”, не говоря уже о том, что речь могла идти не о юридическом свидетельстве, а о банальном доносе.

Но самое удивительное — это поведение подвергнутого наказанию холопа. Чтобы бежать “в нѣмци”, нужны были по меньшей мере деньги, причем деньги, наверное, немалые. И потом, почему именно “в нѣмци”? Было бы понятным, если бы искалеченный и ставший бесполезным холоп отправился к родне. Но далеко за море? Ближайшей аналогией судьбе Дудики служит опала Петра Влостовича польским князем Владиславом I (1138–1146), как о ней сообщается в статье 6653 (1145/6) г. “Ипатьевской летописи”: “Тои же зимѣ Владиславъ Лядьскіи кн(я)зь емъ мужа своего Петрка ислѣпи, а языка ему урѣза и домъ его разѣграби, токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своя, и иде в Русь” [Ип. лет.: 319]. Но Петр был сандомирским палатином (по-древнерусски — тысяцким), и на Русь отправился потому, что его жена была русской [Ortl. ZWif.: 124; Назаренко 2010: 197–199 и примеч. 3, 7, 8].

Нет, похоже, не простым холопом был Дудика, а состоятельным и с заморскими связями. Вполне вероятно, именно владычным тиуном, как то и требовалось, согласно 66-й статье “Пространной Правды”. И “в нѣмци” бежал тоже неслучайно, а потому что был “немцем”, а точнее — скорее всего, саксом.

Дело в том, что имя *Дудика* — нижненемецкое, т. е. саксонское или фризское.

Этот яркий и многозначительный факт ускользнул от внимания исследователей. Причина тому очевидна: имя *Дудика* (как оно с бесспорностью восстанавливается из форм косвенных падежей *Дудикы*, *Дудиць*)

церкви свв. Космы и Дамиана, которые якобы были ремесленниками, потому что эти святые — “покровители ремесленников” (?!). Следуя той же логике, но в более адекватном исполнении, можно было бы догадываться и о конфликте епископа с новгородскими врачами.

на первый взгляд выглядит славянским, производным от слав. **duda*, др.-русск. *дуда*. Так, в словаре Н. М. Тупикова [2005: 194] имя *Дудика* (представленное единственным приведенным выше примером из новгородского летописания) без каких бы то ни было объяснений подверстано в статью “Дуда” вместе с формой *Дудка* — статью довольно пространную, половину которой составляют примеры из новгородских писцовых книг XV–XVI вв.; однажды этот антропоним встречается и в новгородских грамотах: “оу Дудѣ” [Арциховский, Янин 1978: № 492; вторая половина XIV в.].

Однако с морфологической точки зрения апеллатив др.-русск. ***дудика*, ни даже слав. ***dudika* невозможен в качестве производного именно от слав. **duda*, ибо, как известно, суффиксальный *-k-* в этой позиции подвергался палатализации [Селищев 1952: 61; Хабургаев 1974: 200–201 и др.], так что теоретически допустимо только *deminutivum* слав. **dudica*, др.-русск. **дудица*, хотя даже таковое фактически не засвидетельствовано. Вероятно, по этой причине нередко в историографии инстинктивно предпочитается форма ***Дудикъ*; кроме указанных выше работ митр. Макария и М. Б. Свердлова, см., например: [ПВЛ: 554 (именной указатель); Корела 1995: 141–142, № 151], что, конечно, морфологически мыслимо в качестве производного не от слав. **duda*, а от крайне редкого др.-русск. *дудъ* “название растения” [СлРЯ XI–XVII, 4: 372]³, но радикально противоречит единодушно зафиксированной всеми рукописями форме дательного падежа *Дудиць*.

Все становится на свои места, если принять во внимание, что в др.-русск. *Дудика* можно усмотреть точную славянскую транслитерацию нижненемецкого антропонима **Dōdiko*, производного от распространенного личного имени *Dodo / Dudo* < герм. **dōd*-⁴ и отчетливо, хотя и нечасто, представленного в письменных памятниках. Приведем в хронологической последовательности несколько примеров из актовых источников X–XI вв., максимально приближенных ко времени жизни новгородского Дудики: *Dodica* [DD O I: 256.28, № 174], *Dodicho* [DD O

³ Отметим, к слову, источниковедческий курьез: несомненно существовавшее др.-русск. *дуда*, так же как и его производные вроде *дудка*, *дудочка* зафиксированы в текстах не ранее XVI в. и в словарях древнерусского языка отсутствуют [Срезневский 1: 742; СДРЯ, 3: 98].

⁴ С неясной этимологией, на что указывал уже один из основоположников немецкой антропонимики Э. Фёрстеманн [FÖRSTEMANN 1856: 338–339]. Эта основа встречается и в составе композитов: *Dotbertus*, *Dodaldus*, *Doduinus* [VERBR. REICH.: 69, d 90–92], что мешает усматривать в ней только гипокористику полных двусоставных имен типа *Liudolf* или т. п., как то можно было бы предположить, принимая во внимание, например, засвидетельствованную Титмаром Мерзебургским (умер в 1018 г.) двуименность Людольфа, старшего сына германского императора Оттона I (умер в 973 г.): в начале он назван *Liudulfus* [ТНЕТМ.: 42; сар. П.3], а затем трижды — *Dudo* [ивд.: 44, 46; сар. П.5, 7].

III: 465.11, Nr. 59], *Dodico* [DD O III: 786.19, Nr. 357], *Dudico* [DD H II: 56.16, Nr. 47], *Duodecho* [DD H II: 261.6, Nr. 224], *Dodico* [DD H II: 296.11, Nr. 255], *Dodica* [UB WESTF. 1: 65, Nr. 86], *Dudica* (дама) [VITA MEINW.: 60, cap. 111; UB WESTF. 1: 458, Nr. 845 (перест)], *Dodica* [DD H II: 476.3, Nr. 371], *Dodecho* [DD H II: 522.28, Nr. 407], *Dõticho* [DD H II: 532.31-32, Nr. 418]; *Dûticho* [DD H II: 551.28–29, Nr. 430], *Dodica* [UB WESTF. 1: 66, Nr. 87/VI; VITA MEINW. 1: 45, cap. 59], *Dodica* [UB WESTF. 1: 69, Nr. 87/XXIII], *Dodico* [UB WESTF. 1: 76, Nr. 95], *Dodica* [UB WESTF. 1: 77, Nr. 96; VITA MEINW.: 43, cap. 50], *Dõdico* [DD H II: 561.38, Nr. 439], *Dodico* [VITA MEINW.: 95, cap. 171], *Dodico* [VITA MEINW.: 96, cap. 173], *Dodica* [DD K II: 17.31, Nr. 15], *Duodico* [DD K II: 263.22, Nr. 198], *Dodico* [UB WESTF. 1: 100, Nr. 127], *Dodicho* [UB WESTF. 1: 71, Nr. 87/XXX].

Аллографы с *u*, *uo*, *õ*, *ũ* указывают на тенденцию к дифтонгическому произношению *iu*, тем самым, на долготу гласного основы, который поэтому вполне мог при заимствовании быть передан через др.-русск. *y*. Окончание *-a* в именительном падеже древнерусской транслитерации вполне понятно как морфологическая адаптация ниж.-нем. *-o*, которое не имело никакого иного соответствия в древнерусской парадигме склонения существительных, кроме *-a* в основах на **-ā*. Такая адаптация была тем более естественна, что *masculina* на **-ā* служили обозначениями лиц мужского пола (*воевода*, *слуга*, *староста* и т. п.). Впрочем, как видно из приведенных примеров, аллографы на *-a* (типа *Dodica*) встречаются весьма часто и в древнесаксонском.

Таким образом, приведенный антропонимический материал с предельной отчетливостью удостоверяет нижненемецкое происхождение имени *Дудика*. Вопрос о том, каким образом носитель такого имени мог оказаться в холопах (тиунах?) у новгородского епископа середины XI в. (задолжавший купец?), представляет собой интересную исследовательскую тему.

* * *

Личное имя др.-русск. *Негваръ* является, насколько нам известно, *hara*х *legomenon*, но засвидетельствовано прочно всеми главнейшими списками “Книги Паломник” новгородца Добрыни Ядрейковича, ставшего впоследствии новгородским архиепископом Антонием. Добрыня посетил Царьград в 1200 г. и при описании одного из чудес, случившихся в тот год в соборе св. Софии (вознесение под купол трех “кандил”), сослался в том числе и на свидетельство послов галицко-волынского князя Романа Мстиславича, которые пребывали тогда в византийской столице: “Се же чудо свято и честно явилъ Богъ въ лѣто 6708-е . . . мѣсяца мая . . . въ 21 . . . при посольствѣ Твердытине Остромирица, иже пришелъ посольствомъ отъ великаго князя Романа со Неданомъ и съ Дмажиромъ

(так! — А. Н.) и со Дмитриомъ и съ Негваромъ посломъ” [ЛОПАРЕВ 1899: 15, 48, 78].

Никаких лингвистических комментариев к др.-русск. *Негварь* нам встречать не приходилось. Перед нами имя, безусловно, обрусевшее, но при всем том явно не славянского происхождения. Его древнерусская форма, похоже, испытала воздействие распространенных имен на *Не-*, вроде упоминающегося у того же Добрыни-Антония (как и в иных источниках) *Неданъ* или *Невидъ*, *Некрасъ*, *Несулъ* [Зализняк 2004: 764–765] и др.; менее вероятно влияние композитов на *Ньг-*, типа *Ньговитъ*, *Ньгорадъ* [там же: 767], так как *нь* в подударной позиции перед твердым, кажется, еще сохранял свое качество в новгородском диалекте на рубеже XII–XIII вв. [Др.-русск. грамм. 1995: 38–50 (автор раздела — В. В. Иванов)]. Тем ярче выступает заимствованный характер имени — ввиду отсутствия в славянском антропономастиконе основ *-гварь* и *-варь*. В этом отношении показательны колебания поздних копиистов, под пером которых *Негварь* иногда превращался в *Несварь* [ЛОПАРЕВ 1899: 15, примеч. 27] — видимо, мерещилось слав. / др.-русск. *сварь* “ссора, распря” [Ст.-слав. сл. 1994: 593; Срезневский 3: 265–266].

Где же искать иноязычный оригинал др.-русск. *Негварь*?

Совсем недавно мы уже имели случай обратить внимание на отнюдь не случайную, с нашей точки зрения, пестроту аллографов при передаче в древнерусском языке повторно заимствованного в XII в. др.-сканд. *Ingvarr* [Назаренко 2014: 228–229]. Не так важно, что в Новгородской первой летописи старшего извода рязанский князь Ингвар Игоревич, имя которого во владими́ро-суздальском летописании передается как *Инъгварь* [Лавр. лет.: 430, 440, 444]⁵, дважды назван *Инъгворъ* [НПЛ: 58, 74]. Важнее другое: в контексте рассказа о разорении Рязани Батыем наблюдается коллизия этого *Инъгворъ* еще с одним вариантом — *Инъгоръ*, который встречается дважды, что как будто исключает простую опisku, а производит впечатление, напротив, нарочитого противопоставления: “Князи же Рязаньстии Гюрги, Инъгворовъ братъ, Олегъ, Романъ Инъгоровичъ”, и несколькими строками ниже снова: “князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ градъ с людми, князь же Романъ Инъгоровичъ ста битися” [НПЛ: 74–75; НПЛ факс.: 121–122]. В такой ситуации никак нельзя не принять во внимание и позднейшей рязанской традиции (“Повести о разорении Рязани Батыем” и так называемого “Сказания о перенесении образа Николы Чудотворца из Корсуня в Рязань”), которая, путаясь в персоналиях рязанских князей и прилагая патроним

⁵ Равно как и другой носитель этого редкого имени — луцкий князь Ингвар Ярославич [Лавр. лет.: 418], имя которого выдержано в такой форме и в южнорусском летописании [Ип. лет.: 616, 633, 720, 725].

“Ингварович” некстати, тем не менее неизменно выдерживает многократные упоминания последнего в форме *Ингоревичь* [Лихачев 1949].

В отношении этого букета аллографов комментаторы обычно ограничиваются констатацией вроде бы очевидного: графической аккомодации более редкого имени *Инъгваръ* и его вариантов к более распространенному и привычному *Игорь* или даже смешения обоих имен у поздних переписчиков, см., например: [Литвина, Успенский 2006: 66–67]. Между тем нам кажется резонным несколько иной вывод: что первоначальная форма имени — *Инъгваръ* в реальном речевом обиходе по крайней мере уже поколения сыновей Ингвара Игоревича, похоже, замещается упрощенным вариантом *Ингоръ*. Новгородский летописец времен владыки Спиридона (1229–1249)⁶, сохранив при написании имени самого Ингвара Игоревича корректную “литературную” его форму (*Инъгваровъ*), патроним *Инъгваровичь* передал уже в форме, ориентированной на фактическое звучание имен носителей этого патронима в речи своих современников.

Без аккомодации здесь, конечно, не обошлось, но она усугубилась тем фактом, что окончательно возобладавшая во второй половине XII в. тенденция к падению редуцированных в слабой позиции [Др.-русск. грамм. 1995: 20–29; Зализняк 2004: 58–65] породила на месте прежнего *-нъгв-* не слишком удобопроизносимую группу из трех согласных, которая по этой причине упрощалась за счет упразднения *-в-*.

Сильной стороной такого объяснения является возможность свести к типологически сходному упрощению и происхождение др.-русск. *Игорь*, также восходящего к др.-сканд. *Ingvarr*, но заимствованного в более раннюю эпоху, при иных фонологических условиях [Назаренко 2014: 223–229]. Видим теперь, что эта идея способна, кажется, приоткрыть завесу и над довольно таинственным др.-русск. *Негваръ*.

Фонетические затруднения, которые приходилось преодолевать при заимствовании др.-сканд. *Ingvarr* в древнерусский и которые привели к появлению вставного *ъ* в группе *-нъгв-*, с началом падения безударных редуцированных, с одной стороны, стали причиной упрощения *-нъгв-* > *-нг-* в уже существующем др.-русск. *Инъгваръ*, а с другой — при новом столкновении со скандинавской формой (в силу невозможности прибегнуть к старому механизму вставных редуцированных) могли вызвать метатезу носового по типу метатезы плавных в сочетаниях вроде слав. **orb-* > др.-русск. *роб-*. Из возникшего таким образом **Нигваръ* путем естественного уподобления продуктивной модели личных имен на *Не-*

⁶ Мы исходим из представления о том, что владычный характер новгородского летописания обычно приводил к смене летописца при переменах на кафедре [Гиппиус 2006: 24–142].

и получилось искомое *Негваръ*, так же как *Ингоръ* стало уподоблением **Ингаръ* (< *Инъгваръ*) хорошо знакомому *Игоръ*.

Если так, то др.-русск. *Игоръ*, *Инъгваръ*, *Негваръ* следует признать заимствованиями одного и того же др.-сканд. *Ingvarr*, совершившимися в разные периоды развития древнерусского языка: до упрощения носовых, до падения безударных редуцированных и после падения последних. Возможно, в появлении формы *Негваръ* сыграла свою роль и некоторая табуизация варианта *Инъгваръ* как специфически княжеского.

Библиография

Арциховский, Янин 1978

Арциховский А. В., Янин В. Л., *Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962–1976 гг.)*, Москва, 1978.

Гиппиус 2006

Гиппиус А. А., *История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция* (дисс. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук, Москва, 2006).

Голубинский 1901

Голубинский Е. Е., *История русской церкви*, 1/1, изд. 2-е, Москва, 1901.

Др.-русск. грамм. 1995

Древнерусская грамматика XII–XIII вв., Москва, 1995.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб., Москва, 2004.

Зимин 1973

Зимин А. А., *Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.)*, Москва, 1973.

Ип. лет.

Ипатьевская летопись, А. А. Шахматов, подгот. текста (= ПСРЛ, 2, изд. 2-е), С.-Петербург, 1908.

КАРПОВ 2001

КАРПОВ А. Ю., *Ярослав Мудрый (= Жизнь замечательных людей, 1008 (808))*, Москва, 2001.

Лавр. лет.

Лаврентьевская летопись, Е. Ф. Карский, подгот. текста (= ПСРЛ, 1, изд. 2-е), Ленинград, 1928.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Лихачев 1949

Лихачев Д. С., “Повести о Николе Заразском (тексты)”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы*, 7, Ленинград, 1949, 257–406.

— 1996

Лихачев Д. С. “Комментарии”, в: *ПВЛ*, 379–548.

ЛОПАРЕВ 1899

ЛОПАРЕВ Хр. М., ред., *Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 году* (= Православный Палестинский сборник, 17/3), С.-Петербург, 1899.

МАКАРИЙ 1995

МАКАРИЙ (Булгаков), митр. Московский и Коломенский, *История русской церкви*, 2, Москва, 1995.

НАЗАРЕНКО 2010

НАЗАРЕНКО А. В., сост., пер. и коммент., *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия*, 4: *Западноевропейские источники*, Москва, 2010.

——— 2014

НАЗАРЕНКО А. В., “Ἰγγωρ, βάραγγοι и др. (о вероятных следах ассимилятивных процессов в языке восточноевропейских скандинавов в X веке)”, в: *ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти А. А. Молчанова (1947–2010)*, Москва, 2014, 223–236.

Ник. лет.

Летописный сборник, именуемый Пятиаршею или Никоновскою летописью (= ПСРЛ, 9), С.-Петербург, 1862.

НК

Новгородская Карамзинская летопись, Я. С. Лурье, ред., А. Г. Бобров, З. В. Дмитриева, подгот. текста (= ПСРЛ, 41), С.-Петербург, 2002.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, А. Н. Насонов, ред., Москва, Ленинград, 1950.

НПЛ ФАКС.

Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку (факсимиле), С.-Петербург, 1875.

НIV

Новгородская четвертая летопись (= ПСРЛ, 4/1, изд. 2-е), Петроград, 1915.

ПВЛ

Повесть временных лет, Д. С. Лихачев, подгот. текста, пер., статьи и коммент., В. П. Адрианова-Перетц, ред., изд. 2-е, С.-Петербург, 1996.

ПСРЛ

Полное собрание русских летописей.

РОМАНОВ 2014

РОМАНОВ Б. А., *Люди и нравы Древней Руси*, Москва, 2014.

РП

“Русская Правда”, Щапов Я. Н., Новицкая Т. Е., введ., подгот. текста, коммент., в: *Российское законодательство X–XX веков*, 1, Москва, 1984, 27–132.

СИ

Софийская первая летопись старшего извода, С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина, подгот. текста (= ПСРЛ, 6/1), Москва, 2000.

СВЕРДЛОВ 2003

СВЕРДЛОВ М. Б., *Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.*, С.-Петербург, 2003.

СДРЯ, 3

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 3, Москва, 1990.

СЕЛИЩЕВ 1952

СЕЛИЩЕВ А. М., *Старославянский язык*, 2: *Тексты, словарь, очерки морфологии*, Москва, 1952.

СЛРЯ XI–XVII, 4

Словарь русского языка XI–XVII вв., 4, Москва, 1977.

СРЕЗНЕВСКИЙ, 1–3

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1903.

СТ.-СЛАВ. СЛ. 1994

ЦЕЙТЛИН Р. М., ВЕЧЕРКА Р., БЛАГОВА Э., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994.

ТВ. ЛЕТ.

Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью (= ПСРЛ, 15), С.-Петербург, 1863.

ТУПИКОВ 2005

ТУПИКОВ Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Москва, 2005.

ХАБУРГАЕВ 1974

ХАБУРГАЕВ Г. А., *Старославянский язык*, Москва, 1974.

DD H II

Die Urkunden Heinrichs II. und Arduins, H. BRESSLAU, H. BLOCH, R. HOLTZMANN u. a., Hrsg., (= UDKK, 3), Hannover, 1903.

DD K II

Die Urkunden Konrads II., H. BRESSLAU, H. WIBEL, A. HESSEL, Hrsg. (= UDKK, 4), Hannover, Leipzig, 1909.

DD O I

Die Urkunden Konrad I., Heinrich I. und Otto I., Th. SICKEL, Hrsg. (= UDKK, 1), Hannover, 1884.

DD O III

Die Urkunden Otto des III., Th. SICKEL, Hrsg. (= UDKK, 2/2), Hannover, 1893.

FÖRSTEMANN 1856

FÖRSTEMANN E., *Altdeutsches Namenbuch*, 1: *Personennamen*, Nordhausen, 1856.

KORPELA 1995

KORPELA J., *Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach* (= *Studia historica Jyväskyläensia*, 54), Jyväskylä, 1995.

MGH

Monumenta Germaniae Historica.

MGH SRG

MGH: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi.

ORTL. ZWIF.

Die Zwiefalter Chroniken Ortliebs und Bertholds, L. WALLACH, E. KÖNIG, K. O. MÜLLER, Hrsg. (= *Schwäbische Chroniken*, 2), Sigmaringen, 1978.

UB WESTF., 1

Regesta historiae Westfaliae. Accedit codex diplomaticus – Die Quellen der Geschichte Westfalens begleitet von einem Urkundenbuche, 1, H. A. ERHARD, Hrsg., Münster, 1847.

UDKK

MGH: Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser – Diplomata regum et imperatorum Germaniae.

THIETM.

Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung, R. HOLTZMANN, Hrsg. (= MGH SRG, Nova series, 9), Berlin, 1935.

VERBR. REICH.

Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau, J. AUTENRIETH, D. GEUENICH, K. SCHMID, Hrsg. (= MGH, *Libri memoriales et necrologia*, Nova series, 1), Hannover, 1979.

VITA MEINW.

Das Leben des Bischofs Meinwerk von Paderborn – Vita Meinwerci episcopi Patherbrunnensis,
F. TENCKHOFF, Hrsg. (= MGH SRG, 59), Hannover, 1921.

References

- Artsikhovskii A. V., Yanin V. L., *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1962–1976 gg.)*, Moscow, 1978.
- Autenrieth J., Geuenich D., Schmid K., Hrsg., *Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau*, Hannover, 1979.
- Bobrov A. G., Gur'e Ya. S., Dmitrieva Z. D., eds., *Novgorodskaiia Karamzinskaia letopis'*, St. Petersburg, 2002.
- Cejtlin R. M., Večerka R., Bláhová E., *Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov)*, Moscow, 1994.
- Holtzmann R., Hrsg., *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung*, Berlin, 1935.
- Karpov A. Yu., *Iaroslav Mudryi* (= Zhizn' zamechatel'nykh liudei, 1008(808)), Moscow, 2001.
- Khaburgaev G. A., *Staroslavianskii iazyk*, Moscow, 1974.
- Kisterev S. N., Timoshina L. A., eds., *Sofitskaia perviaia letopis' starshogo izvoda*, Moscow, 2000.
- Korpela J., *Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomah* (= Studia historica Jyväskyläensia, 54), Jyväskylä, 1995.
- Likhachev D. S., "Povesti o Nikole Zarazskom (teksty)," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*, 7, Leningrad, 1949, 257–406.
- Likhachev D. S., "Kommentarii," in: D. S. Likhachev, ed., *Povest' vremennykh let*, 2nd edition, St. Petersburg, 1996, 379–548.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.
- Makariev (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna, *Istoriia russkoi tserkvi*, 2, Moscow, 1995.
- Nasonov A. N., ed., *Novgorodskaiia perviaia letopis' starshogo i mladshogo izvodov*, Moscow, Leninograd, 1950.
- Nazarenko A. V., ed., *Drevniaia Rus' v svete zaru-bezhnykh istochnikov. Khrestomatiia*, 4: *Zapadnoevropeiskie istochniki*, Moscow, 2010.
- Nazarenko A. V., "Iggör, varaggio i dr. (o veroiatnykh sledakh assimiliativnykh protsessov v iazyke vostochnoevropeiskikh skandinavov v X veke)," in: *POLYTROPOS. Sbornik nauchnykh statei pamiati A. A. Molchanova (1947–2010)*, Moscow, 2014, 223–236.
- Romanov B. A., *Liudi i navy Drevnei Rusi*, Moscow, 2014.
- Selishchev A. M., *Staroslavianskii iazyk*, 2: *Teksty, slovar', ocherki morfologii*, Moscow, 1952.
- Shchapov Ya. N., Novitskaya T. E., eds., "Russkaia Pravda," in: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov*, 1, Moscow, 1984, 27–132.
- Sverdlov M. B., *Domongol'skaia Rus'. Kniaz' i kniazheskaia vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv.*, St. Petersburg, 2003.
- Tenckhoff F., Hrsg., *Das Leben des Bischofs Meinwerk von Paderborn – Vita Meinwerci episcopi Patherbrunnensis*, Hannover, 1921.
- Tupikov N. M., *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*, Moscow, 2005.
- Wallach L., König E., Müller K. O., Hrsg., *Die Zwiefalter Chroniken Ortliebs und Bertholds*, (= Schwäbische Chroniken, 2), Sigmaringen, 1978.
- Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd edition, Moscow, 2004.
- Zimin A. A., *Kholopy na Rusi (s drevneishikh vremen do kontsa XV v.)*, Moscow, 1973.

Александр Васильевич Назаренко, доктор ист. наук

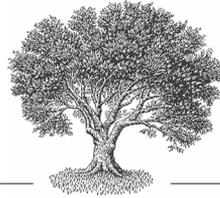
Институт всеобщей истории РАН,

главный научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы

119991 Москва, Ленинский проспект, 32А

Россия/Russia

avnazarenko-hist@yandex.ru

Послание Корнилия, инока Снетогорского монастыря. К вопросу о времени создания

The Epistle of Cornelius, a Monk of the Snetogorsky Monastery

**Валентина Ильинична
Охотникова**

Псковский государственный университет

**Valentina I.
Okhotnikova**

Pskov State University

Резюме

В статье рассматривается проблема датировки и авторства Послания Снетогорского игумена Корнилия своему духовному сыну, священнику Ивану, который принял решение жениться вторично “чадородия ради”. Н. И. Серебрянский датировал Послание Корнилия 90-ми гг. XVI в., эта датировка принималась и последующими исследователями. Установление источников, к которым обратился Корнилий, увещевая своего духовного сына, позволяет уточнить датировку Послания. Большая часть Послания Корнилия составлена из трех произведений, которые датируются началом XVI в. – 1540-ми гг.: Житие Евфросина Псковского (Повесть об аллилуйе), не позднее 1510 г.; Послание Максима Грека Ф. Карпову о Левиафане, 1518–1525 гг.; Послания иерусалимского патриарха Марка (из “Выписи о втором браке царя Василия III”), 40-е гг. XVI в. Такая концентрация произведений определенного периода позволяет предположить, что и само Послание Корнилия было написано приблизительно в это же время. Вероятнее всего, Корнилий, автор Послания, идентичен Корнилию, о котором упоминается как о бывшем игумене Снетогорского монастыря в записи 1562 г. на Евангелии РГБ, ОИДР, № 29, когда он уже не был ни иноком, ни игуменом Снетогорского монастыря.

Ключевые слова

текстология, литературные источники, послания, Снетогорский монастырь, Псков, XVI век

Abstract

This article deals with the problem of the dating and authorship of the Epistle of Cornelius, a monk of the Snetogorsky monastery, to his spiritual son, the priest Ivan, who decided to marry for a second time “for childbearing.” Nikolai I. Serebriansky dated the Epistle to the 1590s (this dating also was shared by subsequent researchers), based on the assertion that during the life of Ivan the Terrible, Cornelius would hardly have dared to write that tsars who violate the laws of the Church regarding the termination and conclusion of a second marriage would be punished by the birth of an heir who “will trample everything and will be an initiator of every evil deed.” The identification of the sources describing both the heir’s evil deeds and other parts of the text allows us to refine the dating of the Epistle. Cornelius finds arguments for the condemnation of his spiritual son’s decision to remarry not only in Scripture but also in contemporary hagiographic and publicistic works that date back to a period of time from the beginning of the 16th century to the 1540s: the *Life of Euphrosynus of Pskov* (the *Story about Halleluiah*), no later than 1510; the Epistle of Maximus the Greek to Fedor Karpov about Leviathan, dated between 1518 and 1525; the Epistle of Mark, patriarch of Jerusalem (from the *Excerpt about the Second Marriage of Grand Prince Vasily III*), from the 1540s. Such a concentration of works from a specific period of time suggests that the Epistle of Cornelius itself was written at about the same time. Most likely, the Cornelius who is identified as the author of the Epistle is the Cornelius listed as the former abbot of the Snetogorsky monastery in the 1562 record inscribed in the Gospel manuscript from the collection of the Russian State Library, f. 205, No. 29. Monk Cornelius could have written the Epistle no earlier than in 1525 and no later than in 1562, when he was no longer either a monk or the abbot of the Snetogorsky monastery.

Keywords

text criticism, literary sources, epistles, Snetogorsky monastery, Pskov, 16th century

Послание Корнилия, инока Снетогорского Псковского монастыря, нечасто встречается в рукописях¹. Послание написано по частному поводу: случайно узнав о намерении своего духовного сына Ивана снять священнический сан и жениться второй раз “чадородия ради”, Корнилий пытается образумить его, обращаясь к Священному Писанию, приводя примеры из духовной и полемической литературы.

Первые упоминания о Послании Корнилия содержатся в описаниях рукописей. Так, А. В. Горский и К. И. Невоструев при описании рукописи *Син921*, в которой читается Послание, высказали предположение, что его автор Корнилий “не одно ли лицо с Корнилием, игуменом Псково-Печерского монастыря” [ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1862: 800–801]. Видимо, принимая атрибуцию Горского и Невоструева, А. Викторов, при описании рукописи *Беляев11* с Посланием, называет Корнилия игуменом Псково-Печерским [ВИКТОРОВ 1881: 9].

¹ Послание Корнилия дошло в нескольких списках XVII–XVIII вв.: *Унд624*, *Беляев11*, *Попов63*, *Q.XVII.22*.

Единственное исследование Послания Корнилия принадлежит Н. И. Серебрянскому. В 1904 г. он опубликовал статью “Один из малоизвестных памятников псковской монастырской письменности” [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1904], в которой кроме исследования памятника был издан текст по списку Q.XVII.22. Затем это исследование с небольшими добавлениями было включено в книгу “Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле” [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 490–495], в Приложении был опубликован текст Послания по более исправному списку Унд624 [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 527–532]. И в статье, и в монографии Н. И. Серебрянский охарактеризовал содержание Послания и затронул некоторые вопросы истории текста, в частности вопрос о времени создания Послания и его авторе. Автором Послания Н. И. Серебрянский считал “чорного священника Корнилея”, имя которого упоминается в купчей крепости 1592 г. на половину двора, проданную снетогорскими монахами игумену и братии Сироткина монастыря [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 491–492]², что определило и датировку Послания — 90-е гг. XVI в. Н. И. Серебрянскому был известен и другой Корнилий, о котором упоминает П. Строев в перечне игуменов Снетогорского монастыря: “Корнилий бывший, 12 сентября 1562 г.” [Строев 1877: 390]. Но так как автор Послания называет себя лишь “смирным иноком”, а не игуменом, то, по мнению Серебрянского, “правильнее будет составление Послания приписать этому «чорному священнику Корнилею»” [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 491], а не игумену Корнилию. Кроме того, Серебрянский полагал, что, повествуя о том, как наказываются за прелюбодеяния царей целые царства, Корнилий имел в виду “печальные события царствования Грозного, о которых, как можно судить по заметке псковского летописца под 7078 годом, было много толков на родине Корнилия” [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 493]³.

Выводы Серебрянского об авторе и времени составления Послания были приняты последующими исследователями. Так, С. И. Смирнов в книге 1913 г. “Древнерусский духовник” обращается к посланию Корнилия как примеру духовнического послания. Как и Серебрянский, он полагает, что оно было написано после смерти Ивана IV. По мнению С. И. Смирнова, при жизни царя Корнилий “едва ли бы написал «за прелюбодеяние бо воздаются и царем воздаются чада. . .» — слова, в которых можно было усмотреть намек на незаконный развод Василия III, его наказанную женитьбу и как наказание рождение кровожадного царя” [Смирнов 1913: 150].

² Купчая крепость хранится в Древлехранилище Псковского музея-заповедника, см. описание [Постников 2013: 386, № 485].

³ Серебрянский имел в виду статью 1570 г. Архивского списка Псковской III летописи, в которой повествуется о походе Ивана Васильевича на Новгород и Псков [Насонов 1955: 261–262.]

В свете вновь открывшихся фактов датировка и атрибуция Послания Серебрянским представляется спорной. Обратимся прежде всего к источникам, которые использовал Корнилий.

Предупреждая, какое страшное наказание может последовать за второбрачие, Корнилий приводит в пример историю о священнике-двоеженце и его мучительной кончине, текст этого рассказа совпадает с рассказом из Жития Евфросина Псковского о распое Иове, который, вопреки церковным правилам, был женат трижды. Устанавливая сходство Послания Корнилия с Житием Евфросина Псковского, Серебрянский приводил текст Жития в редакции Василия-Варлаама, составленной в 1547 г. Во второй половине XVI в. именно эта редакция, вошедшая в Великие Четыи Минеи, вытеснила все остальные тексты о Евфросине⁴. Однако сравнение текста Послания с разными редакциями Жития Евфросина показало, что рассказ Корнилия о священнике-двоеженце ближе к Повести об аллилуйе, совершенно неканоническому повествованию о жизни и деятельности святого, сохранившемуся только в одном списке. В Повести об аллилуйе, написанной до 1510 г., нет цельного жизнеописания святого, основная часть сочинения посвящена спорам об аллилуйе Евфросина и сторонников распоя Иова⁵; историю его мучительной смерти и рассказывает в назидание своему духовному сыну Корнилий.

Для наглядности дается сопоставление текстов Повести об аллилуйе и Послания Корнилия, полужирным начертанием обозначены совпадения между двумя памятниками.

Житие Евфросина Псковского Повесть об аллилуйе	Послание Корнилия
<p>1. Бысть убо некто бяше священник, ему же имя Иев, и ж и в я ш е во Пскове граде, Столп же бяше нарицашеся Иеву тому прозвище. Той же бе Иев священник буй образом сматряшеся, и смыслен мняйся имети разум, и мудр зело помышляяся, и внутрь себе кичайся, и глаголаше, яко съвршено от Бога сице даровася ему протлъкование всякого писания Ветхаго и Новаго Завета, таже и извыче много повествовати [<i>sic</i>] и многу протолкуа силу книжную. Т а ж е б я х у вси людие, купно же и священници и причет церковный, прихождаху к нему</p>	<p>Еще еже к сему повѣм ти: бѣяше в полунощных странахъ, во южеском преселении, бысть се убо нѣкто священникъ во градѣ нѣкоем ж и в я ш е. Той же священникъ мняйся смыслень имѣти разумъ и мудръ зѣло помышляшася, и всяко писание проиде Ветхаго же и Новаго Завета, и извыче много повѣствовати. Т а ж е б я х у мнози людие и священници прихождаху к нему</p>

⁴ Подробнее см. [Охотникова 2007: 104–138].

⁵ Подробнее см.: [там же: 10–43].

вопросати ся от него о всяком писани неразрешенем и о церковном устроении, купно же о законных вещех, он же убо протолкуа сицем и сказоваше им, о нем же бяше кто въпрашаше его, а оны убо власть послушаше его. Да того бо ради от всех досточестен и достознаем, и словяше в них дострочен философ, имевше бо остромыслен ум на Божественое Писание. Того бо ради и Столп нарицашесе, яко столп церковный благочестию поддръжаше крепость и тверд учитель, православию наставник.

Та же бяше умре ему жена, и не восхоте пребыти тако о Бозе, яко же лепо есть дароносцем церковным, священная носящим Божия помазания, но абие ничто же разсудив или умыслив благая о себе, яко философ, но яко не ведый добрая и злаа, небеснаа и земная, и смертную суету възлюби, гостибное житие, тление века сего пустошнаго, а будущаго нетления, и живота, и бесмертна, и раю, и муки не помянув, яко философ, но яко уже не философ вся сиа в забвение положив. И здешнее земное наслаждение възлюбив, мимотекущее мечтание света сего леств, не храбромудрства [sic], но яко буй урод ничто же смысла, темже и вниде в тимение и погрязе во тмыле. Якоже апостол, вопиа, глаголетъ, да не якоже, разгордевся помыслом, впаде в сеть неприазнену. Еже и бысть Иеву сему, зовомому Столпу, о немъ же паче предведуще слово скажем паснь [sic] в совръшение повести. Бяше бо ему умре жена, и абие, увы, распосия и поят другую. Та же убо по пръвой и другая жена умре ему, и поят третью по другой. Увы, увы и горе! Паче не сиец философ, подобная бо сему вещь сиа и зело исполнена — священство оставити и любодейство деяти. Он бо Христа продав ис користъ, приат цену сребряну, а сей тимения ради священство обручав подобнаа Христу, извржеся из великого сана прозвितрьска, яве, яко Иуда из лика апостольска. . . [Охотникова 2007: 54–55, л.13 об.–15].

2. Иногда явися на Фегдохсеи, царици Леота, зла рана и неисцелна казнь

вопросати ся от него о всякомъ писани неразрѣшимем, и о церковном устроении, и о законныхъ вещехъ, он же протолкуа имъ, и они в сладость послухашу того, и того ради твердъ служитель и православию наставникъ бяше. Та же умре ему жена, и не восхотѣ пребывати о Бозѣ, якоже лѣпо есть дароносцемъ церковнымъ, священная носящимъ Божия помазания, ничтоже разсудивъ или помысливъ благая о себѣ, яко философъ, но яко не вѣдый добрая и злая, и небесная и земная, и смертную суету. И възлюби гостебное житие тлѣннаго вѣка сего пустошнаго, а будущее нетлѣннаго жития, и безсмертия, рая и муки не помянувъ, яко философъ. Не уже яко философъ вся сиа в забвение положивъ, и здѣшнее земное наслаждение възлюбив, и впаде в сѣть неприязненную, и распосия, и поят другую супругу.

Увы, увы! Горе, горе! Паче не сиецево философъ, но иже еще мало не яко Иуда Христа отвержеся. Подобна вещь сиа и злобы исполнена — священство остави, а любодѣйство възлюби дѣяти. Онъ Бога продавъ, користъ приятъ, цѣну сребряну, а сей тимѣннн ради священство обругав, подобная Христу, и извржеся из великого сана презвитерьска, явѣ, яко Иуда из лика апостольска. Егда же бысть на немъ гнѣвъ Божий неисцѣленъ и смертное осуждение, понеже бо живу ему сущу, и абие люта рана прииде нанъ от Бога, якоже иногда

за многое оскорбление и неправедныа ради до-
сады къ блаженному Иоану З л а т о у с т о м у .
Таже паче и подобная рана оной ране, иже яви-
ся днесь **гневом Божиим** на Иеве Столпе: **люта**
казнь, и **неисцелно** зло, и наипаче оная зла и
рана, и казнь Божиа паче оная раны и казни. . .

И сего ради паче **от праведнаго гнева Божиа** лютейшаа болезнь къ болизни тѣй его приложися ему, яко родноги прапрудно всему ему **чрвьми въскипетися**, и от съвращения же мутнаго гноя течения, и темения, и съгнитиа никому же мощи приблизитися, идеже лежаше, ко одру его, понеже бо **нестрѣпимо злосмрадие** и необычно люта воня от точения чрввиа и съгнитиа, и гноя, сице бо от лядины некиа мног мотыль исхожаше, смрад от мрзости плоти его [Охотникова 2007: 87–88, л. 81 об.–83 об.]

на Евдоксию царицу, тако и оно-
му приключися **от Бога** попущен-
наго **гнѣва** пострадати. И тако
притча сицева, яко возмердѣти-
ся ему **нестерпимым смрадом**,
и согнити от главы и до ногу яз-
вами и проказами, и **чрвьми ки-
пѣти** живу ему сущу, от нихже и
снѣденъ бысть, абие злѣ испро-
верже животь свой [СЕРЕБРЯН-
СКИЙ 1908: 529–531, л. 57–58].

Для сравнения приводится текст из Жития Евфросина в редакции Василия-Варлаама:

Бысть убо некто священник Иев, Столп зовяшеся, **жилище имяше** в богоспа-
саемем граде Пскове. **Той же Иев священник** буй образом сматряшеся, и **смыслен**
няиися имети разум и мудр зело, и внутрь себе кичаися, яко совершенно от Бога
сице даровася ему протолковати **всякого писания Ветхаго и Новаго завета**.
Таже и **извыче много повествовати** от писания и многу протолкуя силу книжную.
И бяху вси людие, купно же и священницы и причет церковный, **прихождаху**
к нему и вопрошаше от него о всяком писании неразрешенем и о церковном
устроении, купно же и о законных вещех. **Он же убо протолкуя** и сказоваше им
вся порядку, о чем же кто вопрошаше его. И **власть его послушаше** учения людие
и церковницы, да **того ради** от всех честен бысть и знаем всеми. И слышаше в них
дострочен философ, имяше убо остр ум на божественое Писание, того бо ради и
“Столп” нарицашеся церковный, благочестия подражаше крепость, и **тверд учитель**
и **наставник православию**. *Посем же* умре ему жена, и не восхоте тако пребыти
о Бозе, якоже лепо есть дароносцем церковным, священнаа носящим Божиа
помазания. И абие ничто же **разсудив или умыслив** благая о себе, яко философ,
но яко не ведый добрая и злая, небесная и земная, и смертную суету возлюби,
гостебное житие, тление века сего пустошнаго, а будущаго нетления, и живота,
и безмертия, и раю, и муки не помянув, яко философ, но вся сиа в забвение
положив, яко не философ. И здешнее земное наслаждение возлюбив, и мимотекущее
мечтание света сего, леств нехрабромудрѣства, но яко буй урод, ничто же смысла
о души своей, темже и вниде в тимение и погрязе во тме. Якоже апостол, вопиа,
глаголет, да не якоже, разгордевься помыслом, **впаде в сеть неприазнену**. Еже
и бысть Иеву сему, зовомому Столпу, о нем же паче предведуще слово скажем в
совершенство повести. Бяше бо ему умре жена, и абие **расписися и поят другую**. По
времени же и другая ему умре жена, и потом поят третьюю. **Увы, увы! Горе, горе!**

Паче не сицев философ! Подобная бо сему вещь сия и зело исполнена рыдания слезнаго — священство оставити и любодейство деяти. Якоже Июда, Христа предав и цену сребряник приат, его же цениша сыны Израилевы, а сей тимения ради и священства извержеса, великаго сану прозвитерскаго, яве, яко Июда излика апостольска [Охотникова 2007: 173–174, л. 86–88 об.].

Сходство Послания Корнилия с текстом Повести об аллилуйе доказываетс^я как фразой **“Онъ Бога продавъ, корысть приять, цѣну сребряну, а сей тимѣнн^я ради священство обругав, подобная Христу”**, так и более мелкими чтениями, которых нет в Житии Евфросина, написанном Василием-Варлаамом на основе Повести об аллилуйе (сходные чтения в тексте Послания Корнилия и Повести об аллилуйе выделены разрядкой). Корнилий, передавая историю священника-двоеженца, не называет его имени, не упоминает, что тот жил в Пскове, не рассказывает о его третьем браке. Не связанный с конкретным лицом, местом и временем действия, рассказ Корнилия приобретает притчевый характер. Повидимому, сознательно Корнилий не упоминает и о третьем браке священника, иначе столь страшное его наказание можно объяснить именно тем, что брака было три, а не два.

Таким образом, одним из литературных источников Корнилия была Повесть об аллилуйе, сочинение редкое, дошедшее до нас всего лишь в одном списке. Это одно из первых сочинений, в котором повествуется о жизни Евфросина и его спорах об аллилуйе, созданное, предположительно, вскоре после кончины Евфросина, но не позднее 1510 г. [Охотникова 2007: 38–43].

Н. И. Серебрянский и другие исследователи, относя создание Послания ко времени после смерти Ивана Грозного, считали, что при жизни царя Корнилий вряд ли осмелился бы написать о том, что наказанием царям, нарушающим законы церкви о расторжении брака и вступлении во второй брак, будет рождение наследника, который **“вся поперет и всякому дѣлу злу начальникъ будетъ”** [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 529, л. 57]. Развивая тему наказания за прелюбодейство царей, Корнилий ссылается на послание Василию III иерусалимского патриарха Марка: **“Но токмо единъ ис четырехъ патриарховъ восписалъ сверѣпством — Марко Иерусалимский”** [ТАМ ЖЕ: 529, л. 56 об.]. Намереваясь постричь Соломонию Сабурову и жениться на Елене Глинской, Василий III обращается к четырем патриархам, надеясь найти у них поддержку своему решению. Из четырех патриархов только иерусалимский патриарх Марк написал гневное послание Василию III, в котором предвещал страшные последствия всему роду Василия и его царству. Оригинал Послания Марка неизвестен, оно не встречается в отдельных списках, его текст читается только в составе **“Выписи о втором браке Василия III”** (“Повести о втором браке Василия III”).

На сходство одной фразы в Посланиях иерусалимского патриарха Марка и Корнилия обратил внимание Я. Г. Солодкин [1998: 61]. Полного сравнения исследователем не было проделано, по-видимому, текст Послания Корнилия, изданный Н. И. Серебрянским, Я. Г. Солодкину был недоступен. Проделанное нами сопоставление текстов двух посланий доказывает справедливость предположения Я. Г. Солодкина. Фразой “Но токмо единъ ис четырехъ патриарховъ восписаль сверѣпством — Марко Иерусалимский. . .” начинается совпадение текста Корнилия с сочинением Марка. И далее Корнилий цитирует практически весь текст Послания Марка из “Выписи”, несколько приспособив его к новому адресату и иной ситуации. Так, фраза “Сей ми наследник, державы царствия нашего государь” заменяется на “Сей ми наслѣдникъ и поминатель по смерти моей будетъ”. Из Послания Марка исключается фрагмент “А тебе мнится [. . .] и свое все истребит”, где встречаются слова (например, *урдюкеле*), смысл и происхождение которых непонятны.

Послание Марка Иерусалимского	Послание Корнилия
<p>Но един из четырех великих патриарх восписал сверепством Марко Иерусалимский: “Аще и тако сотвориши, первую от себе отвержеш и второй совокупиши, заради того чтобы тебе было чадородие, блюдися и, паки реку, блюдися! Аще ти и воздаст человеколюбец Бог чадорожения, да и речеши в себе: «Сей ми наследник, державы царствия нашего государь». Но не тако. За прелюбодаяние бо воздастся царем чада порушение царствию их. А тебе мнится, но все попрает, и роди Сарападакийстии, рекше болярстии, и стратигове, и племени Калаковрича, и вси урдюкеле, рекше христьяне, во страсе и утесняеми будут. Но, реку, презрит вся вселенский собор, и воспримет под свою руку келевдекерии, и будет грабитель чужаго имени. Моль же поядает ризы, а чюеее имяне граблением и свое все истребит. И наполнитя твое царство страсти и печали, и будут в та лета убивания, и муки величеству Сарападасийских родов, и юнош нещадение, и ово на кола, а иным усечение главное и затоцы без милости, и мнози гради огнем попрани будут” [Зимин 1976: 144, лл. 95–95 об.].</p>	<p>Но токмо единъ ис четырехъ патриарховъ восписаль сверѣпством — Марко Иерусалимский. Аще и тако сотвориши: первой отвержешися и второй совокупишися чадородия ради, чтобы было тебѣ чадородие, блюди, соблюдися и паки реку: блюдися. Аще ти и возраститъ Богъ чадо рождение и речеши в себѣ: сей ми наслѣдникъ и поминатель по смерти моей будетъ, но не тако: за прелюбодѣяние бо воздаются и царемъ воздаются чада, да за то бываетъ великое порушение царствию их, и наполнитя царство их страсти и печали, и будут въ та лѣта убивания и муки и юнош нещадѣние: ови на коло, а иным главное отсѣчение и затоцы без милости. И мнози гради огнемъ попалени⁶ будутъ [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 529, лл. 56 об.–57].</p>

⁶ Интересно, что чтение *попалени* содержится в списке СРК256, текст в этом сборнике более близок архетипу списков “Выписи”, если судить по схеме соотношений списков А. А. Зимина (обозначение на схеме Р), см. [Зимин 1976: 139, 144, чтение 78].

О времени составления “Выписи” существует несколько точек зрения: одни исследователи считают, что этот памятник был составлен в 40-е гг. XVI в., другие относят его ко второй половине — концу XVI в., третьи — ко времени Смуты⁷. Более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения М. Н. Тихомирова и С. О. Шмидта. Относительно Послания Марка М. Н. Тихомиров отмечал, что в этом публицистическом произведении отражены факты расправ юного Ивана IV с боярами, начавшиеся примерно в 1546 г. В словах из Послания Марка о том, что сын Василия III станет мучителем и грабителем чужого имения, по мнению М. Н. Тихомирова, не обязательно видеть отклик на события опричнины, это могло относиться и к ранней молодости Ивана IV [Тихомиров 1966: 401–402]. В статье “О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III” С. О. Шмидт на широком материале доказал эту мысль М. Н. Тихомирова. По его мнению, “[п]редсказание, приписанное составителем «Выписи» патриарху Марку, точно конкретизируется в сравнительно узких хронологических рамках событий середины 1546 – начала 1547 г.” [Шмидт 2007: 319]⁸.

Итак, Послание иерусалимского патриарха Марка из “Выписи о втором браке Василия III” достаточно раннего происхождения, но не старше 1525 г. (поскольку речь идет о втором браке Василия III) — 40-е гг. XVI в. О том, что “Выпись”, по которой, вероятнее всего, Корнилий и цитировал сочинение Марка, была известна псковским книжникам, свидетельствует состав сборников, в которых она переписывалась вместе с псковскими произведениями, что дало основание Я. Г. Солодкину сделать вывод о псковском происхождении “Выписи” и предположить, что ее составителями были книжники из окружения игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия. Исследователь относит составление “Выписи” к первым годам опричнины, 1565 – началу 1570 г. [Солодкин 1998: 62–63].

К началу XVI в. относится еще один литературный источник Корнилия. Как установил С. И. Смирнов, Корнилий использовал “Послание Федору Карпову о Левиафане” Максима Грека, Федор Карпов обратился

⁷ Подробнее о разных точках зрения на время создания “Выписи” и о ее предполагаемых авторах см. [Зимин 1976, 132–135].

⁸ С. О. Шмидт разделяет время написания Послания Марка и составления “Выписи” в том виде, в котором она дошла до нас. По его мнению, в “Выписи” выделяются две части, отличающиеся по стилю и политическим взглядам. Первая часть (условно он называет ее Слово), в которую и входит Послание Марка, была написана в 40-е годы, а вторая часть — присоединена к Слово в более позднее время. Сходную мысль высказывала ранее Н. А. Казакова, она предположила, что существовал первоначальный вид “Повести о втором браке Василия III”, составленный в 40-е гг. XVI в., дошедшая же до нас редакция “Выписи” возникла не ранее второй половины XVI в. [Казакова 1960: 69–71; 1970: 117–118].

к Максиму Греку с просьбой пояснить библейский текст о Левиафане. И Максим Грек пишет Федору Карпову “Послание о Левиафане”, сложный, со многими отсылками и комментариями, текст; их переписка датируется 1518–1525 гг. “Древняя история Бытеиская” о Левиафане является в Послании Корнилия ответом на вопрос: “Кто тя научи, сыне мои, таковая хочещи сотворити? И не вѣмъ, от кого развращенъ еси от пути Божия? Нынѣ же уразумѣхъ, от кого наученъ еси” [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 528, л. 55].

Корнилий использует большой фрагмент из послания Максима Грека, совпадения двух посланий наблюдаются со слов “Творецъ миру на огнѣвиднемъ небеси сотвори аггелы. . .” и до слов “. . . до дне судишнаго Божиим повелѣнием” [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 528, л. 55–55 об.]. Сравнение двух посланий показывает, что Корнилий повторяет текст Максима Грека почти дословно, лишь иногда несколько изменяя его.

В таблице приводится сравнение фрагментов из двух посланий:

Послание Максима Грека о Левиафане	Послание Корнилия
<p>Сего ради Христос въ Еуангелии Своемъ рече: “Видѣхъ сатану, яко мльнию съ небесе спадша”. Сеи бѣ онъ Елевиафантъ, о немъ же рече Иовъ. Но зане вездѣ сущство не ново, сего ради вкратцѣ о немъ рещи умыслихом в семь мѣсте. Написа бо Исидоръ Отимологиарум, яко евреи еврейскимъ гласомъ нарицаютъ его веомот, еже русскимъ языкомъ сказуется животное безсловесное. Есть бо духъ лукавыи нечистоты и скареды полнъ, и сего ради Богъ от начала свержения его обрати его в животину безсловесную, сирѣчь в змию прегиблемую, и зане есть безмѣрна величества, наречеса драко. О семь разумѣть Давидъ: “Се море велико и пространно” и прочаа, потомъ прилагаетъ: “Змии сеи, его же созда ругатися ему” и прочаа. Именова же ся Елевиафантъ, по Исидору, змии от воды. Сего ради чтется въ апографии блаженнаго Брандина, егда пловяше по окиану той святыи, видѣ его во дно окиана свержена и видѣ его дивныя долготы и широты во днѣ окиана, свержена и заключена в немъ даждь до дне судища повелѣниемъ Божиимъ [МАКСИМ ГРЕК 2008: 335–336, лл. 287–287 об.].</p>	<p>Во Евангелии же глаголетъ Господь: “Видѣхъ, рече, сатану яко молнию с небесе спадша”. Сей бо Левиафанъ, по Исидору Евреянину, сей есть духъ лукавый и нечистый, скаредъ исполнь. Сего ради Богъ от начала свержения его обрати его въ животину безсловесную, сирѣчь в змию прегиблемую. О семь Давидъ рече: “Се море велико и пространно, ту гад и прочая”. Потомъ прилагаетъ: “Змий сей, егоже созда ругатися ему, именована же ся Левиафанъ”, по Исидору, змий от воды. Сего ради во апографии блаженнаго Брандина, егда пловяше по окиану той святыи, видѣ его во дно окиана свержена и видѣ его дивныя долготы и широты и заключена в немъ до дне судишнаго Божиимъ повелениемъ [СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908: 528, л. 55 об.].</p>

Интересно, что Корнилий оставляет упоминание об “апографии блаженнаго Брандина”. В средневековой западноевропейской литературе

известны два произведения, повествующие о жизни Брендана (Брандана), ирландского святого VI в., — Житие и Плавание св. Брендана, в котором рассказывается о полном чудес семилетнем плавании Брендана. Оба произведения не были переведены на славянские языки, нет упоминаний об ирландском святом и в древнерусских произведениях. Максим Грек, вероятнее всего, знал латинский текст Плавания Брендана. Трудно сказать, явилась ли ссылка на “апографию Брандина” чисто механическим повтором текста Максима Грека или же это имя что-то значило и для Корнилия.

Такая концентрация источников определенного времени — первой половины XVI в. — дает основание для предположения, что и само послание было написано Корнилием во второй четверти XVI в. и ее автором был, вероятнее всего, Корнилий, о котором упоминает П. Строев в перечне игуменов Снетогорского монастыря: “Корнилий бывший 12 сентября 1562 г.” [СТРОЕВ 1877: 390].

П. Строевым не указан источник, из которого он взял это известие о игумене Корнилие. Но, вероятнее всего, этим источником было Евангелие *ОИДР29*. В конце этой рукописи читается приписка: “Лѣта 7071-го сентября в 12 день дал сию книгу в дом Рожеству Христову и Пречистыя Успения на Мала в Онуфрееву пустыню Снятогорской игумен бывшей Корнилей”. Вторая приписка касается судьбы Евангелия, вклада Корнилия: “Лета 7075 (1567) продал сию книгу игумен Ияким Рожества Христова Малсково монастыря подиячему великого князя Ушаку Микитину, а взял за нее сорок алтын, а подписал игумен Ияким своею рукою” [СТРОЕВ 1845: 12]. Поскольку игумен Иоаким сообщает только, кем не стал Корнилий, но не упоминает о его нынешнем статусе, то определение “бывшей” может быть истолковано либо как ушедший на покой, либо как попавший в опалу и отправленный на покой, возможно, в Мальской монастырь — по тому времени довольно небольшой, по сравнению со Снетогорским, псковский монастырь, расположенный неподалеку от Псково-Печерского монастыря.

Продажа в 1567 г. вклада Корнилия могла быть совершена либо после смерти Корнилия, либо после того, как он покинул Мальской монастырь. Тот факт, что продажа Евангелия была засвидетельствована игуменом, доказывает особое отношение к вкладу Корнилия. Таким образом, установлены две даты, очерчивающие промежуток времени, в который могло быть написано Послание, — не ранее 1525 г. и не позднее 1562 г., когда Корнилий уже не был ни игуменом, ни иноком Снетогорского монастыря⁹.

⁹ О покупателе принадлежавшего Корнилию Евангелия, подьячем великого князя Ушаке Никитине, тоже имеются сведения, доказывающие, что его служба в

Сокращённые названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ	Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей.
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.
СПБИБИ	С.-Петербургский институт истории РАН.

Библиография

Источники

Q.XVII.22

РНБ, Q.XVII.22 (бывшее собрание Ф. А. Толстого), № 22, Сборник, XVII в.

БГК

РГАДА, ф. 137, Боярские и городовые книги, Оп. 1., Каргополь, Д. 1, 1568–1569 гг., лл. 292–297 (онлайн публикация; режим доступа: http://resources.krc.karelia.ru/iilh/doc/rgnf_zhukov/bolshoj_dvor-volost.pdf; последнее обращение: 10.05.2015).

Беляев11

РГБ, ф. 29 (собрание И. Д. Беляева), № 11, Казанский летописец, XVII в.; см. описание: [Викторов 1881: 9].

Максим Грек 2008

Максим Грек, прп., *Сочинения*, 1, Москва, 2008.

ОИДР29

РГБ, ф. 205 (Собрание Общества истории и древностей российских), № 29, Евангелие, 1562 г.; см. описание в: [СТРОВЕВ 1845: 12].

Попов63

РГБ, ф. 236 (Собрание Попова), № 63, Сборник повестей, стихотворений, посланий, XVII в.

Син921

ГИМ, Собрание Синодальной библиотеки, № 921, Сборник, XVII в.; см. описание в: [ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1862: 799–803, № 336].

СРК256

СПБИБИ, Собрание рукописных книг, № 256, Сборник, XVII в.

Унд624

РГБ, ф. 310, ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского), № 624, Сборник, XVII в.

Литература

Викторов 1881

Викторов А., *Собрание рукописей И. Д. Беляева*, Москва, 1881.

60-е гг. действительно протекала в Новгородско-Псковских землях: “Сотная с книг каргопольских, что межевал А. И. Плещеев да подъячий Ушак Никитин от Ноугородского от земского рубежа от Обонежской пятины к государеве царевице и великого князя опрочине к Каргополю Водлозерскую волость, а после того писал и мерил примежеванные земли данный староста Микула Григорьев сын Тяполков с товарищи лета 7077. Волость Водлоозеро” [БГК: прим. 240].

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1862

ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, 2/3, Москва, 1862.

Зимин 1976

Зимин А. А., “Выпись о втором браке Василия III”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 30, Ленинград, 1976, 132–148.

КАЗАКОВА 1960

КАЗАКОВА Н. А., *Вассиан Патрикеев и его сочинения*, Москва, Ленинград, 1960.

— 1970

КАЗАКОВА Н. А., *Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в.*, Ленинград, 1970.

НАСОНОВ 1955

НАСОНОВ А. Н., *Псковские летописи*, 2, Москва, 1955.

ОХОТНИКОВА 2007

ОХОТНИКОВА В. И., *Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследование и тексты*, 2: *Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского*, С.-Петербург, 2007.

ПОСТНИКОВ 2013

ПОСТНИКОВ А. Б., *Древлехранилище Псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI–XVIII вв.*, Москва, 2013.

СЕРЕБРЯНСКИЙ 1904

СЕРЕБРЯНСКИЙ Н. И., “Один из малоизвестных памятников псковской монастырской письменности”, в: *Памятники древней письменности и искусства*, 156, С.-Петербург, 1904, 1–22.

— 1908

СЕРЕБРЯНСКИЙ Н. И., *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле*, Москва, 1908.

СМИРНОВ 1913

СМИРНОВ С., *Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта*, Москва, 1913.

СОЛОДКИН 1998

СОЛОДКИН Я. Г., “К датировке «Выписи» о втором браке Василия III”, *Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история*, 2, 1998, 59–63.

СТРОЕВ 1845

СТРОЕВ П. М., сост., *Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских*, Москва, 1845.

— 1877

СТРОЕВ П. М., *Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви*, С.-Петербург, 1877.

ТИХОМИРОВ 1966

ТИХОМИРОВ М. Н., “Страница из жизни Ивана Пересветова”, в: *Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева*, Москва, Ленинград, 1966, 401–402.

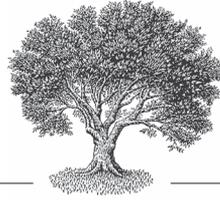
ШМИДТ 2007

ШМИДТ С. О., “О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III”, в: *Он же, Памятники письменности в культуре познания истории России*, 1: *Допетровская Русь*, 1, Москва, 2007, 310–319.

References

- Kazakova N. A., *Vassian Patrikeev i ego sochineniia*, Moscow, Leningrad, 1960.
- Kazakova N. A., *Ocherki po istorii russkoi obshchestvennoi mysli. Pervaia tret' XVI v.*, Leningrad, 1970.
- Nasonov A. N., *Pskovskie letopisi*, 2, Moscow, 1955.
- Okhotnikova V. I., *Pskovskaia agiografiia XIV–XVII vv.: Issledovanie i teksty*, 2: *Zhitiia prepodobnykh Evfrosina Pskovskogo, Savvy Krypetskogo, Nikandra Pskovskogo*, St. Petersburg, 2007.
- Postnikov A. B., *Drevlekhranilishche Pskovskogo muzeia. Obozrenie russkikh rukopisnykh dokumentov XVI–XVIII vv.*, Moscow, 2013.
- Shmidt S. O., “O vremeni sostavleniia «Vypisi» o vtorom brake Vasiliia III,” in: Idem, *Pamiatniki pis'mennosti v kul'ture poznaniia istorii Rossii*, 1: *Dopetrovskaia Rus'*, 1, Moscow, 2007, 310–319.
- Solodkin Ya. G., “K datirovke «Vypisi» o vtorom brake Vasiliia III,” *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriia: Otechestvennaia istoriia*, 2, 1998, 59–63.
- Tikhomirov M. N., “Stranitsa iz zhizni Ivana Peresvetova,” in: *Russko-evropeiskie literaturnye sviazi: Sb. statei k 70-letiiu so dnia rozhdeniia akademika M. P. Alekseeva*, Moscow, Leningrad, 1966, 401–402.
- Zimin A. A., “Vypis' o vtorom brake Vasiliia III,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 30, Leningrad, 1976, 132–148.
-

проф. **Валентина Ильинична Охотникова**, доктор филол. наук
Псковский государственный университет,
профессор кафедры литературы филологического факультета
180760 Псков, пл. Ленина, 2
Россия/Russia
v.i.okhotnikova@mail.ru

“Послания берестяные” в Толковом Апостоле (Деян 28:22)

Birchbark Letters in the Apostle with Commentaries (Acts 28:22)

**Татьяна Викторовна
Пентковская**

Tatiana V. Pentkovskaya

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Moscow State University

Резюме

В статье сопоставляются две церковнославянские версии апостольских Деяний с толкованиями (в объеме Деян 13:4–28:10) — среднеболгарский перевод (выполненный в XIV в., по всей вероятности, в Тырново) и перевод, выполненный Максимом Греком в начальный период его деятельности на Руси (в 1519 или 1520 г.). В указанном фрагменте в переводе Максима выявляются два лексических русизма — *закладъники* и *послания берестные*, появление которых относится к деятельности русских сотрудников Максима, прежде всего Власа Игнатова. Соответствующий фрагмент соотносится с толковой версией книги Исайи, возникшей в Преславе. Сопоставление данного текста Максима Грека с толковым переводом книги Исайи показывает отсутствие зависимости перевода Максима от древней преславской версии. Следовательно, этот фрагмент является новым по отношению к предшествующей славянской традиции переводом. Анализ финальной части текста позволяет сделать вывод о том, что перевод Деяний в составе Толкового Апостола был отредактирован по греческому тексту с 13-й главы Деяний до конца.

Ключевые слова

толковые переводы, лексические русизмы, Максим Грек, Апостол

Abstract

This article presents a comparison of the two Church Slavonic versions of the Acts of the Apostles with commentaries (on Acts 13:4–28:10), that is, the so-called middle Bulgarian translation (made in the 14th century probably in Tarnovo) and

the translation made by Maximus the Greek in the initial period of his translation activity in Russia (in 1519 or 1520). Two lexical regionalisms were found in his translation: *zakladniki* ‘hostages’ and *poslaniya berestenyje* ‘birchbark letters.’ Their usage relates to the activities of Maximus’ Russian helpers, especially the work by Vlas Ignatov. The corresponding fragment is correlated with the explanatory version of the Book of Isaiah, which emerged in Preslav. A comparison of this text by Maximus the Greek with the explanatory translation of the Book of Isaiah shows that Maximus did not utilize the old (Preslav) version. Therefore, this fragment is new in relation to previous Slavic traditions of translation. The analysis of the final part of the text leads to the conclusion that the translation of the Acts with commentaries has been revised according to the Greek original from the thirteenth chapter to the end.

Keywords

translations with commentaries, lexical regionalisms, Maximus the Greek

Едва ли не самым ранним церковнославянским переводом Максима Грека, выполненным в 1519 или 1520 г., является восполнение им недостающих в русской традиции фрагментов апостольских Деяний с толкованиями на них. Перевод Толкового Апостола (в объеме Деяний и соборных Посланий) был сделан в XIV в., по всей вероятности, в Тырново, столице Второго Болгарского царства. Протограф русских списков этого среднеболгарского перевода, очевидно, содержал лауну — пропуск двух фрагментов Деян 13:4–13:35 и 16:41–28:10 [АЛЕКСЕЕВ 1999: 188, 202]. В приписке же, сообщающей о выполнении перевода отсутствовавших мест Максимом Греком и Власом Игнатовым, содержится информация о том, что написано толкованіе дѣланіемъ стѣхъ аплъ ѿ ла, зачала до конца¹; и преложено, съ греческаго азыка на рѣскыи. монаху мазино стѣхъ горы великыа обители, ватопеда монастыра. да власу толмаче, латынскы, и нѣмецкы. на мѣквѣ [КБ 24: 181 об.].

Информация приписки о переводе всей заключительной части Деяний Апостола (а не только до Деян 28:10) заставляет обратиться к сопоставлению рукописей, содержащих перевод Деяний с восполнениями Максима Грека, и основного представителя толкового “тырновского” перевода (далее — ТА-болг.) — сербской рукописи F.I.516, в которой текст Деяний представлен полностью. Сопоставление это позволило выявить расхождения между заключительной частью текста, наиболее ярким из которых является Толкование к Деян 28:21–25:

• основной текст: они^ж к нѣмоу рѣшѣ [. . .] рекшоу же павлоу глѣ единѣ [КБ 24: 178 об.–179], толкование на Деян 28:22: прѣже^д даже не видѣ

¹ Вариант чтения: ѿ тридесате перваго зачала до конца за.на. [ТСЛ 118: 153].

павелъ в' римѣ, заповѣдано баше юудеѡ^М, не воспрѣяти ε^Ж ο χ^ϛτ^ϛ проповѣданіе [КБ 24: 179]² — Εὐσεβίου· Πρὶν ἐπιδηῆσαι τὸν Παῦλον ἐν τῇ Ῥώμῃ παρηγγελέμενοι ἦσαν Ἰουδαῖοι μὴ παραδέξασθαι τὸ περὶ Χριστοῦ κήρυγμα [CRAMER 1838: 415];

• там же в толковании: прѣводѣнници и кнѣжници. и вси старѣннишыи. юуденстѣн. кнѣгы написавше [. . .] сего ради и ересь нарицають іудеи. еже къ х^ϛοу вѣрѣ^ϛ іако повсюдѣ протѣвѣтсѣ и^М [КБ 24: 179] — ср. ἱερεῖς καὶ γραμματεῖς καὶ πρεσβύτεροι γράμματα διαχαράξαντες, εἰς πάντα διεπέμφατο τὰ ἔθνη τοῖς ἀπανταχοῦ Ἰουδαίοις διαβάλλοντες τὴν τοῦ Χριστοῦ διδασκαλίαν ὡς ἀλλοτρίαν τοῦ Θεοῦ [CRAMER 1838: 415].

До этого момента текст толкования в КБ 24 в общих чертах совпадает с текстом толкования в *Fl.516*, однако дальнейший текст толкования в КБ 24 и *ТСЛ 118* не находит соответствия в ТА-болг., в котором после этой фразы идет основной текст Деян 28:23–27: ср. еже и знаменовати видѣтсѣ. прѣрѣчѣство ісанно глѣше. горе земли коравленон. крилѣ чрѣ³ рѣкы ε^ϛϛ^ϛіоп^ϛскыя посылаа в' море зак^днниковъ. и посланіа берестены на вод^х конь сирѣчѣ прѣрѣчѣств^М знаменог^Т іако далѣ ε^ϛϛ^ϛіоп^ϛскыя страны, и до послѣ^дни^х земли слов^х з^ϛл^ϛобы живѣци^х въ юудеи. нѣконми акы летающими коравн прох^даше. и посланники епистоли^н берестеные съ собою носѣше. на вод^х и на морѣ плавающе всюдѣ по земл^М течаахѣ. слово ѡ нашѣ^М спснтелѣ прѣ^ϛвнѣжающе. аплы же еше обычан ε^ϛ юудеѡ нарицати тѣ^х, кон епистолиа окрѣтѣ посылаемыя ѡ началникъ свои^х даніныя носѣ^Т [КБ 24: 179–179 об.], то же в *ТСЛ 118*: 147 об. — τοῦτο δὴ αὐτὸ σημαίνειν ἔοικα καὶ ἡ λέγουσα προφητεία Ἠσαίου· οὐαὶ γῆς, πλοίων πτέρυγες ἐπέκεινα ποταμῶν Αἰθιοπίας, ὁ ἀποστέλλων ἐν θαλάσῃ ὄμηρα καὶ ἐπιστολὰς βυβλίνας ἐπάνω τοῦ ὕδατος· δι' ὧν σημαίνει, ὡς καὶ παρὰ τῆς Αἰθιοπῶν χώρας καὶ τῶν ἐσχατιῶν τῆς γῆς ὁ τῆς πονηρίας ἦχος τῶν τὴν Ἰουδαίαν οἰκοῦντων διὰ τινων ὥσπερ ἵπταμένων πλοίων προῆλθεν· οἱ τε ἀπόστολοι αὐτῶν ἐπιστολὰς βυβλίνας ἐπικομιζόμενοι ὑπεράνω τῆς τῶν ὑδάτων ναυτιλλόμενοι, καὶ τὴν θάλασσαν ἐμπλέοντες, πανταχοῦ γῆς διέτρεχον τὸν περὶ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν διαβάλλοντες λόγον· ἀποστόλους δὲ εἰσέτι νῦν ἔθος ἐστὶν Ἰουδαίοις ὀνομάζειν, τοὺς ἐγκύκλια γράμματα παρὰ τῶν ἀρχόντων αὐτῶν ἐπικομιζομένους [CRAMER 1838: 415].

В толковании русских рукописей толковых Деяний цитируется фрагмент пророчества Исайи: “Горе земле, осеняющей крыльями по ту

² То же в *ТСЛ 118*: 147.

сторону рек Эфиопских, посылающей по слов по морю, и в папировых судах по водам. . .” (Ис 18:1–2)³.

В церковнославянской традиции пророчество Исаяи представлено в двух основных версиях — паремийной (восходящей к кирилло-мефодиевскому переводу) и толковой (преславский перевод). Чтение Ис 18:1–2 не входит в состав Паремийника, при этом текст книги Исаяи в толковых пророчествах читается полностью [ЕВСЕЕВ 1897, 1: 32]. Таким образом, рассматриваемый фрагмент соотносится с толковой версией книги Исаяи. Вот как выглядит это чтение в ТСЛ 63: 87: **оу лютѣ земли еи^ж корабльнаа крила об оноу страну рѣки морскыя пѣщали и по морю сълы и книги посланыя врѣху водѣ⁴** — οὐαὶ γῆς, πλοίων πτέρυγες ἐπέκεινα ποταμῶν Αἰθιοπίας, ὁ ἀποστέλλων ἐν θαλάσῃ ὄμηρα καὶ ἐπιστολάς βυβλίνας ἐπάνω τοῦ ὕδατος.

Чтение толкового перевода **сълы**, очевидно, отвечает чтению *legatos* Вульгаты, однако выражение **книги посланыя** не соотносится с латинским *in vasis papyri* и восходит к греческому тексту.

Сопоставление данного текста Максима Грека с толковым переводом книги Исаяи показывает отсутствие зависимости перевода Максима от древней преславской версии. Не прослеживается в нем и зависимости от Вульгаты (ср. чтение **заклѣнниковъ и посланїа**, отвечающие греческому тексту). Следовательно, этот фрагмент является новым по отношению к предшествующей славянской традиции переводом. Об авторстве перевода данного фрагмента можно судить исходя из уже имеющихся представлений о работе над текстом Максима Грека и его сотрудников. Так, на начальном этапе своей переводческой деятельности Максим Грек переводил текст на латынь, а Влас Игнатов с латыни на церковнославянский [АЛЕКСЕЕВ 1999: 202; Ромодановская 2000: 233; ВЕРНЕР 2011: 201]. Следы такой работы сохранились в других фрагментах Деяний с толкованиями. В частности, в толкованиях на Деян 17:19 представлен особый перевод названия Ареопага как **аррисово мѣсто** при сохранении в основном тексте традиционного чтения **арїевъ лѣтъ**, что соотносится с лат. *ragus* ‘сельская община, село, деревня; область, район, округ’. Кроме того, в переводе того же фрагмента присутствует полонизм **прикро**: **прикрыи** ‘крутой, отвесный’ (ср. польск. *przykry* ‘то же’) [СЛРЯ XI–XVII вв., 19: 190], вряд ли знакомый Максиму Греку, однако с большой долей вероятности

³ Чтение современного перевода опирается на вариант Вульгаты: “vae terrae cymbalo alarum quae est trans flumina Aethiopiae qui mittit in mari legatos et in vasis papyri super aquas” — отсюда “в судах” русского перевода.

⁴ Тот же вариант представлен в рукописи, содержащей толковые пророчества с копией приписки Упия Лихого: **Оу лютѣ земли еаже корабльнаа крила об оноу страну рѣки морскыя. пѣщали по морю сълы и книги посланыя врѣху воды** [КБ 9: 119 об.]. Благодарю за этот фрагмент Т. И. Афанасьеву.

известный Власу Игнатову, которого А. И. Соболевский считал выходцем из Западной Руси [Пентковская 2015; Турилов 2010: 107–108].

Очевидно, на долю русского сотрудника Максима приходится и употребление ярких лексических русизмов, засвидетельствованных в рассматриваемом фрагменте. Это, во-первых, сущ. **закладникъ**, употребленное в соответствии с греч. *ὁ ὄμηρος* ‘заложник’. Эта лексема в значении ‘тот, кто заложил, отдал что-либо в залог’ хорошо известна по русским деловым текстам, прежде всего по договорам Новгорода с князьями [СДРЯ XI–XIV вв., 3: 308–309]. Кроме того, более узкое ее значение — ‘черносошный, чаще посадский человек, тяглец, переходивший для избавления от государственного тягла на службу к светским или духовным феодалам (под залог ссуды и др.) и терявший при этом свою личную свободу’, то же, что и **закладчикъ** (у последнего суффиксального варианта отмечено и значение ‘заложник’) [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 212–213].

Во-вторых, это словосочетания **посланiа берестены** (ср. **книгы посланыя** в преславском переводе толковых пророчеств) и **επιστολι̅и берестеные** в соответствии с *ἐπιστολὰς βυβλίνας* ‘послания на папирусе’. Следует отметить, что прил. *берестеной* зафиксировано в источниках начиная с XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 146].

Появление прил. **берестеныи** в соответствии с чтением *βυβλίνας* принадлежит к примерам так называемого адаптирующего перевода, при котором чуждые переводящему языку реалии заменяются обозначениями собственных, функционально схожих объектов или понятий [Максимович 2004: 40]. Не случайно, что прилагательному *βύβλινος* в толковом переводе книги Исаи не было подобрано точного эквивалента (ср. **книгы посланыя**). Лексема *папирус* является поздним книжным заимствованием из лат. *papyrus* через немецкое посредство [Фасмер, Трубочев 1996, 3: 201]. Однако заимствование **паперь** (**поперь**) ‘бумага’ (из греч. *πάπυρος* или *παπύριον*) известно в русских текстах уже в XV–XVI вв. [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 148], при этом оно не было использовано для перевода прил. *βύβλινος*, как не использовано еще одно заимствование — прил. **бумажный** ‘относящийся к бумаге’, которое появляется в текстах в XVI в. [там же, 1: 354] (сущ. *бумага* впервые в современном значении фиксируется в XV в. [Фасмер, Трубочев 1996, 1: 240; Черных 1994, 1: 123]).

Между прочим, это чтение демонстрирует выразительную корреляцию папируса и бересты как писчего материала в сознании русских книжников, которая уже привлекала внимание современных исследователей (о содержательном и функциональном сходстве бересты и папируса см. [Гиппиус 2004: 176; Франклин 2010: 74–85]).

Наличие в конечной части Деяний чтения, имеющего выразительные лексические русизмы во фрагменте, отсутствующем в ТА-болг.,

заставляет вернуться к уточнению объема перевода, выполненного Максимом Греком и его сотрудниками. В тех русских рукописях, которые содержат пропуск указанных фрагментов в Деяниях, порядок чтений таков. В Успенском комплекте Великих Миней Четых *Син* 995⁵ толкование к Деян 28:21–22 заканчивается фразой **ѿко всюдѹ противѣтса ѿ^М**, цитата из Исаяи отсутствует. Далее идет основной текст Деян 28:23–27. Эта структура повторяет структуру текста ТА-болг.

Примечательной в данном отношении является рукопись *ТСЛ 118*. Как уже было отмечено, в Деян 28:21–22 толкование содержит цитату Ис 18:1–2 с последующей ее интерпретацией, то есть оно совпадает с тем, что читается в *КБ 24*. Однако после окончания Деяний (л. 149 об. **ко^П сѣ^С и дѣланіѿ^М**) в этой рукописи снова возобновляется текст Деяний, причем инфинитивная конструкция в толковании представлена здесь в ином переводе (на поле стоит номер зачала **51**): **прежѣ^Д даже не пріити павлоу въ ри^М. заповѣдано баше юудеѿмъ не пріати еже ѿ хѣ^С проповѣданіе** (л. 150), далее читается продолжение текста толкования **... прѣво^Сщенници и кнйици. . . ѿко повсюдѹ противѣтса ѿ^М** (л. 150–150 об.), а сразу за этим текстом идет толкование Иоанна Златоуста **зри паки павла не ѿ знаменій но ѿ закона и прѣркъ възыща и^Х** (л. 150 об.), а далее нет того фрагмента толкований, который не читается в ТА-болг., а есть в восполнении Максима Грека. Таким образом, текст этого стиха в *ТСЛ 118* читается дважды — один раз в дополненной версии Максима Грека, находящей соответствие в греческом тексте, второй раз — без этого дополнения (которое в то же время отсутствует и в ТА-болг.). Во втором варианте здесь представлен тот набор чтений, который характеризует Усп. Очевидно, что в составе *ТСЛ 118* сведены воедино два варианта окончания толковых Деяний, бытующих в русской традиции, — вариант с лакуной и вариант, восполненный и отредактированный Максимом Греком.

Наличие в рукописях, имеющих приписку о выполнении перевода недостающих частей Максимом Греком и Власом Игнатовым, особой финальной части Деяний подтверждает верность сведений, содержащихся в самой приписке, о том, что перевод Деяний в составе Толкового Апостола был отредактирован по греческому тексту до конца, а не только переведены отсутствовавшие в русской традиции фрагменты. Присутствие в новопереведенных и отредактированных частях толковых Деяний лексических русизмов позволяет отнести их к деятельности русских сотрудников Максима, прежде всего Власа Игнатова.

⁵ За эти сведения приношу искреннюю благодарность М. А. Бобрик. Подробное описание состава толкового Апостола в Великих Миней Четых см. [Бобрик 2011].

Библиография

Источники

*Рукописные***КБ 9**

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/134, XV в.

КБ 24

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 24/149, XVI в.

Син 995

Государственный исторический музей (Москва), Синодальное собрание, № 995, Минея четья (месяц июнь) сер. XVI в.

ТСЛ 63

Российская государственная библиотека (Москва), Собрание Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 63, Книги 16 Пророков кон. XV в.

ТСЛ 118

Российская государственная библиотека (Москва), Собрание Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 118, Апостол толковый XVI в.

F.I.516

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), F.I.516, 1516 г.

*Издания***CRAMER 1838**

CRAMER J. A., ed., *Catena in Acta SS. Apostolorum e cod. nov. coll. Descripsit et nunc primum edidit adjecta lectionis varietate e cod. Coislin*, 3, Oxonii, 1838.

Литература

АЛЕКСЕЕВ 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

БОБРИК 2011

БОБРИК М. А., “Толковый Апостол в Великих Четвхх Минеях: два списка — две редакции”, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2010–2011)*, Москва, 2011, 52–102.

ВЕРНЕР 2011

ВЕРНЕР И. В., “«Нестандартная грамматика» библейских переводов Максима Грека: Влияние «Доната» Дмитрия Герасимова на церковнославянский язык IV Маккавейской книги и книги Есфирь”, в: *Священное Писание как фактор языкового и литературного развития*, С.-Петербург, 2011, 197–222.

ГИППИУС 2004

ГИППИУС А. А., “Социокультурная динамика письма в Древней Руси. (О книге: S. Franklin. *Writing, Society and Culture in Early Rus*, с. 950–1300. Cambridge, 2002)”, *Русский язык в научном освещении*, 7(1), 2004, 171–194.

ЕВСЕЕВ 1897, 1–2

ЕВСЕЕВ И. Е., *Книга пророка Исаяи в древнеславянском переводе*, 1–2, С.-Петербург, 1897.

МАКСИМОВИЧ 2004

МАКСИМОВИЧ К. А., *Законъ соудьныи людъмь. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*, Москва, 2004.

ПЕНТКОВСКАЯ 2015

ПЕНТКОВСКАЯ Т. В., "Толковый Апостол в переводе-восполнении Максима Грека и в среднеболгарском переводе: принципы и характер работы над текстом", в: *Круги времен: В память Е. К. Ромодановской*, 2, Москва, 2015 (в печати).

РОМОДАНОВСКАЯ 2000

РОМОДАНОВСКАЯ В. А., "«Седе одесную Отца» или «Сидель еси»? К вопросу о грамматической правке Максима Грека", в: *Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания*, Новосибирск, 2000, 232–238.

СДРЯ XI–XIV вв., 1–10

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–10—, Москва, 1988–2013—.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–29

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29—, Москва, 1975–2011—.

ТУРИЛОВ 2010

ТУРИЛОВ А. А., "Власий", в: *Православная энциклопедия*, 9, Москва, 2010, 107–108.

ФРАНКЛИН 2010

ФРАНКЛИН С., *Письменность, общество и культура в Древней Руси*, С.-Петербург, 2010.

ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ 1996

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 3-е русск. изд., пер. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА, 1–3, С.-Петербург, 1996.

ЧЕРНЫХ 1994

ЧЕРНЫХ П. Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, 1–3, Москва, 1994.

References

Alekseev A. A., *Tekstologija slavianskoi Biblii*, St. Petersburg, 1999.

Bobrik M. A., "Tolkovyi Apostol v Velikikh Chet'ikh Mineiakh: dva spiska — dve redaktsii," in: *Lingvističeskoe istočnikovedenie i istoriia russkogo iazyka (2010–2011)*, Moscow, 2011, 52–102.

Chernykh P. Ya., *Istoriko-etimologičeskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka*, 1–3, Moscow, 1994.

Franklin S., *Pis'mennost', obščestvo i kul'tura v Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2010.

Gippius A. A., "Sotsiokul'turnaia dinamika pis'ma v Drevnei Rusi. (O knige: S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002)," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 7(1), 2004, 171–194.

Maksimovich K. A., *Zakon' soud'nyi liud'm'. Istočnikovedčeskie i lingvističeskie aspekty issledovaniia slavianskogo iuridičeskogo pamiatnika*, Moscow, 2004.

Pentkovskaya T. V., "Tolkovyi Apostol v perevede-vo spolnenii Maksima Greka i v srednebolgarskom pe-

revode: printsipy i kharakter raboty nad tekstem," in: *Krugy vremeni: V pamiat' E. K. Romodanovskoi*, 2, Moscow (in print).

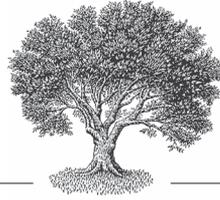
Romodanovskaya V. A., "«Sede odesnuiu Ottsa» ili «Sidel' esi»? K voprosu o grammatičeskoi pravke Maksima Greka," in: *Problemy istorii, russkoi knižnosti, kul'tury i obščestvennogo soznaniia*, Novosibirsk, 2000, 232–238.

Turilov A. A., "Vlasii," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 9, Moscow, 2010, 107–108.

Vasmer M., *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka*, O. N. Trubachev, ed., 3rd edition, 1–3, St. Petersburg, 1996.

Verner I. V., "«Nestandardnaia grammatika» bibličeskikh perevodov Maksima Greka: Vliianie «Donata» Dmitriia Gerasimova na tserkovnoslavianskii iazyk IV Makkaveiskoi knigi i knigi Esfir'," in: *Sviaschennoe Pisanie kak faktor iazykovogo i literaturnogo razvitiia*, St. Petersburg, 2011, 197–222.

проф. Татьяна Викторовна Пентковская, доктор филол. наук
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
профессор кафедры русского языка филологического факультета
119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов
Россия/Russia
pentkovskaia@gmail.com

“Гридьба в корабли”
и “перепелка
в дубраве”:
к прочтению
древнерусского
фольклорного
текста*

**Владимир Яковлевич
Петрухин**

Институт славяноведения РАН
(Москва)

“Grid’ba in the
Ship” and
“Quail in the Forest”:
A Reading of the
Old Russian
Folklore Text

Vladimir Ya. Petrukhin

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences (Moscow)

Резюме

Фольклорный текст из новгородской Софии о дружине в корабле и перепелке в дубраве представляет собой заговор, отсылающий душу девушки/невесты в образе перепелки в лес — иной мир.

Ключевые слова

граффити, заговор, похороны, свадьба, дружина, душа-птица

Abstract

In her discussion of the Novgorod Sophia Chronicle, Tatiana V. Rozhdestvenskaya supposed that the folklore text in this source referring to “grid’ba in the ship” and “quail in the forest” is related to burial rites. The text, however, could also be

* В данной научной работе использованы результаты проекта “Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

connected with another “rite of passage”—a wedding ceremony, with the wedding retinue in the ship (as matchmakers) and a pie in the stove (as a wedding dish); the quail in the forest seems to be a charm, sending the soul of the deceased female/bride in the guise of a quail to the forest, the world of the dead. Old Russian and Scandinavian parallels—for example, burial in a boat, Olga’s massacre of the Drevlian matchmakers (in the Russian Primary Chronicle), and the attempt described in an Icelandic saga involving the scalding of the bridegroom in the bath—seem to be essential for an interpretation of the text from the Sophia Chronicle. The charm could be intended to prevent the return of a ghost to the world of the living. The charm was perceived as blasphemous in the church, which is why it was crossed out by a pious “censor” and inscribed with the command to “let those hands wither.”

Keywords

graffiti, charms, funeral, wedding, retinue in ship, bird-soul

Уникальный текст (граффити) фольклорного содержания сохранился на стене Мартирьевской паперти в Софии Новгородской. Он датируется рубежом XII и XIII вв. и был восстановлен А. А. МЕДЫНЦЕВОЙ [1977: 148–149, № 203]: “(ки)те пиро(ге въ) печи, гридьба въ корабли [далее следует разделительная горизонтальная черта] перепелка па(ре въ) дуброве пост(ави) кашоу по(ста)ви пироге тоу иди”. В первой части исследовательница усмотрела поговорку: “как пироги сидят в печи, так и гридьба [гриди, дружина] в корабле”; вторая часть воспринимается как аналог детской песенки-считалки о сороке, наварившей для детей (гостей) каши¹.

Невинные, на первый взгляд, фольклорные упражнения вызвали, однако, негодование “цензора” настенных надписей — он перечеркнул написанное с заклитием: “оусохните ти роуки”. Т. В. Рождественская предположила более серьезную семантику текста, увязав его с погребальным обрядом, что естественно соотносится со значением других надписей в древнерусских храмах, призывающих Господа помочь душе (усопшего). Вероятно, “цензор” усмотрел кощунство в самом обращении к неканоническому жанру — фольклору. Сильным аргументом в пользу трактовки текста, связующей его смысл с посмертной судьбой души, представляется напоминание Т. В. Рождественской о том, что душа едва ли не во всех традициях представлялась в образе птицы. Таким образом,

¹ Комментаторы книги Дж. Феннела [1989: 254] разделяют интерпретацию А. А. Медынцевой: “Своеобразную полемику духовного лица со светским, очевидно, принадлежавшим к окружению князя, сохранили два граффити Софийского собора. За поговоркой «Как сидят пироги в печи, так и гридьба в корабли» и заклинанием «Перепелка парит в дубраве, поставила кашу, поставила пироги, туда иди» стоит пожелание богобоязненного человека: «Усохните ти роуки»”.

“перепелка” (как посмертное состояние души) по смыслу увязывается с первым фрагментом текста, упоминающим “гридьбу в корабли”; соответственно, корабль оказывается погребальной ладьей, гробом в скандинавской традиции [Рождественская 1991: 56–57].

Несколько диссонирует с этой интерпретацией собирательное значение термина *гридьба* как обозначение княжеской дружины, гридей, а не одного покойника. Между тем целая дружина в ладье присутствует в фольклорном мотиве, сохраненном ПВЛ (под 945 г.): древлянские сваты (которых сами древляне именуют дружиной) попадают в ловушку, расставленную мстящей за смерть мужа княгиней Ольгой, и оказываются заживо погребенными в ладье [ПВЛ 1996: 27–28]. И хотя расправа с последующими сватами (сожжение в бане) мало напоминает о “пироге в печи”, контекст погребального обряда (расправы с врагами — ср. комментарий Д. С. Лихачева [ПВЛ 1996: 435–436]²) и вообще “обряда перехода” в иной мир сохраняется, ибо и планируемая сватами свадьба есть тоже обряд перехода [Ван Геннеп 1999].

Со свадьбой могут быть связаны “пирог в печи” [Гура 2009] и другой более странный мотив новгородского граффити — перепелка, парящая в дубраве: странность в том, что перепелка — полевая птица. При этом перепелка (или тетерка) в славянском фольклоре оказывается символом невесты, отправляющейся в чужое пространство (чужой род), которое ассоциируется не со своим домом, а с лесом (бором); известен и обряд помещения культовой фигурки тетерки в печь в доме жениха [Гура 1997: 721]. Здесь уже не просто свадебный пирог, а мотив перепекания “чужого” персонажа, изготовления его для жизни в новом мире (см. в статье “Печь” в словаре “Славянские древности” [Топорков 2009]; ср. в индоевропейском контексте: [Маламуд 2005]).

Погребальный обряд совпадает со свадебным, когда умирает девушка: свадебными атрибутами необходимо завершить ее жизненный цикл, иначе покойница станет “ходячей”³. Если увязывать новгородский фольклорный текст с обоими обрядами перехода (похороны/свадьба), то смысл его сводится к выпроваживанию опасной для живых души (в облике перепелки) с ее свадебной дружиной (гридьбой) на тот свет, где для них приготовлены каша и пироги. Обещание пира и веселья на том свете — традиционный мотив заговоров, отсылающих в потусторонний

² Дж. МакКиннел указал автору скандинавские параллели летописному сюжету расправы с древлянами (такие параллели считает актуальными и Т. В. Рождественская в связи со скандинавским происхождением термина *гридьба* и обрядом погребения в ладье): Стюр заманил в баню и убил двоих берсерков, один из которых сватался к его дочери (Сага о битве на Пустоши, IV: 49–50 [Циммерлинг 2000]).

³ В русской быличке мертвый муж возвращается к жене через отверстие в печи и домогается живой супруги [Запорожец 2014: 415–416].

мир нечистую силу (болезнь и т. п. — ср. [ПЗ 2003: 711]⁴), что воспринималось клириком как кошунство, тем более выцарапанное на стене церковной паперти. Поминальный текст на стене Мартирьевской паперти цитирует, в таком случае, заговор, направленный на упокоевание невесты-“перепелки” на том свете, а потому и был перечеркнут.

Библиография

ВАН ГЕННЕП 1999

ВАН ГЕННЕП А., *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*, Москва, 1999.

ГУРА 1997

ГУРА А. В., *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва, 1997.

— 2009

ГУРА А. В., “Пирог”, в: Н. И. Толстой, ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 4, Москва, 2009, 47–52.

ЕЛЕОНСКАЯ 1994

ЕЛЕОНСКАЯ Е. Н., *Сказка, заговор и колдовство в России: Сборник трудов*, Москва, 1994.

ЗАПОРОЖЕЦ 2014

ЗАПОРОЖЕЦ В. В., “«У меня тут бес под мышкой»: мифологические рассказы М. Гайдук (публикация)”, в: *In tmbra: демонология как семиотическая система*, 3, Москва, 2014, 405–424.

МАЛАМУД 2005

МАЛАМУД Ш., *Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии*, Москва, 2005.

МЕДЫНЦЕВА 1977

МЕДЫНЦЕВА А. А., *Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора*, Москва, 1977.

ПВЛ 1996

СВЕРДЛОВ М. Б., подгот., *Повесть временных лет*, 2-е изд., С.-Петербург, 1996.

ПЗ 2003

Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.), Москва, 2003.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 1991

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Т. В., *Древнерусская эпиграфика X–XV вв.*, С.-Петербург, 1991.

ТОПОРКОВ 2009

ТОПОРКОВ А. Л., “Печь”, в: Н. И. Толстой, ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 4, Москва, 39–44.

ЦИММЕРЛИНГ 2000

“Сага о битве на Пустоши”, в: А. В. Циммерлинг, пер., ред., *Исландские саги*, Москва, 2000, 44–110.

ФЕННЕЛ 1989

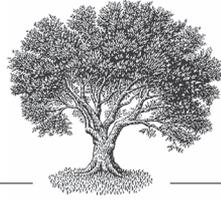
ЛИФШИЦ Л. И., ПЛИГУЗОВ А. И., ХОРОШКЕВИЧ А. Л., “Приложения”, в: Дж. Феннел, *Кризис средневековой Руси: 1200–1304*, Москва, 1989, 227–278.

⁴ Объект расчленяется на составляющие его элементы, отсылаемые в собственные локусы — пирог в печь, дружина в корабль, душа-перепелка — в лес, ср. заговоры против оружия: “. . . а подите стрелы цевьем во свою мать во дерево, а перьем во свою мать во птицу, а птица в небо, а клей во свою мать в рыбу, а рыба в море, а железом во свою мать землю, из земли взято, в землю и поди. . .” [Елеонская 1994: 130].

References

- Eleonskaya E. N., *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii*, Moscow, 1994.
- Khoroshkevich A. L., Lifshits L. I., Pliguzov A. I., “Prilozheniia,” in: J. Fennell, *Krizis srednevekovoi Rusi: 1200–1304*, Moscow, 1989, 227–278.
- Gura A. V., *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*, Moscow, 1997.
- Gura A. V., “Pirog,” in: N. I. Tolstoy, ed., *Slavian-skie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, 4, Moscow, 2009, 47–52.
- Malamud Sh., *Ispech' mir: ritual i mysl' v drevnei Indii*, Moscow, 2005.
- Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi Novgorodskogo Sofitskogo sobora*, Moscow, 1977.
- Rozhdestvenskaya T. V., *Drevnerusskaia epigrafika X–XV vv.*, St. Petersburg, 1991.
- Toporkov A. L., “Pech',” in: N. I. Tolstoy, ed., *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, 4, Moscow, 39–44.
- van Gennep A., *Obriady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obriadov*, Moscow, 1999.
- Zaporozhets V. V., “«U menia tut bes pod mysh-koi»: mifologicheskie rasskazy M. Gaiduk (publikatsiia),” in: *In umbra: demonologiya kak semioticheskaya sistema*, 3, Moscow, 2014, 405–424.
- Zimmerling A. V., transl., ed., *Islandskie sagi*, Moscow, 2000.
-

проф. **Владимир Яковлевич Петрухин**, доктор ист. наук
Институт славяноведения РАН, главный научный сотрудник
Отдела истории средних веков
119991 Москва, Ленинский проспект, 32 А
Россия/Russia
vladimir.petrukhin@gmail.com

Как работал с источниками древнерусский переводчик?

Анна Абрамовна Пичхадзе

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

How Did a Translator into Old Russian Work with His Sources?

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences (Moscow)

Резюме

В статье приводятся примеры слитных чтений (conflatio) из древнерусского перевода “Жития Андрея Юродивого”, отражающих варианты разных греческих рукописей. Как представляется, они свидетельствуют о том, что переводчик работал по меньшей мере с двумя греческими рукописями, что позволяло ему выбирать чтения, которые казались ему лучшими.

Ключевые слова

древнерусские переводы, слитные чтения (conflatio), Житие Андрея Юродивого

Abstract

It is a well-known fact that medieval scribes often used several manuscripts as their sources in order to produce a new copy of a text; this is because every source manuscript can contain errors or be damaged. Because scribes did not attempt and were not able to select source manuscripts belonging to the same textual group, the new copy might reflect more than one textual tradition. Translators from Greek into Church Slavonic apparently had the same problems with their sources as scribes did. Moreover, translators had even more difficult problems due to itacism and the numerous abbreviations used in Byzantine manuscripts. However, so far scholars have provided no evidence for the use of multiple Greek manuscripts for translations into Church Slavonic. In this article a few instances of contaminated readings (conflations) from the Old Russian translation of the *Life of St. Andrew the Fool* are cited. They reflect variant readings from different Greek manuscripts

and seem to prove that the translator worked from at least two Greek manuscript sources, which enabled him to choose the wording he considered to be the best for any given passage.

Keywords

Old Russian translations, contaminated readings (conflations), *Life of St. Andrew the Fool*

В эпоху, когда книгопечатания не существовало, при копировании текстов писцы обращались не к одной рукописи, а к нескольким, поскольку в каждой рукописи неизбежно содержатся ошибки и искажения, не говоря уже о том, что списки часто бывают повреждены. Привлечение нескольких источников давало возможность правильно воспроизводить переписываемый текст, а в случае расхождения источников — выбирать то чтение, которое казалось переписчику лучшим. Так возникал контролируемый текст, часто контаминированный (сводный), поскольку переписчики не ставили перед собой цели, да и не в состоянии были отобрать источники, принадлежащие к одной текстовой группе [Алексеев 1999: 48–51]. Однако те же проблемы поиска исправного текста, ощущаемые, пожалуй, еще более остро, стояли и перед славянскими переводчиками: при чтении греческих рукописей, с которыми они работали, возникало еще больше трудностей, чем при копировании славянских манускриптов: понимание текста осложнял итацизм, приводивший к омонимии разных слов и грамматических форм, а также многочисленные сокращения, широко распространенные в византийских кодексах. Между тем прямых свидетельств в пользу того, что переводчики пользовались несколькими рукописями оригинального текста, до сих пор как будто не приводилось. Это неудивительно: неопровержимым свидетельством могли бы служить так называемые слитные чтения (*conflatio*), т. е. отражение в переводе чтений двух разных списков одновременно, а такие случаи встречаются крайне редко.

Между тем они имеются в переводе “Жития Андрея Юродивого”, выполненном, судя по всему, на северо-западе Руси не позже середины XII в. Памятник всесторонне изучен и издан А. М. Молдованом по древнейшему списку XIV в. вместе с греческим списком *Μον. 552* XIV в. [Молдован 2000]¹. Текстологическое исследование греческого текста “Жития” и его критическое издание было осуществлено Л. Риденем [Rydén 1995]. Мюнхенский список *Μον. 552* существенно отклоняется от первоначального типа греческого текста, засвидетельствованного

¹ Текст “Жития” приводится ниже по этому изданию, цифры после цитат обозначают номера строк.

кодексами начиная с X в.; как указал Л. Риден, именно список Mon. 552 содержит редакцию, с которой был выполнен древнерусский перевод, хотя полного тождества между мюнхенским списком и древнерусским переводом нет [RYDÉN 1995, 1: 97; Молдован 2000: 13–15].

Несмотря на очевидную зависимость славянского перевода от редакции мюнхенского списка, можно отметить ряд мест, где перевод отражает чтения первоначального типа греческого текста (на первом месте — чтение первоначального типа, в круглых скобках — чтения мюнхенского списка):

шЕдше покажите ὑπάγετε δείξατε — мн. ч. [RYDÉN 1995, 2: 22] (ὑπάγετε δείξον — ед. ч.) 243;

можетъ ницнѣти ἴᾳται [RYDÉN 1995, 2: 26] (ἔᾳται ‘отпускается’) 345;

срамляющеся αἰσχυνόμενοι [RYDÉN 1995, 2: 88] (αἰσχύνης πληρούμενοι ‘преисполняющиеся стыдом’) 1674;

лѣпаа πρέποντα [RYDÉN 1995, 2: 128] (πνέοντα ‘дующие’) 2473;

грѣхы τὰς ἀμαρτίας [RYDÉN 1995, 2: 142] (τὰς ἀνομίας ‘беззакония’) 2746;

призрю ἐπιβλέψω [RYDÉN 1995, 2: 144] (ἴδω — бесприставочный глагол) 2783;

повѣсти дѣласта διελέγεσθε [RYDÉN 1995, 2: 162] (διεσκέπτεσθε ‘рассматривали’) 3202;

обычаа ἔθνη [RYDÉN 1995, 2: 228] (ἔθνη ‘народы’) 4559;

ноздрѣма ταῖς ὀσφρήσεσιν [RYDÉN 1995, 2: 284] (ταῖς φρεσίν ‘чувствам, уму’) 5561.

Список примеров такого рода можно было бы увеличить. Кроме того, иногда славянский перевод совпадает с особой разновидностью текста, которую Л. Риден обозначает литерой ζ [RYDÉN 1995, 1: 99]; к ней принадлежат кодексы С (XII в.), К (1293 г.) и V (1630 г.):

всєа ζεμίη τῆς οἰκουμένης [RYDÉN 1995, 2: 270] (τῆς κτίσεως ‘творения’) 5287;

са . . . вѣти συνάψαι τὸν πόλεμον [RYDÉN 1995, 2: 270–271] (δικάσασθαι ‘разбираться, судиться’) 5289.

Есть случаи, когда перевод соответствует чтениям кодекса D (XI–XII вв.), который текстологически ближе всего к мюнхенскому списку [RYDÉN 1995, 1: 97–98]: **кладутьъ накупь** στοιβάζουσιν [RYDÉN 1995, 2: 164] (ἑτοιμάζουσιν ‘готовят’) 3279.

Однако сами по себе эти случаи еще не свидетельствуют о том, что переводчик обращался к нескольким греческим источникам: можно

допустить, что он пользовался контаминированным греческим кодексом, в котором содержались чтения разных текстовых групп и редакций. Доказательной силой обладают контексты, в которых славянский перевод отражает чтение разных версий греческого текста одновременно:

755 **ѡкоже молнино видиныѡ** ὡσπερ ἀστραπή Μον. 552 и др., ὡς τι εἶδος в более аутентичных кодексах [RUDÉN 1995, 2: 46]; переводчик удачно соединил оба варианта — ἀστραπή ‘молния’ и εἶδος ‘вид, видение’ — в сочетание определения с существительным;

4996 **да ѡкоже се слышашѡ. видѡ** епифанѡ стогаше молча. зрѡ на мѡчка ὡς δὲ ταῦτα ὁρῶν ὁ Ἐπιφάνιος, ἴστατο ἐννεὸς, τρανῶ τῶ ὄμματι βλέπων τὸν μάρτυρα Μον. 552 и др., в более аутентичных кодексах вместо ὁρῶν ‘видя’ читается ἤκουσεν ‘услышал’ [RUDÉN 1995, 2: 252]; здесь после речи мученика Акакия, явившегося Епифанию, переводчиком также объединены разные чтения греческих списков, что породило довольно странное сочетание **слышашѡ. видѡ** (Епифаний, конечно же, слышал слова мученика; о том, что он смотрел на него, говорится дальше — **зрѡ на мѡчка**, βλέπων τὸν μάρτυρα; чтение ὁρῶν, таким образом, является предвосхищением βλέπων);

5148 **и приложитѡ пакы всѡ** мирюкѡ (в др. списках: **весь люрикѡ**) кѡ цѡрѡствѡ грѡцкѡ καὶ ἀποσταθῆσεται ἅπαν τὸ Ἰλλυρικὸν τῇ βασιλείᾳ Ῥωμαίων Μον. 552, в кодексе D, близком к мюнхенскому, вместо ἅπαν ‘весь’ читается πάλιν ‘опять’ [RUDÉN 1995, 2: 262].

Эти слитные чтения в переводе “Жития Андрея Юродивого” представляются надежным свидетельством того, что славянские переводчики, так же как и славянские писцы, в поисках исправного текста обращались к нескольким оригинальным источникам одновременно. Едва ли нужно предполагать, что слитные чтения находились в уже контаминированном оригинале переводчика “Жития Андрея Юродивого”: трудно представить себе, чтобы во втором из цитированных контекстов какой-нибудь греческий кодекс имел вариант ἤκουσεν ὁρῶν. Более правдоподобным кажется, что чтения разных греческих списков объединял славянский переводчик, допуская их слияние, когда оно не нарушало (по крайней мере слишком ощутимо) синтаксическую и смысловую правильность перевода.

Библиография

АЛЕКСЕЕВ 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

МОЛДОВАН 2000

МОЛДОВАН А. М., *“Житие Андрея Юродивого” в славянской письменности*, Москва, 2000.

RYDÉN 1995, 1–2

RYDÉN L., ed., *The Life of St Andrew the Fool, 1: Introduction, Testimonies and Nachleben. Indices, 2: Text, Translation and Notes. Appendices*, Uppsala, 1995.

References

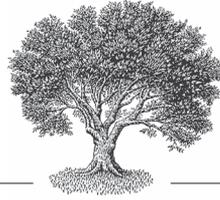
Alekseev A. A., *Tekstologiia slavianskoi Biblii*, St. Petersburg, 1999.Moldovan A. M., *“Zhitie Andreia Iurodivogo” v slavianskoi pis'mennosti*, Moscow, 2000.Rydén L., ed., *The Life of St Andrew the Fool, 1–2*, Uppsala, 1995.**Анна Абрамовна Пичхадзе**, доктор филол. наукведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения
и истории русского литературного языка,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, Волхонка 18/2

Россия/Russia

rusyaz@yandex.ru

О происхождении
лубочного текста
“Реестр о дамах
и прекрасных
девицах”*

**Александра Андреевна
Плетнева**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

On the Origins of
the Lubok Text
*The Register of Dames
and Handsome
Maidens*

Alexandra A. Pletneva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Резюме

Статья посвящена установлению прототипа и источников “Реестра о дамах и прекрасных девицах”, бытующего в лубочной традиции древнерусского текста рубежа XVII–XVIII вв. Этот текст представляет собой перечень женских имен с юмористическими толкованиями. Сатирические тексты XVII в. очень часто композиционно воспроизводят документы и литературные формы, хорошо знакомые современникам. Известны сатирические тексты, воспроизводящие структуру церковной службы, азбучной молитвы, челобитной и т. д. В рукописной и лубочной литературе XVII–XVIII вв. имеется значительное количество текстов, включающих в себя списки имен, каждое из которых сопровождается юмористической характеристикой. Эти тексты по форме и композиции опираются на древнерусские словари-ономастиконы, в частности, на сочинение Максима Грека “Толкование именам по алфавиту”. В отличие от других текстов, организованных в виде списка имен, “Реестр о дамах” связан со свадебным обрядом и имеет достаточно четкую историческую привязку. Возможным источником этого текста является реестр царских невест, который велся в 1669–1670 гг. в связи с намерением Алексея Михайловича вступить во второй брак. В тексте “Реестра о дамах” встречаются практически все имена (за исключением двух), имеющиеся в прототипе, в том числе и имена достаточно редкие. К тому же в

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 15-04-12050).

“Реестре” особо выделено имя Наталья, что соотносится с именем царской избранницы Натальи Нарышкиной.

Ключевые слова

лубок, древнерусская литература, свадебный обряд, ономастиконы

Abstract

This article is devoted to the attempts to identify the prototype and the sources of *The Register of Dames and Handsome Maidens*, which was part of the lubok tradition of the 17th–18th centuries. This text is a list of female proper names provided with humorous commentaries. The satirical texts of the 17th century frequently replicate the structure of the documents and literary texts of those times. Some satirical texts represent the structure of church services, an alphabet prayer, a petition, etc. Among the manuscript and lubok texts of the 17th–18th centuries, there is a significant number of texts which include lists of names with humorous characteristics. These texts may be dated back to the Old Russian dictionaries of proper names, e.g., the *Commentaries on the Names in Alphabetical Order* by Maximus the Greek. Unlike the other texts organized as lists of names, *The Register of Dames* is related to the wedding ritual, and its probable source can be identified as the register of potential brides for Tsar Alexey Mikhailovich, which was compiled in 1669–1670, when Tsar Alexey was planning to marry for a second time. The text of *the Register* includes all but two of the names that appear in the probable prototype, including rather rare names. Furthermore, the name Natalia—that is, the tsar’s future wife—is particularly emphasized.

Keywords

lubok, ancient and medieval Russian literature, wedding ritual, lists of proper names

l.

Появившийся на рубеже XVII и XVIII вв. “Реестр о дамах и о прекрасных девицах” известен только в лубочной версии. Он был опубликован Д. А. Ровинским в его фундаментальном своде “Русские народные картинки” (см. *Рус. 1*)¹. Работ, посвященных этому тексту, практически нет. Типологические параллели к нему пытался отыскать П. В. Флоренский, который считал его “письменно закрепленным осколком целой культуры имен” [Флоренский 2000: 189–192]. Рукописные параллели к этому лубку нам не известны, хотя вообще-то многие тексты, представленные в лубочной традиции, входили в состав рукописных сборников. М. Н. Сперанский, исследовавший рукописные сборники XVIII в. и особо отмечавший те тексты, которые зафиксированы также в лубках, не упоминает “Реестра о дамах” [СПЕРАНСКИЙ 1963: 162].

¹ “Реестр о дамах” известен в нескольких переизданиях (№ 141 по изданию Д. А. Ровинского — картинка, гравированная на дереве, втор. пол. XVIII в, ее позднейшие варианты перегравированы на меди, № 142 — другая картинка с тем же самым текстом) [Ровинский 1881а, 1: 365–367].

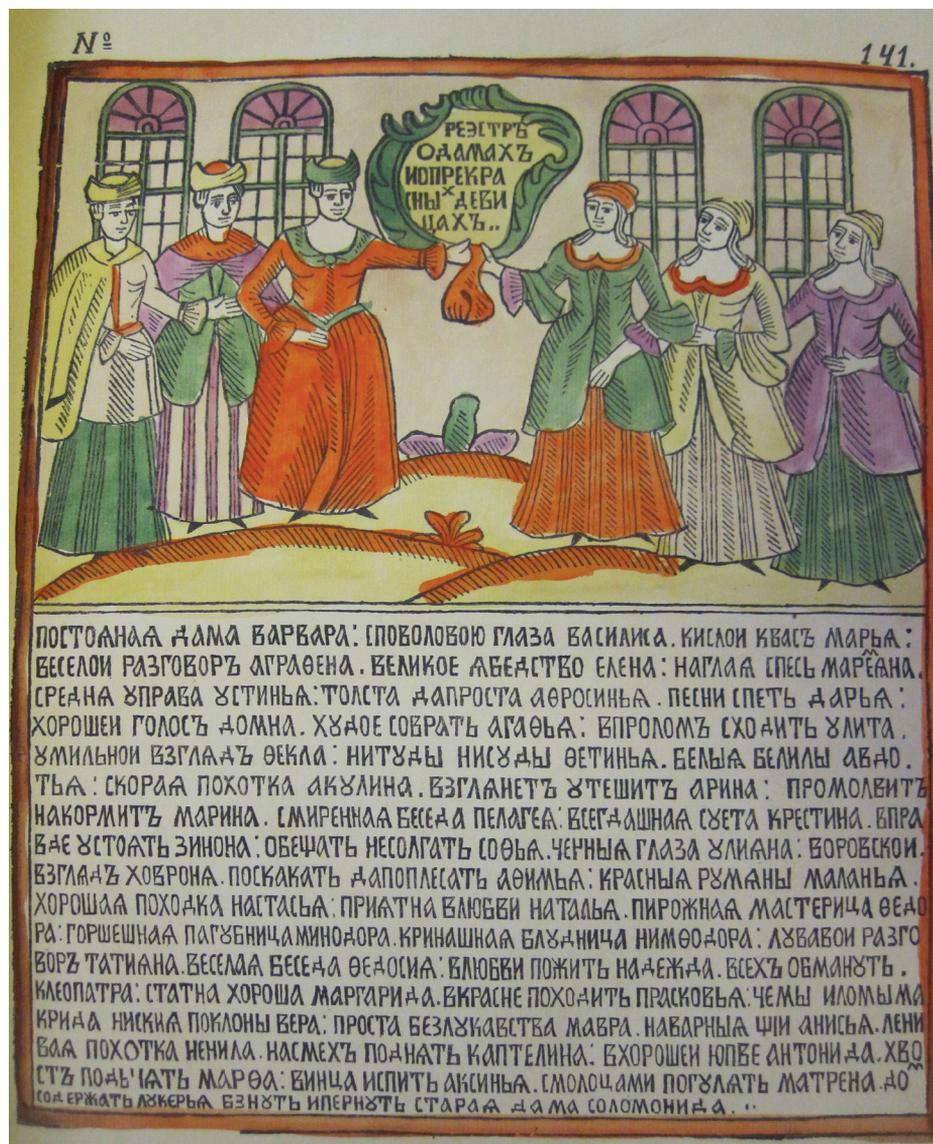

Рис. 1. “Реестр о дамах и о прекрасных девицах” в издании Д. А. Ровинского

Приведем текст лубка:

РЕЭСТРЪ ОДАМАХЪ ИОПРЕКРАСНЫХЪ ДЕВИЦАХЪ..

постоанна дама варвара: споволо<к>ою глаза василиса. кислой квась марья: веселой разговорь аграоена. великое абедство елена: наглая спесь марьяна. средна справа ђстинья: толста дапроста аеросинья. песни спеть дарья: хорошеи голось домна. хђдое соврать агаоья: впроломъ сходить ђлита. ђмильной взглядь оекла: нитђды нисђды оетинья. белыя белилы авдотья: скороа похотка акђлина. възглядеть ђтешить арина: промовлеть накормить марина. смиренна беседа пелагеа: всегдашнаа суета крестина. вправде ђстоать зинона: обещать несолгать сова. черныа глаза ђлиана: воровской взглядь ховрона: поскакать дапоплесать афимья: красныа рђманы маланья: хорошаа походка настасья: приатна влюбви наталья. пирожнаа мастерица оедора: горшешнаа пагђбница минодора. кринашнаа блђдница нимоодора: лу<к>авой разговорь татинана. веселаа беседа оедосиа: влюбви пожить надежда. всехъ обмануть. клеопатра: статна хороша маргарита. вкрасне походить прасковья: чемы иломы макрида нискиа поклоны вера: проста безлђкавства мавра. наварныа щи анисья. ленивала похотка ненила. насмехъ поднать каптелина: вхорошеи юпке антониде. хвостъ подь<н>ать марђа: винца испить аксинья. с молоцями погђлать матрена, дђ содержать лђкерья. бзнђть ипернуть стараа баба соломонида [Ровинский 1881а, 1: 365; Ровинский 1881б: № 141].

Мы видим, что текст представляет собой список женских имен, которые сопровождаются кратким, нередко шуточным или даже абсурдным толкованием. Мы не можем рационально объяснить, почему, например, Авдотья характеризуется как “белыя белилы”, Аксинья любит “винца испить”, а Матрена — “с молодцами погулять”, не понимаем, почему отличительная черта Настасьи — “хорошая походка”, в то время как про Фетинью вообще сложно сказать что-то определенное — “ни туды ни сюды”.

Хочется обратить внимание на некоторые особенности этого текста. Во-первых, его юмористический характер дает основание для того, чтобы поставить его в ряд других юмористических и сатирических произведений, которые в советском литературоведении получили не особенно удачное, на мой взгляд, название “демократической сатиры”. Как известно, многие произведения, относящиеся к этой группе, являются пародией на определенный жанр письменности. Тексты воспроизводят структуру хорошо известного читателям литературного жанра или формуляр документа, наполняя его другим содержанием [Лихачев и др. 1984: 11]. Именно это несоответствие формы и содержания и создает эффект комического. Так, например, “Служба кабаку” (“Праздник кабацких ярыжек”) является пародией на церковную службу². “Азбука о голом и небогатом человеке” воспроизводит структуру азбучной молитвы

² “Служба кабаку” воспроизводит структуру вечерни с каноном, к которым прибавлено житие. Об этом см. [Адрианова-Перетц 1934].

(толковой азбуки)³, “Калязинская челобитная”, как это видно из заглавия, — воспроизводит жанр челобитной, т. е. прошения, в данном случае коллективного (подробнее об этом см. [Адрианова-Перетц 1936: 168–175]). Многочисленные параллели между сатирическими произведениями XVII в. и конкретными литературными жанрами и документами заставляют нас задуматься о том, что же могло быть “формуляром” для “Реестра о дамах”.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, что лубочный текст представляет собой перечень, список. Само название “Реестр”⁴ говорит об этом. Сатирические произведения, имеющие форму списка, во второй половине XVII – начале XVIII вв. встречаются не так уж редко. Они представлены как в рукописной традиции, так и в лубочной. Примером списка может служить “Рассуждение холостого человека о женитьбе”, где перечисляются качества потенциальных невест и перспективы жизни в браке:

Богатую взять — будутъ попрекать
Хорошую взять — много будутъ люди знать
Умную взять — не дасть слова сказать
Иноземку взять — неумеетъ крестьянскихъ работъ работать и т. д. [Ровинский 1881а, 1: 361–362].

Другой текст — “Роспись приданому” — сочинение, пародирующее списки приданного, которые составлялись перед свадьбой:

Испосуды:
Липовы два котла да и те сгорели дотла
Сосновой кувшинъ да вязовое блюдо в шесть аршинъ
Дюжина тарелокъ бумажныхъ да две солонки фантажныхъ
Парусинная кострюлка да табачная люлка и т. д. [Ровинский 1881а, 1: 367–368].

То есть списки — это привычный и понятный способ изложения: литературный текст в виде списка, описи, перечня не является для того времени чем-то исключительным.

Среди “смеховых” текстов, имеющих форму списков, достаточно часто встречаются и списки имен, сопровождающихся или их характеристиками, или характеристиками действий того, кто носит это имя. Одна из самых

³ Так же, как в азбучной молитве, каждая новая строка “Азбуки о голом и небогатом человеке” начинается со слов, первые буквы которых расположены в алфавитном порядке. Из этих первых слов некоторые либо воспроизводят название церковнославянской буквы, либо являются однокоренными к слову, являющемуся названием буквы. Об источниках “Азбуки о голом и небогатом человеке” подробнее см. [Адрианова-Перетц 1936: 156–163].

⁴ Слово *реестр* в значении ‘список, перечень, роспись’ фиксируется в древнерусских текстах со второй половины XVI века [СлРЯ XI–XVII вв., 22: 133].

известных лубочных картинок “Мыши кота погребают”⁵ имеет подписи в виде рифмованного списка, каждый из пунктов которого характеризует определенную мышь. Многие мыши имеют имена и прозвища:

Чюрилка сурначь воспел играетъ ладу незнаеть
Мышь аринка играетъ вольнку
Вболалаику играетъ гостей созываетъ
Мышь срезани всинемъ сарафане горко плачетъ а сама априсятку пляшетъ
Мыши ермаки надели колпаки и т. д. [Ровинский 1881А, 1: 391].

Классическим примером, где обыгрываются имена собственные (правда, в отличие от “Реестра о дамах”, здесь мужские имена) является рифмованный текст о Ерше, возникший на основе популярной повести о Ерше Ершовиче [Панченко 1969]:

Послали миромъ Першу велели заложить вершу
Пришелъ Богданъ ерша Богъ далъ
Пришелъ Устинъ ерша упустилъ.
Пришелъ Иванъ опять ерша поймалъ.
Пришелъ Потапъ сталъ ерша топтать
Пришелъ Давыдъ сталъ ерша давить [Ровинский 1881А, 1: 404].

Возвращаясь к “Реестру о дамах”, отметим, что характеристики не обыгрывают этимологию имен и в этом смысле кажутся совершенно произвольными. Не используются здесь и рифмы. Если в стихотворном тексте о Ерше мужское имя обыгрывается рифмой и рифма подчеркивает звучание имени, наполняя его допустимыми юмористическими смыслами, то в списке женских имен, включенных в “Реестр”, рифма факкультативна и текст строится явно не на фонетическом обыгрывании конкретного имени. При отсутствии этимологической отсылки и стихотворной игры не совсем понятной является авторская интенция. Почему Фекла характеризуется как “умильный взгляд”, а Ховроня как “воровской взгляд”?

Все вышеперечисленные особенности (принадлежность к сатирической традиции, композиция списка и некоторая неочевидность авторского замысла) заставляют нас искать источник или прототип лубочного текста, являющийся списком (предположительно состоящим из имен), который можно было бы обыграть соответствующим образом и который бы в результате этого обыгрывания стал самостоятельным текстом.

⁵ Об истории этого лубка см. [АЛЕКСЕЕВА 1983].

||.

Попробуем выяснить, структуру какого типа текстов воспроизводит “Реестр о дамах”. В древнерусской письменности имеются памятники, представляющие собой списки-словари имен с толкованиями. Русская лексикография началась именно с таких словарей-ономастиконов. Ономастикон “Рѣчь жидовскаго языка”, древнейшая версия которого относится к XIII в., является сборником толкований на встречающиеся в Библии заимствования (не только гебраизмы), значительная часть которых — имена собственные. Известно довольно большое количество подобных словарей [Ковтун 1963: 13–154, 398–431]. Развитием этой традиции стал приписываемый Максиму Греку словарь “Толкование именам по алфавиту”, в котором также в большом количестве представлены имена собственные с толкованиями [Ковтун 1975: 116–205, 313–349]. Толкования, как правило, носят этимологический характер.

Для того чтобы представить, как выглядят толкования имен собственных в упоминаемых словарях, приведем несколько примеров:

Рѣчь жидовскаго языка	Толкование именам по алфавиту
Петръ. Раздрѣшаа	Петръ. Камень
Іаковъ. Послѣднии	Иаковъ єврѣйска пословица а толкбѣтсѧ птернѣистись, ѣже ѣсть по руски, запинатель
Іѡ [Іѡаннѡ — А. П.]. блѣтъ	Анна и іѡаннѣ ѣдинѣ тѡ. блѣтъ
Андреи. Сила	Андрѣи, мѣжественъ
Филиппъ. оуста	Филиппъ конелюбець
Мрїа. Владоуща	Марїа, гѣа

Перечни имен содержатся и в богослужебных книгах. В первую очередь речь идет о встречающемся в ряде церковных книг разделе “Алфавит имен”, где при каждом имени указаны дни церковной памяти святых, носящих данное имя. Женские и мужские имена здесь располагаются отдельно. Таким образом, мы видим, что в книжной традиции времен появления “Реестра о дамах” имелись как списки имен с толкованиями, так и самостоятельные списки женских имен. Связь структуры “Реестра о дамах” с такого рода списками имен (с толкованиями или без них) лежит на поверхности. При этом читателю, не знакомому с еврейским или греческим языком, соотнесение имени с толкованием ономастикона может казаться произвольным, что дает потенциальную возможность предложить другие толкования именам, в том числе юмористические.

Между ономастиконами и “Реестром о дамах” имеются и существенные различия. В ономастиконах имена читаются в каноническом облике,

в то время как “Реестр” дает обиходные формы. Вместо Ксении появляется Аксинья, вместо Ирины — Арина, вместо Марии — Марья и т. д. К тому же в “Реестре о дамах” порядок частей статьи инвертирован: сначала идет толкование, а потом имя, к которому относится это толкование. Это заставляет нас попытаться расширить круг потенциальных источников и обратиться к перечням, имеющим отношение к свадебному обряду.

Связь “Реестра о дамах” со свадебной тематикой осознавал уже Д. А. Ровинский [1881а, 5: 48]. Вообще списки, указы и реестры характерны для свадебного обряда. Так, Е. Э. Бломквист в 20-х гг. XX в. записала тексты свадебных “указов”, т. е. шуточных сочинений, зачитывающихся сельской молодежью накануне свадьбы, и отметила связь этих текстов с лубочной картинкой “Роспись приданому” [Бломквист 1927]. Обыгрывание письменных документов, формуляр которых общеизвестен (заявление, приказ и т. п.), характерно и для современных свадебных развлечений (об этом см. [Матлин 2002: 180–185]).

Соотнесение “Реестра о дамах” со свадебной тематикой дает возможность предложить для этого текста конкретную историческую привязку. Дело в том, что существует документ XVII в., который содержит список женских имен и комментариев к ним. Это список царских невест, который велся с ноября 1669 г. по май 1670 г. в связи с намерением Алексея Михайловича вступить во второй брак⁶. Документ имеет название “178 (1669) г., ноября в 28 день, по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича, всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу, девицы, которыя были в приезде в выборе и в котором месяце и числе, и им роспись” и был впервые опубликован П. П. Пекарским [1865]. Список содержит день смотрин, имя невесты, ее происхождение, в некоторых случаях место, где она живет или остановилась, приехав в Москву, например: “1670 г. января в 3 день. Лаврентьева дочь Капустина Анисья. Андреева дочь Коренева Анна, живет у вотчина своего у Якима Жолобова” [Забелин 1869: 259].

Вот имена царских невест, расположенные в алфавитном порядке: Анна (встречается девять раз), Агафья, Аграфена (два раза), Анисья, Варвара, Василиса, Дарья, Домна, Ирина, Каптилина, Марфа (встречается пять раз), Марья (четыре раза), Матрена, Настасья (три раза), Наталья, Овдотья (шесть раз), Оксинья, Ольга, Офимья, Парасковья (два раза), Соломонида, Татьяна, Федора, Федосья⁷. Обращает на себя

⁶ Просмотр большого количества потенциальных невест был характерен для царского этикета. Об этом см. [Забелин 1869: 259–262].

⁷ Список царских невест демонстрирует, какие имена девушек из знатных семей были популярными в то время. Самыми популярными именами были Анна, Овдотья, Марфа, Марья, Настасья. Такие имена, как Елизавета, Екатерина, Елена, не встретились ни разу.

внимание, что часть имен царских невест приводится в обиходном варианте, а не в каноническом, то есть так же, как и в “Реестре о дамах”.

В лубочном листе встречаются все эти имена, кроме Анны и Ольги. О влиянии этого документа на лубочный текст свидетельствует упоминание в “Реестре о дамах” таких достаточно редких имен, как Каптилина (в варианте Каптелина) и Соломонида. Поскольку приведенный в лубке перечень имен не претендует на полноту, появление здесь редких имен кажется значимым. Также обращает на себя внимание комментарий к имени Наталья. Как известно, Наталья Нарышкина, выбранная Алексеем Михайловичем в жены, отличалась редкой красотой. В лубочном тексте Наталья характеризуется как “приятна в любви”. Да и само заглавие лубка (“Реестр о...”) с очевидностью отсылает к лексикону канцелярий.

Кроме имен из списка невест, в лубке появляются и другие имена. Часть из них присутствует в “Толковании именам по алфавиту”.

Толкование именам по алфавиту	Реестр о дамах
Еѳросініи. дѳброе веселіе	толста дапроста аѳросинья
Ѳекла. бѳгомъ званѳ	умильной взглядь ѳекла
Маріна. морскѳа, римски море маринъ зовѳтся	промолвить накормить марина
Минодѳра. лѳнныи дѳръ	горшешнаѳ пагубница минодора
Мелѳнѳа. Чернѳющи	красныѳ руманы маланья
Макриѳна. Дѳлга	чемы иломы макрида
Нимфодѳра. невѳстныи дѳръ	кринашнаѳ блудница нимѳодора
Пелѳгѳа. пѳчиннаѳ	смиреннаѳ беседа пелѳгеѳа
Софѳѳа. премѳрость	обещать несолгать соѳѳѳа

Любопытно, что ни имени *Каптилина*, ни *Соломонида* в словаре “Толкование именам” нет.

Можно представить себе, что составители списка девушек, приехавших на царские смотрины, или же читатели этого документа, знакомые с обстоятельствами дела, давали собственные шуточные характеристики претенденткам, что привело к созданию текста, пародирующего список невест. Впоследствии этот список был дополнен другими именами. Комментарии к именам в свою очередь опираются на традицию толкований имен в словарях-ономастиконах. Но вместо этимологической справки здесь дается шуточная, игровая характеристика.

Библиография

АДРИАНОВА-ПЕРЕЦ 1934

АДРИАНОВА-ПЕРЕЦ В. П., «Праздник кабацких ярыжек»: Пародия-сатира второй половины XVII века», в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 1, Ленинград, 1934, 172–273.

——— 1936

АДРИАНОВА-ПЕРЕЦ В. П., «Очерки из истории русской сатирической литературы XVII в.: III. «Азбука о голом», IV. «Калязинская челобитная»», в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 3, Ленинград, 1936, 153–194.

АЛЕКСЕЕВА 1983

АЛЕКСЕЕВА М. А., «Гравюра на дереве «Мыши ката на погост волокут» — памятник народного творчества конца XVII – начала XVIII вв.», в: *XVIII век* (= Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте, 14), Ленинград, 1983, 45–79.

БЛОМКВИСТ 1927

БЛОМКВИСТ Е. Э., «Свадебные указы Ростовского уезда (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту)», в: *Художественный фольклор*, 2–3, Москва, 1927, 103–111.

ЗАБЕЛИН 1869

ЗАБЕЛИН И., *Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.*, 2: *Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв.*, Москва, 1869.

КОВТУН 1963

КОВТУН Л. С., *Русская лексикография эпохи средневековья*, Москва, Ленинград, 1963.

——— 1975

КОВТУН Л. С., *Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII века*, Ленинград, 1975.

ЛИХАЧЕВ И ДР. 1984

ЛИХАЧЕВ Д. С., ПАНЧЕНКО А. М., ПОНЫРКО Н. В., *Смех в Древней Руси*, Ленинград, 1984.

МАТЛИН 2002

МАТЛИН М. Г., «Письменные документы как вербальный компонент современной русской свадьбы», в: *Актуальные проблемы полевой фольклористики*, Москва, 2002, 180–185.

ПАНЧЕНКО 1969

ПАНЧЕНКО А. М., «Повесть о Ерше Ершовиче», в: А. М. Панченко, подгот. текста и примеч., *Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси*, Москва, 1969, 581–588, 777–778.

ПЕКАРСКИЙ 1865

ПЕКАРСКИЙ П. П., «Список девиц, из которых в 1670 и 1671 годах выбирал себе супругу царь Алексей Михайлович», *Известия Императорского исторического общества*, 5, 1865, 469–472.

РОВИНСКИЙ 1881а, 1–5

РОВИНСКИЙ Д. А., *Русские народные картинки*, 1–5, С.-Петербург, 1881.

——— 1881б

РОВИНСКИЙ Д. А., собр. и опис., *Русские народные картинки. Атлас*, С.-Петербург, 1881.

СЛРЯ XI–XVII вв., 1–29

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29–, Москва, 1975–2011–.

СПЕРАНСКИЙ 1963

СПЕРАНСКИЙ М. Н., *Рукописные сборники XVIII века*, Москва, 1963.

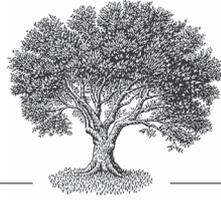
ФЛОРЕНСКИЙ 2000

ФЛОРЕНСКИЙ П. В., свящ., *Сочинения в четырех томах*, 3/2, Москва, 2000.

References

- Adrianova-Peretts V. P., "«Prazdnik kabatskikh iaryzhkek»: Parodiia-satira vtoroi poloviny XVII veka," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 1, Leningrad, 1934, 172–273.
- Adrianova-Peretts V. P., "Ocherki iz istorii russkoi satiricheskoi literatury XVII v.: III. «Azбуka o golom», IV. «Kaliazinskaia chelobitnaia»," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 3, Leningrad, 1936, 153–194.
- Alekseeva M. A., "Graviura na dereve «Myshi kota na pogost volokut» — pamiatnik narodnogo tvorchestva kontsa XVII — nachala XVIII vv.," in: *XVIII vek* (= Russkaia literatura XVIII — nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste, 14), Leningrad, 1983, 45–79.
- Blomkvist E. E., "Svadebnye ukazy Rostovskogo uезда (K voprosu ob otrazhenii suzhetov lubochnykh kartinok v sovremennom krest'ianskom bytu)," in: *Khudozhestvennyi fol'klor*, 2–3, Moscow, 1927, 103–111.
- Florenskiy P. V., *Sochineniia v chetyrekh tomakh*, 3/2, Moscow, 2000.
- Kovtun L. S., *Russkaia leksikografiia epokhi srednevekov'ia*, Moscow, Leningrad, 1963.
- Kovtun L. S., *Leksikografiia v Moskovskoi Rusi XVI — nachala XVII veka*, Leningrad, 1975.
- Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V., *Smekh v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1984.
- Matlin M. G., "Pis'mennye dokumenty kak verbal'nyi komponent sovremennoi russkoi svad'by," in: *Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki*, Moscow, 2002, 180–185.
- Panchenko A. M., ed., *Izbornik. Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi*, Moscow, 1969.
- Speranskiy M. N., *Rukopisnye sborniki XVIII veka*, Moscow, 1963.

Александра Андреевна Плетнева, канд. филол. наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
старший научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения
и истории русского литературного языка
119019 Москва, Волхонка 18/2
Россия/Russia
csl_centra@mail.ru

Стихи о Софее
в Стишном прологе
из Папского
Восточного
Института в Риме

The Verses about
Sofei in the *Stishnoi*
Prolog from the
Pontifical Oriental
Institute in Rome

Мария Борисовна
Плюханова

Университет Перуджи

Maria B. Pliukhanova

University of Perugia

Резюме

Статья представляет собой публикацию с комментарием текста о Софее по Стишному прологу из коллекции Папского восточного Института в Риме: Slavo 5, начала XVI в., новгородского или псковского происхождения. Кодекс известен славистам и вызывает противоречивые суждения. В этой рукописи находится ряд текстов (стихи и жития), не имеющих аналогов, некоторые содержат странные ошибки и несуразности. На л. 185 находятся стихи-молитва, оставленные без заголовка, то есть не отнесенные к определенному календарному событию. Молитва в основном состоит из цитат. Первая часть — начало “Великого славословия”, здесь вместо Троицы славословится София в форме мужского рода “Софей”. В заключительной части цитируется псалом 146:5 о величии Господа. Средняя часть представляет собой вольное варьирование темы путей Премудрости по главе XXIV Книги Иисуса сына Сирахова. Сходный текст находится в одном из сборников Ефросина Белозерского. Молитва соотносима с полемикой о природе Софии, которая имела место в Новгороде в XV в. и наиболее определенно отразилась в более позднем произведении “Сказание известно, что есть Софей Премудрость Божия”. Автор молитвы посредством выбора “господских” цитат полемизирует, вероятно, с тенденцией сближать Софию с Богородицей. В части, ориентированной на Сираха, присутствуют грамматические неясности, может быть, вызванные желанием уклониться от использования женского рода применительно к Премудрости. Текст о Софее по статусу может быть сопоставлен с надписями паралитургического характера, изучаемыми Т. В. Рождественской.

Ключевые слова

“Софей”, Новгород, паралитургический текст, софиологическая полемика, Премудрость Божия, София, Книга Иисуса сына Сирахова, XV–XVI века, Ефросин Белозерский

Abstract

This article is a publication, with commentary, of the text about Divine Wisdom from the *Stishnoi Prolog*, a Synaxarium with verses. It was conserved in the Pontifical Oriental Institute in Rome (Slavo 5), now in the Vatican Library; the manuscript dates from the beginning of the 16th century, and it originates from Novgorod or Pskov. This codex is well known among Slavists, who have expressed various contradictory judgments about its content. A series of texts—verses and lives of saints—have no analogues in other manuscripts. The source also contains some strange errors, even absurdities. On fol. 185 prayer verses are entered without a title; in other words, they have no relation to any specific event of the Church calendar. The prayer consists mainly of quotations. The first part, which is the beginning of the Great Doxology, does not glorify the Trinity but rather it glorifies Sophia, using the Novgorod masculine form *Sofei*. The final part of the prayer quotes Ps 146:5 on the greatness of the Lord. The middle part is a free variation on the theme of the paths in Sir 24. A similar text is in one of the manuscripts of Euphrosynus of Beloozero. The prayer can be correlated with the controversy about the nature of Sophia that began in Novgorod at the turn of the 15th–16th centuries and that is most definitely reflected in a later work, the *Authentic Story about What Is Sofei, the Wisdom of God*. By selecting the “Lords” citations, the author of the prayer seems to argue against the tendency to identify Sophia with Our Lady. In the fragment using the motifs from Sirach, there are grammatical ambiguities that can be interpreted as a desire to avoid the use of the feminine in relation to Wisdom. The cultural status of this text can be compared with paraliturgical inscriptions from Novgorod studied by Tatiana Rozhdestvenskaya.

Keywords

Sofei, Novgorod, paraliturgical texts, Sophiological controversy, Wisdom of God, Sophia, Wisdom of Sirach, 15th–16th centuries, Euphrosynus of Beloozero

Стишной Пролог библиотеки Папского восточного института в Риме (Pontificio Istituto Orientale — P.I.O.) был куплен на аукционе “Международная книга” в Ленинграде в 1934 г. и вошел в небольшое, но ценное собрание славянских рукописей библиотеки Института. Недавно эта рукописная книга вместе с другими была перемещена в собрание Ватиканской библиотеки, а в библиотеке P.I.O. оставлены копии.

Рукопись *Slavo5* изучалась неоднократно, она признается новгородской или псковской по происхождению и датируется началом XVI в. А. А. Турилов определил ее как Пролог стихной на март–август “особой редакции, созданной путем присоединения написанных для этой цели стихов к Прологу нестишной редакции” [Турилов 2004].

Пролог *Slavo5* — необычный во многих отношениях, он ставит перед медиевистами вопросы, которые, возможно, не во всем обязательны к разрешению. Некоторые жития в нем написаны, вероятно, специально для этого сборника, во всяком случае, по другим источникам они неизвестны. Таких житий Турилов насчитывает около тринадцати. Многие тексты содержат сведения, не встречающиеся в распространенных версиях житий и часто ошибочные, с хронологической путаницей, неправильным указанием мест действия и пр. Ошибки могут быть обусловлены тем, например, что фрагмент из жития одного святого произвольно использован для жития другого. Вообще говоря, для средневековой литературы заимствования привычны и служат для встраивания нового текста в традицию, но в данном случае перепутывание материала трудно осмыслить. А. А. Турилов, рассмотрев некоторые уникальные сведения сборника, пришел к заключению, что новые версии житий или новые жития, содержащиеся в Прологе, не представляют никакой ценности, ни литературной, ни исторической [Турилов 2001, 120], однако в дальнейшем при исследовании житий отдельных святых он всё же был вынужден снова обращаться к уникальным данным рукописи и вновь разочаровывался в них [он же 2003; 2004]. Размышляя над природой аномалий в сборнике, он предположил, что Пролог, явно принадлежащий цокающей зоне и наполненный житиями новгородских святых, создавался, может быть, не в самом Новгороде, а в Пскове, в отдалении, при недостатке источников информации. Кроме ошибок в содержании, в сборнике есть писцовые ошибки, так что Турилов с еще большим недоумением был вынужден предположить, что список не архетипный.

А. Г. Бобров [2011] попытался восстановить репутацию сборника, предприняв поиски устных, и, в меньшей степени, летописных источников для некоторых сведений в житиях новгородских епископов, которые таким образом должны были получить оправдание в традиции. В отдельных случаях ему это удалось. Довольно убедительны возражения А. Г. Боброва против идеи псковского происхождения сборника: составитель Пролога очень хорошо осведомлен о новгородских деятелях и топографии.

В описании рукописи выявляются два чередующихся почерка: полуустав тщательный, киноварные инициалы изящны, а в некоторых случаях даже изысканны [Джурова, Станчев 1997: 23], в других же фрагментах заглавия не вписаны, оставлены пропуски для невнесенных текстов, иногда запачканные беспорядочными росчерками, иногда что-то не дописано, фраза брошена, календарный порядок может нарушаться, например, память святого может быть указана в одном месте, а стих помещается в другом. Нет основания и для того, чтобы полагать

писцовые ошибки результатом последующей переписки, поскольку и по существу содержания сборник противоречив, непоследователен, уникальные сведения его иногда бессмысленно ошибочны, иногда таинственны и, возможно, связаны с какими-то неизвестными традициями. Итак, уникальные данные сборника неоднородны, и наряду с бессодержательным туда могло попасть и что-нибудь значимое и интересное.

Стишной пролог на л. 185 об. содержит стихи-молитву, не отнесенные к определенному календарному событию, заголовок опущен или не предполагался. Стихи размещены после памятей 17 июля: жития мученицы Марины со стихами [л. 185] и упоминания памятей других мучеников этого дня без житий, только со стихами. Заголовка нет, а текст начинается с особо красивого, с растительными отроутками, кинноварного “С”.

Слава в вышнѣмъ бѣгу и на земли миръ въ чловѣцѣхъ блговоленіе.
хвалим та блгословим та, кланаем ти са славословивим [так! — М. П.] та,
благодарим та великия ра́ слвы твоеа. стьи софѣи премудрость бѣя.
обиходаще во крузѣ морьскѣ просвѣщаешѣ на горах аравѣйскѣ
вездѣ сохрѣнаема ѣ ма велѣ гдѣ нашъ. и велика крѣпость его и разоумоу ѣ
нѣсть токмо числа.

Ритм и фоника этого текста заданы процитированным вначале “Великим славословием”, которое есть идеальный образец молитвословного стиха с его изометрией, симметрией полустихий, внутренними рифмами, переходящими в анаграммы. В конце ритмическое развитие увенчивается цитатой из псалма, как будто подтверждающей ритм и рифму. Графически в тексте привлекает внимание вытянутое “С” в ряде случаев, и в начале, и в середине слов, так что у современного читателя может возникнуть даже впечатление выделенных внутренних рифм. Приводим молитвословие с разбивкой на стихи, с указанием приблизительного числа слогов и с выделением заглавной буквой вытянутой “С”:

Слава в вышнѣмъ бѣгу и на земли миръ	11
въ чловѣцѣхъ блговоленіе.	10
хвалим та блгословим та,	8
кланаем ти са славоСловивим та,	10–11
благодарим та великия ра́ Слвы твоеа.	15–16
Стьи софѣи премудрость бѣя.	9–10–11
обиходаще во крузѣ морьскѣ	10
просвѣщаешѣ на горах аравѣйскѣ	12
вездѣ сохрѣнаема ѣ ма	9
велѣ гдѣ нашъ. и велика крѣпость его	13
и разоумоу ѣ нѣсть токмо чиСла.	11

Стихи эти, кажущиеся уникальной композицией, внесенной в Пролог его странным составителем, имеют, однако, свою традицию. Сходный текст, обозначенный как тропарь Софии Премудрости Божией, был помещен среди множества тропарей разным святым в одном из знаменитых и тщательно описанных сборников Кирилло-Белозерского книжника Ефросина собрания Кирилло-Белозерского монастыря [*Кирилло-Белб/1083*: 198]. В описании упомянут тропарь Софии [КАГАН и др. 1980: 161]. Теперь текст доступен в электронной версии: на сайте Российской национальной библиотеки представлены оцифрованные сборники Ефросина¹.

У Ефросина тропарь приведен с датой 1 сентября:

Сѣ̄ .а̄. софїи прмдрѣ̄ бжїи: трѣ̄. гла̄ .г̄.

Сѣ̄ти софїи прмдрѣ̄ бжїа. ѡбходящи всѣ̄ страны въ кроузѣхъ горьскыхъ. ѡсеяюще на горахъ араратскихъ. в кедрѣхъ ливанскихъ. всѣ̄ вездѣ̄ оустрашеши. оустрой срѣ̄ца наша въ страѣ̄ гѣ̄ ба нашего. рцѣ̄мъ ѣ̄и. велѣи гѣ̄ нашъ. и велѣи крѣ̄пость ѣ̄го. ѣ̄ разоумоу ѣ̄го ѣ̄нѣ̄ числа:

Имеющихся двух версий стихов о Софее недостаточно, чтобы с уверенностью судить о том, какая из них первична. Скорее всего, оба текста различались и на уровне протографов. Стихи о Софее в римском Прологе компилятивны, и не исключено, что таковыми были первоначально, а у Ефросина мы находим переработанную версию без признаков явной компиляции.

В стихах римского Пролога первый компонент — правильно воспроизведенное начало “Великого славословия”: “Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем ти ся, славословим Тя, благодарим Тя великия ради славы Твоея”. Дальше в “Великом славословии”: “Господи, Царю Небесный, Боже, Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святыи Душе. Господи Боже, Агнче Божий, Сыне Отець, вземляи грехи мира, помилуй нас. . .”

Молитвенное славословие Отцу, Сыну и Святому Духу здесь, в стихах из Пролога, отнесено к Софии Премудрости Божьей, названной Софеем, что может рассматриваться как специальный полемический выбор “Господской” цитаты для определения Софии. Кирилло-Белозерский текст несколько неожиданно начинается прямо с Софея.

В конце рассматриваемых стихов помещен весьма употребительный в богослужении стих из Псалма 146:5: Велѣй гѣ̄ нашъ, ѣ̄ велѣи крѣ̄пость

¹ Тропарь по этой рукописи был предварительно опубликован в примечании к статье архим. Макария Веретенникова о Зиновии Отенском [ВЕРЕТЕННИКОВ 1997: прим. 51]. Имеются поздние списки тропаря (например, *Погод322* начала XVII в.), которые мы здесь не рассматриваем.

его, и разꙋмъ его нѣсть числа [Острожская Библия: л. 28 2-й пагинации]. В Кирилло-Белозерской версии включение этого стиха из псалма мотивировано как общее молитвенное восклицание — “рцемъ вси”. В версии римского Пролога этот стих псалма лучше вписан, имеет ту же функцию, что и переделка “Великого славословия”, — текст о мудрости Господа, подтверждающий “Господскую” сущность Премудрости.

Средняя часть молитвы в обеих версиях, как кажется, восходит к одному и тому же библейскому источнику, в каждом случае использованному по-разному:

- в римском Прологе:

обиходаще во крузѣхъ морьскихъ просвѣщаеши(с) на горахъ арави(т)ски(х)
вездѣ сохрѧема е(с) ма;

- в Кирилло-Белозерском:

обходаши вса страны въ кроузѣхъ горьскихъ, осѧюще на горахъ
Араратьскихъ в кедрѣхъ Ливаньскихъ, вса вездѣ оустраеши.

Тема обхождения мира как круга Премудростью заставляет предполагать здесь связь со стихами 5–7 главы XXIV Книги Иисуса сына Сирахова:

ѧзъ на высокихъ вселѧса и прѣтолъ мои въ столпѣ облачнѣ. Крѣгъ нѣныи обьдохъ
ѣдина, и въ глѣбинѣ бездны походѧ, въ волнѣ морьстеи и въ всеи земли. и въ вѣѣ
людехъ и ѧзыцѣ стажахса, съ вѣми сими покѧа йскахъ, и въ наслѣдѧи нѣкоѣго
вѣдворюса [Острожская Библия: л. 71 2-й пагинации].

Действие Премудрости — обхождение мира: *обходяще* определяет родство этих стихов с библейским источником *обьдохъ*. Автор версии по римскому Прологу, описывая пути Премудрости, соединил круг небесный и морские волны, получив морские круги, у Ефросина — “круги горьские”. С точки зрения верности источнику и красоты стиха, “круги морьские” лучше, чем “круги горьские”, тем более что в обеих версиях за ними сразу упоминаются горы, так что круги горьские как часть пути Премудрости оказываются избыточными.

Ефросиновы кедрѣ Ливанские и горы Араратские возникли, возможно, как развитие образов из следующих речей Премудрости той же главы (Сир 24:14–15): ѧко кедръ възнесохса в ливанѣ, и ѧко кѣпарисъ на горахъ ѧермоньскихъ. и ѧко фѣниѣ възвысихса йже на приморѧи, и ѧко сѧ шипковъ въ ѣрихонѣ² [Острожская Библия: л. 71 2-й пагинации].

В стихах римского Пролога Ливанские кедрѣ отсутствуют, а горы становятся Араратскими. Явились Араратские из первоначальных Аеронских или из вторичных Араратских, трудно сказать. Араратские —

² По нумерации стихов Сир 24:5–7.

более культурное, более библейское, хотя тоже не Сирахово наименование гор. Несколько менее библейское “На горах аравитских” опирается на традицию новгородских источников. В Новгородской первой летописи младшего извода так названы горы в описание широких пространств земли, в которых распространяется слава князя Александра Ярославича [НПЛ: 297]. В ветхозаветном апокрифе о потопе тоже появляются Аравитские горы вместо библейских Араратских: “Створи себѣ ковчег на Аравитских горах [. . .]. И плаваше ковчег 150 дней, и седе Ной в ковчезе 7 месяць 27 дни на горах Аравитских” [КАГАН-ТАРКОВСКАЯ 1999: 108, 373].

Книга Иисуса сына Сирахова, переведенная на славянский язык, возможно, самим св. Мефодием, служила на Руси источником афоризмов, прежде всего — в Изборнике Святослава 1076 г. [Пичхадзе 2002: 142], и не использовалась в богослужении [ТНОМSON 1998: 840]. Известно, что Книга имела некоторое распространение во второй половине XV в. [Белякова 2001: 30], но о влиянии ее на литературу того периода, как кажется, нет специальных исследований. Надо отметить, что ссылка Ефросина на Сираха при поучительном суждении о власти есть в том же сборнике Кирилло-Белозерского собрания 70–80-х гг.³, где находится тропарь празднования Премудрости Божией 1 сентября. Афоризм сам по себе не свидетельствует об обращении Ефросина к тексту Книги Иисуса сына Сирахова, но упоминание Сираха, может быть, свидетельствует о присутствии этой книги в кругу интересов Ефросина.

Позже эта книга привлекла внимание архиепископа Геннадия. В известном письме 1489 г. к Иоасафу Ростовскому о библиотеке еретиков Геннадий спрашивает, есть ли в Кириллове монастыре ряд книг, в том числе и библейских: “. . . да Пророчества, да Бытия, да Царства, да Притчи, да Менандр, да Исус Сирахов, да Логика, да Деонисей Арепагит? Зане же те книги у еретиков все есть” [КАЗАКОВА, ЛУРЬЕ 1955: 320]. Во время работы над библейским сводом в Новгороде в Книге премудрости Иисуса сына Сирахова были произведены перестановки в соответствии с порядком текста в Вульгате, сам славянский перевод никак не пересматривался [ТНОМSON 1998: 842]. Нужно думать, что этой книгой, как и другими, работа над которыми требовала обращения к Вульгате, в геннадиевском библейском кружке занимался Вениамин — латинист, знавший и итальянский язык, монах доминиканского ордена родом из западных славян [АЛЕКСЕЕВ 1999: 197–199].

Текст Сир 24, представляющий собой монолог Премудрости, в тот период на Западе находился в поле большого культурного и религиозного

³ *Кир-Бел6/1083*, лл. 299–299 об., почерк Ефросина [КАГАН и др. 1980: 177]. В сводной кодикологической таблице М. Шибаева в новейшем электронном описании соответствующая тетрадь датирована 70-ми гг. XV в.

внимания. К 70-м гг. XV в. эта глава начала приобретать значение одного из ключевых библейских текстов для католической церкви, получив статус ветхозаветного пророчества о Богородице. В этом значении в дальнейшем она использовалась для богослужебных чтений и цитировалась в молитвах.

В XV в. на Западе сформировался корпус библейских цитат, специально использовавшихся в размышлениях, спорах, проповедях и богослужениях, касавшихся нового понимания Девы Марии и роли ее в истории спасения, определявшегося как учение о Непорочном зачатии Девы. Цитаты в основном черпались из Песни Песней и Притчей Соломоновых, но также и из Книги Иисуса сына Сирахова, в особенности из 24-й главы. Во второй половине XV в. споры были особенно остры. Противоположные позиции занимали, с одной стороны, францисканцы, поддерживавшие идеи и образы Непорочного зачатия, и с другой — доминиканцы, противники этой доктрины. На последнюю четверть XV в. приходится период триумфа францисканцев. Папа из францисканцев Сикст IV в конце 70-х — начале 80-х гг. ввел в римской церкви праздник Непорочного зачатия 8 декабря и утвердил соответствующую службу. Двое францисканцев — Leonardo Nogarola и Bernardino de' Bustis — создали службы, включавшие, среди прочего, и тексты из 24-й главы Сираха⁴. Применение образов 24-й главы к Деве Марии на латинском Западе было частью процесса сближения и отождествления её с ветхозаветной Премудростью, вообще характерного для новой западной мариологии.

Рассматриваемые русские стихи свидетельствуют о сомнениях и беспокойствах по поводу рода Премудрости на фоне обращения к 24-й главе Книги премудрости Иисуса сына Сирахова. При этом, как кажется, беспокойство питается знанием не только своего, церковнославянского, текста, но и представлением о различии его с латинским. Латинский и славянский образ Премудрости в 24-й главе расходились по естественным, грамматическим, причинам. Глава представляет собой монолог Премудрости от первого лица. Если в латинском тексте Премудрость говорит о себе определенно в женском роде и все образы относятся к женскому существу, то в славянском тексте аористы и имперфекты 1-го лица не содержат признаков рода, так что слов в женском роде вообще мало.

В стихах римского Пролога есть некоторая грамматическая смутность, как будто отражающая неуверенность в словоформах со значением

⁴ По истории учения о Непорочном зачатии имеется большая литература. Здесь сошлемся на академического характера коллективное исследование по истории догмы, гимнографии, иконографии Непорочного Зачатия, включающее работы Fr. Dvornik, M. Vloberg и других [O'CONNOR 1958]. Подробное исследование состава иммаколистских цитат см. [VIRDE 1997–1999].

лица и рода: вездѣ сохраняема е(с) ма можно понять с некоторой натяжкой как “езде сохраняя меня” или как “езде сохраняема”. Ефросинов тропарь, исправный и ясный, полностью уклоняется от использования определений женского рода и твердо называет Премудрость Святым Софѣем. Но в другом месте по сходному поводу рука Ефросина тоже становится неуверенной.

В более раннем, чем *Кир-Бел6/1083*, сборнике Ефросина *Кир-Бел22/1099* его рукой внесен текст о девстве с описанием Премудрости как огнезрачного ангела⁵. Этот трактат известен (в иной версии) специалистам по иконографии Софии, опубликован по рукописи собрания Чудова монастыря [Никольский 1906: 79–81], но история его не изучалась. Нас здесь интересует особенное заглавие и запись на полях рукой Ефросина. Текст атрибутирован Иоанну Златоусту:

слово ѿ стѣмь софїи премдрѣти бжїи. іwannа златаоуѣ [Кир-Бел22/1099: 221об.].

Записи на полях:

толкованїе стьа софїа;

цркви бжїа софїа. прѣта два бца. сїирѣчь дѣвственыхъ дша. неизгла зрї [там же]⁶.

Колебания между выбором мужского и женского рода Софии здесь имеются, но Ефросин склоняется к выбору женского рода и даже к отождествлению Пречистой Девы с Софией.

После трактата о девстве следуют краткие выписки и ссылки, в том числе упомянут “Исус Сираховичь премудрый” [Кир-Бел22/1099: 222 об.]⁷.

Рассматриваемый стих о Софее в версии римского Пролога имеет некоторую полемическую направленность, более заметную, чем в тропаре у Ефросина. Полемика чувствуется в настойчивом использовании “Господских” цитат, в замене имен Троицы на Софее в “Великом словословии”. Каково было исторически содержание полемики, были ли это дискуссии с католиками или что-то другое — трудно узнать. До сих пор новгородская полемика о Софее реконструировалась по памятнику с названием “Сказание известно, что есть Софей Премудрость Божия”, возникшему, вероятно, во второй трети XVI в.⁸. Сказание кажется

⁵ Текст на лл. 221 об.–222 об. учтен в описании рукописи [Каган и др. 1980: 59]. В электронном описании по сводной кодикологической таблице соответствующая тетрадь датируется 1462 г.

⁶ Опубликовано в описании рукописи [Каган и др. 1980: 59].

⁷ Выявлено в новом подробном электронном описании [Сборники Ефросина 2013].

⁸ Эта полемика с отсылкой к данным “Сказания” упоминается во многих исследованиях по древнерусским представлениям о Софии, см.:

близким к нашему стиху, даже как бы развитием и продолжением его, тем более естественным, что римский Пролог определенно отражает интересы Новгорода, а в “Сказании” спор представлен как новгородский. Однако старший список — тропарь Ефросина — заставляет отнести к реконструкции споров о Софее в “Сказании” с осторожностью, как к поздней и сужающей это понятие.

“Сказание известно, что есть Софей Премудрость Божия” сохранилось в рукописях XVI–XVII вв. и известно по публикациям Г. Филимонова [1874: 1–5] и А. Никольского [1906: прил. 3]⁹. Исходя из идеи, что “Софей” — имя Премудрости, характерное только для Новгорода, первые публикаторы и последующие их читатели воспринимали “Сказание” в основном в связи с проблемой новгородской иконографии Софии [MEYENDORFF 1959].

Для датировки и локализации текста полезна историческая его часть, говорящая с печалью и горячностью как об общем грехе о страданиях князя Вассиана (Патрикеева) и Максима Грека, а также о “прогнании” с кафедры новгородского архиепископа Серапиона. Автор бывал в Новгороде и ссылается на разговоры с новгородцами, но об обстоятельствах церковной жизни в Киеве он тоже осведомлен, и даже, возможно, лучше. Он знал и любил как Максима Грека, так и Серапиона Новгородского. Владыка Серапион, сведенный с кафедры в 1509 г. и заточенный в Спасо-Андроников монастырь, представлен как святитель предивный, пророчествами и чудесами украшенный. Автор принадлежит партии нестяжателей и сам искренний нестяжатель: дурной пастырь для него прежде всего тот, кто хранит чужие имения. Умерли прославляемые автором лица или только пострадали ко времени написания текста — не ясно. Возможно, что двое умерли (Серапион — в 1516 г., Вассиан — вскоре после 1531 г.), а Максим Грек был еще жив.

Текст начинается с богословского трактата о Премудрости, обозначенного как Глава 14 (никакого счета глав, предпосланного этому, нет). Он предназначен дать ответ на недоуменные вопросы “многих”, “что есть Софей Премудрость Божия”. Для ответа на вопрос автор с полагающимся смирением обращается к текстам Писания и творениям отцов Церкви; цитируя Давида, Иоанна Богослова, апостола Павла, Иоанна Златоуста, упоминая Дионисия Ареопагита, он показывает, что София есть второе Лицо Троицы. Более того, он решается рассуждать на тему о том, что такое София применительно к Христу: имя, или “составная”,

[Никольский 1906; AMMANN 1938; Флоровский 1932; Плюханова 1997; USPENSKIJ 1999], но само “Сказание” не стало предметом исследований, вопросы авторства, датировки, состава еще не решены.

⁹ Одна из частей “Сказания” воспроизведена в публикации [ВЕРЕТЕННИКОВ 1997].

или ипостась — сложнейший вопрос, который оставался камнем преткновения еще четыре столетия спустя в полемике вокруг софиологии о. Сергия Булгакова.

И Иоанн Златоуст, и Иоанн Богослов, и всякое богодухновенное писание нарицает Христа разными именами: и Сын Божий, и Слово Божие, и Божия сила, и Божия Премудрость, свет миру:

... Инде же различие имен приложи; не токмо един он [Иоанн Златоуст. — *М. П.*], но и вси богословцы умыслиша постаси Сына: Софей, рекши премудрость, логос, сиречь Слово, Силу Божию, и сим подобное; к Духу же: Утешитель, сиречь Параклит Духъ Господень Дух Божий, не яко сими имяны естество их показуя, но промыслено сихъ милосердие являя. Божии же Матери имяны никакож не приложиша, но ина словеса к ея чести превосходной приличная приложиша: Чистая, Пречистая, от всех родов избранная [. . .] Марие приснодевая. . . [Филимонов 1874: 3].

В рассуждениях об именах Божиих автор через посредничество отцов Церкви ориентируется на традицию сочинения Дионисия Ареопагита “О божественных именах”: там действительно нет раздела об именах Богоматери¹⁰. В приведенном отрывке содержится интересный аргумент в неявно присутствующей здесь полемике о возможности соотносить Софию с Богоматерью: к Марии отцами и учителями Церкви не прилагаются божественные имена.

Следующая, 15-я, глава содержит исторический экскурс: здесь обнаруживаются истоки недоумений. С древности в Софийских церквях праздновались все владычные, то есть двенадесятые, праздники “с великим веселием”, поскольку все они посвящены Божьему воплощению, и не было какого-либо одного престольного праздника. Новгородский архиепископ Геннадий повелел праздновать особо — как престольный праздник — только Успение Божьей Матери. Автор “Сказания” (с некоторой натяжкой) объясняет, что и Успение в конечном счете есть праздник владычный, поскольку на погребение Матери Христос “пришедъ с безчисленными воинствы премирных чиновъ. . .”

Бедственное незнание того, что Премудрость есть Христос, получает расширенное толкование как необращенность к бездне разума, восходящего к Богу и заключенного в священных книгах. Мы больны невежеством: “язык наш лежит простерт всеродне недугом неведения к священным книгам”; “испровержение седмостолпных устав”; “глад слышания Божия слова” [Филимонов 1874: 4].

Одна из причин “недуга неведения” коренится в преследованиях носителей знания — Максима Грека, Вассиана (Патрикеева) и архиепископа

¹⁰ Ближе к началу текста автор отсылал читателя к сочинению Ареопагита “Послание к Титу”, посвященному Премудрости, об этой отсылке см.: [Прохоров 1987: 21].

Серрапиона. Поругание и уничтожение этих и других “премудрых” превало традицию знания. В наказание Бог дал обществу вместо хороших начальников — трусливых, вместо справедливых судей — взяточников, вместо премудрых пастырей и учителей — хранителей чужих имений, невеж, искусных только в пирах. Сбылось пророчество Иеремии о наступлении дней, когда “будет жрец (иерей), якоже орать и невежа” и не даст ответа вопрошающим [Филимонов 1874: 4].

Итак, в трактате защищается положение, что Софей Премудрость есть Христос, Слово Божье. Носителями этого знания, его защитниками и вместе с тем земным выражением Премудрости являются отцы Церкви и новые “премудрые”, принявшие страдания при гонениях на истину, понимаемую как определенные правила устройства церковной жизни. Учение отцов Церкви о Премудрости как Христе сближается и ставится в параллель с учением новых отцов об истине, в том числе об истинности нестяжательства, таким образом, в целом учение отцов представляется как историческая манифестация Премудрости, как создаваемый Ею столп, который, однако, может быть поколеблен во времена, когда отвергаются книги, торжествует невежа и премудрые предаются поруганию.

Взгляд на “Софея”, представленный в “Сказании”, может послужить нам основой для попытки объяснить помещение стиха в новгородском прологе около 17 июля. Выбор места для стихов можно объяснить намерением сблизить чествование Софея с памятью святых отцов вселенских соборов, которая могла приходиться и на 16, и на 17 июля, и на первое воскресенье после 13-го. В *Slavo5* под 16 июля память соборов представлена беспорядочно: упомянуто о том, что “память творим святых отец”, потом без всякого стиха и проложного слова идут другие памяти, затем замаранный пропуск, после чего без заголовка помещено краткое известие о Халкидонском соборе. В этот период по старому уставу празднование могло быть только Халкидонскому собору, по новому, Иерусалимскому, — шести соборам.

В XV в. в русском богослужении на июльскую и другие соборные памяти уже вполне утвердились новые каноны и стихирны всем семи соборам, созданные патриархом Германом II, или Германом Новым, в период латинского владычества.

Находясь в Никее, в изгнании, Герман мысленно возвращается к истории семи соборов, сам собирает собор, полемизирует с латинами, борется в защиту икон и размышляет над символами пересоздания мира. Если старые каноны носили исторический и церковно-юридический характер, включали имена участников-полемистов и осуждали еретические заблуждения, бывшие предметом соборных решений, то теперь

создается отрешенный от конкретности возвышенно символический образ святых соборов как семисоборной Премудрости.

В этих текстах находим некоторое сходство с идеями “Сказания известна, что есть Софей Премудрость Божия”. Так, в третьей песни канона Германова на память Шести соборов читаем:

Седмию Соборы свящёнными святы́х отѣц / честнѹю Цѣрковь уяснил еси́, Христѣ, / якоже седмих светильник светом прѣлести тьму прогнав далѣче [Минея июль, 2: 240];

в третьей песни Германова канона на память Седьмого собора:

Очищает мутныя и тинныя потѣки, / от источник спасения почѣрп, / и жаждущия люди Христовы / насыщает учений струями отцев сословие [Минея октябрь: 279];

в шестой песни канона Шести соборам:

Бог богов Господь, — Давид, прежде воспѣв, глагола / и призвѣ от восток, от конѣц всея земли, да́же до запад их, / Вселѣнския Соборы отѣц назнѣменуя. Седмь столпов утверди премудрость Божия, / Твою Цѣрковь, Владыко, седмочисленными Соборы свящённых отѣц / неуклонну соблюдаему от всяких ересей [Минея июль, 2: 244].

Таким образом, помещение стихов о Софее на 17 июля могло быть вызвано намерением привязать их к памяти святых отцов соборов, соборной премудрости. Но это не более чем гипотеза. Составитель Стишно-го Пролога *Slavo5*, склонный к необъяснимым поступкам, мог внести эти стихи просто так, как попало, как случайную запись или даже как надпись, как паралитургический текст, записанный на стене [Рождественская 1995; Гиппиус, Михеев 2011].

В сборнике Ефросина стихи о Софее даны под 1 сентября. Выбор новолетия, 1 сентября, здесь можно гипотетически объяснить значительным присутствием в богослужении дня темы Премудрости Христа, творящей мир, и прямого богословия Христа — Премудрости, например, см. стихиры на стиховне, глас первый самогласна Иоанна Монаха:

Христѣ Б́же наш, Ё́же мѹдростию вся соде́явый / и из не сѹщих во ё́же быти приве́дый, / благослови́ венѣц лѣта. . . [Минея сентябрь: 9];

глас второй:

Кипри́аново: Дивен еси́, Б́же, и чѹдна дела́ Твоя́, / и пути́е Твой неизслѣдими: / еси́ бо Мѹдрость Б́жия, и Ипостась соверше́нна, и Си́ла, / Собезнача́лен же и Соприсносѹщен, / и содетельно́ю всеси́льною вла́стию в мир пришѣл еси́, / ища́ ё́же удо́брити создáние Твое́. . . [Минея сентябрь: 10].

Данные о тропаре и стихах Софею, появившихся в книгах Кирилло-Белозерского монастыря и Новгорода с дистанцией в два-три десятилетия, в сочетании с данными о софиологических записях Ефросина открывают возможность несколько усомниться в корректности представления о Новгороде рубежа XV–XVI вв. как единственном средоточии споров о Софии. Уже с 60-х – 70-х гг. XV в. в Кирилловом монастыре размышляли и об иконографии Софии, и о значении Премудрости, обращались к библейской книге Сираха, может быть, и соглашаясь, и споря с католическими веяниями в почитании Девы Марии. Кстати, в том же Кирилло-Белозерском сборнике, где есть тропарь Софею, находится канон на Успение патриарха Филофея (один из трех кирилловских списков), обильным цитированием Песни Песней, напоминающий католические гимны на Вознесение Девы Марии¹¹.

Маленький текст о Софее не дает достаточного материала для широких умозаключений, но, возбуждая сомнения, открывает пути для новых поисков.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.

Р.И.О. – Pontificio Istituto Orientale (Roma).

Рукописи

Погод322

РНБ, собрание М. П. Погодина, № 322, Пролог, нач. XVII в.

Slavo5

Р.И.О., Slavo 5, Стишной пролог, нач. XVI в.; описание: [Джурова, Станчев 1997: xxix, 22–25].

Издания

Кир-Бел6/1083

РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 6/1083, Ефросиновский сборник, 20–90-е гг. XV в.; описание и публикация цифровых фотокопий рукописи: [Сборники Ефросина 2013].

Кир-Бел22/1099

РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099, Ефросиновский сборник, 20-е, 60–70-е и 90-е гг. XV в.; описание и публикация цифровых фотокопий рукописи: [Сборники Ефросина 2013].

Миняя июль, 2

Миняя июль, 2, Москва, 2002.

Миняя октябрь

Миняя октябрь, Москва, 2002.

Миняя сентябрь

Миняя сентябрь, Москва, 2003.

¹¹ Специальная работа об этом каноне подготовлена нами для сборника в честь М. Капальдо (в печати).

НПЛ

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов, А. Н. Насонов, ред., предисл., Москва, Ленинград, 1950.

Острожская Библия

Библия сирьчь книги Ветхаго и Новаго завѣта по языку словенску: Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года, Москва, Ленинград, 1988.

СБОРНИКИ ЕФРОСИНА 2013

Энциклопедические сборники XV века книгописца Ефросина – “Леонардо да Винчи Древней Руси”, С.-Петербург, 2013 (удалённый ресурс; режим доступа: <http://expositions.nlr.ru/EfrosinManuscripts/>).

Литература

АЛЕКСЕЕВ 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

БЕЛЯКОВА 2001

БЕЛЯКОВА Е. В., “Традиции и новаторство в деятельности архиепископа Геннадия Новгородского”, в: *Библия в духовной истории и культуре России и православного славянского мира: К 500-летию Геннадиевской Библии*, Москва, 2001, 25–30.

БОБРОВ 2011

БОБРОВ А. Г., “Жития новгородских святых в Прологе Папского Восточного института”, в: *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*, С.-Петербург, 2011, 265–275.

ВЕРЕТЕННИКОВ 1997

МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ), АРХИМ., “Инок Зиновий Отенский – новгородский богослов XVI века”, *Альфа и Омега*, 1 (12), 1997 (онлайн публикация; режим доступа: <http://aliom.orthodoxu.ru/arch/012/012-mak.htm>; последнее обращение: 22 мая 2015 г.).

ГИППИУС, МИХЕЕВ 2011

ГИППИУС А. А., МИХЕЕВ С. М., “Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. 3”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (44), 2011, 37–57.

ДЖУРОВА, СТАНЧЕВ 1997

ДЖУРОВА А., СТАНЧЕВ К., *Описание славянских рукописей Папского восточного института*, Рома, 1997.

КАГАН И ДР. 1980

КАГАН М. Д., ПОНЬРКО Н. В., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., “Описание сборников XV века книгописца Ефросина”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 35, Ленинград, 1980, 3–300.

КАГАН-ТАРКОВСКАЯ 1999

КАГАН-ТАРКОВСКАЯ М. Д., подгот. текста, пер., ком., “О потопе”, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, 3: XI–XII века, С.-Петербург, 1999, 108–113, 372–374.

КАЗАКОВА, ЛУРЬЕ 1955

КАЗАКОВА Н. А., ЛУРЬЕ Я. С., *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века*, Москва, Ленинград, 1955.

НИКОЛЬСКИЙ 1906

НИКОЛЬСКИЙ А., “София Премудрость Божия: Новгородская редакция службы св. Софии”, *Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом*, 17, 1906, 69–102.

ПИЧХАДЗЕ 2002

ПИЧХАДЗЕ А. А., “Библия. IV. Переводы: Церковнославянский”, в: *Православная энциклопедия*, 5, Москва, 2002, 139–147.

Плюханова 1997

Плюханова М. Б., "О традициях Софийских и Успенских церквей в русских землях до XVI века", в: *Лотмановский сборник*, 2, Москва, 1997, 483–510.

Прохоров 1987

Прохоров Г. М., *Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв.*, Ленинград, 1987.

Рождественская 1995

Рождественская Т. В., "Богослужбные тексты в церковной эпиграфике Древней Руси", в: *Литургия, архитектура и искусство византийского мира: Труды XVIII международного конгресса византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.) и другие материалы, посвященные памяти о Иоанна Мейендорфа* (= Византинороссика: Труды Санкт-Петербургского общества византино-славянских исследований, 1), С.-Петербург, 1995.

Турилов 2001

Турилов А. А., "[Рец.:] Джурова А., Станчев К. «Описание славянских рукописей»", *Славяноведение*, 4, 2001, 120–122.

— 2003

Турилов А. А., "К ранней истории общерусского почитания прп. Евфимия Суздальского: (Неизвестное краткое житие в Прологе нач. XVI в. из б-ки Папского Восточного института в Риме)", в: *Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России: Материалы научно-практической конференции*, Владимир, 2003, 22–24.

— 2004

Турилов А. А., "«Житие [Василия Калики]». Василий Калика", в: *Православная энциклопедия*, 7, Москва, 2004, 202.

Филимонов 1874

Филимонов Г., "Очерки русской христианской иконографии: София Премудрость Божия", *Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее*, 1/3, 1874, 1–20.

Флоровский 1932

Флоровский Г., "О почитании Софии Премудрости Божией в Византии и на Руси", в: *Труды пятого съезда русских академических организаций за границей*, 1, София, 1932, 485–500.

AMMANN 1938

AMMANN A. M., "Darstellung und Deutung der Sophia im vorpetrinischen Russland," *Orientalia Christiana Periodica*, 4, 1938, 120–156.

MEYENDORFF 1959

MEYENDORFF J., "L'iconographie de la Sagesse Divine dans la tradition Byzantine," *Cahiers archéologiques*, 10, 1959, 250–277.

O'CONNOR 1958

O'CONNOR E. D., ed., *The Dogma of the Immaculate Conception: History and Significance*, South Bend (Ind.), 1958.

THOMSON 1998

THOMSON Fr. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 605–920.

USPENSKIJ 1999

USPENSKIJ B. A., "Maria-Sofia nell'antica Russia," in: G. AZZARO, P. AZZARO, ed., *Sophia la Sapienza di Dio*, Roma, 1999, 31–40.

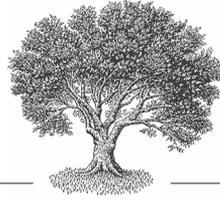
VIRDE 1997–1999

VIRDE G., "Forme dell'Immacolata concezione. La vetrata di Michelangelo Urbani allievo di Giullaum de Marcillat nel tempio di S. Biagio a Montepulciano," *La Diana*, 3–5, 1997–1999, 29–99.

References

- Alekseev A. A., *Tekstologija slavianskoi Biblii*, St. Petersburg, 1999.
- Ammann A. M., "Darstellung und Deutung der Sophia im vorpetrinischen Russland," *Orientalia Christiana Periodica*, 4, 1938, 120–156.
- Belyakova E. V., "Traditsii i novatorstvo v deiatel'nosti arkhiepiskopa Gennadiia Novgorodskogo," in: *Bibliia v dukhovnoi istorii i kul'ture Rossii i pravoslavnogo slavianskogo mira: K 500-letiiu Gennadiievskoi Biblii*, Moscow, 2001, 25–30.
- Bobrov A. G., "Zhitiiia novgorodskikh sviatykh v Prologe Papskogo Vostochnogo instituta," in: *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii*, St. Petersburg, 2011, 265–275.
- Dzhurova A., Stantchev K., *Opisanie slavianskikh rukopisei Papskogo vostochnogo instituta*, Rome, 1997.
- Florovsky G., "O pochitanii Sofii Premudrosti Bozhiei v Vizantii i na Rusi," in: *Trudy piatogo s'ezda russkikh akademicheskikh organizatsii za granitsej*, 1, Sofia, 1932, 485–500.
- Kagan M. D., Ponyrko N. V., Rozhdestvenskaya M. V., "Opisanie sbornikov XV veka knigopis-tsa Efosina," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 35, Leningrad, 1980, 3–300.
- Kagan-Tarkovskaya M. D., ed., "O potope," in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 3, St. Petersburg, 1999, 108–113, 372–374.
- Kazakova N. A., Lurye Ya. S., *Antifeodalnye ereticheskie dvizheniia na Rusi XIV – nachala XVI veka*, Moscow, Leningrad, 1955.
- Makar'ii (Veretennikov), "Inok Zinovii Otenskii – novgorodskii bogoslov XVI veka," *Alfa i Omega*, 1 (12), 1997.
- Meyendorff J., "L'icônographie de la Sagesse Divine dans la tradition Byzantine," *Cahiers archéologiques*, 10, 1959, 250–277.
- O'Connor E. D., ed., *The Dogma of the Immaculate Conception: History and Significance*, South Bend (Ind.), 1958.
- Pichkhadze A. A., "Bibliia. IV. Perevody: Tserkovnoslavianskii," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 5, Moscow, 2002, 139–147.
- Pliukhanova M. B., "O traditsiakh Sofiiskikh i Uspenskikh tserkvei v russkikh zemliakh do XVI veka," in: *Lotmanovskii sbornik*, 2, Moscow, 1997, 483–510.
- Prokhorov G. M., *Pamiatniki perevodnoi i russkoi literatury XIV–XV vv.*, Leningrad, 1987.
- Rozhdestvenskaya T. V., "Bogosluzhebnye teksty v tserkovnoi epigrafike Drevnei Rusi," in: *Liturgiia, arkhitektura i iskusstvo vizantiiskogo mira: Trudy XVIII mezhdunarodnogo kongressa vizantinistov (Moskva, 8–15 avgusta 1991 g.) i drugie materialy, posviashchennye pamiati o. Ioanna Meierdorfa (= Vizantinorossika: Trudy Sankt-Peterburgskogo obshchestva vizantino-slavianskikh issledovaniia, 1)*, St. Petersburg, 1995.
- Thomson Fr. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: *Interpretation of the Bible*, Ljubljana, Sheffield, 1998, 605–920.
- Turilov A. A., "[Rev.:] Dzhurova A., Stantchev K. «Opisanie slavianskikh rukopisei»,»" *Slavianovedenie*, 4, 2001, 120–122.
- Turilov A. A., "K rannei istorii obshcherusskogo pochitaniiia prp. Evfimiia Suzdal'skogo: (Neizvestnoe kratkoe zhitie v Prologe nach. XVI v. iz b-ki Papskogo Vostochnogo instituta v Rime)," in: *Suzdal'skii Spaso-Evfimiev monastyr' v istorii i kul'ture Rossii*, Vladimir, 2003, 22–24.
- Turilov A. A., "«Zhitie [Vasilii Kaliki]»," *Vasilii Kalika*, in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 7, Moscow, 2004, 202.
- Uspenskij B. A., "Maria-Sofia nell'antica Russia," in: G. Azzaro, P. Azzaro, ed., *Sophia la Sapienza di Dio*, Roma, 1999, 31–40.
- Virde G., "Forme dell'Immacolata concezione. La vetrata di Michelangelo Urbani allievo di Giuilaum de Marcillat nel tempio di S. Biagio a Montepulciano," *La Diana*, 3–5, 1997–1999, 29–99.

Maria Pliukhanova, Accademico dell'Accademia Ambrosiana, classe Slavistica
 Professor Ordinario di Letteratura russa,
 Università degli Studi di Perugia
 Dipartimento di Lettere — lingue, letterature e civiltà' antiche e moderne
 06123 Perugia, Via del Verzaro, 49
 Italia/Italy
 maria.pliukhanova@unipg.it

Что такое история языка?*

What Is Language History?

**Ирина Александровна
Подтергера**

Фрайбургский университет им. Альберта и
Людвига (Фрайбург в Брайсгау)

Irina A. Podtergera

Albert Ludwig University of Freiburg
(Freiburg i. Br.)

Резюме

Статья посвящается понятию ‘история языка’, которое в российской научной традиции имеет иное наполнение, чем в западноевропейской. Она начинается с рассмотрения современных западноевропейских концепций, согласно которым в истории языка следует видеть историческую дисциплину и отличать ее от исторической грамматики. Предметом истории языка с позиций социо-прагматического подхода является в первую очередь история коммуникации. Данный подход представлен в первой части статьи. В дальнейшем ходе исследования акцент делается на истории понятия. Дихотомия ‘история языка’ *vs.* ‘историческая лингвистика’ не является абсолютно новой, а восходит к дихотомии ‘внешняя и внутренняя история языка’, которая была распространена в конце XIX – начале XX в. и до сих пор сохраняет свою актуальность. Во второй части статьи делается попытка соотнести славистические историко-языковые штудии последней трети XIX – первых десятилетий XX в. с современными им западноевропейскими историко-языковыми концепциями именно в свете модели ‘внешняя и внутренняя история языка’. Особенный интерес в

* Работа выполнена в рамках докторантской программы им. М. К. Врангель, поддерживаемой Министерством науки и культуры земли Баден-Вюртемберг (Margarete von Wrangell-Habilitationsprogramm für Frauen, gefördert durch das Ministerium für Wissenschaft, Forschung und Kunst Baden-Württemberg).

В данной статье принята следующая система метаязыковых обозначений: курсивом выделяются термины, в одинарные, так наз. марровские, кавычки заключаются понятия, в двойных кавычках приводятся лексические значения и цитаты. Все переводы, если это специально не оговаривается, принадлежат автору статьи.

этой связи представляет интерпретация понятия 'литературный язык'. В трудах историков языка конца XIX – начала XX в. оно было равнозначным понятию 'письменный язык', т. е. язык письменности вообще. Феномен 'письменный язык' составлял один из аспектов 'внешней истории языка'. В теории функциональной лингвистики, разработанной Пражским лингвистическим кружком, понятие 'литературный язык' получило новое наполнение, а именно 'стандартный язык'. Однако в лингвистической науке советского периода для нового понятия был использован старый термин, за употреблением которого стояла иная традиция. Это привело к смешению понятий и смешению предметов исследования: отдельный аспект выделился в самостоятельную дисциплину — историю литературного языка. Закономерным результатом этого смешения стало сужение области научных интересов. Данной проблеме посвящена третья часть статьи. В заключительной части мы возвращаемся к описанному в начале статьи социопрагматическому подходу к истории языка и предлагаем альтернативную модель для исследования русской языковой истории, которую следует представлять как *историю языка и его употребления*.

Ключевые слова

история языка и историческая лингвистика, социопрагматический подход, история коммуникации, внутренняя и внешняя история языка, литературный язык, русская языковая история, исторический язык, история языка и его употребления

Abstract

This paper examines the notion of 'language history,' which has taken on a different meaning in the Russian linguistic tradition compared to its usage by Western European scholars. The article starts with an analysis of contemporary Western European theories according to which one should consider language history as a historical discipline, and draw a clear distinction between language history and historical grammar. According to the currently accepted socio-pragmatic approach, the subject of language history is, first of all, the history of communication. It is this approach that is presented in the first section of the paper.

The history of this notion is then further analyzed. The dichotomy between 'language history' vs. 'historical linguistics' is not entirely new but goes back to the dichotomy between 'external' and 'internal' language history, which was widespread at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries and still remains important. In the second section, the author compares linguistic studies in the sphere of historical Slavic studies from the last third of the 19th to the first decades of the 20th centuries to the contemporary theories in Western European historical linguistics in the context of the model of external and internal language history.

It is the interpretation of the notion 'literary language' that is of special interest. In the works of historians of language from the late 19th–early 20th centuries, it was used interchangeably with the term 'written language,' i.e., the language of writing in general. The phenomenon of 'written language' constituted an aspect of the 'external history of a language.' In the theory of functional linguistics developed by the Prague linguistic circle, the notion of the 'literary language' acquired a new meaning, i.e., 'standard language.' However, in Soviet linguistics the new concept was denoted by the old term with a different tradition behind it. This led to a confusion regarding the concepts and the subjects of research: the separate

aspect split off to form a new discipline—the history of literary language—which inevitably resulted in a reduced field of research. This matter is examined in the third segment of the paper.

The concluding section returns to the socio-pragmatic approach to the history of language described at the beginning of the paper, suggesting an alternative model for the study of Russian language history, which should be regarded as the history of language and its usage.

Keywords

language history and historical linguistics, socio-pragmatic approach, history of communication, internal and external language history, ‘literary language,’ Russian language history, ‘historical language,’ history of language and its speakers

Вынесенный в название предлагаемой статьи вопрос далеко не тривиальный, и лингвисты уже не однажды задавались им. Так, например, итальянский романист и медиевист Альберто Варваро посвятил специальное исследование понятию ‘история языка’, называя его спорной категорией (“una categoria controversa”) [VÁRVARO 1972–1973: 16]¹. В качестве эпиграфа к своему исследованию А. Варваро выбрал цитату из работ известного итальянского лингвиста Джакомо Девото: “Che cosa si intenda per storia di una lingua in generale, e per storia di una lingua particolare come la latina o l’italiana, non è chiaro senz’altro (= Что понимается под историей языка вообще, а также под историей конкретного языка, как, например, латинский или итальянский, конечно, не ясно)” [DEVOTO 1940: 371; 1951: 3] (цит. по [VÁRVARO 1972–1973: 16]). В контексте нашего исследования особенное значение имеет утверждение А. Варваро, что

... la stessa categoria di ‘storia della lingua’ appare incerta ed opinabile, e deve essere meglio definita rispetto a categorie come ‘grammatica storica’ e ‘linguistica diacronica’ o a quella, più generale, di ‘linguistica storica’ (= эта самая категория ‘история языка’ является неясной и спорной и должна быть точнее определена по отношению к таким категориям, как ‘историческая грамматика’ и ‘диахронная лингвистика’ или же еще более широко ‘историческое языкознание’) [Ibid.].

В отечественной лингвистике под историей языка в первую очередь понимается развитие звукового, грамматического и лексического состава языка. То есть история языка приравнивается к исторической фонетике, исторической диалектологии, исторической грамматике и исторической лексикологии. Такое понимание истории языка как самостоятельной дисциплины представлено, например, в классическом труде Николая Дурново “Очерк истории русского языка”:

¹ На данную работу обратил мое внимание профессор кафедры славянской филологии Удинского университета (Италия) Джорджо Дзиффер (Giorgio Ziffer), за что я ему искренне признательна.

История языка, изучающая его развитие с момента его образования за всё время существования языка, показывает, что всякий живой язык, т. е. такой язык, который является разговорным языком какого-нибудь народа или общества, непременно изменяется с течением времени; меняются произношение, грамматические формы и значения слов; некоторые прежние звуки, формы, слова исчезают и заменяются новыми [Дурново 1924/1962: 5].

В наши дни понятие ‘история языка’ получило еще более узкое значение: оно зачастую приравнивается только к исторической грамматике, частью которой является историческая фонетика. Об этом свидетельствуют, например, актуальный учебник для высшей школы “История русского языка” В. В. Колесова [Колесов 2005] и одноименное “Учебное пособие для практических занятий” Ю. Г. Захаровой [Захарова 2012]. Их содержание составляют: (1) фонология, (2) морфология имени, (3) морфология глагола и (4) синтаксические явления (ср. [Колесов 2005: 667–669]). При этом В. В. Колесов убежден в том, что “«История русского языка» описывает все аспекты, уровни и стороны исторически развивающегося языка, кроме лексики и словообразования. . .” [там же: 8].

В. В. Колесов осознает недостаточность такого подхода к предмету, но считает невозможным осветить в рамках одного курса все языковые аспекты:

Термин “историческая грамматика” достался нам по наследству от тех времен научного изучения языка, когда лингвисты ставили перед собой задачу восстановить идеальный тип древнерусского [. . .] языка. Сегодня термин устарел и используется по привычке как обозначение традиционного университетского курса, который преподается почти два века. Более правильным было бы говорить об “Истории русского языка” во всем объеме его изменений, но для этого пришлось бы описывать исчерпывающе все уровни языка, включая лексику; кроме того, пришлось бы описывать и те аспекты языка, которые связаны с исторической диалектологией, исторической стилистикой и историей литературного языка (риторика и поэтика художественного текста и проблемы нормы) [там же].

Поэтому он предпочитает оставаться в рамках традиционного подхода: “Итак, *историческая грамматика* как *история русского языка*” [там же; курсив автора. — И. П.].

Содержательно иной подход к предмету предлагает Б. А. Успенский. Он делит историю языка на две дополняющие друг друга части:

История языка — в частности, история русского языка — распадается на две взаимодополняющие части: историческую диалектологию и историю литературного языка. Эти дисциплины до некоторой степени соотносятся с основными источниками по истории языка: памятниками письменности и диалектологическими данными. Это две принципиально разные области, которые отличаются не только объектом, но и методикой исследования. [. . .] [И]стория литературного языка — это история н о р м ы [Успенский 2002: 7; разрядка автора. — И. П.]

Несмотря на разницу в подходах к предмету исследования истории языка как научной дисциплины, оба они базируются на понимании языка как грамматической системы и на понимании истории как процесса развития и последовательного изменения чего-либо (ср. [БАС, 7: 467]). Однако слово *история* имеет еще одно значение, а именно: “происшедшее”, т. е. все то, что имело место, или, более конкретно, “совокупность фактов, событий, в жизни кого-, чего-л.”, но также “описание, изложение таких фактов, событий” [там же: 468]. В языке же, как известно, следует видеть не только грамматическую систему, но еще и явление общественной жизни. Такое понимание *истории* и *языка* является определяющим в исследовании истории языка в современной западноевропейской лингвистике. Однако примечательно, что оно красной нитью проходит и в трудах патриархов отечественной палеославистики.

Цель настоящей статьи — обратить внимание исследователей на этот альтернативный подход, показать, как вписываются в традицию такого понимания предмета славистические штудии, и представить возможные перспективы, которые открываются для изучения русской языковой истории в свете данного подхода.

1. ‘История языка’ vs. ‘историческое языкознание’

Итак, язык, как известно, является социальным феноменом и существует в обществе, что делает историю языка неотъемлемой частью истории данного общества. Именно поэтому история языка немыслима без истории политики, культуры, религии, экономики, техники, права и т. д. [SCHMIDT 2007: 1]. Это представление на протяжении уже более ста лет определяет развитие западноевропейской лингвистической историографии. Оно лежит в основе крупнейшего компендиума XX в., задавшего направление дальнейшим историко-языковым исследованиям — тринадцатитомной “Истории французского языка от истоков до наших дней”, инициированной Фердинандом Брюно (“Histoire de la langue française. Des origines à nos jours”, 1906–1953; ее 2-е, переработанное и дополненное издание увидело свет в 1966–1972 гг.) [BRUNOT 1966–1972]. Этот монументальный труд до сих пор остается базовым в романистике и во многих отношениях непревзойденным в других филологиях [HAFNER 2006]. На этой же идее базируется “История языка объединенной Италии” Туллио Де Мауро (“Storia linguistica dell’Italia unita”, 1963) [DE MAURO 1986] — концептуально новая работа, с появлением которой связывают смену парадигм в осмыслении процессов историко-языкового развития: итальянский лингвист вывел этапы и особенности истории языка из контекста социально-политической и экономической истории государства

[ERNST ET AL. 2003: 7; GIOVANARDI 1999: 17]. Тот же концепт стал исходным пунктом для Дика Лита, автора первой социальной истории английского языка (“A Social History of English”, первое издание вышло в 1983 г.). Основная идея этой книги: “The language had changed, that is to say, because it had been made to function in a different kind of society (= Язык изменился, то есть он стал функционировать в другом типе общества)” [LEIGH 1997: 8].

Событием в лингвистической историографии последнего десятилетия XX в. стала трехтомная “История немецкого языка от позднего Средневековья до наших дней” Петера фон Поленца (“Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart”, первое издание вышло в 1991 г., второе, переработанное и дополненное, — в 2000) [VON POLENZ 1991–1994]. Немецкий германист, по сути, отталкивается от того же самого концепта, однако значительно развивает его с позиций актуальных достижений лингвистической, филологической и вообще гуманитарной науки. Новизна его концепции заключается прежде всего в том акценте, который ученый делает на историю коммуникации, ставя развитие языковых фактов в прямую зависимость от развития коммуникативных потребностей. Исходным пунктом такого подхода служит противопоставление *истории языка* и *исторической лингвистики*: современный филолог, стоящий перед необходимостью осмыслить и обобщить весь накопленный научный опыт, должен разграничивать историю языка и *историческую лингвистику* / *историческое языкознание* как две самостоятельные дисциплины:

[Es bedarf. . .] einer Auffassung von Sprachgeschichte, die über bloße historische Linguistik hinausgeht und auf historische Zusammenhänge zwischen Sprache und Gesellschaft im Rahmen kommunikativer Praxis hinweist. Nicht jede diachronische Sprachforschung ist schon Sprachgeschichte (= требуется [. . .] концепция истории языка, которая перешагнет границы чисто исторической лингвистики и перенесет внимание на исторические связи между языком и обществом в рамках коммуникативной практики. Не всякое диахронное исследование языка уже является историей языка) [Ibid., 1: 9; разрядка автора. — И. П.].

Задача *исторической лингвистики*, которую составляют историческая фонетика, историческая грамматика (морфология и синтаксис) и историческая лексикология, — это прежде всего

. . . frühere Sprachzustände als Systeme und als Inventare von Einzelfakten möglichst umfassend zu beschreiben, z. B. in historischen Grammatiken oder historischen Wörterbüchern, die dem Verständnis, der philologischen Erklärung und Aufbereitung von Texten aus früheren Zeit dienen (= максимально всеобъемлющее описание состояния языка на более ранних стадиях его развития как системы и как инвентаря

отдельных данных, например, в исторических грамматиках и исторических словарях, которые служат пониманию, филологическому объяснению и публикации текстов более раннего времени) [Ibid.].

Тогда как *история языка* — а в качестве синонимов этого понятия фон Поленц употребляет также выражения *историография языка* и *лингвистическая историография* (об этих терминах см. ниже, гл. 4) — концептуально и методологически сходна с исторической наукой *resp.* историографией²:

Ähnlich wie man in der Geschichtsschreibung — im Unterschied zu Chroniken, Annalen und Regesten — aus den Ergebnissen der historischen Quellenforschung diejenigen Themen und Fakten auswählt und zielgerichtet anordnet, die für langfristige Entwicklungen als wichtig und folgenreich erkannt werden, so hat auch Sprachgeschichtsschreibung aus der Ergebnissen der historischen Sprachforschung diejenigen Bereiche auszuwählen, die sich für die Entwicklung einer Sprache — als Sprachfähigkeit und Sprachpraxis ihrer Benutzer(gruppen) — als wesentlich erweisen. Dieses Auswählen und Erklären ist unvermeidlich verbunden mit dem Wagnis des Bewertens, Hervorhebens, Gewichtens und des Behauptens oder Wahrscheinlichmachens kausaler Zusammenhänge zwischen Sprache und außersprachlichen Faktoren (= Подобно тому как в историографии — в отличие от хроник, анналов, регестов — из результатов исторического источниковедения выбираются и целенаправленно упорядочиваются те темы и факты, которые признаются за важные и имеющие большие последствия для длительных периодов развития, точно так же и в истории языка из результатов исторического языкознания следует отбирать те области, которые оказываются существенными для развития языка как развития языковых возможностей и языковой практики отдельных пользователей этим языком и целых групп его пользователей. Этот отбор и объяснение неизбежно связаны с риском оценить, подчеркнуть, придать значение и признать за правильные или сделать вероятными причинные связи между языком и внеязыковыми факторами) [Ibid., 1: 9–10].

Подобным образом немецкий романист Йорн Альбрехт утверждает, что

[d]ie Sprachgeschichte betrachtet die Sprache als „soziale Institution“. Sie stützt sich selbstverständlich auf die Erkenntnisse der historischen Grammatik, betrachtet jedoch darüber hinaus noch ganz andere Bereiche: Die Veränderungen des geographischen Geltungsbereichs einer Sprache; die Bemühungen um die Normierung der Sprache; die Auswirkungen der allgemeinen politischen Ereignisse auf das Leben der Sprache und nicht zuletzt die Literatur aus sprachlichem Blickwinkel. Kurz und gut, sie ist der sprachspezifische Teil der allgemeinen Ideen- und Kulturgeschichte einer Sprachgemeinschaft, in der Regel später einer Nation (= история языка рассматривает язык как “социальную практику” [букв.: “институцию”]. Само собой разумеется, что она опирается на накопленный опыт исторической грамматики, однако помимо того она рассматривает и совершенно иные области знания: изменения географического ареала

² Тем самым получает воплощение идея, которую А. Варваро считал трудноосуществимой на практике, см. [VÁRVARO 1972–1973: 16, прим. 2].

распространения языка, усилия по нормированию языка, влияние общеполитических событий на жизнь языка и не в последнюю очередь литературу под языковым углом зрения. Короче говоря, история языка — это специфически языковая часть общей духовной и культурной истории определенного языкового сообщества, которое, как правило, впоследствии стало нацией) [ALBRECHT 2003: 7].

Концепция, согласно которой история языка, имея предметом своего исследования историю коммуникации, отделяется от исторического языкознания и причисляется к историческим наукам, является определяющей в современной западноевропейской филологии, прежде всего у представителей немецкой филологической школы и в первую очередь у германистов и романистов³. С одной стороны, она отчасти дублирует хорошо известное разделение истории языка на внутреннюю и внешнюю; с другой — представляет собой следующий этап научных осмыслений, этап, подключающий к уже существующей и оправдавшей себя традиции актуальное научное знание. Детерминантами этого знания выступают накопленный за вторую половину XX столетия опыт (исторической) социолингвистики и “прагматический переворот” в языкознании. Результатом интереса к этим направлениям стало расширение сферы историко-языковых исследований до истории культуры в широком смысле слова, т. е. в том числе до истории интеллектуальной культуры, и до собственно истории, а также осмысление истории языка как истории коммуникативных форм и коммуникативного поведения.

В самых общих чертах этапы развития современной концепции истории языка обозначены, например, во вступительной статье к сборнику работ участников состоявшейся в Гейдельберге в октябре 1997 г. международной конференции по теме “История языка как история культуры” (“Sprachgeschichte als Kulturgeschichte”) [GARDT ET AL. 1999]. Здесь же дается дефиниция понятию ‘история языка’:

Bis in die sechziger Jahre des 20. Jahrhunderts hinein war die Sprachgeschichtsschreibung weitgehend systemlinguistisch orientiert. [. . .] In den vergangenen drei Jahrzehnten hat die Sprachgeschichtsschreibung damit begonnen, ihren Gegenstandsbereich in die Sozialgeschichte auszuweiten. [. . .] In der jüngsten Zeit werden nun in der Sprachgeschichtsschreibung Überlegungen angestellt, den historiographischen Gegenstand über die Sozialgeschichte im engeren Sinne in die Kulturgeschichte zu erweitern. [. . .] Sprachgeschichtsschreibung bedeutet danach, den Wandel sprachlicher Phänomene vor dem Hintergrund der Geschichte u. a. der Philosophie, der Religion, des politischen Denkens, der gesellschaftlichen Institutionen, selbstverständlich auch der Kunst (speziell der Literatur) und der Sozialgeschichte, bis hin zu einer Geschichte der „Mentalitäten“ und einer „Alltagsgeschichte“ zu beschreiben und zu beurteilen.

³ См., например, все статьи в [HSK, 2/1] и раздел “Methodische Grundlagen der romanistischen Sprachgeschichtsschreibung (= Методические основы лингвистической историографии в романистике)” в [HSK, 23/1].

Dabei sind diese Gegenstände und ihre Entwicklungen der Sprache nicht einfach nur vorgegeben, so dass Sprachgeschichte lediglich Spiegel der Kulturgeschichte wäre, sondern sie werden im gesellschaftlichen Diskurs, d. h. indem über sie sprachlich, mittels bestimmter Wörter und Redeweisen gehandelt wird, konstituiert (= Вплоть до шестидесятых годов XX в. история языка была ориентирована в значительной степени на системную лингвистику. [. . .] В последние три десятилетия [т. е. в 1970-е – 1990-е гг. — И. П.] история языка начала расширять область своих исследований, обратившись к социальной истории. [. . .] Сегодня же в лингвистической историографии высказываются мысли о том, чтобы через социальную историю в узком смысле включить в область описаний историю культуры. [. . .] История языка означает в таком случае описание и оценку изменений языковых феноменов в контексте истории и, в частности, в контексте философии, религии, политической мысли, общественных институтов, разумеется, также искусства (особенно литературы) и социальной истории, вплоть до истории “идей” и “истории быта” / “истории повседневности”. Причем эти сферы и их развитие не просто заданы языку наперед, так что история языка была бы лишь зеркальным отражением истории культуры, но они устанавливаются в общественном дискурсе, т. е. за счет того, что их трактуют — с помощью определенных слов и оборотов) [GARDT ET AL. 1999: 1–2].

Эволюция социопрагматического, коммуникативного подхода к истории языка, а также основные положения этого подхода обстоятельно освещаются в работах П. фон Поленца [VON POLENZ 1998], Д. Херубима [CHERUBIM 1998: 539–541], К.-Й. Маттайера [MATTHEIER 1998] и др. [ERNST ET AL. 2003; METZELTIN/GRITZKY 2003; POLZIN-NAUMANN 2006: 11–44]. Все эти исследователи — в соответствии с их целями — описывают и систематизируют научный опыт германистики и романистики. Для нас же сейчас первоочередной интерес представляет вопрос о том, как с этим исследовательским контекстом соотносятся славистические историко-языковые штудии.

2. ‘Внутренняя’ и ‘внешняя’ история языка

Как было упомянуто выше, современное разделение понятий ‘историческое языкознание’ и ‘история языка’ накладывается на прежнее разделение истории языка на *внутреннюю* и *внешнюю*. При этом надо отметить, что, несмотря на то что “новая” дихотомия находит все большее число своих сторонников, соответствующая ей “старая” в силу своей универсальности до сих пор не устарела: с точки зрения содержательного наполнения терминов она эквивалентна “новой”, а потому по-прежнему остается в ходу в научном дискурсе.

Разделение истории языка на внутреннюю и внешнюю особенно почитаемо в национальной романской — и прежде всего франкоязычной — филологии, что имеет свои объективные причины [BLUMENTHAL 2003].

Эта дихотомия, накладываясь на предшествующую ей дихотомию *язык и литература*⁴, лежит у истоков французской национальной лингвистической историографии. В 1897 г. Гастон Парис, один из крупнейших филологов-медиевистов второй половины XIX в., опубликовал статью-рецензию по поводу выхода в свет первых глав “Истории французского языка” Фердинанда Брюно в рамках масштабного проекта Луи Пети де Жюльвиля “История французской литературы и французского языка” [BRUNOT 1896A; 1896B; PETIT DE JULLEVILLE 1896]. В своей рецензии Парис описал “le programme d’une histoire pour ainsi dire idéale de la langue française (= программу, так сказать, идеальной истории французского языка)” [PARIS 1897/1909: 179]. Согласно его представлениям, предмет должен делиться на две части: *histoire interne* и *histoire externe*⁵. Первая предполагает исследование развития языковой системы:

l’exposition en ordre chronologique des modifications qu’a subies le latin, à partir de son introduction dans l’Île de France, dans sa phonétique, sa morphologie, son lexique et sa syntaxe (= хронологическое изложение фонетических, морфологических, лексических и синтаксических изменений, которым подверглась латынь с начала ее употребления в исторической области Иль де Франс) [Ibid.: 177–178];

вторая — историю французского языкового сообщества: его возникновение, распространение, культурные контакты:

Il faut d’abord déterminer exactement où s’est formé le parler qu’on appelle français [. . .]; rechercher quand on a commencé de l’écrire; suivre pas à pas les progrès de son extension hors de son domaine primitif, d’abord dans la France du Nord, puis dans celle du Midi, et même en dehors des limites de la France; distinguer si cette extension [. . .] affecte la langue parlée ou seulement la langue écrite, la langue populaire ou seulement la langue officielle [. . .]. Enfin à l’histoire externe appartient encore celle des travaux qui ont été accomplis sur la langue, de l’idée qu’on s’en est faite, des institutions qui ont eu pour but d’en activer ou d’en guider les lentes modifications, et du travail considérable accompli par les grammairiens (= Сначала надо точно определить, где сформировалось наречие, именуемое французским, [. . .] исследовать, когда начали на нем писать, шаг за шагом проследить, как расширился ареал его употребления за пределами его изначальной области, на севере Франции, затем на юге и даже за границами Франции; выяснить, [. . .] затрагивает ли это расширение язык разговорный или только лишь письменный, язык общеупотребительный

⁴ См. об этом в [VÁRVARO 1972–1973: 25–28].

⁵ Многие исследователи, однако, не учитывают рецензии Париса, — не говоря уже о более ранних авторах, речь о которых пойдет ниже, — и возводят эту дихотомию непосредственно к Брюно (см., например, [DROIXNE/DUTILLEUL 1990: 437; WILMET 1990: 493–494; METZELTIN/GRITZKY 2003: 17]). А. Варваро обращает внимание на то, что у Брюно разделение истории языка на внутреннюю и внешнюю появляется только в четвертом томе его “Истории французского языка”, вышедшем в 1897 г. [VÁRVARO 1972–1973: 29; прим. 68]). В этом же году вышла и рецензия Париса, посвященная первым двум томам “Истории” Брюно, в которых рассматриваемая дихотомия не упоминается.

или только язык официальный [. . .]. Наконец, к внешней истории относится еще и история трудов, написанных о языке, история представлений о языке, история учреждений, которые имели своей целью активизировать или направлять постепенные языковые изменения, а также история той огромной работы, которую проделали грамматисты) [Ibid.: 178–179].

Эта программа, ставшая сегодня традиционной моделью написания истории языка в романистике⁶, была введена в действие десятилетие спустя (1906 г.), когда начала выходить в свет упомянутая выше многотомная “История французского языка” Брюно⁷.

Долгожителство предложенной дихотомии было обеспечено не только универсальностью ее характера, но и тем фактом, что она нашла отражение в трудах Фердинанда де Соссюра⁸, разделившего лингвистику на *внутреннюю* и *внешнюю* (*linguistique interne* и *linguistique externe*)⁹. В сферу исследовательских интересов последней он отнес:

- 1) . . . tous les points par lesquels la linguistique touche à l'ethnologie, toutes les relations qui peuvent exister entre l'histoire d'une langue et celle d'une race ou d'une civilisation. . . (= все те пункты, в которых языкознание соприкасается с этнографией, все связи, которые могут существовать между историей языка и историей народности или культуры);
- 2) . . . les relations existant entre la langue et l'histoire politique. De grands faits historiques comme la conquête romaine, ont eu une portée incalculable pour une foule de faits linguistiques. [. . .] La politique intérieure des États n'est pas moins importante pour la vie des langues [. . .]. Un degré de civilisation avancé favorise le développement de certaines langues spéciales (langue juridique, terminologie scientifique, etc.) (= связи,

⁶ По этой модели построены историко-языковые статьи, например, в таком авторитетном издании, как “Лексикон романского языкознания” / “Lexikon der Romanistischen Linguistik” [LRL:3, 4, 5/1, 5/2, 6/1, 6/2]. Таким же образом организован том [HSK, 23/1], см. здесь статьи № 66–96. В германистике и англистике дихотомия *внутренняя* и *внешняя история языка*, будучи хорошо известной, используется, тем не менее, реже.

⁷ См. современную информацию об истории терминов в [BERSCHN 2001: 628–629; 2003: 33–34]. А. Варваро подчеркивал, что история употребления обоих терминов требует специального исследования [VÁRVARO 1972–1973: 29, прим. 68].

⁸ Роль, которую сыграл авторитет женевого лингвиста в укреплении этой дихотомии, демонстрирует тот факт, что некоторые исследователи склонны вести традицию разделения истории языка на *внутреннюю* и *внешнюю* именно от де Соссюра (см., например, [GONZÁLEZ 1992: 406–407], а также далее в тексте).

⁹ Как известно, в 1916 г. был опубликован реконструированный учениками де Соссюра третий из прочитанных им циклов лекций по общему языкознанию, который и цитируется в нашей работе. Однако следует также обратить внимание на то, что в более раннее время де Соссюр также оперировал терминами *внутренняя* и *внешняя история языка* [DE SAUSSURE 1996: 105–111]. Об этом свидетельствует публикация законспектированного Альбертом Ридлингером первого цикла соссюровских лекций (1907 г.): “Aperçu sur l'histoire interne et externe de la famille des langues indoeuropéennes (= Замечания к внутренней и внешней истории индоевропейской семьи языков)” [Ibid.: 105].

существующие между языком и политической историей. Великие исторические события, такие как римское завоевание, имели неисчислимы последствия для огромного числа языковых фактов. [. . .] Внутренняя политика государства не в меньшей степени важна для жизни языков. [. . .] Развитию некоторых специальных языков (юридического, научной терминологии и т. д.) способствует развитый уровень цивилизации);

- 3) . . . les rapports de la langue avec des institutions de toute sorte, l'Église, l'école, etc. Celles-ci, à leur tour, sont intimement liées avec le développement littéraire d'une langue, phénomène d'autant plus général qu'il est lui-même inséparable de l'histoire politique. La langue littéraire dépasse de toutes parts les limites que semble lui tracer la littérature [. . .] D'autre part elle pose la grosse question du conflit qui s'élève entre elle et les dialectes locaux [. . .]; le linguiste doit aussi examiner les rapports réciproques de la langue du livre et de la langue courante; car toute langue littéraire, produit de la culture, arrive à détacher sa sphère d'existence de la sphère naturelle, celle de la langue parlée (= отношения языка со всевозможными учреждениями: церковью, школой и т. д. Эти последние, в свою очередь, тесно связаны с литературным развитием языка, — феноменом тем более универсальным, что он сам неотделим от политической истории. Литературный язык сплошь и рядом переходит границы, которые ему устанавливает, казалось бы, литература. [. . .] С другой стороны, он остро ставит вопрос о конфликте, который возникает между ним и местными диалектами [. . .]; языковед должен также рассматривать взаимоотношения между книжным и обиходным языками, поскольку всякий литературный язык, будучи продуктом культуры, в процессе своего развития приходит к размежеванию среды своего бытования со средой естественной, то есть со средой разговорного языка);
- 4) . . . tout ce qui se rapporte à l'extension géographique des langues et au fractionnement dialectal (= все то, что относится к географическому распространению языков и к их диалектному разделению)¹⁰ [DE SAUSSURE 1972: 40–42; нумерация представлена мной. — И. П.].

Выделение де Соссюром внешней лингвистики соотносилось с его пониманием природы языка [KOEDEK 1999: 112–124]: как известно, он называл его “социальным фактом” (*fait social*); лингвистику же определял как “науку, которая изучает жизнь знаков внутри социальной жизни” (ср.: “une science qui étudie la vie des signes au sein de la vie sociale”) [DE SAUSSURE 1972: 33]. Одной из ее задач он считал:

¹⁰ Ср. данное место в [DE SAUSSURE 1972: 43–44]. Приводимые здесь и далее цитаты из “Курса общей лингвистики” де Соссюра я сопровождаю собственной версией перевода, представляющей собой переработку классического русского перевода труда де Соссюра, выполненного А. М. Сухотиным (1933 г.) [де Соссюр 2006]. Выполненный, вне всяких сомнений, на высоком профессиональном уровне, данный перевод, тем не менее, не всегда предельно корректен (ср. ниже сноску 16). Кроме того, он несколько архаичен по языку, что в том числе касается ряда современных терминов и терминологических выражений, ср., например, перевод названия *курс общей лингвистики*, тогда как сегодня принято выражение *курс общего языкознания*. Однако в рамках данной статьи мы все же сохраним известное читателю русскоязычное название курса Соссюра, с тем чтобы без дополнительных уточнений было понятно, что речь идет именно об этом труде.

. . . de chercher les forces qui sont en jeu d'une manière permanente et universelle dans toutes les langues, et de dégager les lois générales auxquelles on peut ramener tous les phénomènes particuliers de l'histoire (= поиск постоянно действующих и универсальных для всех языков сил и выработку общих правил, к которым можно было бы свести все частные процессы истории) [Ibid.: 20].

По мнению современного специалиста, авторитет де Соссюра способствовал развитию принципа, свойственного французской филологической традиции, а именно тому, что в рамках этой традиции лингвистика всегда имплицитно подразумевала социолингвистику, а стало быть, и история языка естественным образом подразумевала исследование не только внутренних, системно-языковых особенностей, но и внешних, внеязыковых, социальных [SCHMITT 1999: 69].

Нет оснований сомневаться в том, что Гастон Парис, Фердинанд Брюно и Фердинанд де Соссюр являются теми самыми тремя китами, на которых держится современная национальная лингвистическая историография в романистике. Однако у этих французских (точнее, франкоязычных) филологов и лингвистов рубежа XIX–XX вв. были предшественники, и в том числе — славянские. Так, с разделения истории языка на внутреннюю и внешнюю начинается опубликованная в Лейпциге в 1870 г. русскоязычная магистерская диссертация Яна Бодуэна де Куртенэ “О древнепольском языке до XIV столетия” [AUDOUIN DE COURTENAY 1974–1990, 2: 1¹¹] — первого защитившегося докторанта лейпцигского профессора славистики Августа Лескина [RICHTER 1970: 110; MUGDAN 1984: 12–13], чьим учеником пять лет спустя станет также Фердинанд де Соссюр. Более подробно данная дихотомия развита в лекции Бодуэна де Куртенэ, которую он прочитал в том же, 1870-м, году в Петербургском университете, вступая в должность приват-доцента (“Некоторые общие замечания о языковедении и языке”; текст впервые был опубликован в 1871 г.). В рамках нашего обзора показательно его обоснование концепта ‘внешняя история языка’:

Внешняя история языка тесно связана с судьбами его носителей, то есть с судьбами говорящих им индивидуумов, с судьбами народа. В круг ее исследований входит распространение языка, как географическое, так и этнографическое, общее влияние иностранных языков на данный язык и наоборот, решение вопросов, употребляется ли данный язык и как литературный, или же он живет только в народе, каким сословиям принадлежат люди, говорящие известным языком, в большом ли ходу язык (если он, разумеется, литературный) за своими собственными пределами, как по отношению к пространству (французский, немецкий, английский и вообще так называемые универсальные языки), так и по отношению ко времени (латинский, греческий, церковнославянский), и если он в употреблении у других народов, то для каких именно целей, и т. д. и т. д. [. . .] Материал для

¹¹ См. также [ШАРАДЗЕНИДЗЕ 1980: 77–78] и [BUDZIAK 1997: 21–22].

внешней истории языка совпадает в значительной степени с материалом для истории и истории литературы. Говоря о распространенности народа, о его образованности, о расцвете его литературы, историк тем самым затрагивает во многих пунктах внешнюю историю языка этого народа [VAUDOIN DE COURTENAY 1974–1990, 4: 56, прим. 34].

Приведенная цитата показывает, что Бодуэн де Куртенэ — как и более чем 25 лет спустя Фердинанд де Соссюр — относит к ‘внешней истории языка’ географический, этнографический, социальный и историко-культурный факторы, а также феномен литературного, т. е. письменного, языка в его отличии от языка разговорного.

Вопрос о том, следует ли связывать введение в научный оборот дихотомии ‘внутренняя и внешняя история языка’ с именем Бодуэна де Куртенэ или же в этом разделении, скорее, все-таки следует видеть общее место лингвистической мысли конца 1860-х – начала 1870-х гг., требует дополнительных разысканий¹². Э. Косериу, П. Кох и Р. Баум ведут традицию этой дихотомии не от Бодуэна — его написанные по-русски работы начала 1870-х гг. остались им неизвестными, — а от Георга фон дер Габеленца, чей обобщающий труд “Языкознание: Его проблемы, методы и достигнутые результаты” (“Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse”) впервые был опубликован в 1891 г. [VON DER GABELENTZ 1972]¹³. Фон дер Габеленц дал четкую и лаконичную дефиницию понятиям ‘внутренняя’ и ‘внешняя история языка’:

Wir werden, um Missverständnisse zu vermeiden, gut thun, zwischen äusserer und innerer Sprachgeschichte zu unterscheiden. Die äussere Geschichte einer Sprache ist die Geschichte ihrer räumlichen und zeitlichen Verbreitung, ihrer Verzweigungen und etwaigen Mischungen (Genealogie). Die innere Sprachgeschichte erzählt und sucht zu erklären, wie sich die Sprache in Rücksicht auf

¹² В российском языкознании принято сегодня аксиоматично утверждать, что автором анализируемой дихотомии является именно Бодуэн де Куртенэ, но при этом не приводится никаких доказательств, подтверждающих это мнение; см. [ЕРОФЕЕВА 2001: 68] — здесь без каких-либо ссылок дословно воспроизводится работа [ШАРАДЗЕНИДЗЕ 1980: 77]; см. также [ЧЕРЕПАНОВ 2003: 31; НИКОЛАЕВА 2003: 22; ЖУРАВЛЕВЫ 2005]. Следует, однако, принимать во внимание весь научный контекст того времени. Идея противопоставления “внутреннего” и “внешнего” буквально висела в воздухе. Бодуэн де Куртенэ, например, считал себя преемником идей Вильгельма фон Гумбольдта (см. автобиографические заметки Бодуэна в [ВЕНГЕРОВ 1897: 29]). Во втор. пол. XIX в. достаточно авторитетным оставалось учение фон Гумбольдта о *внутренней* и *внешней* форме языка (впервые: 1836 г., а также в последующих работах) [VON HUMBOLDT 1998: 204–219; DICESARE 1998: 85–89]. А. Варваро сопоставляет дихотомии *внутренняя* и *внешняя история языка* с дихотомией Вильгельма фон Гумбольдта *Geist–Sprache (дух/душа — язык)* [VÁRVARO 1972–1973: 29–30].

¹³ См. [COSERIU 1967/1972: 87; КОСН 1988: 343, БАУМ 2003: 48–49], ср. [VÁRVARO 1972–1973: 29, прим. 68].

Stoff und Form allmählich verändert hat (= Чтобы избежать недоразумений, необходимо различать внутреннюю и внешнюю историю языка. В н е ш н я я и с т о р и я я з ы к а — это история его пространственного и временного расширения, его разветвления и возможных смещений (г е н е а л о г и я). В н у т р е н н я я и с т о р и я я з ы к а о п и с ы в а е т и п ы т а е т с я о б ъ я с н и т ь, как язык постепенно изменился с точки зрения содержания и формы) [Ibid.: 141–142; разрядка автора. — И. П.]¹⁴.

В дальнейшем изложении к *внешней истории языка* он отнес географический, антропологический, этнографический и культурно-исторический аспекты [Ibid.: 142–168]. Туллио Де Мауро (см. в издании [DE SAUSSURE 1972: 428–429]) и Эберхард Гильденбрандт [HILDENBRANDT 1972: 32–34], издатели и комментаторы “Курса общей лингвистики”, считая эту дихотомию, главным образом, открытием де Соссюра (ср. сноску 12), называют в качестве стимулировавшего его предшественника немецкого младограмматика Германа Пауля, провозгласившего лингвистику культурологической дисциплиной. Он не разделял историю языка на *внутреннюю* и *внешнюю*, но вслед за Я. Гриммом, Ф. Боппом, В. фон Гумбольдтом, а особенно же А. Шлейхером уподоблял язык биологическому организму (растительному или животному), *внутренние* качества которого развиваются под *внешним* влиянием таких факторов, как климат, питание, условия жизни [PAUL 1920: 37–39]. Его книга “Принципы истории языка” (“Principien der Sprachgeschichte”) вышла в свет в 1880 г. в Галле. Однако свою первую ученую степень Пауль, как и Бодуэн де Куртенэ, получил в 1870 г. в Лейпциге¹⁵. В этой связи наводит на размышления дата, названная де Соссюром в его кратком обзоре этапов истории лингвистических учений: “Ce n’est que vers 1870 qu’on en vint à se demander quelles sont les conditions de la vie des langues (= Только

¹⁴ До фон дер Габеленца в немецкой филологической традиции выражение *внешняя история языка* встречается, например, у романиста Густава Грёбера [GRÖBER 1888b: 415–419], который определяет это понятие как “die Geschichte der Ausbreitung und Verwendung romanischer Sprache (= история распространения и употребления языков в романских странах)” [Ibid.: 419] (ср. [VÁRVARO 1972–1973: 29, прим. 68]), но не противопоставляет “внутренней истории языка”. Вместо этого он делает разницу между *историческим* и *генетическим языкознанием* [GRÖBER 1888c: 224–250]. Однако с противопоставления *внутренней* и *внешней истории языка* начинается опубликованное в том же году исследование швейцарского германиста Адольфа Социна [SOCIN 1888: III]. Можно предположить, что Гастон Парис, речь о котором шла выше, заимствовал данную дихотомию именно у немецких филологов: как известно, он был учеником боннского профессора романистики Фридриха Дица, боготворил учителя и делал со своей стороны все возможное, чтобы привить во Франции научные методы и традиции немецкой филологической школы, см. [BÄNGLER 2004], а также [Брокгауз/Ефрон, 22а: 810–811].

¹⁵ С Лейпцигским университетом связано, кроме того, имя фон дер Габеленца: в конце 1860-х гг. он изучал в Лейпциге китайский язык, а в конце 1870-х получил там же первую в Германии кафедру синологии.

около 1870 г. начали задаваться вопросом, каковы условия жизни языков)” [DE SAUSSURE 1972: 18]¹⁶.

Интерес для нас представляет перспектива пересечения научных традиций: в XIX – нач. XX в. слависты, германисты и романисты работали в тесном контакте друг с другом. Обращение к исследовательскому опыту разных филологических направлений для патриарха Женевской лингвистической школы имело принципиальное значение¹⁷. Он не писал научного трактата, его целью было — обобщить в курсе лекций существующее на данный момент развития лингвистической науки знание, выразив к нему свое отношение¹⁸. В контексте нашего изложения вопроса знаменателен следующий отрывок из его сохранившихся фрагментов к “Курсу общей лингвистики”:

On se rend compte que c'est le détail ultime des phénomènes qui est aussi leur raison ultime, et qu'ainsi l'extrême spécialisation peut seul servir efficacement l'extrême généralisation. [. . .] les noms qu'on aurait à citer dans ce sens seraient des noms de romаниstes comme M. Gaston Paris [. . .], des noms de germanistes comme M. Hermann Paul, des noms de l'école russe s'occupant spécialement du russe et du slave, comme M. N. [sic! (Jan)-Necislaw? — И. П.] Baudouin de Courtenay, M. Kruszewski (= Мы отдаем себе отчет в том, что именно в предельно подробной детализации явлений заключается их конечный смысл, и именно поэтому лишь с помощью предельной специализации можно добиться предельных обобщений. [. . .] следовало бы

¹⁶ С тем чтобы оправдать высказанный мной в сноске 10 упрек в сторону классического перевода Сухотина, здесь будет уместным заметить, что, например, начало данного предложения он перевел как “только в 70-х годах XIX в.” [де Соссюр 2006: 31]. Тем самым у читателя автоматически возникают ассоциации с учением младограмматиков 1870-х гг. Однако это лишь отчасти правильно. Несмотря на то, что в дальнейшем изложении де Соссюр действительно называет их имена, здесь, скорее, подразумевается то, что стояло у истоков младограмматизма, — около 1870 г. В общем контексте описанной ситуации данная датировка, на наш взгляд, заслуживает особого внимания и дальнейшего изучения.

¹⁷ См. комментарии Де Мауро: о “Leipzig et le «Mémoire»” в издании [DE SAUSSURE 1972: 325–334] и об отношении к Бодуэну де Куртенэ [ibid.: 338–340].

¹⁸ Особенно показательно в этой связи мнение Э. Косериу: он критикует современных лингвистов за то, что они очень часто не знают истории собственной науки и оказываются не в состоянии установить исторические связи, по инерции приписывая первенство введения той или иной категории ученым, которые ее не вводили, и вычеркивая тем самым из научной памяти имена людей, заслуги которых ни в коем случае не должны быть сбрасываемы со счетов: “Ainsi, par exemple, on attribue presque toujours à Saussure les distinctions entre *langue* et *parole*, entre *signifiant* et *signifié*, entre *synchronie* et *diachronie*, toutes distinctions que Saussure a retrouvées dans la tradition, qu'il a, sans doute, reformulée et auxquelles il a donné en partie une interprétation nouvelle, dans le cadre d'un système cohérent, mais qu'il n'a pas été le premier à formuler (= Так, например, различия между *языком* и *речью*, *означающим* и *означаемым*, *синхронией* и *диахронией* практически всегда приписываются де Соссюру, — различия, которые де Соссюр позаимствовал из традиции, которым он, возможно, дал новую формулировку и частично новую интерпретацию в рамках некой цельной системы, которые он, однако, ни в коем случае не сформулировал первым)” [COSERIU 1967/1972: 74].

упомануть в этой связи имена таких романистов, как г-н Гастон Парис, [. . .] таких германистов, как г-н Герман Пауль, имена представителей русской школы, которые занимаются прежде всего русским и славянскими языками, таких как г-н Н. [(Ян)-Нечислав?] Бодуэн де Куртенэ, г-н Крушевский) [DE SAUSSURE 2002: 147].

Историко-языковые исследования в области славистики составляли тогда неотъемлемую часть общего контекста европейской лингвистической науки: с одной стороны, они учитывали ее опыт, с другой — давали ей новые импульсы¹⁹.

На славянской почве концепция ‘внутренней и внешней истории языка’, эксплицитно выраженная Бодуэном де Куртенэ в 1870 г., была реализована на практике в опубликованном в 1892 г. труде А. С. Будиловича “Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы” — одном из первых сравнительных исследований внешней истории европейских языков, фактически забытом сегодня в славистике и совершенно неизвестном в западноевропейской филологии [Будилович 1892]²⁰. Будилович “предприя[ль]” для своего исследования “поѣздку въ Вѣну, Парижъ и Берлинъ”, чтобы просмотреть “какъ книги, такъ и журнальныя статьи [. . .] по исторіи языковъ западной Европы” [ibid., 1: 2]. Тем самым ему удалось собрать и обобщить актуальное тогда научное знание и применить его к славянской традиции.

Уже после беглого знакомства с содержанием обоих томов его труда становится очевидным, что план, по которому двигался ученый (1892 г.), во многом предваряет пункты цитированной выше программы Гастона Париса (1897 г.): Будилович начинает с описания условий возникновения языка, затем обращается к вопросу о появлении и распространении письменности, переходит к процессу расширения географического ареала пользования языком, рассматривает разницу между литературным и общепотребительным языком, анализирует работы грамматистов и останавливается на аспекте культивирования языка. Развитие “внутренних особенностей” письменных языков Будилович ставит в зависимость от “внешних судеб” этих языков. Под “внешними судьбами”²¹ он подразумевает развернутый анализ внеязыковых факторов,

¹⁹ См., например, ряд работ Г. Кайперта, посвященных влиянию немецкой научной традиции на славянскую и в том числе русскую филологию в первой половине XIX в. [Кейперт 1996; 2004а; 2004в; 2006а; 2006в], и его замечание: “Сегодня, когда в славистике собственные интересы каждой национальной филологии все больше выступают на передний план, не следует забывать о том, что славянское языкознание как наука возникло в XIX в. благодаря совместной работе ученых различных европейских стран” [Кейперт 2006в: 317].

²⁰ О месте этого труда в научной традиции см. в [Кейперт 1999а; 2003: 472].

²¹ Выражение “судьбы языка” употребляет также Бодуэн де Куртенэ: объясняя разницу между *внутренней* и *внешней* историей языка, он пишет, например, что

таких как этнологический, географический, государственный, общественный, церковный и литературный.

Предваряя Париса, Будилович, тем не менее, не был оригинален. Ту же самую схему можно, например, найти в исследовании Адольфа Социна о немецком литературном языке и диалектах (“*Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit*”) [SOCIN 1888] и в издаваемых Густавом Грёбером “Очерках по романской филологии” (“*Grundriss der romanischen Philologie*”), первый том которых, посвященный историко-языковым проблемам, вышел, так же как и исследование Социна, в 1888 г. (см. [GRÖBER 1888A] и особенно [GRÖBER 1888B; 1888C]). На обе книги Будилович не однажды ссылается в упомянутом выше труде (см., например, [Будилович 1892, 1: гл. 2–5, 7 и др.]). Предложенная же им типология “литературных языков”, которую он развивает также в других своих работах (см., например, [ИВИД. 1887; 1893]), опирается прежде всего на немецкую филологическую традицию, в том числе на работы Г. Остгофа, В. Майера и Э. Царнке²², на которые также регулярно делаются ссылки.

Понятие ‘литературный язык’ у Будиловича равнозначно понятию ‘письменный язык’, т. е. язык письменности, язык всех видов документов, а в том числе и язык литературных произведений, что в принципе характерно для языкознания втор. пол. XIX – нач. XX в. Именно в таком значении употребляли это выражение все перечисленные выше авторы²³. При этом исследование языка различного рода документов и языка литературных произведений, как уже было показано выше, в 1870-е – 1890-е гг. осознавалось как один из обязательных пунктов “программы” ‘внешней истории языка’.

В 1889 г. со славянской стороны над этим пунктом целенаправленно работал А. И. Соболевский. Опираясь главным образом на “Христоматию” Ф. И. Буслаева [1861], он систематически описал языковые

первая “не заботится о судьбах языка” [BAUDOUIN DE COURTENAY 1974–1990, 4: 56, прим. 34].

²² См. [OSTHOFF 1883; MEYER 1888: 377–382; ZARNCKE 1890: 377–382].

²³ Ср. также [CARTER 1998] и [BAUM 1987: 16–18]. Р. Баум находит следы употребления термина *литературный/письменный язык* еще у Руссо, который рассуждает о том, какую пользу приносят языку хорошо написанные книги и хорошо пишущие авторы (“*les livres bien écrits*”, “*les Ecrits des bons Auteurs*”), ведь язык совершенствуется прежде всего за счет письменности и в гораздо меньшей степени за счет устной речи (“*par l’écriture et si peu par la parole*”). Показательна дефиниция *литературного языка*, данная де Соссюром. Она также выдержана в традициях XIX в.: “*Par ‘langue littéraire’ nous entendons non seulement la langue de la littérature, mais, dans un sens plus général, tout espèce de langue cultivée, officielle ou non, au service de la communauté tout entière* (= Под ‘литературным языком’ мы понимаем не только язык литературы, но, в более общем смысле, всякий язык, будь он государственный или нет, который культивирован и находится на службе у целого общества)” [DE SAUSSURE 1972: 267].

особенности опубликованных в ней восточнославянских памятников письменности XI–XVIII вв.²⁴ Определение Соболевским понятия ‘литературный язык’ вписывается в современный исследователю общеевропейский научный контекст. Он исходит из уже знакомого нам по приведенным выше цитатам тезиса о том, что “литературный язык народа и просто язык народа часто не совпадают друг с другом” [СОБОЛЕВСКИЙ 1980: 21–22]. То, что он понимает под литературным языком, очень четко укладывается в следующую схему: Ср. в тексте:

[П]од литературным языком мы будем понимать не только тот язык, которым писались и пишутся произведения литературы в обычном употреблении этого слова, но вообще язык письменности. Таким образом, мы будем говорить не только о языке поучений, летописей, романов, но и о языке всякого рода документов вроде купчих, закладных и т. п., не только о языке произведений, написанных или переведенных в России, но и о языке произведений, составленных и переведенных вне России, но обращавшихся в России, вроде Евангелия, Апостола, богослужебных книг, творений отцов церкви [там же: 22].

Понимая термин *литературный язык* как ‘язык письменности’, или ‘письменный язык’, Соболевский делает вывод о том, что “русских литературных языков” было несколько: “. . . мы имели и отчасти имеем несколько литературных языков” [ТАМ ЖЕ]. В качестве примеров, иллюстрирующих данный тезис, во вступительной части своей работы он называет:

- а) церковнославянский язык “среднерусского извода, который с течением времени сделался общерусским литературным языком и после многих исправлений и дополнений превратился в ныне существующий литературный язык”,

²⁴ На то, что буслаевское издание послужило источником для Соболевского, указывает А. А. АЛЕКСЕЕВ [1980а: 6].

- б) “народный живой русский язык”, зафиксированный уже в древнейших памятниках, а потому литературный,
- в) церковнославянский язык Новгорода XIV в.,
- г) церковнославянский язык Западной Руси XVII в.,
- д) латинский язык в Галиции XV в.,
- е) польский язык в Юго-Западной Руси XVI в. [там же: 22–23].

В дальнейшем ходе исследования Соболевский расширяет этот список ровно вдвое, доведя его до двенадцати пунктов.

Совершенно очевидно, что фразу Соболевского “мы имеем в виду говорить *о всех русских литературных языках*” [там же: 22; курсив наш. — И. П.], какой бы она ни казалась понятной, современный исследователь обязан *переводить* на современный научный язык: речь не идет о выработанном в пражском лингвистическом кружке социолингвистическом/социокультурном понятии ‘литературный язык’. Автор рассматривает здесь вопрос о том, какие языки употреблялись в качестве письменных на территории Древней Руси, т. е. на восточнославянской территории.

Характерной особенностью научного дискурса второй половины XIX в. было употребление термина *литературный язык* во множественном числе, что соответствовало пониманию его как ‘письменный язык’. Филолог-классик Эдуард Царнке, например, называет свой труд “Возникновение греческих литературных языков” (“Die Entstehung der griechischen Literatursprachen”) [ZARNCKE 1890]. В “Очерках” Грёбера регулярно встречается выражение *романские литературные языки* или *литературные языки романских стран*, при этом в число этих романских литературных языков входят наряду с итальянским, испанским, французским и др. собственно романскими языками также языки арабский, немецкий и греческий [GRÖBER 1888a: 281–822]. Именно по этой модели используется термин *русский литературный язык / русские литературные языки* у Соболевского²⁵.

Соболевский не называл своего курса “Историей русского литературного языка”. Это название, как замечает А. А. Алексеев, было подписано позже, вероятно, Л. Н. Туницким, в чьем архиве хранилась рукопись Соболевского [АЛЕКСЕЕВ 1980б: 159]. Конечно, не следует исключать того, что авторское название могло бы быть именно таким, но в этом случае цель автора, которая скрывалась бы за этим названием,

²⁵ Отдельного исследования заслуживает употребление в научном дискурсе того времени термина *общий язык*. Ему посвящена, например, отдельная глава “Gemeinsprache” в “Принципах истории языка” Г. Пауля [PAUL 1920: 404–422], акцент в ней делается на том, что “общими” могут быть как литературные, так и разговорные, общепотребительные языки. Пауль называет “общий язык” нормой. А норма может быть как письменной, так и устной. См., кроме того, примеры в [ВАУМ 1987: 250].

была бы принципиально иной по сравнению со смыслом, который сегодня следовало бы по умолчанию давать термину *литературный язык*. Курс лекций Соболевского и, например, “История русского литературного языка” Успенского [Успенский 2002] имеют два разных объекта исследования и представляют собой два разных по содержанию курса: первый посвящен письменным языкам восточных славян, второй — становлению нормы русского литературного, т. е. стандартного, языка. Мы неизбежно допускаем эпистемологический сдвиг, когда: 1) из курса лекций делаем научный трактат (случай, аналогичный с курсом лекций де Соссюра), 2) накладываем категории современного научного мышления на работу исследователя второй половины XIX в., не придавая значения научному контексту, в котором возникла эта работа, и не задаваясь вопросом, в каком, собственно, значении употребляется в ней тот или иной термин.

Мы должны исходить из того, что научная и преподавательская деятельность Соболевского отражала основные тенденции общеевропейской историко-языковой науки второй половины XIX в. Причем его немалая заслуга состоит в том, что он попытался вписать в этот контекст русистику. Обратим внимание на читаемые им университетские курсы: они покрывают собой разные аспекты одного и того же предмета. С одной стороны, это ‘внутренняя история языка’:

С другой стороны — ‘внешняя история языка’, которую составляют:

историческая грамматика, фонетика церковнославянского языка, русский исторический синтаксис	}	все это дисциплины, получившие особенное развитие в лингвистике того времени
---	---	--

диалектология: ср. выше у Бодуэна де Куртене, фон дер Габеленца, Париса, де Соссюра требование к изучению географического распространения и разветвления языка; у Пауля диалектология является одним из принципов истории языка [PAUL 1920: 37–48]; эта же идея заявлена в первом томе изданных Грёбером очерков, при этом том сопровождается диалектологическими картами романских языков [GRÖBER 1888A]; на 1880-е гг. приходится деятельность Адольфа Социна, который видит в диалектологии неотъемлемый компонент ‘внешней истории языка’ [SOCIN 1888]; о развитии диалектологии во второй половине XIX в. см. в [KNOOP 1982] и [SONDEREGGER 1983];

палеография: ср. утверждение Бодуэна де Куртенэ: “палеография является необходимой помощницей языковедения” [BAUDOIN DE COURTENAY 1974–1990, 4: 50, прим. 27]; Соболевский в данном случае закрывает лауну в славистических штудиях: в западноевропейской науке к тому времени возникли целые школы палеографических исследований, а в университетах читались обязательные курсы

- по палеографии (см. об этом в [ТРАУБЕ 1909: 60–80]); палеография как обязательная часть языковой истории представлена В. Шумом [СШУМ 1888]; интерес к палеографии связан также с проблемой языка и письма в историческом аспекте [ПАУЛ 1920: 373–389; VON DER GABELENTZ 1972: 127–135]);
- переводная литература: литературное наследие, переводное и оригинальное, находилось в то время в центре пристального внимания германистов, романистов, филологов-классиков, причем именно как часть языковой истории; показательно, что, например, Г. Грёбер подчеркивал неуместность терминологического выражения *история романской литературы* и предлагал заменить его на выражение *история литературной продукции в романских странах* (“Geschichte der litterarischen Leistungen in romanischer Sprache/Schrifttum der Romanen”), потому что в этом случае будут также охвачены сочинения на латинском языке, переводная письменность и различного рода документы [GRÖBER 1888D: 152]; заслуга Соболевского, безусловно, состоит в том, что он сделал акцент на переводном характере средневековой славянской письменности; обращение историка языка к литературному наследию было совершенно естественным явлением в филологии того времени; в этом отношении интересный материал для целого исследования в области истории науки может дать сравнение двух научных фигур второй половины XIX в. — россиянина Соболевского и француза Париса, историка литературы, который одновременно пишет историческую грамматику французского языка;
- судьбы церковно-славянского языка: исследование языковых судеб — требование, которое как имплицитно, так и эксплицитно выражено во всех приведенных выше цитатах; этот вопрос затрагивается Бодуэном де Куртенэ (см. выше сноску 21), обстоятельно разбирается Будиловичем (см. выше); сам Соболевский в другой своей работе ссылался на труд Билярского с подобным названием [СОБОЛЕВСКИЙ 1962: 286; Билярский 1847/48]; в очерках Грёбера подробно рассматривается вопрос о судьбах языков в романских странах [GRÖBER 1888A: 415–822]; Майер в главе “Письменный язык” (“Schriftsprache”) описывает судьбу латинского языка по схеме, в общих чертах использованной впоследствии Будиловичем и Соболевским: латынь как язык писателей → язык церкви → язык государства [MEYER 1888: 377–382] (у Соболевского, разумеется, иная последовательность: история русского литературного языка как языка церкви (= церковнославянский) → языка государства → языка писателей);
- русская этнография: ср. выше высказывания Бодуэна де Куртенэ, фон дер Габеленца и де Соссюра о связи языкознания и этнографии; Грёбер причисляет этнографию к вспомогательным дисциплинам языкознания, без которых не обходится история языка [GRÖBER 1888D: 152];
- заимствованные слова: ср. выше у Бодуэна де Куртенэ требование изучать влияние иностранных языков; у Пауля исследование заимствований пред-

ставлено как один из принципов истории языка [Paul 1920: 390–408]; у фон дер Габеленца этот аспект специально оговаривается в рамках ‘внешней истории языка’ как метод для установления языкового родства [VON DER GABELENTZ 1972: 154–156].

А. А. Алексеев, перечислив все эти прочитанные Соболевским курсы, констатирует:

... в ряду этих предметов естественно помещается история литературного языка, рассматриваемая им как история функционирования определенных языковых форм в составе памятников письменности, как “внешняя” история языка [АЛЕКСЕЕВ 1980а: 5–6].

Это последнее уточнение — “как «внешняя» история языка” — с точки зрения истории науки имеет принципиальное значение, потому что именно за ним кроется смена научных парадигм, которую современные исследователи, как правило, не принимают во внимание, ставя Соболевского в один ряд с собой и не учитывая того, что история литературного языка для ученого XIX в. — это всего лишь один из аспектов ‘внешней истории языка’.

Одновременно с Соболевским этот аспект, кроме Будиловича, разрабатывают А. Н. Пыпин и Е. Ф. Карский. Показательно то, что Пыпин посвятил истории литературного языка отдельную главу — “XVIII век. Наука и народность: язык народный и литературный” — в своем труде по русской этнографии [Пыпин 1890: 161–172]²⁶. Этнография также составляет специфическую область интересов Е. Ф. Карского [1962] (первые — 1893). Кроме того, как и Соболевский, Пыпин и Карский занимаются диалектологией, палеографией и историей литературы, посвящая также отдельные публикации вопросам ‘внутренней истории языка’, в частности исторической фонетике и исторической грамматике. В начале же XX в. все эти аспекты: этнография, диалектология, палеография, история литературы, внешние судьбы языка, историческая грамматика и фонетика — станут программными для проекта “Славянской энциклопедии”, в одном из томов которой будет опубликован очерк Е. Ф. Будде об истории русского литературного языка (см. [Будде 1908]; очерк предваряет “программа”).

Для всех этих авторов литературный язык представляет интерес прежде всего как язык письменности, т. е. письменный язык. Исследование его истории является частью исследования истории духовной культуры, истории народа, истории государства. Все эти авторы мыслят в

²⁶ Отдельного исследования заслуживают текстуальные совпадения у Пыпина, Карского и Соболевского. Совершенно очевидно, что все три исследователя знали работы друг друга или же, как минимум, имели возможность обсуждать друг с другом данный вопрос.

категориях дихотомии 'внутренняя и внешняя история языка'. История русского литературного языка в гуманитарной науке кон. XIX – нач. XX вв. располагается в одном ряду с историей русской словесности/литературы, этнографией, диалектологией, палеографией и т. д. Все это – составные части 'внешней истории языка', которая и стоит в центре научного внимания и подразумевает непосредственное исследование политических, экономических, социальных, религиозных и культурных условий жизни языка.

Однако отличительной чертой дальнейшей рецепции концепта 'внешняя история языка' в славянской филологии, и особенно в русистике, станет то, что он будет вытеснен понятием 'история литературного языка', при этом область интересов 'внешней истории языка' окажется значительно суженной. Поскольку это вытеснение сыграет важную роль в представлении об истории языка, равно как и в формировании терминологического аппарата советской и постсоветской славистики, мы остановимся на нем подробнее.

3. 'Внешняя история языка' vs. 'история литературного языка'

Думается, можно назвать, как минимум, три причины смены парадигм лингвистического мышления в России – смены, манифестирующей себя через конкуренцию терминов 'внешняя история языка' и 'история литературного языка'. Первая причина – это культивирование феномена 'литературный язык' учеными Пражского лингвистического кружка; вторая – фактически официальный запрет на употребление дихотомии 'внутренняя и внешняя история языка' в советской науке; третья – отсутствие навыка осмыслять научную традицию в ее исторических взаимосвязях.

Пражский лингвистический кружок, как известно, сменил перспективу языковедческих исследований, развивая в рамках функциональной лингвистики основной методологический принцип структурализма о примате синхронии над диахронией. Если для младограмматиков интерес представляли прежде всего закономерности исторических изменений в языке и реконструкция праязыка, пражские лингвисты объявили исходным пунктом своих интересов современный национальный язык, важнейшей формой функционирования которого в рамках разрабатываемой ими теории языковой культуры оказался литературный, или стандартный, язык (чеш. *spisovný jazyk*). Они видели в нем идеальное воплощение системы, что, с точки зрения структурализма, и должно было представлять первоочередной интерес для лингвистики. То, что у младограмматиков и их современников составляло главный предмет

исследования, в Пражской школе стало играть второстепенную роль, потому что не разрешало главной задачи новой лингвистической программы, сосредоточенной вокруг вопроса, чем норма литературного языка отличается от нормы народного языка. Эта установка заявлена, например, в тезисе 3b, который, по сути, является реакцией на концепт ‘внешняя история языка’ и одновременно отказом от него как от не представляющей самостоятельного интереса области исследования:

Dans la formation des langues littéraires, *les conditions politiques, sociales, économiques et religieuses ne sont que des facteurs extérieurs*; ils aident à expliquer pourquoi telle langue littéraire est sortie précisément de tel dialecte déterminé, pourquoi elle s’est constituée et fixée à telle époque, mais ces conditions n’expliquent pas pourquoi elle s’est distinguée et en quoi elle se distingue de la langue populaire (= При образовании литературных языков условия политические, социальные, экономические и религиозные суть лишь внешние факторы; они помогают объяснить, почему данный литературный язык развился именно из указанного диалекта, почему он образовался и закрепился в данную эпоху, но эти условия не объясняют, почему он выделился и в чем он отличается от народного языка) [THÈSES 1929: 15–16; курсив оригинала. — И. П.]²⁷.

По мнению пражских лингвистов, диахрония бессистемна, синхрония же системна, поэтому и следует заниматься синхронным срезом литературного языка. Пражцами была разработана целая теория литературных языков [JEDLIČKA 1982; HORAŇEK 1976: 34–39; VUKYŘEL 2013: 21–26, 39–44], которая, судя по количеству посвященных ей работ, превратилась в своего рода культ филологической науки²⁸. Помимо собственно

²⁷ В несколько иной формулировке этот тезис воспроизводится в монографии Б. Гавранека “Studie o spisovném jazyce (= Очерк о литературном (букв.: письменном!) языке)”, ср.: “... při vytváření spisovného jazyka jsou poměry politické, sociální, hospodářské, náboženské a kulturní jen v nější míře činitelem; jen pomáhají vysvětlovat, proč se právě jisté nářečí stalo základem pro spisovný jazyk, proč se spisovný jazyk rozšířil na tom neb onom území, proč vznikl a ustálil se v té neb oné době, ale nevysvětlují, proč se odlišil a v čem se odlišuje spisovný jazyk od jazyka lidového (a hovorového) (= При образовании литературного (букв.: письменного!) языка условия политические, социальные, экономические, религиозные и культурные суть лишь внешние факторы; они только помогают объяснить, почему именно это наречие стало основой литературного (письменного) языка, почему литературный (письменный) язык распространился на той или иной территории, почему он возник и закрепился в то или иное время, но они не объясняют, почему выделился и в чем отличается литературный (письменный) язык от языка народного (разговорного)”) [HAVRÁNEK 1963: 12; разрядка автора. — И. П.]

²⁸ У истоков этой теории стояли труд А. С. Будиловича [1892] об общеславянском языке и восходящее к нему и запрещенное в Советском Союзе сочинение Н. С. Трубецкого “К проблеме русского самопознания” (1927 г.), отдельная глава которого — “Общеславянский элемент в русской культуре” — была посвящена вопросам литературного языка [Трубецкой 1995] (пример рецепции идей Будиловича и Трубецкого в Пражском лингвистическом кружке см. в [KEIPERT 1999в: 130–132]).

научного стремления обнаружить новые исследовательские объекты и создать новую исследовательскую программу, за этим культом стояли еще и чисто прагматические цели. С одной стороны, исследователи тем самым напрямую обращались к изучению характерной для чешской языковой ситуации диглоссии *spisovný jazyk vs. obecná čeština*. С другой стороны, формирование пражской лингвистической теории национальных литературных языков было тесно связано с культурно-политической ситуацией в Чехословакии 30-х гг. XX в., времени, на которое и приходится кульминационный пункт развития данной теории: лингвисты видели свое предназначение в том, чтобы подчеркнуть цену языка собственной культуры, тем самым защитив его от возможного вытеснения другими языками [SCHARNHORST/ISING 1976/1982, 1: 17] (см. в более широкой перспективе: [ТОМАН 1995; VYKURĚL 2013: 45–50]).

Понятие ‘литературный язык’ получило в Пражской школе новое наполнение: это был более не язык литературных произведений в его историческом развитии, что представляло основной интерес для языковедов XIX – начала XX в., но самостоятельное социокультурное явление современной общественной жизни, которое обладает рядом свойственных только ему признаков. Наиболее лаконично эти признаки были сформулированы, как известно, А. В. Исаченко, подчеркнувшим также разницу между понятиями ‘литературный язык’ и ‘письменный язык’:

Литературный язык, в современном понимании этого термина, обладает следующими признаками: 1) он поливалентен, т. е. применим для обслуживания всех сфер национальной жизни; 2) он нормирован (в отношении орфографии и орфоэпии, грамматики и словаря); 3) он общеобязателен для всех членов данного национального коллектива и в связи с этим не допускает диалектных вариантов; 4) он стилистически дифференцирован. Ни один из употреблявшихся на территории славянских народов письменных языков не обладал, до появления современных национальных языков, всеми указанными признаками. Поэтому предпочитаем говорить о *письменных* языках в применении к донациональным типам графически запечатленной речи [Исаченко 1958: 42; курсив автора. – И. П.]²⁹.

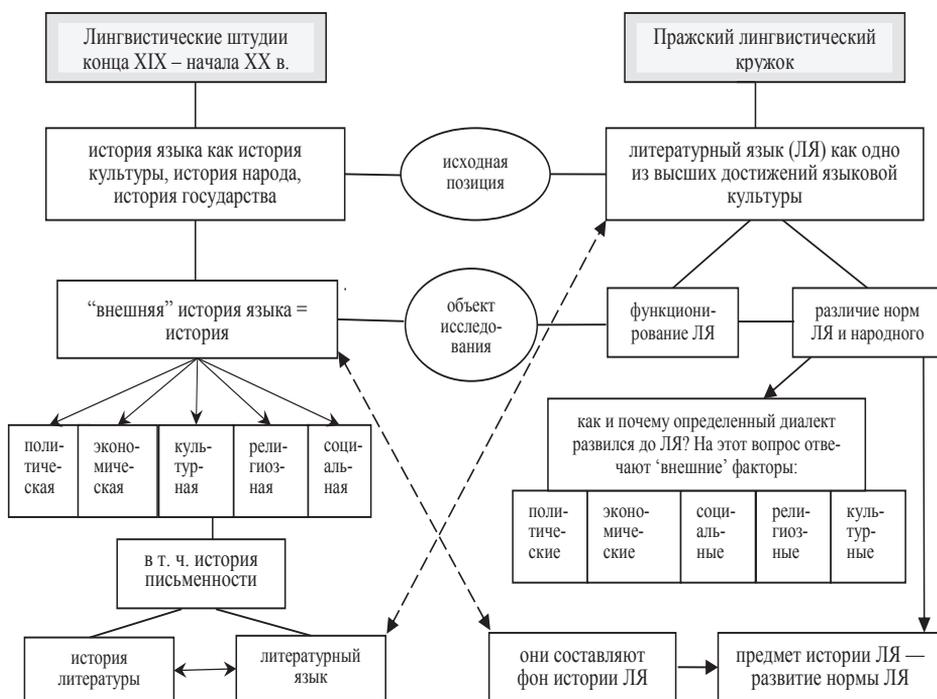
В представленных к первому Съезду славистов (1929 г.) Тезисах Пражского лингвистического кружка, написанных по-французски, употреблялся термин *langue littéraire*. В чешскоязычных статьях пражцев ему соответствовал термин *spisovný jazyk* (ср. название книги [HAVRÁNEK 1963]), получивший новое осмысление в теории функциональной лингвистики, а именно — ‘стандартный язык’³⁰. На русский язык выражение *langue*

²⁹ Ср. [КЕРПЕРТ 1982: 70; 1988: 314 = 1991: 87] и [ЖИВОВ 1996: 14], но также [АЛЕКСЕЕВ 2013: 9, 16].

³⁰ О терминологических эквивалентах в разных языках см. [BROZOVÍČ 1970: 14–16; JEDLIČKA 1978: 45–51; 1982: 40–41; BAUM 1987: 31–55].

littéraire было переведено уже готовым термином *литературный язык*, за употреблением которого, однако, стояла иная традиция, как было показано выше. Тем самым произошло наложение терминов друг на друга и слияние научных традиций, что мы и называем эпистемологическим сдвигом.

Попытаемся при помощи схемы обобщить пункты расхождения, свидетельствующие о смене научной парадигмы в историко-языковых штудиях XX в. — смене, которая, на наш взгляд, одновременно является и одной из причин эпистемологического сдвига во всей последующей научной традиции. По принципу хиазма поменялись местами гипонимы и гиперонимы: гипоним младограмматиков ‘литературный язык’ в теории функциональной лингвистики (в ее русском переводе!) занял место гиперонима:

Однако такое наложение имеет место лишь на формальном уровне, потому что на уровне содержания мы реально располагаем омонимическими понятиями, каждое из которых имеет собственное значение:

литературный язык¹

письменный язык, язык литературных произведений и документов (в понимании Соболевского и ученых конца XIX – начала XX в.);

литературный язык²

стандартный язык, который в том числе может функционировать как язык литературных произведений (в понимании представителей Пражского лингвистического кружка).

Смешение этих понятий ведет, с одной стороны, к смешению предметов исследования: отдельный аспект ‘внешней истории языка’ оказывается самостоятельной дисциплиной — историей литературного языка; с другой стороны, к сужению области научных интересов: новая самостоятельная дисциплина ограничивается исследованием вопросов, которые были поставлены изначально в рамках одного лишь аспекта — а именно, исследованием языка литературных произведений, т. е. сводится на уровень исторической стилистики [КЕИПЕРТ 1982: 67–68, 98; 1984; 1999с: 727; УСПЕНСКИЙ 2002: 7; АЛЕКСЕЕВ 2013: 5] — и отодвигает на задний план другие сферы исследования, которые в совокупности своей составляли некогда единое и обуславливающее друг друга целое.

Сами пражцы этого смешения не допускали. В истории литературного языка они хотели видеть историю развития его функций, но прежде всего историю развития его нормы, что соответствовало их представлениям о литературном языке как самостоятельном социокультурном явлении. Сейчас достаточно будет привести в качестве примера позицию Б. Гавранека в его монографическом очерке “Развитие чешского литературного языка” (“Vývoj spisovného jazyka českého”):

S hlediska vývojového je pak zvláště důležité to, že základním nositelem vývoje bývá v různých obdobích jazyk různého funkčního nebo sociálního zaměření. Nešlo mi však v této stati o to, abych vylíčil obecně kulturní, sociální a politické pozadí rozvoje spisovné češtiny (t. zv. vnější dějiny), nýbrž šlo právě o její vnitřní vývoj jako jazyka spisovného, tedy o vývoj těch jazykových prostředků, kterými spisovná čeština těmto funkčním a sociálním úkolům vyhovovala, o to, jak vznikala a měnila se její norma a jak se rozvíjelo její slovní a frazeologické bohatství (= С точки зрения эволюции в таком случае особенно важно то, что основным объектом развития в разные периоды времени является язык разной функциональной или социальной направленности. В данной работе моей целью не является описать общий культурный, социальный и политический фон развития чешского литературного языка (т. наз. внешнюю историю), но именно его внутреннюю эволюцию как языка литературного, а значит эволюцию тех языковых средств, с помощью которых литературный чешский язык исполнял ту самую [описанную выше. — И. П.] функциональную и социальную миссию, а также описать, как возникла и изменялась его норма и как развивалось его словарное и фразеологическое богатство) [ГАВРАНЕК 1963: 1–2].

В западноевропейской филологической традиции — в германистике, романистике, англистике, классической филологии — термин *литературный*

язык использовался и по-прежнему используется в своем изначальном значении, т. е. как 'письменный язык' [BUßMANN 2002: 412–413; GLÜCK 2005: 385; LEWANDOWSKI 1990, 2: 690–691; ВАУМ 1987: 35–53]. Кроме того, его исследование по-прежнему остается одним из аспектов 'внешней истории языка'. Когда же речь заходит о литературном языке в смысле Пражского лингвистического кружка, предпочитается термин *стандартный язык* [BUßMANN 2002: 648; GLÜCK 2005: 643; LEWANDOWSKI 1990, 23: 1096–1097; BESCH 1982; ВАУМ 1987: 50–55; см. также DANEŠ 1988; 2006]. В славистике же, несмотря на убедительную аргументацию Д. Брозовича [BROZOVIC 1970: 14–16], второй термин не утвердился, что также стало одной из причин смешения понятий.

Однако далеко не последнюю роль в этом сыграл политический фактор: термин *история литературного языка*, употребление которого связывалось с отечественной научной традицией, внушал большее доверие, чем дихотомия 'внутренняя и внешняя история языка', на которой в первой трети XX в. стояла печать имени де Соссюра. В советской науке разделение лингвистики на 'внутреннюю' и 'внешнюю' было отвергнуто как "буржуазное". Именно так охарактеризовал его Д. Н. Введенский в своем "вступительном слове" к опубликованному в 1933 г. русскому переводу "Курса общей лингвистики" де Соссюра³¹. В 1953 г. на русском языке вышел в свет очерк праславянской фонетики и морфологии чешского лингвиста Олдржиха Гуйера³². Книга начиналась с разделения истории языка на внутреннюю и внешнюю и с подробного описания областей исследования каждой из них [НУЖЕР 1924: 1; ХУЖЕР 1935: 1]. Предисловие к русскому изданию было написано одним из основателей московской фонологической школы П. С. Кузнецовым. К упомянутой Гуйером в начале книги дихотомии П. С. Кузнецов отнесся критично:

Так, особенно теперь, после появления гениального труда И. В. Сталина по вопросам языкознания, в котором товарищ Сталин дает основополагающие указания о необходимости изучения истории языка в связи с историей народа, совершенно неприемлемо положение о внутренней и внешней истории языка как о чем-то взаимно обособленном. Такое понимание восходит в первую очередь к концепции так называемой французской "социологической" школы в языкознании. Между тем именно этот подход к явлениям истории языка мы обнаруживаем в некоторых разделах книги Гуйера [Кузнецов 2004: 5–6].

³¹ См. комментарии Де Мауро в [DE SAUSSURE 1972: 428] и [ВВЕДЕНСКИЙ 1933: 12].

³² Как "Введение в историю чешского языка" ("Úvod do dějin jazyka českého") эта книга впервые была опубликована в 1914 г. и затем переиздана в 1924 г. В 1935 г. с некоторыми изменениями и дополнениями она была издана на сербском языке как "Введение в историю славянских языков" ("Увод у историју словенских језика").

Идеологические коннотации, которые закрепились за лингвистическими терминами *внутренняя* и *внешняя история языка*, препятствовали активной научной рефлексии связанных с ними проблем³³.

Это третий из обозначенных нами выше факторов, повлиявших на смену парадигмы в отношении понятия 'внешняя история языка'. С одной стороны, новый этап филологической науки стремился обособиться от предыдущего, связывая себя с ним только формально, но не содержательно. С другой стороны, предшествующая научная традиция признавалась и трактовалась как начало науки, получившее продолжение в последующей традиции. Так, Н. И. Толстой писал, что

. . . такая дисциплина, как история русского литературного языка, почти не имела предыстории. Она началась как бы внезапно в конце тридцатых и серьезно заявила о себе в сороковых и пятидесятых годах и у нас, и в зарубежных славянских странах [Толстой 1992: 157].

В этих словах оценивается интерпретация литературного языка Пыпиным, сложившаяся в "подготовительный период" к науке о литературном языке. Заметим, что в одном отношении позиция автора оказывается близкой позиции "подготовительного" периода, согласно которой термин *литературный язык* употребляется в своем первом значении, т. е. как "письменный язык, язык литературных произведений", но не как "стандартный язык", хотя Н. И. Толстой и употребляет этот термин:

История русского литературного языка тесно связана с историей русской литературы. Правда, такая связь характерна прежде всего для истории языка художественной литературы, которую тот же В. В. Виноградов считал отдельной лингвистической дисциплиной, но и процессы развития книжного стандартного языка и развития книжности и словесности, как явления культурологические, при всей их специфичности, не намного отдалены друг от друга [там же: 157–158].

В современной лингвистике история и эпистемология языкознания как отрасли, подразумевающие систематический критический анализ лингвистических понятий в их историческом контексте, часто находятся в значительной изоляции от тех отраслей лингвистики, в которых осуществляются частные исследования. Современный историк языка в большинстве случаев не задается целью выяснить историю своей науки.

³³ Ср. судьбу термина *церковнославянский язык* в [Кеирерт 2006с]: политически нежелательная лексема с религиозным значением в составе термина требовала замены, поэтому в советской научной традиции предпочитался термин *старославянский язык*, содержательно не соответствующий понятию "церковнославянский язык" и вызывающий неправильные ассоциации.

С одной стороны, мы имеем ряд работ Г. Кайперта [KEIPERT 1982; 1984; 1985; 1988; 1991; 1999c], Б. А. Успенского [1995/1997, 2002], В. М. Живова [1996] и А. А. Алексеева [2013], которые в подходе к анализу истории литературного языка исходят из понятия 'литературный язык' в интерпретации Пражского лингвистического кружка, причем эта пражская линия проводится совершенно отчетливо. С другой стороны, многие русисты до сих пор трактуют историю литературного языка как историческую стилистику, ср.:

Поэтому вслед за Г. О. Винокуром можно сказать, что история русского литературного языка есть не что иное, как историческая стилистика русского языка. Описание исторически существовавших языковых стилей в их системных отношениях — первая задача истории русского литературного языка [Камчатнов 2008: 6] (со ссылкой на [Винокур 1959: 222]).

Мнение же, что в науке до сих пор не выработано четкого определения понятия 'литературный язык', несмотря на то, что это определение было предельно четко сформулировано А. В. Исаченко (см. выше), стало общим местом в филологических работах (см., например, [Журавлевы 2005]). Эта позиция получает свое окончательное закрепление на уровне системы преподавания. В учебном процессе высшей школы для курса "История русского литературного языка" до сих пор остаются авторитетными учебники В. В. Виноградова [1978; 1982] и А. И. Горшкова [1983; 1984], в которых литературный язык приравнивается к письменному языку, в смысле к языку литературы, и соответственно история литературного языка трактуется как смена языковых особенностей литературных произведений, другими словами, как историческая стилистика.

На самом же деле мы имеем дело со смешением, возникшим в результате наложения друг на друга двух омонимичных терминов и двух стоящих за ними традиций. Чтобы ликвидировать это досадное смешение, нужно прежде всего признать наличие первой, более ранней традиции в отечественном языкознании как полноценной и завершенной в себе. Отдав дань уважения Соболевскому как одному из крупнейших ученых своего времени и признав его реальный вклад в мировую лингвистику, нам, вероятно, следует прекратить попытки во что бы то ни стало вписать его линию в актуальный научный опыт. Работая же в рамках этого последнего, равно как и желая развивать предшествующую традицию, мы должны отдавать себе отчет в их эпистемологической конкуренции (если не автономности) по отношению друг к другу.

Возвращаясь к проблеме терминов *внутренний* и *внешний*, следует отметить, что дихотомия 'внутренняя и внешняя история языка' в славянской филологии не получила такого широкого распространения, как,

например, в романистике. Не будучи безызвестной славистам, она не стала традиционной исходной моделью историко-языковых штудий. Сегодня к ней прибегают преимущественно западноевропейские слависты [Moser 2000: 129; Bunčić 2006: 21–26]. Отечественные же русисты, как правило, ограничиваются разделением ‘историческая грамматика’ vs. ‘история литературного языка’. Первая соответствует ‘внутренней истории языка’ и является продолжением традиции исторической лингвистики XIX в. Вторая же должна была бы соответствовать ‘внешней истории языка’, которую она вытеснила. Однако закрепившийся термин не покрывает полностью вытесненного им понятия³⁴. Это привело к сужению проблемного поля и методологической нечеткости и в конечном счете сказалось на общем состоянии современной палеославистики: мы располагаем печально малым числом работ, по глубине концепции и по охвату и осмыслению материала равных историко-языковым штудиям в области германистики, романистики или англистики.

4. Альтернативная модель

Предлагаемая ниже концепция базируется на соображении о том, что существует:

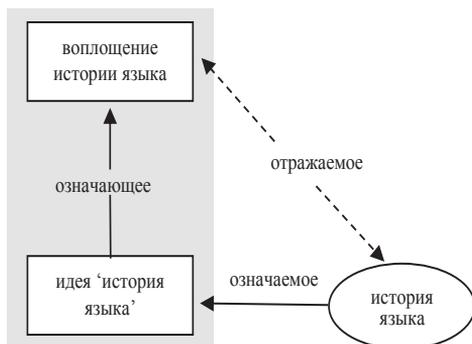
- с одной стороны, язык в его истории как некий объективный феномен, который развивается — или, дипломатичнее сказать, претерпевает изменения — во времени, т. е. существует история языка как объективная данность;
- с другой стороны, концепт истории языка, т. е. некие представления об историческом развитии языка, которые могут выражаться либо в априорном знании о том, что язык подвержен изменениям, либо в непосредственной фиксации этих изменений, их анализе и осмыслении в свете той или иной теории.

Обе эти стороны объединяются в рамках единой науки об историческом развитии языка, или истории языка. Мы будем понимать это терминологическое выражение как гипероним³⁵, который предполагает даль-

³⁴ Исключение составляет “История русского литературного языка” А. М. Камчатнова. С одной стороны, исследователь остается верным предшествующей традиции и трактует историю русского литературного языка как историю стилей (см. выше). С другой стороны, он придает большое значение внешним факторам, а именно культурно-историческому контексту той или иной эпохи: “. . . существенным компонентом, входящим в историю русского литературного языка, является анализ политических, религиозных, идеологических и историко-литературных элементов, образующих данный контекст” [Камчатнов 2008: 3].

³⁵ В поисках адекватного терминологического обозначения этой науки мы отдаем предпочтение именно термину *история языка*. В западноевропейской филологии

нейшее членение на гипонимы, в частности на историческую диалектологию и на историю языка и его употребления³⁶. Первая равнозначна 'внутренней', вторая — 'внешней истории языка'. Оскар Райхман осмысляет соотношение между историей языка как объектом и как концептом через призму двух уровней (букв.: плоскостей), на которых он размещает три понятия. Если попытаться визуализировать его рассуждения, например, в форме треугольника Фреге, можно получить следующую картину:

Es gibt Sprachgeschichte (Objektebene) [. . .]. Es gibt die Idee von Sprachgeschichte (erste Metaebene) [. . .]. Es gibt die Verwirklichung der Sprachgeschichte (ebenfalls erste Metaebene) . . . (= Существует история языка (уровень объекта) [. . .]. Существует идея об истории языка (первый метауровень) [. . .]. Существует воплощение истории языка (также первый метауровень) . . .) [REICHMANN 1998: 1].

Петер фон Поленц передает то же самое соотношение иными словами. Первую часть введения к своей истории немецкого языка он называет

обобщающего термина, несмотря на ряд попыток сформировать единое понятие о соответствующем феномене, на сегодняшний день не существует (см. об этой проблеме в [МАТТНЕЙЕР 1998: 824]). В качестве такового часто употребляются термины *historiolinguistica* (Historiolinguistik, historical linguistics) (см., например, [ВОЛГЕН 1998: 124–127]) или *историография языка* (Sprachgeschichtsschreibung) (см. [REICHMANN 1998; VON POLENZ 1998], см. также выше, раздел 1). Однако вариант *historiolinguistica* не может быть выбран в качестве гиперонима, потому что он созвучен с термином *историческая лингвистика*, которым, как уже упоминалось выше (раздел 1), принято обозначать историческую грамматику и фонетику или *историческую диалектологию*. Вариант же *историография языка* неудобен потому, что он, скорее, будет иметь значение 'история науки о языке' (см. новейшую книгу [ВУКУРЁЛ 2013: 7]). Еще один возможный вариант, термин *диахронное языкознание*, не отражает сути предмета (см. о проблемах, связанных с его употреблением и интерпретацией, в [JÄGER 1998]).

³⁶ Обозначение *история языка и его употребления* мы заимствуем у Джофри Хоррокса (ср. название его книги "Greek: A History of the Language and its Speakers" [HORROCKS 1997]). Вслед за Хорроксом тот же самый терминологический оборот в название своей книги помещает Ян Пресс (ср.: "A History of the Russian Language and its Speakers" [PRESS 2007: IX]), несмотря на то что, как замечает Г. Кайперт, содержание книги не соответствует тем ожиданиям, которые вызывает ее название [КЕЙПЕРТ 2008: 203]. Адаптируя данное терминологическое обозначение к русскому языку, следует отказаться от перевода слова *speakers* как *носители*: речь не идет об истории носителей языка (ср. значение, которое придает слову *speakers* Пресс [PRESS 2007: IX]). Современным требованиям социопрагматического подхода к истории языка соответствует, на наш взгляд, именно выражение *употребление языка*.

“Die Veränderbarkeit von Sprache und wie man darüber denkt (= Возможность изменять язык и что об этом думают)” [VON POLENZ 1991–1994, 1: 2].

Историю языка сегодня принято представлять в категориях исторической социолингвистики и лингвопрагматики, которые и являются современной реализацией, или воплощением, идеи ‘история языка’. С учетом наработанного в рамках этих направлений опыта создаются теории языковых изменений и модели описания языковой истории [MILROY 1992; ЛАВОВ 1994; 2001; KELLER 2003; АЙТНСИОН 2013].

Развитие социолингвистики в XX в. стало закономерным и предсказанным результатом дальнейшего развития науки о языке. Возникновение тезиса о социальной природе языка ни в коем случае не следует сводить к опубликованному в 1916 г. “Курсу общей лингвистики” де Соссюра. Уже в конце XIX в. он проходит красной нитью, например, у Бодуэна де Куртенэ³⁷. В автобиографических заметках, частично опубликованных в “Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых” С. А. Венгерова, описывая свои лингвистические установки, Бодуэн утверждал:

Такъ какъ языкъ возможенъ только въ человѣческомъ обществѣ, то кромѣ психической стороны мы должны отмѣчать въ немъ всегда сторону социальную. Основаніемъ языковѣдѣнія должна служить не только индивидуальная психология, но и социология (до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не на столько еще разработанная, чтобы можно было пользоваться ея готовыми выводами) [ВЕНГЕРОВ 1897: 33] (см. также [BRANG/ZÜLLIG 1981: 2(19)]).

В очерке “Языкознание, или лингвистика” (“Językoznawstwo czyli lingwistyka”), опубликованном в сокращенном виде в 1901-м, полностью же в 1904 г., перспективы развития языковедческой науки в XX в. Бодуэн де Куртенэ видел в ее связи с другими дисциплинами и в том числе с социологией, при этом он предлагал объединять лингвистические кафедры в университетах не с филологическими, а с естественнонаучными и социологическими [BAUDOUIN DE COURTENAY 1974–1990, 1: 22, 23; BRANG/ZÜLLIG 1981: 3 (№ 20)].

С социолингвистических позиций “думал”³⁸ о языке ученик Бодуэна Е. Д. Поливанов, один из крупнейших советских лингвистов 1920-х – 1930-х гг., который также сделал шаг к исторической социолингвистике. В контексте нашей работы особенный интерес представляет его подход к истории языка и в этой связи его представления о том, каким должен быть ученый-лингвист:

³⁷ Социолингвистическим взглядам Бодуэна де Куртенэ посвящено диссертационное исследование [BUDZIAK 1997].

³⁸ См. выше в тексте (вверху этой страницы) цитату из [VON POLENZ 1991–1994, 1: 2].

. . . мы нуждаемся в лингвистической историологии [сноска 2: Понимаем под историологией общее учение о механизме исторических процессов, и под лингвистической историологией, следовательно, — общее учение о механизме языковой эволюции]. [. . .] Языковое прошлое для нас — история культуры (наравне с памятниками материальной культуры и литературы), и в этом — “филологическом” — направлении наших интересов мы — историки³⁹. Лингвист, таким образом, слагается: 1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур [. . .]; 2) из языкового политика, владеющего [. . .] прогнозом языкового будущего [. . .]; 3) из “общего лингвиста”, и в частности лингвистического историолога (здесь, в “общей лингвистике”, и лежит философское значение нашей науки); 4) из историка культуры и конкретных этнических культур [Поливанов 1960: 271–272].

Эти “думы”, направленные против марровского “нового учения о языке”, были высказаны Поливановым в статье “За марксистское языкознание” (1931 г.) и в предшествовавшем ей докладе в Коммунистической академии (1929 г.). Они стоили ученому жизни (арест по обвинению в шпионаже и расстрел в 1938 г.), потому что большинство лингвистов того времени “думали” о языке иначе.

Современная социопрагматическая теория языка исходит из тезиса о том, что центральным феноменом социальной жизни является потребность в коммуникации. Именно от потребности в коммуникации зависит “[der Grad] der Komplexität der Koordinierungsaufgaben, die durch Sprache gelöst werden müssen (= степень сложности координационных задач, которые должны быть разрешены посредством языка)” [MATTHEIER 1988: 1436]:

. . . jede Sprache [ist] eine Widerspiegelung des Kommunikationsbedarfs einer Gesellschaft. Wenn sich der Kommunikationsbedarf im Rahmen sozialer Veränderungen wandelt, dann wird die Sprache mit entsprechender Adaptionsverzögerung darauf reagieren und ihre Kommunikationskapazität verändern (= каждый язык является отражением коммуникативных потребностей общества. Когда в рамках социальных изменений меняются коммуникативные потребности, то язык будет реагировать на это, хотя и с некоторой задержкой, вызванной необходимостью адаптации, изменением своих коммуникативных возможностей) [IBID.].

Воплощая на практике идею ‘история языка’, историческая социо- и прагмалингвистика видит свою цель в том, чтобы установить и описать коммуникативные потребности общества на том или ином этапе его развития [IBID.].

На основании такого подхода к языку и к его истории картина о языке составляется через призму условий, в которых используется язык,

³⁹ Ср. требование современного немецкого германиста П. фон Поленца включить историю языка в число исторических наук (см., например, [VON POLENZ 2002: 15]); см. также выше в разделе 1.

это значит, что любого рода высказывания воспринимаются как деятельность и интерпретируются в их взаимосвязи с социально-коммуникативным контекстом, который обусловил их употребление (ср. [СНЕРВІВ 1978: 6–7]).

Эволюцию языка, с точки зрения исторической социолингвистики и лингвопрагматики, предлагается рассматривать в том числе как эволюцию исторического языка [МАТТНЕІЕР 1988: 1432; GIOVANARDI 1999: 18–24; КОСН 1988; 2002; DRÄXLER 1989: 18–28; ВЕРУТТО 2004], в том смысле, какой придавал этому термину Эуженио Косериу:

. . . eine historische Sprache [ist] ein Gefüge von historischen Traditionen des Sprechens, das eben als autonome „Sprache“ von seinen eigenen Sprechern und von den Sprechern anderer Sprachen anerkannt wird, was sich normalerweise dadurch zeigt, dass ein solches Gefüge durch ein adiectivum proprium bezeichnet wird, wie z. B. „deutsche Sprache“, „englische Sprache“, „französische Sprache“. Eine historische Sprache ist also eine Sprache, die schon als solche von anderen Sprachen historisch abgegrenzt ist, der dieser Status historisch zuerkannt wird [COSERIU 1988: 47–48] (ср. более подробно в [ІДЕМ 2007: 24–25]).

Намеренно воздержимся от дословного перевода: у современного исследователя данное определение может вызвать ряд нареканий. Нам важно то, какое развитие получило введенное понятие в дальнейшей научной традиции⁴⁰. Романист Йенс Людтке, парафразируя Косериу, предложил следующую дефиницию: “. . . eine historische Sprache [ist] das, was die eigenen Sprecher als eine solche anerkennen und selbst mit einem Namen belegen und dadurch abgrenzen (= исторический язык — это то, что говорящие-пишущие⁴¹ на нем признают как таковой, сами дают ему имя и тем самым отграничивают его)” [LÜDTKE 1999: 37]. Следует, кроме того, принять во внимание и уточнение самого Косериу к данному им определению: в задачи говорящих-пишущих входит лишь сообщить, что существует тот или иной язык, назвав его по имени, но не собственно отграничивать его от другого языка [COSERIU 1988: 60].

В пределах одного исторического языка Косериу выделяет три вида различий, факт наличия которых является обязательным условием для того, чтобы обозначать тот или иной язык как исторический [ІВІД.: 49–50]. Это — различия диатопические (т. е. территориальные),

⁴⁰ Концепция Косериу не во всем безупречна, в ряде случаев она требует уточнений и дополнений (ср. [ЗВЕГИНЦЕВ 1963]). Значительный интерес она представляет именно с точки зрения ее последующей рецепции в языкознании. Оценочная и содержательно некорректная интерпретация данной концепции в статье [НАРУМОВ 2005], на наш взгляд, абсолютно неприемлема.

⁴¹ См. выше сноску 36, комментарий к переводу слова *speakers*: речь не идет только о носителях языка, но о всех его пользователях.

диастратические (т. е. между социокультурными слоями) и диафазические (т. е. функциональные). Данные три вида различий заключают в себе три группы единств, которые, будучи закрепленными за конкретным языковым сообществом, определяют гомогенность языка. Это синтопические, синстратические и симфазические единства⁴². Первые Косериу называет диалектами, вторые — языковыми уровнями, третьи — стилями. Однако эти терминологические выражения не следует воспринимать буквально, потому что сам Косериу придавал им особенное значение. В категориях лингвистики языковых разновидностей, или языков-вариантов (*Varietätenlinguistik*), то, что Косериу называет диалектом, представляет собой национальный язык в его региональном воплощении (тосканский итальянский, швейцарский немецкий и т. д.); “языковой уровень” может подразумевать — с точки зрения теории диглосии — *high variety*, стандарт, но также разговорную речь, просторечие или же социолекты; “стиль” — это функциональный вариант или регистр [SPILLNER 1987: 274–275; SINNER 2014: 63–67]⁴³:

Исторический язык			
согласно концепции Э. Косериу			в категориях лингвистики языковых разновидностей
различия	единства	терминологические обозначения	
диатопические	синтопические	диалект	регио- и диалекты
диастратические	синстратические	языковой уровень	в широком смысле: <i>high variety</i> ; в узком смысле: социолекты
диафазические	симфазические	языковой стиль	функциональные языки-варианты или регистры

Региолект может функционировать как *high variety*, а *high variety* может выступать как функциональный язык-вариант. Таким образом, региолект тоже может выступать как функциональный язык-вариант. Региолект и исторический язык, согласно Косериу, могут фактически

⁴² Термины *диа-/синтопический* и *диа-/синстратический* Косериу заимствует у норвежского романиста Л. Флюдаля, добавляя в этот ряд термин *диа-/симфазический* [FLYDAL 1952; COSERIU 1988: 50; SINNER 2014: 64; прим. 8].

⁴³ Оправданность этой интерпретации станет очевидной, если принять во внимание другие работы Косериу, в частности, его переведенное на русский язык исследование “Синхрония, диахрония и история” [КОСЕРИУ 1963]. Кроме того, в пользу именно такой соотносимости предлагаемых Косериу выражений с терминами лингвистики языковых разновидностей свидетельствуют его примеры с судьбой латинского и коптского языков в приводимой далее цитате.

заменять друг друга (см. [SINNER 2014: 51]). Региолект представляет собой ту форму исторического языка, которая расположена к нему ближе всего (“diejenige Form der historischen Sprache, die der historischen Sprache selbst am nächsten liegt”) [Ibid.]. При этом региолект может развиваться до нового исторического языка. В свою очередь, исторический язык может функционировать так же, как функционирует региолект. Это значит, что:

... eine historische Sprache kann in einer (anderen) Sprachgemeinschaft als Sprachniveau oder sogar als Sprachstil funktionieren, und sie kann ja auch wie ein Dialekt auf einen einzigen Sprachstil reduziert werden. So hat das Latein während einer langen Zeit in verschiedenen europäischen Sprachgemeinschaften als Sprachniveau bzw. als Sprachstil funktioniert, und das Koptische ist als Sprache der koptischen Kirche in Ägypten so gut wie auf einen einzigen Sprachstil reduziert worden (= исторический язык может функционировать в (другом) языковом сообществе как *high variety* resp. социолект или как функциональный язык-вариант, и точно так же, как и региолект, исторический язык может быть редуцирован до уровня одного-единственного функционального языка-варианта. Так, латинский язык в течение долгого времени функционировал в различных европейских языковых сообществах как *high variety* resp. социолект, а также как функциональный язык-вариант; коптский язык, будучи языком коптской церкви в Египте, был редуцирован лишь до уровня одного-единственного функционального языка-варианта) [Ibid.].

В качестве примера мы предлагаем подойти с позиций данной концепции к церковнославянскому языку. Это не значит, что мы будем автоматически обозначать его как ‘исторический язык’. Мы предлагаем лишь спроецировать введенное Косериу понятие на книжный язык славян и рассмотреть его развитие в свете концепта ‘исторический язык’.

Начнем с формальных признаков. Как во всяком историческом языке, в церковнославянском языке можно выделить три группы различий⁴⁴, включающие в себя три группы единств:

- Во-первых, поскольку он долгое время не был кодифицирован грамматиками, а языковые сообщества, которые им пользовались, в качестве разговорных употребляли свои народные языки, церковнославянский язык был подвержен влиянию этих народных языков. В результате мы располагаем большим числом

⁴⁴ Ср. статью Г. Кайперта, в которой безотносительно понятия “исторический язык” обобщенно представлены диахронические, диатопические и диафазические разновидности церковнославянского языка. Кроме того, отдельная глава в данной статье посвящается разновидностям церковнославянского языка, связанным с деятельностью отдельных личностей или групп resp. институций (“Personen- und gruppenbezogene Varietäten”), например, кирилло-мефодиевский церковнославянский, мелетианский церковнославянский (т. е. церковнославянский Мелетия Смотрицкого), постниконианский церковнославянский, синодальный церковнославянский и др. [KAIPEERT 2014: 1237–1238]. Следует заметить, что эта классификация имеет самостоятельное значение и отражает специфические особенности исторического развития церковнославянского языка. Ее не следует путать с диастратической классификацией.

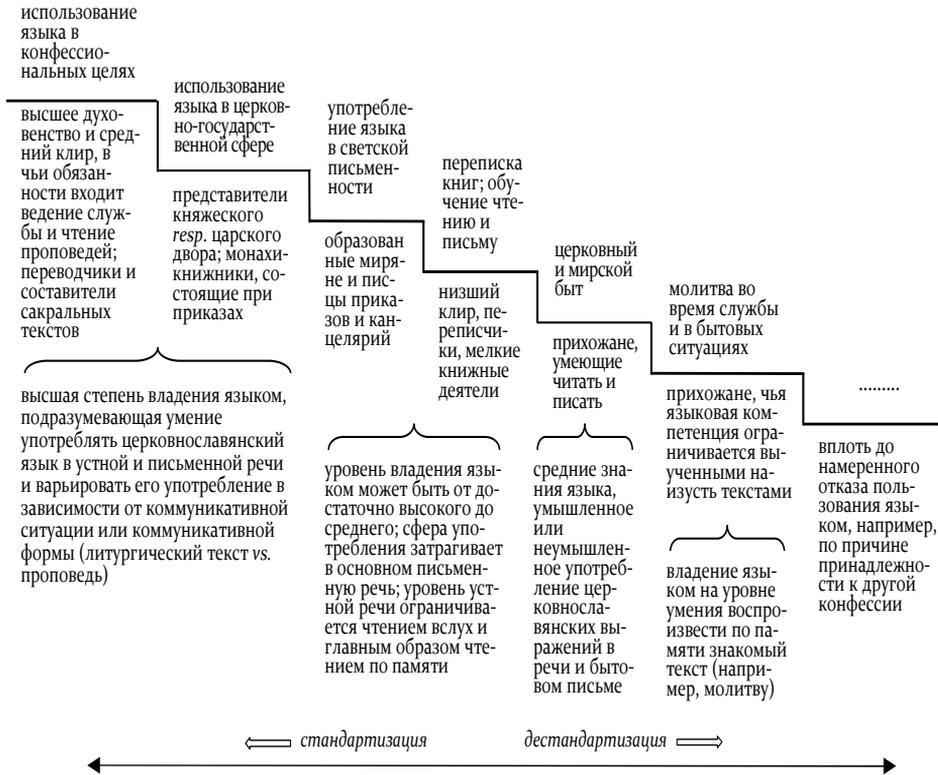
региональных вариантов, которые в русскоязычной научной традиции принято называть редакциями или изводами (о термине см. [ЖЕРГТ 2014: 1229–1230]). Это синтопические единства, составляющие диатопические различия внутри одного исторического языка (классифицируем их условно по географическому принципу, ср. [ИВД.: 1231–1233]):

ЦЕРКВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК								
восточнославянская редакция			южнославянская редакция				западнославянская периферия	славянское книгописание в неславянских землях
в рутенских землях	в великорусских землях	...	в хорватских землях	в сербских землях	в болгарских землях	...		

- Во-вторых, несмотря на то, что социокультурная история церковнославянского языка до сих пор не написана, нет оснований сомневаться в том, что уровень владения и пользования этим идиомом был очень различным, причем как среди самих книжников в самом широком смысле этого слова⁴⁵, так и среди неграмотных слоев населения⁴⁶. Потребность использовать церковнославянский язык и уровень языковой компетенции находились в прямой зависимости от социокультурного расслоения общества (диастратические различия, основанные на синстратических единствах). Мы предложим следующий — предварительный и требующий дальнейших специальных разработок — вариант схемы социокультурной лестницы, изображающей: 1) социокоммуникативную область использования церковнославянского языка, 2) действующих в ней акторов и 3) связанные с этой областью ожидания относительно языковой компетенции акторов. Эти ожидания весьма условны, они не означают, что уровень владения языком у всех перечисленных в той или иной области групп лиц действительно был соответствующим, однако этого уровня требовали коммуникативные задачи, разрешаемые в пределах данной области (см. схему на след. стр.). Показательно, что, например, на самой высокой ступени лестницы церковнославянский язык в древнерусский период мог заменяться на греческий, если митрополитскую кафедру занимал грек. Специального исследования требуют знания церковнославянского языка в боярской среде (см. замечания А. А. Алексеева [2013: 12] о роли бояр в истории русского языка).
- В-третьих, естественным образом предполагаются диафазические, или функциональные (ср. [ЖЕРГТ 2014: 1234]) различия, объединяющие в себе симфазические единства. В качестве этих единств будут выступать жанры средневековой

⁴⁵ См. определение понятия “книжник” у Д. М. Буланина [1987: 4].

⁴⁶ Внимания заслуживает монографическое исследование А. А. Медынцева [2000] о грамотности в Древней Руси: на основании данных эпиграфики здесь делается попытка представить уровень владения письмом в разных социальных слоях населения средневековой Руси. Социокультурный подход к изучению письменной культуры Древней Руси представлен в книге С. Франклина [FRANKLIN 2002].

письменности: они задавали языковой канон, отделяя тем самым тексты одного жанра от другого. Жанровая иерархия в ее соотношении с дифференциацией языковых признаков и функциональным назначением того или иного вида текстов была разработана Н. И. Толстым для сербской церковнославянской книжности и представлена в форме пирамиды [Толстой 1982: 19]; к древнерусскому материалу ее предложили применить Г. Кайперт [Кейперт 1988: 327–329 = 1991: 96; 2014: 1236] и А. А. Алексеев [1989: 153]⁴⁷. Воспроизводить эту пирамиду еще раз будет излишним. Однако заметим, что модель Толстого, несмотря на высказанные А. А. Алексеевым [1989: 153] критические замечания, мы находим универсальной как для характеристики языковых особенностей и функционального назначения различных памятников письменности, так и для реконструкции языковой ситуации в тот или иной период развития восточнославянского, и в частности русского, языкового сообщества. С этой моделью соотносится предложенное В. М. Живовым деление книжного языка на регистры: стандартный и гибридный, — деление, которое также констатирует диафазические различия и симфазические единства внутри церковнославянского языка [Живов 1996: 31–41].

⁴⁷ Кроме того, возможность переноса этой модели на средневековый русский языковой материал потенциально следует из статьи-рецензии Е. М. Верещагина [1989: 131–132] на книгу Н. И. Толстого.

Таким образом, с формальной точки зрения церковнославянский язык обладает тем необходимым набором признаков, которые в совокупности своей позволяют осмыслять его как ‘исторический язык’. Однако это наши, сегодняшние, знания о церковнославянском языке. Это взгляд с о в р е м е н н о г о исследователя, рассматривающего книжный язык славян как язык, отличный от народных, а позднее национальных славянских языков, и тем самым обособляющего его как самостоятельный язык, как язык в современном смысле этого слова, несмотря на то что такое обособление могло быть очень слабо выраженным или даже вообще не характерным для языкового сознания донационального периода.

Глоттоним *церковнославянский* является достоянием научной традиции XIX в., т. е. это научное обозначение языка⁴⁸. Сами древние книжники называли язык тех текстов, которые мы сегодня называем церковнославянскими, либо согласно его функции — *книжная речь* (Зиновий Отенский), *lingua sacra* (Иван Ужевич), *главный и книжный наш язык* (Юрий Крижанич), либо согласно этнической (в условном смысле слова) принадлежности — *словенский, русский, словеничина, литовский, сербский, иллирийский* или *иллирический* и др.⁴⁹ Разница между народным и книжным языком делалась далеко не всегда: книжный язык в большинстве случаев воспринимался как вариант “нашего языка”. Тем не менее случаи разграничения обоих идиомов в среде славянских книжников известны [Толстой 1988в: 112–119]. Кроме того, известно, что как к самостоятельному функциональному варианту к книжному языку славян относились и некоторые иностранцы. Классическим примером в этой связи стало наблюдение Генриха Лудольфа о разнице между “славянским” и русским языками. Особенная ценность этого наблюдения заключается в том, что оно базируется на высказываниях самих московитов: “. . . apud illos [Russos. — И. П.] dicitur, loquendum est Russice et scribendum est Slavonice (= среди русских говорится, что разговаривать следует по-русски, а писать по-славянски)”⁵⁰. То есть мы располагаем указаниями говорящих-пишущих

⁴⁸ На сегодняшний день самый ранний случай употребления данного глоттонима Г. Кайперт зафиксировал в датируемом 1810 г. переводе А. Х. Востоковых статьи Й. Добровского “Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer” (“О древнеславянском языке по Шлёцеру”, 1806 г.) [Кейперт 2006в: 304–305]. Это не означает, что Востоков был первым, кто ввел этот термин. Однако более ранние случаи его употребления пока что неизвестны, кроме того, очевидно, что Востоков назвал язык церковнославянским независимо от Копитара (1808 г.), который в своей переписке с Добровским название *kirchenslavisch* “нередко приводит [. . .] так, что создается впечатление, что прилагательное как термин само собой понятно и не нуждается ни в каких объяснениях” [Идем 2006в: 304] (ср. [Идем 2006а: 52–58], а также об истории термина: [Идем 1998]).

⁴⁹ См. [Толстой 1988а] и отдельные примеры с комментариями в [Успенский 2002: 389–390; Кейперт 1988: 330–331 = 1991: 98; 2001а: 19; Bunčić 2006: 137–140].

⁵⁰ См. обстоятельный анализ в [Толстой 1988а: 109–111; Успенский 2002: 366, 479–480].

на церковнославянском языке о том, что это — иной язык. Тем самым выполняется условие цитированной выше дефиниции понятия ‘исторический язык’, а именно — номинальная фиксация говорящими/пишущими факта существования языка.

Еще одна специфическая особенность, требующая объяснений, заключается в том, что как в собственно истории языка, так и в науке об истории языка церковнославянский язык имеет особый статус. Этот статус определяется, согласно Кайперту, тем, что, во-первых, это “язык без народа”, т. е. церковнославянский язык не принадлежит исключительно одному славянскому народу и ни один славянский народ не может идентифицировать себя исключительно с церковнославянским языком [КЕЙПЕРТ 2014: 1212–1213]; во-вторых, это язык-конструкт, т. е., будучи корпусным языком (*Korpusssprache*), он реконструируется исследователями на основании сохранившегося корпуса текстов, в котором он, в свою очередь, был по образцам сконструирован древними книжниками [ИДЕМ 2001в: 373–374; 2014: 1238–1240]. Это искусственное образование⁵¹, а не естественный язык, тогда как термином *исторический язык* преимущественно обозначают именно естественные языки, которые используются не только как письменные, но и как разговорные. Однако, во-первых, в истории употребления церковнославянского языка пришло время (втор. пол. XVII в.), когда этот книжный идиом стал использоваться в качестве разговорного, когда на нем стали вестись научные дискуссии [Успенский 2002: 366, 479–480] или, по крайней мере, существовало представление о том, что на письменном языке можно также говорить⁵². Это — свидетельство иного отношения к языку, восприятие его как более полноценного языка. Во-вторых, как утверждал Косериу, исторический язык может функционировать как *high variety* и даже лишь как функциональный язык-вариант. Таким образом, и в этом отношении у нас есть основания применять термин *исторический язык* к церковнославянскому языку.

⁵¹ Ср. ссылку Кайперта [КЕЙПЕРТ 2001в: 374] на работу Трубецкого [1995: 168].

⁵² Ссылаясь на статью И. Ф. Голубева, в которой публикуется конспект ученой беседы Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием, Б. А. Успенский не обратил внимания на комментарий издателя о том, что “беседа велась на латинском языке”, а не на церковнославянском [Голубев 1971: 296]. Тем самым остается не доказанным, что церковнославянский язык мог использоваться в качестве языка ученых диспутов. Однако следует указать на еще один конспект беседы, а именно беседы Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого, зафиксированной в “Остене” [Остен: 71–74]. У нас есть объективные основания сомневаться в подлинности этой беседы (доказательства будут приведены в отдельной работе; ср. позицию П. Бушковича, считающего все эти беседы фальсификацией [Бушкович 1992: 154]). Тем не менее конспект свидетельствует о том, что книжники XVII в. могли представить себе устный ученый спор по-церковнославянски.

Рассматривать эволюцию церковнославянского языка через призму концепта 'исторический язык' означает проследить, как с течением времени развивалось в обществе отношение к этому идиому как к самостоятельному языку. То есть нам предстоит ответить на следующий круг вопросов:

- Когда представители славянских языковых культур стали видеть в языковой форме, образец для подражания которой задавали церковные тексты, отдельную языковую систему, которая в определенных социокультурных сферах жизни может использоваться как самостоятельное средство коммуникации и нуждается в собственном имени, чтобы быть отграниченным от параллельно существующего коммуникативного средства, удовлетворяющего иной круг коммуникативных потребностей?
- Когда данная языковая форма развилась до такой степени, что в целях удовлетворения коммуникативных потребностей стали разграничиваться и намеренно варьироваться ее синтопические единства, т. е. региональные варианты?
- Когда коммуникативные потребности изменились настолько, что стала очевидной непрактичность их удовлетворения посредством книжного языка, поскольку этому не способствовала языковая компетенция — уровень владения и умения пользоваться этим идиомом — преимущественного большинства образующих синстратические единства социокультурных групп, которые также должны были быть вовлечены в коммуникацию?
- Когда внутри симфазических единств — групп жанровых образований, или, более широко, коммуникативных форм — с текстами, в той или иной степени воспроизводящими язык "книг церковного круга", стали конкурировать тексты, использующие более простое коммуникативное средство, или же когда и для чего в рамках одного текста стали параллельно употребляться оба языковых кода?⁵³

⁵³ Термин *языковой код* здесь используется в значении, в котором он используется в прагма- и социолингвистике, а именно, как средство коммуникации. Таковым средством может быть как естественный, так и искусственный язык. Код членится на субкоды, т. е. на региональные и функциональные варианты одного и того же языка, которые, в свою очередь, подразумевают дальнейшее членение на более мелкие подсистемы [GUMPERZ 1962: 102; Głück 2005: 323]. В свете социолингвистики эволюцию церковнославянского языка следовало бы представлять как эволюцию от субкода к коду. То есть вопрос звучал бы следующим образом: когда языковое расстояние (термин, введенный У. Вайнрайхом, см.: [GUMPERZ 1962: 103]) между письменным и устным субкодами "нашего языка" стало настолько отдаленным, что стало очевидным, что это два различных кода.

Таковы некоторые из вопросов, на которые должна ответить социокоммуникативная и прагматическая история церковнославянского языка как 'исторического языка' в смысле Косериу.

Этот подход позволяет нам, оставаясь в рамках русской языковой истории, расширить концептуальные рамки наших представлений об истории русского языка, отказавшись от традиционного одностороннего отождествления процесса развития церковнославянской языковой культуры в XI–XVII вв. с историей русского литературного, или стандартного, языка. И дело здесь не только в том, что понятие 'исторический язык' более широкое, чем понятие 'стандартный язык'. Литературный, или стандартный, язык, согласно Косериу, является лишь одним из многочисленных звеньев в сложной системе исторического языка. Он представляет собой "образцовый" уровень развития общего, т. е. национального, языка, уровень, отражающий его социокультурную норму⁵⁴.

Рассматривая церковнославянский язык как 'исторический язык', мы подходим к этому идиому как к факту или событию русской языковой истории. Такими же фактами-событиями в ней были греческий язык, латинский язык, польский язык и т. д., а вместе с ними и собственно русский язык. Все они также являются самостоятельными 'историческими языками', которые в истории русского языка использовались как функциональные или социальные языки-варианты. Каждый из них функционировал в определенных сферах: греческий был языком церкви, латинский был языком дипломатии, на польском языке, среди прочего, обменивались дружескими письмами проживающие в Москве питомцы Киево-Могилянской коллегии (Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский и др.), русский был в первую очередь языком повседневного общения, но также и языком административной сферы и т. д. Все они наряду с церковнославянским языком могли применяться как в устной, так и в письменной коммуникации.

Отказавшись от традиционных представлений о том, что русским литературным языком Средневековья был язык церковнославянский, мы покажем, насколько гетерогенной была русская языковая история, и начнем представлять ее как историю фактов и событий, соотносимых с фактами и событиями отечественной истории.

⁵⁴ Cp. "... in einer Gemeinsprache kann man ferner eine Stufe unterscheiden, die ihre soziokulturelle Norm darstellt, die «Standardsprache», das, was ich das «Exemplarische» einer Sprache nenne" [COSERIU 1988: 52].

Библиография

АЛЕКСЕЕВ 1980А

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Предисловие”, в: [СОБОЛЕВСКИЙ 1980: 3–20].

——— 1980Б

АЛЕКСЕЕВ А. А., “Комментарий”, в: [СОБОЛЕВСКИЙ 1980: 159–189].

——— 1989

АЛЕКСЕЕВ А. А., “[Рец.:] Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков”, *Вопросы языкознания*, 4, 1989, 149–155.

——— 2013

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Очерки и этюды по истории литературного языка в России*, С.-Петербург, 2013.

БАС, 7

Большой академический словарь русского языка, 7: И – Каюр, Москва, С.-Петербург, 2007.

БИАРСКИЙ 1847/48

БИАРСКИЙ П. С., *Судьбы церковного языка. Историко-филологическія изслѣдованія*, 1–2, С.-Петербургъ, 1847–1848.

БРОКЗАУЗ/ЕФРОН, 22А

БРОКЗАУЗЪ Ф. А., ЕФРОНЪ, И. А., *Энциклопедическій словарь*, 22а: Оуэнъ – Патентъ о поединкахъ, С.-Петербургъ, 1897.

БУДДЕ 1908

[БУДДЕ Е.], *Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII–XIX вѣкъ)* (= Энциклопедія славянскои филологіи, 1), С.-Петербургъ, 1908.

БУДИЛОВИЧ 1887

БУДИЛОВИЧЪ А. С., “А. С. Пушкинъ въ исторіи большихъ литературныхъ языковъ”, *Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества*, 4, 1887, 206–209.

——— 1892

БУДИЛОВИЧЪ А. С., *Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы*, 1: *Очерки образованія общихъ языковъ южной и западной Европы*, 2: *Зарожденіе общаго языка на славянскомъ Востоку*, Варшава, 1892.

——— 1893

БУДИЛОВИЧЪ А. С., “Образованіе литературныхъ языковъ и ихъ значеніе въ исторіи”, *Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго университета*, 2, 1893, 71–88.

БУЛАНИН 1987

БУЛАНИН Д. М. “Предисловие”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI – первая половина XIV в., Ленинград, 1987.

БУСЛАЕВ 1861

БУСЛАЕВЪ Ѳ. С., *Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ* (= Slavica-Reprint, 56), Москва, 1861.

ВВЕДЕНСКИЙ 1933

ВВЕДЕНСКИЙ Д. Н., “Фердинанд де Соссюр и его место в лингвистике”, в: Р. И. ШОР, общ. ред., *Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сешез при участии А. Ридлингер*, пер. со 2-го франц. изд-я, Москва, 1933.

ВЕНГЕРОВ 1897

ВЕНГЕРОВЪ С. А., *Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней)*, 5, С.-Петербургъ, 1897.

ВЕРЕЩАГИН 1989

ВЕРЕЩАГИН Е. М., "Проблемы истории древнеславянского и русского литературного языков (К выходу в свет книги акад. Н. И. Толстого)", *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 48/2, 1989, 126–136.

ВИНОГРАДОВ 1978

ВИНОГРАДОВ В. В., *Избранные труды. История русского литературного языка*, Москва, 1978.

— 1982

ВИНОГРАДОВ В. В., *Очерки из истории литературного языка XVII–XIX вв.*, Москва, 1982.

ВИНОКУР 1959

ВИНОКУР Г. О., "О задачах истории языка", в: Он же, *Избранные труды по русскому языку*, Москва, 1959, 207–226.

ГОЛУБЕВ 1971

ГОЛУБЕВ И. Ф., "Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 26, Ленинград, 1971, 294–301.

ГОРШКОВ 1983

ГОРШКОВ А. И., *Теоретические основы истории русского литературного языка*, Москва, 1983.

— 1984

ГОРШКОВ А. И., *Теория и история русского литературного языка*, Москва, 1984.

ДУРНОВО 1924/1962

ДУРНОВО Н., *Очерк истории русского языка* (= Slavistische Drukken en Herdrukken, 22), 'S-Gravenhage, 1962 [первое издание: Москва, Ленинград, 1924].

ЕРОФЕЕВА 2001

ЕРОФЕЕВА И. В., "Применение дихотомического принципа внутренней и внешней истории языка И. А. Бодуэна де Куртэне к изучению памятников древнерусской письменности", в: К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев, общ. ред., *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртэне и современная лингвистика: Международная научная конференция (Казань, 11–13 декабря 2001 г.): Труды и материалы*, 1, Казань, 2001, 68–69.

ЖИВОВ 1996

ЖИВОВ В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

ЖУРАВЛЕВЫ 2005

ЖУРАВЛЕВ В. К., ЖУРАВЛЕВ И. В., "Замечания о предмете истории литературного языка", в: Е. Ф. Будде, *Очерк истории современного литературного языка (XVII–XIX век)*, изд. 2-е, Москва, 2005, III–VIII.

ЗАХАРОВА 2012

ЗАХАРОВА Ю. Г., *История русского языка. Учебное пособие для практических занятий*, Москва, 2012.

ЗВЕГИНЦЕВ 1963

ЗВЕГИНЦЕВ В., "Теоретические аспекты причинности языковых изменений", в: *Новое в лингвистике*, 3, Москва, 1963, 125–142.

ИСАЧЕНКО 1958

ИСАЧЕНКО А. В., "Ответ на вопрос §3 Анкеты к IV МСС", *Вопросы языкознания*, 3, 1958, 42.

КАМЧАТНОВ 2008

КАМЧАТНОВ А. М., *История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века*, Москва, 2008.

КАРСКИЙ 1962

КАРСКИЙ Е. Ф., “Главнейшие течения в русском литературном языке. Вступительная лекция по русскому языку лектора Варшавского университета Е. Ф. Карского, произнесенная 27 февраля 1893 года”, в: Он же, *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*, Москва, 1962, 130–139.

КОЛЕСОВ 2005

КОЛЕСОВ В. В., *История русского языка*, Москва, С.-Петербург, 2005.

КОСЕРИУ 1963

КОСЕРИУ Э., “Синхрония, диахрония и история”, в: *Новое в лингвистике*, 3, Москва, 1963, 143–343.

КУЗНЕЦОВ 2004

КУЗНЕЦОВ П. С., “Предисловие”, в: О. Гуйер, *Введение в историю чешского языка*, изд-е 2-е, Москва, 2004, 3–7.

МЕДЫНЦЕВА 2000

МЕДЫНЦЕВА А. А., *Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века)*, Москва, 2000.

НАРУМОВ 2005

НАРУМОВ Б. П., “«Архитектура языка» в концепции Э. Косериу”, в: О. М. Мунгалова, Ю. Л. Оболенская, Ю. А. Карпова, сост., *Вопросы иберо-романской филологии*, 7 (Посвящается 80-летию профессора В. С. Виноградова), Москва, 2005, 140–145.

НИКОЛАЕВА 2003

НИКОЛАЕВА Т. М., “Некоторые общетеоретические идеи языковедения в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ”, в: К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев, общ. ред., *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.)*. Труды и материалы, 1, Казань, 2003, 21–25.

ОСТЕН

Остенъ: Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка, Казань, 1865.

ПОЛИВАНОВ 1960

ПОЛИВАНОВ Е. Д., “Историческое языковедение и языковая политика”, в: В. А. Звегинцев, *История языковедения XIX и XX веков в очерках и извлечениях*, 2, Москва, 1960, 263–278.

ПЫПИН 1890

ПЫПИНЪ А. Н., *Исторія русской этнографіи*, 1: *Общій обзоръ изученій народности. Этнографія великорусская*, С.-Петербургъ, 1890.

СОБОЛЕВСКИЙ 1962

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., *Лекции по истории русского языка*, изд-е 4-е (= Slavistische Drukken en Herdrukken, 37), 'S-Gravenhage, 1962.

— 1980

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., *История русского литературного языка*, изд. подгот. А. А. Алексеев, Ленинград, 1980.

ДЕ СОССЮР 2006

ДЕ СОССЮР Ф., *Курс общей лингвистики*, пер. со 2-го франц. изд-я А. М. Сухотина, под ред. и с примеч. Р. И. Шор, изд-е 3-е стер., Москва, 2006.

ТОЛСТОЙ 1988А

ТОЛСТОЙ Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

— 1988В

ТОЛСТОЙ Н. И., “Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)”, в: [Толстой 1988А: 108–127].

——— 1992

Толстой Н., “Взгляды А. Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики)”, in: W. MOSKOWICZ ET AL., eds., *Russian Philology and History: In Honor of Professor Victor Levin*, Jerusalem, 1992, 156–169.

ТРУБЕЦКОЙ 1995

Трубецкой Н. С., “Общеславянский элемент в русской культуре”, в: Он же, *История. Культура. Язык*, вступ. ст. Н. И. Толстого, Л. Н. Гумилева; сост., подг. текста и коммент. В. М. Живова, Москва, 1995, 162–208.

УСПЕНСКИЙ 1995/1997

Успенский Б. А., “История русского литературного языка как межславянская дисциплина”, *Вопросы языкознания*, 1, 1995, 80–92 [переиздание в: Он же, *Избранные труды*, 3: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 121–142].

——— 2002

Успенский Б. А., *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, изд-е 3-е, испр. и доп., Москва, 2002.

ХУЈЕР 1935

Хујер О., *Увод у историју словенских језика*, превоо Х. Барић (= Лингвистичка библиотека, 1), Београд, 1935.

ЧЕРЕПАНОВ 2003

Черепанов М. В., “И. А. Бодуэн де Куртенэ о языке как динамической системе”, в: К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев, общ. ред., *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.)*. Труды и материалы, 1, Казань, 2003, 29–32.

ШАРАДЗЕНИДЗЕ 1980

Шарадзенидзе Т. С., *Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX–XX веков*, Москва, 1980.

AITCHISON 2013

Aitchison J., *Language Change: Progress or Decay?* 4th ed., Cambridge, etc., 2013.

ALBRECHT 2003

Albrecht J., “Die Berücksichtigung des Faktors «Übersetzung» in der Sprachgeschichtsschreibung,” in: A. GIL, C. SCHMITT, Hrsg., *Aufgaben und Perspektiven der romanischen Sprachgeschichte im dritten Jahrtausend. Akten der gleichnamigen Sektion des XXVII. Deutschen Romanistentages. München (7.–10. Oktober 2001)*, Bonn, 2003, 1–20.

BÄHLER 2004

Bähler U., *Gaston Paris et la philologie romane* (= Publications romanes et françaises, 234), Genève, 2004.

BAUDOIN DE COURTENAY 1974–1990

Baudouin de Courtenay J. N., *Dziela wybrane*, 1–4, Warszawa, 1974–1990.

BAUM 1987

Baum R., *Hochsprache. Literatursprache. Schriftsprache: Materialien zur Charakteristik von Kultursprachen* (= Impulse der Forschung, 49), Darmstadt, 1987.

——— 2003

Baum R., “Periodisierung in der romanistischen Sprachgeschichtsschreibung,” in: *HSK*, 23/1, 45–52.

BERSCHIN 2001

Berschin H., “Interne und externe Sprachgeschichte,” in: *LRL*, 1/2, 628–637.

——— 2003

Berschin H., “Synchronie und Diachronie in der romanistischen Sprachgeschichtsforschung,” in: *HSK*, 23/1, 32–38.

BERUTTO 2004

BERUTTO G., "Sprachvarietät – Sprache (Gesamtsprache, historische Sprache)," in: *HSK*, 23/1, 188–195.

BESCH 1982

BESCH W., "Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache," in: *HSK*, 1/1, 961–990.

BLUMENTHAL 2003

BLUMENTHAL P., "Der Begriff der externen und internen Sprachgeschichte in der Romanistik," in: *HSK*, 23/1, 38–45.

BOLTEN 1998

BOLTEN J., "Deutsche Sprachgeschichte und Wirtschaftsgeschichte," in: *HSK*, 2/1, 123–138.

BRANG/ZÜLLIG 1981

BRANG P., ZÜLLIG M., *Kommentierte Bibliographie zur Slavischen Soziolinguistik*, unter Mitwirk. v. K. BRANG, 1–3 (= *Slavica Helvetica*, 17), Bern, etc., 1981.

BROZOVIĆ 1970

BROZOVIĆ D., *Standardni jezik. Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilja*, Zagreb, 1970.

BRUNOT 1896A

BRUNOT F., "Introduction. Origines de la langue française," in: [PETIT DE JULLEVILLE 1896, 1: I–LXXX].

——— 1896B

BRUNOT F., "La langue française jusqu'à la fin du XIVe siècle," in: [PETIT DE JULLEVILLE 1896, 2: 446–553].

——— 1966–1972

BRUNOT F., *Histoire de la langue française. Des origines à nos jours*, 1–13, Paris, Colin, 1966–1972.

BUDZIAK 1997

BUDZIAK R., *Jan Baudouin de Courtenay als Soziolinguist und Sprachsoziologe*, Bamberg, 1997.

BUNČIĆ 2006

BUNČIĆ D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževyč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs "Rozmova/Besěda". Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk* (= *Slavistische Beiträge*, 447), München, 2006.

BUSHKOVITCH 1992

BUSHKOVITCH P., *Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries*, New York, Oxford, 1992.

BUßMANN 2002

BUßMANN H., Hrsg., *Lexikon der Sprachwissenschaft*, 3. Aufl., Stuttgart, 2002.

CARTER 1998

CARTER R., "Literary Language," in: J.-L. MEY, ed., *Concise Encyclopedia of Pragmatics*, Amsterdam, etc., 1998, 520–522.

CHERUBIM 1978

CHERUBIM D., "Zum Programm einer historischen Sprachpragmatik," in: H. SITTA, Hrsg., *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Zürcher Kolloquium* (= *Reihe Germanistische Linguistik*, 21), Tübingen, 1980, 3–21.

——— 1998

CHERUBIM D., "Sprachgeschichte im Zeichen der linguistischen Pragmatik," in: *HSK*, 2/1, 538–550.

COSERIU 1967/1972

COSERIU E., "Georg von der Gabelentz et la linguistique synchronique," *Word*, 23, 1967, 74–100 (russische Ausgabe: IDEM, "Gabelentz und die synchronische Sprachwissenschaft," in: [VON DER GABELENTZ 1972: 3–35]).

- 1988
COSERIU E., «Historische Sprache» und «Dialekt», in: *Energie und Ergon: Sprachliche Variation – Sprachgeschichte – Sprachtypologie*, 1: *Schriften von Eugenio Coseriu* (= Tübinger Beiträge zur Linguistik, 300), Tübingen, 1988, 45–61.
- 2007
COSERIU E., *Sprachkompetenz: Grundzüge der Theorie des Sprechens*, 2., durchges. Aufl., bearb. u. Hrsg. v. H. WEBER (= Tübinger Beiträge zur Linguistik, 508), Tübingen, 2007.
- DANEŠ 1988
DANEŠ F., “Herausbildung und Reform von Standardsprachen,” *HSK*, 3/2, 1506–1516.
- 2006
DANEŠ F., “Herausbildung und Reform von Standardsprachen und Destandardisierung,” *HSK*, 3/3, 2197–2209.
- DE MAURO 1986
DE MAURO T., *Storia linguistica dell’Italia unita* (= Biblioteca universale Laterza, 88), 3rd ed., Bari, 1986.
- DEVOTO 1940
DEVOTO G., *Storia della lingua di Roma* (= Storia di Roma, 23), Bologna, 1940.
- 1951
DEVOTO G., *I fondamenti della storia linguistica* (= Biblioteca enciclopedica Sansoniana, 9), Firenze, 1951.
- DI CESARE 1998
DI CESARE D., “Einleitung,” in: [VON HUMBOLDT 1998: 9–128].
- DRÄXLER 1989
DRÄXLER H.-D., *Soziolinguistik, Pragmalinguistik und Sprachgeschichte. Die Bedeutung sozio- und pragmalinguistischer Parameter für eine Theorie des Sprachwandels* (= Impulse. Didaktisches Zentrum der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt, 9), Darmstadt, 1989.
- DROIXHE/DUTILLEUL 1990
DROIXHE D., DUTILLEUL TH., “Le français: Histoire externe de la langue,” in: *LRL*, 5/1, 437–471.
- ERNST ET AL. 2003
ERNST G., GLESSGEN M.-D., SCHMITT CH., SCHWEICKARD W., “Romanistik und Sprachgeschichtsschreibung,” in: *HSK*, 23/1, 1–15.
- FLYDAL 1952
FLYDAL L., “Remarques sur certains rapports entre le style et l’état de langue,” in: *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 16, 1952, 241–258.
- FRANKLIN 2002
FRANKLIN S., *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*, Cambridge, 2002 (русское издание: ФРАНКЛИН С., *Письменность, общество и культура в Древней Руси: (Около 950–1300 гг.)*, пер. Д. М. Буланина, С.-Петербург, 2010).
- VON DER GABELENTZ 1972
VON DER GABELENTZ G., *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*, mit einer Studie v. E. COSERIU, 2. Aufl. (= Tübinger Beiträge zur Linguistik, 1), Tübingen, 1972.
- GARDT ET AL. 1999
GARDT A., HASS-ZUMKEHR U., ROELKE TH., Hrsg., *Sprachgeschichte als Kulturgeschichte* (= Studia Linguistica Germanica, 54), Berlin, New York, 1999.
- GIOVANARDI 1999
GIOVANARDI C., “Soziolinguistik und italienische Sprachgeschichte: einige Betrachtungen zur Debatte im 16. Jahrhundert,” *Sociolinguistica*, 13, 1999, 17–26.

GLÜCK 2005

GLÜCK H., Hrsg., *Metzler Lexikon Sprache*, 3., neubearb. Aufl., Stuttgart, Weimar, 2005.

GONZÁLEZ 1992

GONZÁLEZ C.-H., "Historia lingüística externa," in: *LRL*, 6/1, 406–414.

GRÖBER 1888A

GRÖBER G., Hrsg., *Grundriss der romanischen Philologie*, 1: *Geschichte und Aufgabe der romanischen Philologie. Quellen der romanischen Philologie und deren Behandlung. Romanische Sprachwissenschaft. Register*, Strassburg, 1888.

——— 1888B

GRÖBER G., "Die romanischen Sprachen. 1. Ihre Einteilung und äussere Geschichte," in: [GRÖBER 1888a: 415–437].

——— 1888C

GRÖBER G., "Die Behandlung der Quellen. Methodik und Aufgaben der sprachwissenschaftlichen Forschung," in: [GRÖBER 1888a: 209–250].

——— 1888D

GRÖBER G., "Aufgabe und Gliederung der romanischen Philologie," in: [GRÖBER 1888a: 140–154].

GUMPERZ 1962

GUMPERZ J.-J., "Types of Linguistic Communities," in: IDEM, *Language and Social Groups*, A.-S. DIL, ed., Stanford, 1971, 97–113 (русский перевод: ГАМПЕРЦ ДЖ. ДЖ., "Типы языковых обществ", в: *Новое в лингвистике*, 7: *Социолингвистика*, Москва, 1975, 182–198).

HAFNER 2006

HAFNER J., *Ferdinand Brunot und die nationalphilologische Tradition der Sprachgeschichtsschreibung in Frankreich* (= *Romanica Monacensia*, 73), Tübingen, 2006.

HAVRÁNEK 1963

HAVRÁNEK B., *Studie o spisovném jazyce*, Praha, 1963.

HILDENBRANDT 1972

HILDENBRANDT E., *Versuch einer kritischen Analyse des "Cours de linguistique générale" von Ferdinand de Saussure* (= *Marburger Beiträge zur Germanistik*, 36), Marburg, 1972.

HORÁLEK 1976

HORÁLEK K., "Zur Geschichte der Prager Linguistik und ihrer internationalen Wirkung," in: [SCHARNHORST/ISING 1976/1982, 1: 24–42].

HORROCKS 1997

HORROCKS G., *Greek: A History of the Language and Its Speakers*, London, New York, 1997.

HSK = *HANDBÜCHER ZUR SPRACH- UND KOMMUNIKATIONSWISSENSCHAFT*:

———, 1 (= HSK, 1/1; HSK, 1/2)

BESCH W., KNOOP U., PUTSCHKE W., WIEGAND H. E., *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*, Bd. 1.1, Berlin, New York, 1982; Bd. 1.2, Berlin, New York, 1983.

———, 2/1

BESCH W., BETTEN A., REICHMANN O., SONDEREGGER S., Hrsg., *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Bd. 2.1, zweite, vollständig neu bearb. u. erw. Aufl., Berlin, New York, 1998.

———, 3 (= 3.2, 3.1, 3.3)

AMMON U., DITTMAR N., MATTHEIER K.-J., Hrsg., *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, Bd. 3.2, Berlin, New York, 1988; Bd. 3.1 u. 3.3, zweite, vollständig neu bearb. u. erw. Aufl., Berlin, New York, 2006.

———, 23/1

ERNST G., GLEßGEN M.-D., SCHMITT CH., *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York, 2003.

HUJER 1924

HUJER O., *Úvod do dějin jazyka českého*, druhé vydání, Praha, 1924.

VON HUMBOLDT 1998

VON HUMBOLDT W., *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, hrsg. v. D. Di Cesare, Paderborn etc., 1998.

JÄGER 1998

JÄGER L., "Das Verhältnis von Synchronie und Diachronie in der Sprachgeschichtsforschung," in: *HSK*, 2/1, 816–824.

JEDLIČKA 1978

JEDLIČKA A., *Spisovný jazyk v současné komunikaci*, Praha, 1978.

JEDLIČKA 1982

JEDLIČKA A., "Theorie der Literatursprache," in: [SCHARNHORST/ISING 1976/1982, 2: 40–91].

KEIPERT 1982

KEIPERT H., "Russische Sprachgeschichte als Übersetzungsgeschichte," in: W. GIRKE, Hrsg., *Slavistische Linguistik 1981. Referate des VII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Mainz 30.9.–2.10.1981* (= Slavistische Beiträge, 160), München, 1982, 67–101.

——— 1984

KEIPERT H., "[Rez.:] Горшков В. И. Теоретические вопросы истории русского литературного языка. Москва 1983," *Russian Linguistics*, 8, 1984, 159–166.

——— 1985

KEIPERT H., "Old and New Problems of the Russian Literary Language (Arguments for a New Kind of Russian Linguistic History)," in: W. GIRKE, D. WORTH, eds., *The Formation of the Slavonic Literary Languages. Proceedings of a Conference Held in Memory of Robert Auty and Anne Pennington at Oxford 6–10 July 1981* (= UCLA Slavic Studies, 11), Columbus (OH), 1985, 215–224.

——— 1988

KEIPERT H., "Die Christianisierung Russlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte," in: K. CH. FELMY, G. KRETSCHMAR, F. VON LILIENFELD, C.-J. ROEPKE, Hrsg., *Tausend Jahre Christentum in Russland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*, Göttingen, 1988, 313–346 (русский перевод: [KEIPERT 1991]).

——— 1991

КАЙПЕРТ Г., "Крещение Руси и история русского литературного языка", *Вопросы языкознания*, 5, 1991, 86–112.

——— 1996

KEIPERT H., "A. Chr. Vostokov, die deutsche Slavenkunde und das Altbulgarische," *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 20/1, 1996, 99–114.

——— 1998

KEIPERT H., "Cerkovnoslavjanskij: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre," в: М. Я. ГЛОВИНСКАЯ, отв. ред., *Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской*, Москва, 1998, 143–152.

——— 1999А

KEIPERT H., "A. S. Budilovičs «Общеславянский язык» (1892). Ein Rückblick," in: K. GRÜNBERG, W. POTTHOFF, Hrsg., *Ars Philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag*, Frankfurt a. M., etc., 1999, 69–80.

——— 1999В

KEIPERT H., "Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague," in: E. HANSACK, W. KOSCHMAL, N. NÜBLER, Hrsg., *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 5), München, 1999, 123–133.

- 1999c
KEIPERT H., "Geschichte der russischen Literatursprache," in: H. JACHNOW, Hrsg., *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* (= Slavistische Studienbücher, N. F., 8), Wiesbaden, 1999, 726–779.
- 2001A
KEIPERT H., "«Rozmova/Besěda»: Das Gesprächsbuch Slav. № 7 der Bibliothèque nationale de France," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 60/1, 2001, 9–40.
- 2001B
KEIPERT H., "Kirchenslavisch als Konstrukt," *Slavia*, 70, 2001, 373–381.
- 2003
KEIPERT H., "Die romanischen Sprachen in der slavistischen Sprachgeschichtsschreibung," in: *HSK*, 23/1, 470–476.
- 2004A
KEIPERT H., "«Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen von J. D. Dobrovskýs» Schlözer-Kritik im «Slavin» und ihre Folgen," in: V. VAVŘÍNEK, H. GLADKOVA, K. SKWARSKA, vyd., *Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavitorum. Příspěvky z mezinárodní vědecké konference v Praze 10.–13. června 2003*, Praha, 2004, 261–269.
- 2004B
KEIPERT H., "August Ludwig Schlözer i «Słownik języka polskiego» Samuela Bogumiła Lindego," *Prace filologiczne*, 49, 2004, 169–180.
- 2006A
KEIPERT H., *Das "Sprache"-Kapitel in August Ludwig Schlözers "Nestor" und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode für die slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang Josef Dobrovskýs "Slavin"-Artikel "Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer" und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov*, hrsg. in Verbindung mit M. Š. FAJNŠTEJN (= Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse, 3. Folge, 276), Göttingen, 2006.
- 2006B
KEIPERT H., "Востоков и Шлецер (О началах сравнительно-исторического метода в славянском языкознании)," *Russian Linguistics*, 30/3, 2006, 303–319.
- 2006C
KEIPERT H., "Cerkovnoslavjanskij in verordnetem Vergessen," in: M. JESENŠEK, Z. ZORKO, Hrsg., *Jezična predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici* (= Zora, 44), Maribor, 2006, 129–145.
- 2008
KEIPERT H., "[Rez.:] Ian Press: *A History of the Russian Language and Its Speakers*. München: LINCOM Europa 2007. XII, 362 S. (LINCOM Studies in Slavic Linguistics. 26.)," *Die Welt der Slaven*, 53/1, 202–206.
- 2014
KEIPERT H., "Altkirchenslavisch und Kirchenslavisch," in: K. GUTSCHMIDT, S. KEMPGEN, T. BERGER, P. KOSTA, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung* (= HSK, 32/2), Berlin, New York, 2014, 1211–1252.
- KELLER 2003
KELLER R., *Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache*, 3. Aufl. (= UTB, 1567), Tübingen, Basel, 2003.
- KNOOP 1982
KNOOP U., "Das Interesse an den Mundarten und die Grundlegung der Dialektologie," in: *HSK*, 1/1, 1–23.

- KOCH 1988
 KOCH P., "Italienisch: Externe Sprachgeschichte I," in: *LRL*, 4, 343–360.
- KOEDER 1999
 KOEDER A., *Von Ferdinand de Saussure zu einer formalen diachronischen Semantik* (Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde, Konstanz, 1999).
- KNOOP 1982
 KNOOP U., "Das Interesse an den Mundarten und die Grundlegung der Dialektologie," in: *HSK*, 1/1, 1–23.
- LABOV 1994
 LABOV W., *Principles of Linguistic Change, 1: Internal Factors* (= Language in Society, 20), Oxford, 1994.
- 2001
 LABOV W., *Principles of Linguistic Change, 2: Social Factors* (= Language in Society, 29), Oxford, 2001.
- LEITH 1997
 LEITH D., *A Social History of English*, London, New York, 1997.
- LEWANDOWSKI 1990
 LEWANDOWSKI TH., *Linguistisches Wörterbuch*, 5. Aufl., 3 Bde. (= UTB, 1518), Heidelberg, Wiesbaden, 1990.
- LRL = HOLTUS G., METZELTIN M., SCHMITT CH., Hrsg., *LEXIKON DER ROMANISTISCHEN LINGUISTIK*:
 ———, 1/2
Methodologie (Sprache in der Gesellschaft / Sprache und Klassifikation / Datensammlung und -verarbeitung), 1/2, Tübingen, 2001.
- , 3
Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart. Rumänisch, Dalmatisch/Istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch, 3, Tübingen, 1989.
- , 4
Italienisch, Korsisch, Sardisch, 4, Tübingen, 1988.
- , 5/1
Französisch, Okzitanisch, Katalanisch, 5/1, Tübingen, 1990.
- , 5/2
Okzitanisch, Katalanisch, 5/2, Tübingen, 1990.
- , 6/1
Aragonesisch/Navarresisch, Spanisch, Asturianisch/Leonesisch, 6/1, Tübingen, 1992.
- , 6/2
Galegisch, Portugiesisch, 6/2, Tübingen, 1994.
- LÜDTKE 1999
 LÜDTKE J., "Zu den Aufgaben der spanischen Sprachgeschichtsschreibung," *Sociolinguistica*, 13, 1999, 27–50.
- MATTHEIER 1988
 MATTHEIER K.-J., "Das Verhältnis von sozialem und sprachlichem Wandel," in: *HSK*, 3/2, 1430–1452.
- MATTHEIER 1998
 MATTHEIER K. J., "Allgemeine Aspekte einer Theorie des Sprachwandels," in: *HSK*, 2/1, 824–836.

METZELTIN/GRITZKY 2003

METZELTIN M., GRITZKY N., "Sprachgeschichtsschreibung: Möglichkeiten und Grenzen," in: *HSK*, 23/1, 15–31.

MEYER 1888

MEYER W., "Die lateinische Sprache in den romanischen Ländern," in: [GRÖBER 1888A: 377–382].

MILROY 1992

MILROY J., *Linguistic Variation and Change: On the Historical Sociolinguistics of English* (= *Language in Society*, 19), Oxford, 1992.

MOSER 2000

MOSER M., "Kleine Sprachgeschichte des Ukrainischen der mittleren Periode," in: J. BESTERS-DILGER, Hrsg., *Sprache und Literatur der Ukraine zwischen Ost und West = Мова та література України між сходом і заходом*, Bern, etc., 2000, 127–144.

MUGDAN 1984

MUGDAN J., *Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk*, München, 1984.

OSTHOFF 1883

OSTHOFF H., *Schriftsprache und Volksmundart: Vortrag, gehalten im Museum zu Heidelberg am 14. December 1878* (= *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge*, Ser. 18, Heft 411), Berlin, 1883.

PARIS 1897/1909

PARIS G., "Histoire de la langue française: *Histoire de la langue française*, par M. Ferdinand Brunot, maître de conférences à la Faculté des lettres de Paris. (Fait partie de l'Histoire de la langue et de la littérature française des origines à 1900, publiée sous la direction de L. Petit de Julleville, professeur à la Faculté des lettres de Paris. Paris, Colin, 1896 et ann. suiv., in-8°)," in: IDEM, *Mélanges linguistiques: latin vulgaire et langues romanes, langue française, notes étymologiques, appendice, index*, publiés par M. ROQUES, Paris, 1909, 174–230 (впервые в: *Journal des Savants*, 1897, Septembre, 542–555; Octobre, 596–613; Novembre, 659–675).

PAUL 1920

PAUL H., *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 5. Aufl., Darmstadt, 1920.

PETIT DE JULLEVILLE 1896

PETIT DE JULLEVILLE L., publ., *Histoire de la Langue et de la Littérature française des Origines à 1900*, 1–2: *Moyen Age (des Origines à 1500)*, Paris, 1896.

VON POLENZ 1991–1994

VON POLENZ P., *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart*, 1: *Einführung. Grundbegriffe. Deutsch in der frühbürgerlichen Zeit*, Berlin, New York, 1991; 2: *17. und 18. Jahrhundert*, Berlin, New York, 1994.

——— 1998

VON POLENZ P., "Deutsche Sprache und Gesellschaft in historischer Sicht," in: *HSK*, 2/1, 41–54.

——— 2002

VON POLENZ P., "Sprachgeschichte und Gesellschaftsgeschichte von Adelung bis heute," in: D. CHERUBIM, K. JAKOB, A. LINKE, Hrsg., *Neue deutsche Sprachgeschichte. Mentalitäts-, kultur- und sozialgeschichtliche Zusammenhänge* (= *Studia Linguistica Germanica*, 64), Berlin, New York, 2002, 1–23.

POLZIN-HAUMANN 2006

POLZIN-HAUMANN C., *Sprachreflexion und Sprachbewusstsein. Beitrag zu einer integrativen Sprachgeschichte des Spanischen im 18. Jahrhundert* (= *Bonner romanistische Arbeiten*, 91), Frankfurt a. M., 2006.

PRESS 2007

PRESS I., *A History of the Russian Language and Its Speakers* (= *LINCOM Studies in Slavic*

- Linguistics, 26), München, 2007.
- REICHMANN 1998
REICHMANN O., "Sprachgeschichte: Idee und Verwirklichung," in: *HSK*, 2/1, 1–41.
- RICHTER 1970
RICHTER A., "100 Jahre deutsche Slawistik. Teil II: Zur internationalen Ausstrahlung des Leipziger Lehrstuhls unter Leskien: der erste Promovend *Jan Baudoin de Courtenay* aus Polen," *Wissenschaftliche Zeitschrift der Technischen Hochschule Otto von Guericke Magdeburg*, 14, 1970, 107–166.
- DE SAUSSURE 1972
DE SAUSSURE F., *Cours de linguistique générale, publié par Charles Bally et Albert Sechehaye, avec la collaboration de Albert Riedlinger*, édition critique préparée par T. DE MAURO, Paris, 1972.
- 1996
KOMATSU E., WOLF G., eds., transl., *Premier Cours De Linguistique Générale (1907): D'après les cahiers d'Albert Riedlinger = Saussure's First Course of Lectures on General Linguistics (1907): from the Notebooks of Albert Riedlinger (Relié)*, 1 (= Language and Communication Library, 15), Oxford, etc., 1996.
- 2002
DE SAUSSURE F., *Écrits de linguistique générale*, établi et édité par S. BOUQUET et R. ENGLER, Gallimard, 2002.
- SCHARNHORST/ISING 1976/1982
SCHARNHORST J., ISING E., *Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege* (= Sprache und Gesellschaft, 8.1.2), 1, Berlin, 1976; 2, Berlin, 1982.
- SCHMIDT 2007
SCHMIDT W., *Geschichte der deutschen Sprache. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium*, 10., verb. u. erw. Aufl., erarb. unter der Leitung v. H. LANGER und N.-R. WOLF, Stuttgart, 2007.
- SCHMITT 1999
SCHMITT CH., "Sprachliche Entwicklung des Französischen als Folge von Soziologisierung und Europäisierung," *Sociolinguistica*, 13, 1999, 69–90.
- SCHUM 1888
SCHUM W., "Die schriftlichen Quellen," in: [GRÖBER 1888A: 157–196].
- SINNER 2014
SINNER C., *Varietätenlinguistik. Eine Einführung*, Tübingen, 2014.
- SOCIN 1888
SOCIN A., *Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache*, Heilbronn, 1888.
- SONDEREGGER 1983
SONDEREGGER S., "Leistung und Aufgabe der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung des Deutschen," in: *HSK*, 1/2, 1526–1558.
- SPILLNER 1987
SPILLNER B., "Style and Register," in: *HSK*, 3/1, 273–285.
- THÈSES 1929
"Thèses [présentées au Premier congrès des philologues slaves]," in: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1, 1929, 3–29.
- TOLSTOJ 1982
TOLSTOJ N. I., "Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku (U vezi sa razvojam žanrova u staroj srpskoj književnosti)," in: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 8/1 (1978), Beograd, 1982, 15–25 (на руском языке: Толстой Н. И. "Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку", в: [Толстой 1988А: 164–173]).

TOMAN 1995

TOMAN J., *The Magic of a Common Language: Mathesius, Jakobson, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle* (= Current Studies in Linguistics, 26), Cambridge (Mass.), 1995.

TRAUBE 1909

TRAUBE L., *Vorlesungen und Abhandlungen, 1: Zur Paläographie und Handschriftenkunde*, mit biographischer Einleitung v. F. BOLL, München, 1909.

VÁRVARO 1972–1973

VÁRVARO A., "Storia della lingua: passato e prospettive di una categoria controversa," in: *Romance Philology*, 26/1, 1972, 16–51; 26/3, 1973, 509–531.

VYKYPĚL 2013

VYKYPĚL B., *Skizzen zur linguistischen Historiographie* (= Travaux linguistiques de Brno, 9), München, 2013.

WILMET 1990

WILMET M., "Le français: Histoire interne de la langue," in: *LRL*, 1, 493–507.

ZARNCKE 1890

ZARNCKE E., *Die Entstehung der griechischen Literatursprachen*, Leipzig, 1890.

References

Aitchison J., *Language Change: Progress or Decay?* 4th ed., Cambridge, etc., 2013.

Alekseev A. A., "Predislovie," in: A. I. Sobolevskiy, *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka*, A. A. Alekseev, ed., Leningrad, 1980, 3–20.

Alekseev A. A., "Kommentarii," in: A. I. Sobolevskiy, *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka*, A. A. Alekseev, ed., Leningrad, 1980, 159–189.

Alekseev A. A., "[Rev.:] Tolstoi N. I. Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov," *Voprosy iazykoznaviia*, 4, 1989, 149–155.

Alekseev A. A., *Ocherki i etudy po istorii literaturnogo iazyka v Rossii*, S.-Peterburg, 2013.

Albrecht J., "Die Berücksichtigung des Faktors «Übersetzung» in der Sprachgeschichtsschreibung," in: A. Gil, C. Schmitt, Hrsg., *Aufgaben und Perspektiven der romanischen Sprachgeschichte im dritten Jahrtausend. Akten der gleichnamigen Sektion des XXVII. Deutschen Romanistentages. München (7.–10. Oktober 2001)*, Bonn, 2003, 1–20.

Bähler U., *Gaston Paris et la philologie romane* (= Publications romanes et françaises, 234), Genève, 2004.

Baudouin de Courtenay J. N., *Dziela wybrane*, 1–4, Warszawa, 1974–1990.

Baum R., *Hochsprache. Literatursprache. Schriftsprache: Materialien zur Charakteristik von Kultursprachen* (= Impulse der Forschung, 49), Darmstadt, 1987.

Baum R., "Periodisierung in der romanistischen Sprachgeschichtsschreibung," in: G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York,

2003, 45–52.

Berschin H., "Interne und externe Sprachgeschichte," in: *Methodologie (Sprache in der Gesellschaft / Sprache und Klassifikation / Datensammlung und -verarbeitung)* (= Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch., Hrsg., *Lexikon der Romanistischen Linguistik*, 1/2), Tübingen, 2001, 628–637.

Berschin H., "Synchronie und Diachronie in der romanistischen Sprachgeschichtsforschung," in: G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York, 2003, 32–38.

Berutto G., "Sprachvarietät – Sprache (Gesamt-sprache, historische Sprache)," in: U. Ammon, N. Dittmar, K.-J. Mattheier, Hrsg., *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, Bd. 3.1, Berlin, New York, 2006, 188–195.

Besch W., "Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache," in: W. Besch, U. Knoop, W. Puttschke, H. E. Wiegand, *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*, Bd. 1.1, Berlin, New York, 1982, 961–990.

Blumenthal P., "Der Begriff der externen und internen Sprachgeschichte in der Romanistik," in: G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York, 2003, 38–45.

Bolten J., "Deutsche Sprachgeschichte und Wirtschaftsgeschichte," in: W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger, Hrsg., *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und*

ihrer Erforschung, Bd. 2.1, Berlin, New York, 1998, 123–138.

Brang P., Züllig M., *Kommentierte Bibliographie zur Slavischen Soziolinguistik*, unter Mitwirk. v. K. Brang, 1–3 (= *Slavica Helvetica*, 17), Bern, etc., 1981.

Brozović D., *Standardni jezik. Teorija, usporedbe, geneza, povijest, suvremena zbilja*, Zagreb, 1970.

Brunot F., *Histoire de la langue française. Des origines à nos jours*, 1–13, Paris, Colin, 1966–1972.

Budziak R., *Jan Baudouin de Courtenay als Soziolinguist und Sprachsoziologe*, Bamberg, 1997.

Bulanin D. M. "Predislovie," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1: XI – *pervaia polovina XIV v.*, Leningrad, 1987.

Bunčić D., *Die ruthenische Schriftsprache bei Ivan Uževojč unter besonderer Berücksichtigung der Lexik seines Gesprächsbuchs "Rožmova/Besěda". Mit Wörterverzeichnis und Indizes zu seinem ruthenischen und kirchenslavischen Gesamtwerk* (= *Slavistische Beiträge*, 447), München, 2006.

Bushkovitch P., *Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries*, New York, Oxford, 1992.

Bußmann H., Hrsg., *Lexikon der Sprachwissenschaft*, 3. Aufl., Stuttgart, 2002.

Carter R. "Literary Language," in: J.-L. Mey, ed., *Concise Encyclopedia of Pragmatics*, Amsterdam, etc., 1998, 520–522.

Cherepanov M. V., "I. A. Boduen de Kurtene o iazyke kak dinamicheskoi sisteme," in: K. R. Galiullin, G. A. Nikolaev, eds., *II Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniia: Kazanskaia lingvistsheskaia shkola: traditsii i sovremennost'* (*Kazan'*, 11–13 dekabria 2003 g.). *Trudy i materialy*, 1, Kazan, 2003, 29–32.

Cherubim D., "Zum Programm einer historischen Sprachpragmatik," in: H. Sitta, Hrsg., *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Zürcher Kolloquium* (= *Reihe Germanistische Linguistik*, 21), Tübingen, 1980, 3–21.

Cherubim D., "Sprachgeschichte im Zeichen der linguistischen Pragmatik," in: W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger, Hrsg., *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Bd. 2.1, Berlin, New York, 1998, 538–550.

Coseriu E., "Sinkhroniia, diakhroniia i istoriia," in: *Novoe v lingvistike*, 3, Moscow, 1963, 143–343.

Coseriu E., "Georg von der Gabelentz et la linguistique synchronique," *Word*, 23, 1967, 74–100.

Coseriu E., "Gabelentz und die synchronische Sprachwissenschaft," in: G. von der Gabelentz, *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*, mit einer Studie v. E. Coserio, 2. Aufl. (= *Tübinger Beiträge zur Linguistik*, 1), Tübingen, 1972, 3–35.

Coseriu E., "«Historische Sprache» und «Dia-

lekt»,," in: *Energeia und Ergon: Sprachliche Variation – Sprachgeschichte – Sprachtypologie*, 1: *Schriften von Eugenio Coseriu* (= *Tübinger Beiträge zur Linguistik*, 300), Tübingen, 1988, 45–61.

Coseriu E., *Sprachkompetenz: Grundzüge der Theorie des Sprechens*, 2., durchges. Aufl., bearb. u. hrsg. v. H. Weber (= *Tübinger Beiträge zur Linguistik*, 508), Tübingen, 2007.

Daneš F., "Herausbildung und Reform von Standardsprachen," U. Ammon, N. Dittmar, K.-J. Mattheier, Hrsg., *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, Bd. 3.2, Berlin, New York, 1988, 1506–1516.

Daneš F., "Herausbildung und Reform von Standardsprachen und Destandardisierung," U. Ammon, N. Dittmar, K.-J. Mattheier, Hrsg., *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 3.3, Berlin, New York, 2006, 2197–2209.

De Mauro T., *Storia linguistica dell'Italia unita* (= *Biblioteca universale Laterza*, 88), 3rd ed., Bari, 1986.

Devoto G., *Storia della lingua di Roma* (= *Storia di Roma*, 23), Bologna, 1940.

Devoto G., *I fondamenti della storia linguistica* (= *Biblioteca enciclopedica Sansoniana*, 9), Firenze, 1951.

Di Cesare D., "Einleitung," in: W. von Humboldt, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, hrsg. v. D. di Cesare, Padeborn etc., 1998, 9–128.

Dräxler H.-D., *Soziolinguistik, Pragmalinguistik und Sprachgeschichte. Die Bedeutung sozio- und pragmalinguistischer Parameter für eine Theorie des Sprachwandels* (= *Impulse. Didaktisches Zentrum der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt*, 9), Darmstadt, 1989.

Droixhe D., Dutilleul Th., "Le français: Histoire externe de la langue," in: *Französisch, Okzitanisch, Katalanisch* (= *Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch.*, Hrsg., *Lexikon der Romanistischen Linguistik*, 5/1), Tübingen, 1990, 437–471.

Durnovo N., *Ocherk istorii russkogo iazyka* (= *Slavistische Drukken en Herdrukken*, 22), 'S-Gravenhage, 1962.

Ernst G., Gleßgen M.-D., Schmitt Ch., Schweickard W., "Romanistik und Sprachgeschichtsschreibung," in: G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York, 2003, 1–15.

Erofeeva I. V., "Primenenie dikhotomicheskogo printsipa vnutrennei i vneshnei istorii iazyka I. A. Boduena de Kurtene k izucheniiu pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti," in: K. R. Galiullin, G. A. Nikolaev, eds., *Boduenovskie chteniia: Boduen de Kurtene i sovremennaia lingvistika: Mezhdu-*

narodnaia nauchnaia konferentsiia (Kazan', 11–13 dekabria 2001 g.): Trudy i materialy, 1, Kazan, 2001, 68–69.

Flydal L., "Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue," in: *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 16, 1952, 241–258.

Franklin S., *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*, Cambridge, 2002.

Franklin S., *Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi: (Okolo 950–1300 gg.)*, D. M. Bulanin, transl., St. Petersburg, 2010.

von der Gabelentz G., *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse*, mit einer Studie v. E. Coseriu, 2. Aufl. (= Tübinger Beiträge zur Linguistik, 1), Tübingen, 1972.

Gardt A., Haß-Zumkehr U., Roelke Th., Hrsg., *Sprachgeschichte als Kulturgeschichte* (= *Studia Linguistica Germanica*, 54), Berlin, New York, 1999.

Giovanardi C., "Soziolinguistik und italienische Sprachgeschichte: einige Betrachtungen zur Debatte im 16. Jahrhundert," *Sociolinguistica*, 13, 1999, 17–26.

Glück H., Hrsg., *Metzler Lexikon Sprache*, 3., Neubearb. Aufl., Stuttgart, Weimar, 2005.

Golubev I. F., "Vstrecha Simeona Polotskogo, Epifaniia Slavinetskogo i Paisiia Ligarida s Nikolaem Spafariem i ikh beseda," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 26, Leningrad, 1971, 294–301.

González C.-H., "Historia lingüística externa," in: *Aragonesisch/Navarresisch, Spanisch, Asturianisch/Leonisch* (= Hultus G., Metzeltin M., Schmitt Ch., Hrsg., *Lexikon der Romanistischen Linguistik*, 6/1), Tübingen, 1992, 406–414.

Gorshkov A. I., *Teoreticheskie osnovy istorii russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1983.

Gorshkov A. I., *Teoriia i istoriia russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1984.

Gumperz J.-J., "Types of Linguistic Communities," in: Idem, *Language and Social Groups*, A.-S. Dil, ed., Stanford, 1971, 97–113.

Hafner J., *Ferdinand Brunot und die nationalphilologische Tradition der Sprachgeschichtsschreibung in Frankreich* (= *Romanica Monacensia*, 73), Tübingen, 2006.

Havráněk B., *Studie o spisovném jazyce*, Praha, 1963.

Hildenbrandt E., *Versuch einer kritischen Analyse des 'Cours de linguistique générale' von Ferdinand de Saussure* (= Marburger Beiträge zur Germanistik, 36), Marburg, 1972.

Horálek K., "Zur Geschichte der Prager Linguistik und ihrer internationalen Wirkung," in: Scharnhorst J., Ising E., *Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege* (= Sprache und Gesellschaft, 8.1.2), 1, Berlin, 1976, 24–42.

Horrocks G., *Greek: A History of the Language*

and Its Speakers, London, New York, 1997.

Hujer O., *Úvod do dějin jazyka českého*, druhé vydání, Praha, 1924.

Hujer O., *Úvod u istoriju slovenskih jezika*, H. Barić, transl. (= *Lingvistička biblioteka*, 1), Beograd, 1935.

von Humboldt W., *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, hrsg. v. D. Di Cesare, Paderborn etc., 1998.

Issatschenko A. V., "Otvety na voprosy §3 Ankety k IV MSS," *Voprosy iazykoznanii*, 3, 1958, 42.

Jäger L., "Das Verhältnis von Synchronie und Diachronie in der Sprachgeschichtsforschung," in: W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger, Hrsg., *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Bd. 2.1, Berlin, New York, 1998, 816–824.

Jedlička A., *Spisovný jazyk v současné komunikaci*, Praha, 1978.

Jedlička A., "Theorie der Literatursprache," in: Scharnhorst J., Ising E., *Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege* (= Sprache und Gesellschaft, 8.1.2), 2, Berlin, 1982, 40–91.

Kamchatnov A. M., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka: XI – pervaiia polovina XIX veka*, Moscow, 2008.

Karskiy E. F., "Glavneishie techeniia v russkom literaturnom iazyke. Vstupitel'naia leksiia po russkomu iazyku lektora Varshavskogo universiteta E. F. Karskogo, proiznesennaia 27 fevralia 1893 goda," in: Idem, *Trudy po belorusskomu i drugim slavianskim iazykam*, Moscow, 1962, 130–139.

Keipert H., "Russische Sprachgeschichte als Übersetzungsgeschichte," in: W. Girke, Hrsg., *Slavistische Linguistik 1981. Referate des VII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Mainz 30.9.–2.10.1981* (= *Slavistische Beiträge*, 160), München, 1982, 67–101.

Keipert H., "[Rev.:] Gorshkov V. I. Teoreticheskie voprosy istorii russkogo literaturnogo iazyka. Moskva 1983," *Russian Linguistics*, 8, 1984, 159–166.

Keipert H., "Old and New Problems of the Russian Literary Language (Arguments for a New Kind of Russian Linguistic History)," in: W. Girke, D. Worth, eds., *The Formation of the Slavonic Literary Languages. Proceedings of a Conference Held in Memory of Robert Auty and Anne Pennington at Oxford 6–10 July 1981* (= *UCLA Slavic Studies*, 11), Columbus (OH), 1985, 215–224.

Keipert H., "Die Christianisierung Russlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte," in: K. Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. von Liliensfeld, C.-J. Roepke, Hrsg., *Tausend Jahre Christentum in Russland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*, Göttingen, 1988, 313–346.

Keipert H., "Kreshchenie Rusi i istoriia russkogo literaturnogo iazyka," *Voprosy iazykoznanii*, 5,

1991, 86–112.

Keipert H., "A. Chr. Vostokov, die deutsche Slavenkunde und das Altbulgarische," *Palaeobulgaria*, 20/1, 1996, 99–114.

Keipert H., "Cerkovnoslavjanskij: eine Sprachbezeichnung als Problem der Wortbildungslehre," in: M. Ya. Glovinskaia, ed., *Liki iazyka: K 45-letiiu nauchnoi deiatel'nosti E. A. Zemskoi*, Moscow, 1998, 143–152.

Keipert H., "A. S. Budilovič «Obščeslavjanskij jazyk» (1892). Ein Rückblick," in: K. Grünberg, W. Potthoff, Hrsg., *Ars Philologica. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag*, Frankfurt a. M., etc., 1999, 69–80.

Keipert H., "Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague," in: E. Hansack, W. Koschmal, N. Nübler, Hrsg., *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 5), München, 1999, 123–133.

Keipert H., "Geschichte der russischen Literatursprache," in: H. Jachnow, Hrsg., *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen* (= Slavistische Studienbücher, N. F., 8), Wiesbaden, 1999, 726–779.

Keipert H., "«Rozmova/Besëda»: Das Gesprächsbuch Slav. № 7 der Bibliothèque nationale de France," *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 60/1, 2001, 9–40.

Keipert H., "Kirchenslavisch als Konstrukt," *Slavia*, 70, 2001, 373–381.

Keipert H., "Die romanischen Sprachen in der slavistischen Sprachgeschichtsschreibung," in: G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York, 2003, 470–476.

Keipert H., "«Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen von J. D. Dobrovský» Schlözer-Kritik im «Slavin» und ihre Folgen," in: V. Vavřínek, H. Gladkova, K. Skwarska, vyd., *Josef Dobrovský. Fundator studiorum slavivorum. Příspěvky z mezinárodní vědecké konference v Praze 10.–13. června 2003*, Praha, 2004, 261–269.

Keipert H., "August Ludwig Schlözer i «Słownik języka polskiego» Samuela Bogumiła Lindego," *Prace filologiczne*, 49, 2004, 169–180.

Keipert H., *Das "Sprache"-Kapitel in August Ludwig Schlözers "Nestor" und die Grundlegung der historisch-vergleichenden Methode der slavische Sprachwissenschaft. Mit einem Anhang Josef Dobrovskýs "Slavin"-Artikel "Über die Altslawonische Sprache nach Schlözer" und dessen russische Übersetzung von Aleksandr Chr. Vostokov*, hrsg. in Verbindung mit M. Š. Fajnějn (= Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse, 3. Folge, 276), Göttingen, 2006.

Keipert H., "Vostokov i Shletser (O nachalakh sravnitel'no-istoricheskogo metoda v slavianskom

iazykoznanii)," *Russian Linguistics*, 30/3, 2006, 303–319.

Keipert H., "Cerkovnoslavjanskij in verordnetem Vergessen," in: M. Jesenšek, Z. Zorko, Hrsg., *Jezičkovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišču ob 80-letnici* (= Zora, 44), Maribor, 2006, 129–145.

Keipert H., "[Rez.:] Ian Press: *A History of the Russian Language and Its Speakers*. München: LINCOM Europa 2007. XII, 362 S. (LINCOM Studies in Slavic Linguistics. 26.)," *Die Welt der Slaven*, 53/1, 202–206.

Keipert H., "Altkirchenslavisch und Kirchenslavisch," in: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta, Hrsg., *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung*, Berlin, New York, 2014, 1211–1252.

Keller R., *Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache*, 3. Aufl., Tübingen, Basel, 2003.

Knoop U., "Das Interesse an den Mundarten und die Grundlegung der Dialektologie," in: W. Besch, U. Knoop, W. Putschke, H. E. Wiegand, *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*, Bd. 1.1, Berlin, New York, 1982, 1–23.

Koch P., "Italienisch: Externe Sprachgeschichte I," in: *Italienisch, Korsisch, Sardisch* (= Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch., Hrsg., *Lexikon der Romanistischen Linguistik*, 4), Tübingen, 1988, 343–360.

Koeder A., *Von Ferdinand de Saussure zu einer formalen diachronischen Semantik* (Inauguraldissertation zur Erlangung der Doktorwürde, Konstanz, 1999).

Kolesov V. V., *Istoriia russkogo iazyka*, Moscow, St. Petersburg, 2005.

Komatsu E., Wolf G., eds., transl., *Premier Cours De Linguistique Générale (1907): D'après les cahiers d'Albert Riedlinger = Saussure's First Course of Lectures on General Linguistics (1907): from the Notebooks of Albert Riedlinger (Relié)*, 1 (= Language and Communication Library, 15), Oxford, etc., 1996.

Kuznetsov P. S., "Predislavie," in: O. Hujer, *Vvedenie v istoriiu cheshskogo iazyka*, 2nd edition, Moscow, 2004, 3–7.

Labov W., *Principles of Linguistic Change, 1: Internal Factors* (= Language in Society, 20), Oxford, 1994.

Labov W., *Principles of Linguistic Change, 2: Social Factors* (= Language in Society, 29), Oxford, 2001.

Leith D., *A Social History of English*, London, New York, 1997.

Lewandowski Th., *Linguistisches Wörterbuch*, 5. Aufl., 3 Bde., Heidelberg, Wiesbaden, 1990.

Lüdtke J., "Zu den Aufgaben der spanischen Sprachgeschichtsschreibung," *Sociolinguistica*, 13, 1999, 27–50.

Mattheier K.-J., "Das Verhältnis von sozialem und

sprachlichem Wandel," in: U. Ammon, N. Dittmar, K.-J. Mattheier, Hrsg., *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, Bd. 3.2, Berlin, New York, 1988, 1430–1452.

Mattheier K. J., "Allgemeine Aspekte einer Theorie des Sprachwandels," in: W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger, Hrsg., *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Bd. 2.1, Berlin, New York, 1998, 824–836.

Medyntseva A. A., *Gramotnost' v Drevnei Rusi (Po pamiatnikam epigrafiki X – pervoi poloviny XIII veka)*, Moscow, 2000.

Metzeltin M., Gritzky N., "Sprachgeschichtsschreibung: Möglichkeiten und Grenzen," in: G. Ernst, M.-D. Gleßgen, Ch. Schmitt, *Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprachen*, Bd. 1, Berlin, New York, 2003, 15–31.

Milroy J., *Linguistic Variation and Change: On the Historical Sociolinguistics of English* (= *Language in Society*, 19), Oxford, 1992.

Moser M., "Kleine Sprachgeschichte des Ukrainischen der mittleren Periode," in: J. Besters-Dilger, Hrsg., *Sprache und Literatur der Ukraine zwischen Ost und West*, Bern, etc., 2000, 127–144.

Mugdan J., *Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk*, München, 1984.

Narumov B. P., "«Arkhitektura iazyka» v kontseptsii E. Koseriu," in: O. M. Mungalova, Yu. L. Obolenskaia, Yu. A. Karpova, eds., *Voprosy iberoromanskoi filologii*, 7, Moscow, 2005, 140–145.

Nikolaeva T. M., "Nekotorye obshcheteoreticheskie idei iazykovedeniia v trudakh I. A. Boduena de Kurtene," in: K. R. Galullin, G. A. Nikolaev, eds., *II Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniia: Kazanskaia lingvisticheskaia shkola: traditsii i sovremenost' (Kazan', 11–13 dekabria 2003 g.)*, *Trudy i materialy*, 1, Kazan, 2003, 21–25.

Paul H., *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 5. Aufl., Darmstadt, 1920.

von Polenz P., *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart*, 1: *Einführung. Grundbegriffe. Deutsch in der frühbürgerlichen Zeit*, Berlin, New York, 1991; 2: *17. und 18. Jahrhundert*, Berlin, New York, 1994.

von Polenz P., "Deutsche Sprache und Gesellschaft in historischer Sicht," in: *HSK*, 2/1, 41–54.

von Polenz P., "Sprachgeschichte und Gesellschaftsgeschichte von Adelung bis heute," in: D. Cherubim, K. Jakob, A. Linke, Hrsg., *Neue deutsche Sprachgeschichte. Mentalitäts-, kultur- und sozialgeschichtliche Zusammenhänge* (= *Studia Linguistica Germanica*, 64), Berlin, New York, 2002, 1–23.

Polivanov E. D., "Istoricheskoe iazykoznanie i iazykovaia politika," in: V. A. Zvegintsev, *Istoriia iazykoznaniiia XIX i XX vekov v ocherkakh i izvle-*

cheniakh, 2, Moscow, 1960, 263–278.

Polzin-Haumann C., *Sprachreflexion und Sprachbewusstsein. Beitrag zu einer integrativen Sprachgeschichte des Spanischen im 18. Jahrhundert* (= *Bonner romanistische Arbeiten*, 91), Frankfurt a. M., 2006.

Press I., *A History of the Russian Language and Its Speakers* (= *LINCOM Studies in Slavic Linguistics*, 26), München, 2007.

Reichmann O., "Sprachgeschichte: Idee und Verwirklichung," in: W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger, Hrsg., *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, Bd. 2.1, Berlin, New York, 1998, 1–41.

Richter A., "100 Jahre deutsche Slawistik. Teil II: Zur internationalen Ausstrahlung des Leipziger Lehrstuhls unter Leskien: der erste Promovend Jan Baudouin de Courtenay aus Polen," *Wissenschaftliche Zeitschrift der Technischen Hochschule Otto von Guericke Magdeburg*, 14, 1970, 107–166.

de Saussure F., *Cours de linguistique générale, publié par Charles Bally et Albert Sechehaye, avec la collaboration de Albert Riedlinger, édition critique préparée par T. de Mauro*, Paris, 1972.

de Saussure F., *Écrits de linguistique générale, établi et édité par S. Bouquet et R. Engler*, Gallimard, 2002.

de Saussure F., *Kurs obshchei lingvistiki*, A. M. Sukhotin, trans., R. I. Shor, ed., 3d ed., Moscow, 2006.

Scharnhorst J., Ising E., *Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege* (= *Sprache und Gesellschaft*, 8.1.2), 1, Berlin, 1976; 2, Berlin, 1982.

Schmidt W., *Geschichte der deutschen Sprache. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium*, 10., verb. u. erw. Aufl., erarb. unter der Leitung v. H. Langer und N.-R. Wolf, Stuttgart, 2007.

Schmitt Ch., "Sprachliche Entwicklung des Französischen als Folge von Soziologisierung und Europäisierung," *Sociolinguistica*, 13, 1999, 69–90.

Sharadzenidze T. S., *Lingvisticheskaia teoriia I. A. Boduena de Kurtene i ee mesto v iazykoznanii XIX–XX vekov*, Moscow, 1980.

Sinner C., *Varietätenlinguistik. Eine Einführung*, Tübingen, 2014.

Sobolevskiy A. I., *Lektsii po istorii russkogo iazyka*, 4th edition (= *Slavistische Drukken* in Herdrukken, 37), 'S-Gravenhage, 1962.

Sobolevskiy A. I., *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka*, A. A. Alekseev, ed., Leningrad, 1980.

Sonderegger S., "Leistung und Aufgabe der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung des Deutschen," in: W. Besch, U. Knoop, W. Putschke, H. E. Wiegand, *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung*, Bd. 1.2, Berlin, New York, 1983, 1526–

1558.

Spillner B., "Style and Register," in: U. Ammon, N. Dittmar, K.-J. Mattheier, Hrsg., *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*, Bd. 3.1, Berlin, New York, 2006, 273–285.

Tolstoj N. I., "Odnos starog srpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku (U vezi sa razvojem žanrova u staroj srpskoj književnosti)," in: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 8/1 (1978), Beograd, 1982, 15–25.

Tolstoj N. I., *Istorija i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Tolstoj N. I., "Vzgljady A. N. Pypina na istoriiu russkogo literaturnogo iazyka (Stranichka iz istorii russkoi lingvistiki)," in: W. Moskovich et al., eds., *Russian Philology and History: In Honor of Professor Victor Levin*, Jerusalem, 1992, 156–169.

Toman J., *The Magic of a Common Language: Mathesius, Jakobson, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle* (= Current Studies in Linguistics, 26), Cambridge (Mass.), 1995.

Trubetzkoy N. S., "Obshchieslavianskii element v russkoi kul'ture," in: Idem, *Istorija. Kul'tura. Iazyk*, N. I. Tolstoj, L. N. Gumilev, V. M. Zhivov, eds., Moscow, 1995, 162–208.

Uspenskij B. A., "Istorija russkogo literaturnogo iazyka kak mezhslavianskaia distsiplina," *Voprosy iazykoznanii*, 1, 1995, 80–92.

Uspenskij B. A., *Istorija russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, 3rd edition, Moscow, 2002.

Várvaro A., "Storia della lingua: passato e prospettive di una categoria controversa," in: *Romance Philology*, 26/1, 1972, 16–51; 26/3, 1973, 509–531.

Vereshchagin E. M., "Problemy istorii drevneslavianskogo i russkogo literaturnogo iazykov (K

vykhodu v svet knigi akad. N. I. Tolstogo)," *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 48/2, 1989, 126–136.

Vinogradov V. V., *Izbrannye trudy. Istorija russkogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 1978.

Vinogradov V. V., *Ocherki iz istorii literaturnogo iazyka XVII–XIX vv.*, Moscow, 1982.

Vinokur G. O., "O zadachakh istorii iazyka," in: Idem, *Izbrannye trudy po russkomu iazyku*, Moscow, 1959, 207–226.

Vvedenskiy D. N., "Ferdinand de Sossur i ego mesto v lingvistike," in: R. I. Shor, ed., *Kurs obshchei lingvistiki, izdannyi Sh. Bal'i i A. Seshee pri uchastii A. Ridlinger*, Moscow, 1933.

Vykpěl B., *Skizzen zur linguistischen Historiographie* (= Travaux linguistiques de Brno, 9), München, 2013.

Wilmet M., "Le français: Histoire interne de la langue," in: *Französisch, Okzitanisch, Katalanisch* (= Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch., Hrsg., *Lexikon der Romanistischen Linguistik*, 5/1), Tübingen, 1990, 493–507.

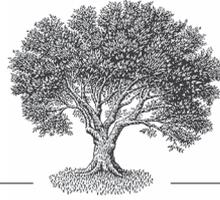
Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zakharova Yu. G., *Istorija russkogo iazyka. Uchebnoe posobie dlja prakticheskikh zaniatii*, Moscow, 2012.

Zhuravlev V. K., Zhuravlev I. V., "Zamechaniia o predmete istorii literaturnogo iazyka," in: E. F. Budde, *Ocherk istorii sovremennoego literaturnogo iazyka (XVII–XIX vek)*, 2nd edition, Moscow, 2005, III–VIII.

Zvegintsev V., "Teoreticheskie aspekty prichinosti iazykovykh izmenenii," in: *Novoe v lingvistike*, 3, Moscow, 1963, 125–142.

Ирина Александровна Подтергера, канд. филол. наук
 Slavisches Seminar der Albert-Ludwigs-Universität Freiburg
 Werthmannstr. 14
 79098 Freiburg im Breisgau
 Deutschland/Germany
 irina.podtergera@slavistik.uni-freiburg.de

Об аскезе юродивых (из истории агиографической топики)

On the Asceticism of Holy Fools (from the History of Hagiographic Topoi)

Татьяна Робертовна Руди

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)

Tatiana R. Rudi

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg)

Резюме

В статье на материале древнерусских житий юродивых (Исаакия Печерского, Прокопия и Иоанна Устюжских, Василия Блаженного, Иоанна Большого Колпака, Симона Юрьевецкого, Иоанна Власатого, Максима Тотемского, Прокопия Вятского, Иоанна Самсоновича Сольвычегодского, Артемия Третьяка и др.) рассматриваются в контексте агиографической топики основные аскетические мотивы, свойственные этому типу житийных текстов.

Ключевые слова

древнерусская литература, агиография, житие, юродство, топос, мотив, литературная формула

Abstract

The present research is based on material from Old Russian lives of holy fools: Isaacius of the Cave Monastery, Procopius and John of Ustyug, Basil the Blessed, John Bolshoy Kolpak (Big Cap), Simon of Yuryevets, John Vlasaty (the Hairy), Maximus of Totma, Procopius of Vyatka, John Samsonovich of Solvychegodsk, Artemius Tretyak, and others. The main ascetic motifs that determine this type of hagiographic texts are examined in the context of hagiographic topoi.

Many ascetic motifs of the lives of holy fools, which is an element of the system of hagiographic topoi, demonstrate kinship with ascetic motifs of the lives of holy monks (e.g., severe fasting, wearing chains, suffering from cold and heat, etc.), and

in some cases also with the lives of martyrs (e.g., fire motifs). At the same time, some ascetic practices described in the lives of holy fools are rather provocative (nudity or aggressive behavior) or take place in a veiled form (e.g., hidden fasts) in accordance with an emphasis on the unusual feat for the sake of Christ. The aim of this feat was to hide one's virtues.

A focus on examples, which is one of the essential elements of the structure of hagiographic texts generally and of the lives of holy fools in particular, reflects a historical continuity of the extreme feat as such. The explanation of this cultural phenomenon could lie in the fact that Old Russian hagiographers, as well as their heroes, followed the most important ethical and aesthetic guideline of their time—the principle of *imitatio*, which to a great extent determined literary and behavioral strategies of the Middle Ages.

Keywords

Old Russian literature, hagiography, saints' lives, holy fool, topoi, motif, literary formula

Жития юродивых представляют собой, пожалуй, один из наиболее ярких с точки зрения поэтики типов средневековых агиографических текстов, активно использующий разработанную систему житийных топосов¹. Темой настоящей статьи является частный вопрос — аскетические мотивы житий юродивых, рассмотренные в системе литературной топики.

Аскетические мотивы принадлежат к тому блоку агиографических топосов, которые в большинстве своем объединяют жития юродивых с преподобническими [Руди 2011]². Тем и другим присущ целый комплекс мотивов, связанных с идеями пренебрежения к телу и умерщвления плоти. Рассмотрим наиболее важные элементы топики аскезы, использующиеся в древнерусских житиях юродивых, причем начнем со специфических элементов юродской парадигмы — аскетических мотивов, так или иначе связанных с провокационностью как основной характеристикой юродственного подвига.

Традиционная для блаженных Христа ради нагота, составлявшая, по выражению А. М. Панченко, “идеальный костюм юродивого” и бывшая “одной из важнейших примет юродства” [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 92], является не только знаком принадлежности к этому чину подвижников, но и, несомненно, одним из способов “удручения”

¹ Об основных мотивах житий юродивых см. [Ковалевский 1895; Алексий 1913; Федотов 1931: 198–209; Иоанн (Кологривов) 1961: 239–250; Лихачев, Панченко 1976: 91–183 (раздел о юродстве “Смех как зрелище” написан А. М. Панченко); Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 72–153 (раздел о юродстве написан А. М. Панченко); Иванов 1994 (гл. 7 посвящена “русскому похабству”); Иванов 2005; Руди 2007].

² О композиции и топике монашеских житий см., например, [Руди 2006].

плоти: босой, лишенный крова и одежды или облаченный лишь в “раздранную ризу”³ святой постоянно терпит летний (или дневной) зной и зимний (или ночной) холод.

Типичный вариант реализации этого мотива находим в Житии Прокопия Устюжского: “Зимний же мраз и снѣгъ и лѣтний варѣ и зной блаженный Прокопий с радостию терпяше” [Житие Прокопия Устюжского: 19]. Исидор Твердислов также “много терпѣние показуя *от студени зимняя и от вара солнечнаго*” [Тит. 2059: л. 163об.]. В Каноне Максиму Тотемскому вместо традиционных формул “зимнего мраза” и “летнего вара” использован мотив “зима яко лето”: “Наготою тѣлесною якоже багряницею мяше събе одѣяна быти, въ зимѣ якоже въ лѣтъ пребывая . . .” [Q.I.1216: л. 28]. В Житии Прокопия Вятского рассматриваемый топос дополнен мотивом истязания тела укусами комаров, характерным для житий преподобных: “И велие терпѣние показа *от зимнаго мраза и снѣга, и от зноя солнечнаго вара, и от комаров и мищиць*” [Тит. 563: л. 253об.]⁴.

Отмечая известную условность аскетических сюжетов в житиях юродивых, А. М. Панченко писал:

Учитывая легендарность подобных сцен, мы все же должны заметить, что “нечувствительность” давалась юродивым нелегко — иначе, впрочем, в ней не было бы искомой нравственной заслуги. Об этом говорят свидетели, которых трудно заподозрить в недостоверности. Протопоп Аввакум так рассказывал о страданиях юродивого Федора: “Беспрестанно мерз на морозе бос: я сам ему самовидец. У церкви в полатке, — прибежал молитвы ради, — сказывал: Как-де от мороза тово в тепле том станешь, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает. По кирпичью тому ногами теми стукает, что коченьем” [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 118–119].

Как можно видеть, описанный Аввакумом эпизод является своего рода “живой” иллюстрацией к условно-легендарному мотиву “юродивый, ходя босым или нагим, терпит зимний холод”. Приведенный фрагмент, с одной стороны, являет собой яркий пример “эволюционирующей топика”⁵ (традиционный житийный мотив в условиях новой художественной реальности реализуется под пером Аввакума без помощи устойчивых литературных формул), с другой — свидетельствует об исторической преемственности религиозного подвига: этикетное поведение

³ Ср. использование топоса “худых” (или заплатаанных, “многочленных”, нищенских, ветхих, рваных и т. д.) риз в житиях преподобных [Руди 2006: 474–477].

⁴ Об использовании этого топоса в монашеских житиях см. [Руди 2004: 223–224].

⁵ Выражение А. М. Панченко [1986: 236]: “. . . взгляд на искусство как на «эволюционирующую топика» прямо-таки завещан нам фольклором и древнерусской письменностью”.

подвижника, вне всякого сомнения, наследует здесь литературной этикетности авторитетных юродских текстов.

Реальные детали испытаний юродивых стужей, впрочем, дошли до нас не только в составе автобиографического Жития протопopa Аввакума, вышедшего, как известно, за жанровые и стилистические рамки литературного канона Средневековья. Так, описывая подвижническую жизнь первого восточнославянского юродивого Исаакия Печерского, автор Киево-Печерского патерика сообщает в частности, что ноги Исаакия, ходившего в лютый мороз в прохудившейся обуви, от долгого стояния на службе иногда примерзали к камням:

. . . и нача уродство творити. И нача помогати поваромъ и работати на братию, и на заутреню прежде всѣхъ входя и стоаше крѣпко и непоколебимо. *И егда же приспѣваше зима и мрази лютии, стоаше же въ плеснищахъ раздраныхъ, яко многажды примерзашу нозѣ его к камени, и не подвизася ногама, дондеже отпояху утреню* [Киево-Печерский патерик: 478].

Отмечу, что индивидуальная (или воспринимающаяся как индивидуальная) деталь повествования помещена здесь в описание, включающее в себя целый комплекс традиционных мотивов монашеских житий: служба подвижника в поварне и работа на братию, ранний (“прежде всѣхъ”) приход на заутреню, хождение в рваной одежде и/или обуви, “непоколебимое” стояние святого в церкви (мотив, родственнѣй топосу “непоколебимого столпа” [Руди 2004, 2006]).

Другой пример соединения традиционного мотива с реалистическими элементами описания находим в поздней русской агиографии. Рассказывая о юродивом XVII века Иоанне Самсоновиче Сольвычегодском, его современник-агиограф Алексей Соскин сообщает, что в лютые морозы голова этого блаженного, ходившего зимой и летом в одной рубахе и босиком, покрывалась снежной изморозью: убегая, как это свойственно юродивым, от встречных, Иоанн “уклоняешся от них надесно или налево с пути в целой и неезженной снег и хождаше страною в снегу босыми ногами до колен, а иногда до пояса, и тако мимо сретающихъ миноваше. [. . .] *глава же его кружевиную покрывашешся от многаго зельнаго мразы*” [Власов 2011: 346, 348].

Еще одним характерным для юродской парадигмы провокативным элементом является мотив надругательств над подвижником, который также может быть рассмотрен в контексте проблемы юродских аскетических практик: желая уподобиться Христу, претерпевшему на Голгофе издевательства и заушения толпы (специфически юродский вариант реализации основополагающего принципа средневековой поэтики — *imitatio Christi*), подвижник сознательно навлекает на себя оскорбления и побои. Приведу в качестве примера фрагмент

из Жития Симона Юрьевецкого, в котором мысль о самоизвольном страдании прямо постулируется: *“Прихождаше блаженный начастъ в пиянственную храмину уродственнымъ обычаемъ, желанія имѣя, яко да бы оскорбилъ его кто”*. Когда же Симон, желая вызвать на себя гнев окружающих, отнимал у них питье и выливал его на землю, разгневанные посетители корчмы “биения и раны творяху ему, озлобляюще его, — он же с радостію таковая терпяше” [Погод. 757: л. 9об.–10].

Отмечу, что различные варианты реализации мотива “пханій и биений”, которые подвижник претерпевает от “несмысленных человек”, присутствуют в подавляющем большинстве древнерусских житий юродивых: Прокопия Устюжского, Исидора Твердислова, Арсения Новгородского, Симона Юрьевецкого, Прокопия Вятского, Андрея Тотемского и др.

За исключением приведенных мотивов, представляющих собой важнейшие элементы юродской парадигмы, аскеза блаженных довольно традиционна: как и преподобные, они изнуряют себя постом, носят на теле вериги, а иногда — и власяницу. О ростовском юродивом Иоанне Власатом его агиограф сообщает, что он “на власяницы же имѣя милоть по-иночески” [Тит. 1434: л. 1]. Другое свидетельство этого тайного подвига сохранило Житие Иосифа Заоникиевского, практиковавшего временное юродство в стенах монастыря:

По томъ приснопоминаемый Иосифъ благоуродство приимъ и начатъ в пазусе своей камене носити, овогда песокъ и персть носити ухищренно, тѣло свое удручая и в мразъ ношный в той часовнѣ трудяся. И на тѣло свое власяницу неявлено воздеже, от еяже остроты вси видѣша по ногу его капли крови на землю непрестанно течаху. Игумень же Силуянъ и прочии мниси, сия видѣвше, дивляхуся, но хитрости ради его благоуродства истинны труда познати не возмогаша, но в простыню вмѣняху [Муз. 1510: л. 53].

Будучи вполне традиционна по сути, аскеза юродивых, вместе с тем, часто приобретала провокационные или скрытые формы — в соответствии со спецификой этого “сверхзаконного” подвига, целью которого было сокрытие добродетелей. Так, уже упоминавшийся Иоанн Самсонович Сольвычегодский, помимо самоистязаний стужей и зноем, практиковал особый вид аскезы — выщипывал по волоску свою бороду:

Но и иную досаду творяше телу своему: множицею бо исторгану браду свою являше дотолика, яко и власу ни единому являтися, но всю исторгану, еще же и лица своего плоть сщипаше до язв кровных своими руками. И тако мучи себе Бога ради, томя плоть свою [Власов 2011: 350].

Пост юродивых также иногда принимает причудливые или завуалированные формы. Вот как описывает дневную пищу малоизвестного

ростовского юродивого Артемия Третьяка его агиограф⁶: “Пища же его: бѣжучи ухватит полуденежной колачъ, и ухватитъ зубы своими, и держа в зубахъ, весь колачъ исчиплеть и розмечеть, а что в ротѣ — то была у него пища” [Тит. 1434: л. 2; Мельник 2004: 389].

Ношение вериг, традиционное для преподобных, стало на Руси, по замечанию С. А. Иванова, почти неизменным атрибутом юродства в XVII в. — в отличие, скажем, от византийских юродивых, которым этот подвиг не был свойствен (кроме редких случаев) [Иванов 2005: 316]. Вериги, которыми удручали плоть русские блаженные, отличались большим разнообразием. Известно, что Афанасий (по другим источникам — Стахий) Ростовский носил железный камзол и две кувшинообразные железные гири, которые впоследствии хранились в часовне, поставленной над местом погребения юродивого и другого ростовского подвижника, преп. Пимена Верижника, затворника Богоявленского монастыря [Андроник (Трубачев) 2001; Иванов 2005: 315–316]. Блаженный Василий Каменский, подвизавшийся в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере, помимо тяжелых вериг носил шапку из железных полос, которая до 20-х гг. XX в. сохранялась близ раки святого в Преображенском соборе монастыря [Романенко 2004].

В Государственном историческом музее в Москве хранится редкая коллекция вериг, верижных крестов и шапок русских юродивых, среди которых, по преданию, и вериги известного московского подвижника Иоанна по прозвищу Большой Колпак. В Житии Иоанна, помимо железных вериг и крестов, упоминаются также тяжелый колпак, кольца и перстни на руках, а также медные кольца “у тайныхъ удъ”, которые юродивый носил для умерщвления плоти:

По нѣкоемъ же времени [...] возложи на тѣло свое кресты с веригами желѣзными, ношаше и на главѣ своей колпакъ великъ и тяжкий, и у рукъ своихъ на перстахъ кольца и перстни мѣдныя [...] и у тайныхъ удъ своихъ кольца мѣдныя ношаше, — тако труждаяся до исхода души своея, въ цѣломудрии и чистотѣ поживе, никогдаже не оскверни тѣла своего. . . [Вяз. Q.7: л. 86об.–87].

Интересно, что большой колпак, давший имя святому, который в ранних редакциях его жития описывался как часть одеяния (“колпак с прочим покрытием тела своего вкупе свален, а не швен”), в поздних вариантах текста трансформировался в “тяжкий” или железный [КАГАН 1992: 356] (ср. [Кузнецов 1910: 479; Недоспасова 1997: 82]). Отмечу в связи с этим, что иконописные подлинники, предписывавшие изображать Иоанна держащим большой колпак в левой руке или “под правой пазухой”,

⁶ Краткое жизнеописание этого подвижника сохранилось в составе жития другого ростовского юродивого — Иоанна Власатого [Мельник 2004].

отмечали вместе с тем, что святой должен быть плешив, со “свившими-ся назад” волосами (“власы свились назад главы”, “власы русы, назад свились”, “власы велики на одном плечи сполстились”, “на тылу власы велики до самых плеч” и т. п.) [МАРКЕЛОВ 1998: 122–123], которые также иногда трактуются как своего рода колпак [ИВАНОВ 2005: 259–260].

В качестве особого аскетического упражнения, свойственного по преимуществу юродивым, можно назвать *истязание плоти горящими углями печи*. Образцом для русских подвижников мог послужить в этом отношении Симеон Эмесский, который, согласно его житию, мог держать в руках угли [ЖИТИЕ СИМЕОНА ЭМЕССКОГО: 153] или, в славянской традиции, — огонь: “. . . паки же в руцѣ огонь носящу” [F.I.686: л. 341].

По наблюдениям А. М. Панченко, этот мотив, находящийся “параллели в скоморошьем репертуаре”⁷, присутствует в жизнеописаниях нескольких подвижников: Исаакия Печерского, Иоанна Устюжского, а также духовного сына протопопы Аввакума — юродивого Федора [ЛИХАЧЕВ, ПАНЧЕНКО 1976: 105–106, 142; ЛИХАЧЕВ, ПАНЧЕНКО, ПОНЬРКО 1984: 82, 118].

Приведу соответствующие фрагменты текстов.

В Слове 36-м “Киево-Печерского патерика” “О преподобнѣмъ Исакии Печерницѣ” читаем:

Въ едину же ночь вжегъ печь в кѣлии, в печерѣ, яко разгорѣся печь, — бѣ бо утла, — и нача пламень исходити горѣ утлизнами, оному же нѣчим скважнии покрыти, и вѣступи босыми ногами на пламень, дондеже изгорѣ печь, и сниде ничимъже вредимъ [КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК: 480].

Примечательно, что тема *печи и огня*, преломленная в символическом контексте, возникает уже во вводной фразе главы об Исакии: “Яко въ огни искушается злато, и челоуѣчи приатни в пеще смирения” [КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК: 474].

В Житии Иоанна Устюжского повествуется о том, как иерей Григорий Долгая Брада, войдя однажды в трапезу, стал свидетелем тайной молитвы блаженного, по сотворении которой праведник “вземъ ожегъ пещный и начать углие равняти изгорѣвшее в пещи студени ради зимняя, належащая тогда. И егда изравнявъ углие горящее, и сотворивъ крестное знамение, и рече: «Знаменася на нас свѣтъ лица Твоего, Господи». И се рекъ, *вльзе в пещь на углие зъло горящее и ляже на огни аки на одръ своемъ*” [ОЛДП Q.769: л. 134об.]. Григория объял страх:

⁷ Исследователь замечает: “В одной из редакций «Моления Даниила Заточника» среди перечня скоморошских игр читаем: «А ин мечется во огонь, показующе крепость сердце своих»” [ЛИХАЧЕВ, ПАНЧЕНКО, ПОНЬРКО 1984: 82–83]. Приведенная цитата воспроизведена по изд. [Слово Даниила Заточника: 71].

И вниде трепеть в кости его: “И помыслихъ в неразумии своемъ, чаяхъ, яко ума цела не имѣеть. И зжалився велми о немъ, и скоро отверзи двери храмины тоя, в нейже святыи пребываше. — И абие святыи молниным шествиемъ изльзе ис печи горящия, и възрѣвъ на мя грозныма очима, и рече ми: «Храни, презвитере, не мози сея тайныя вещи никомуже повѣдати, дондеже есмь в животѣ семъ»” [там же: л. 135].

Обращаясь к тому же сюжету в “Слове похвальном Прокопию и Иоанну Устюжским”, его автор, Семен Шаховской, как и автор Патерика, подчеркивает “невредимость” своего героя, что является общим местом рассказов об истязании огнем: “На углие горящие печи яко на водѣ покойнѣ почиваль еси, и *не прикоснуса огнь многотрудному тѣлеси твоему*” [Погод. 749: л. 184]. Тот же текст с минимальными изменениями включен и в Похвальное слово Иоанну Устюжскому, которое часто читается в сборниках рядом с сочинением Шаховского: “Радуйся, многочудне Иоанне, на углии бо горящемъ яко на водѣ покойнѣ почиваль еси, и *никакоже прикоснуса огнь многострадалному тѣлеси твоему*” [там же: л. 229об.].

Рассказ о сходном аскетическом упражнении юродивого Федора запечатлен в Житии протопопа Аввакума, который описал подвиг своего духовного сына без использования традиционных житийных формул: “Он же, покойник-свет, *в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на полу* и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись” [Житие протопопа Аввакума: 93].

Перечень юродивых, подвергавших свое тело испытанию огнем, может быть расширен. Так, по свидетельству “Истории об отцах и страдальцах Соловецких” Семена Денисова, юродивый Гурий, живший в монастырской пекарне, подобно Федору, входил в пышущую жаром “хлѣбопекарную печь” после извлечения из нее хлебов, но, в отличие от духовного сына Аввакума, не юродствовал там (поедание хлебных крошек сидя “голым гузном” на полу горячей печи), а клал поклоны и совершал молитвы:

Гурий, блаженный инокъ, иже благоюродствомъ жития великих чюдодѣяний изводитель показася, иже в хлѣбницѣ жителствуя, *и в хлѣбопекарную печь по извлачени хлѣбовъ в нестерпимый зной вхождаше и, устье затворивъ печи, яко в прохладѣ нъкоемъ стояше, поклоны и молитвы Богови принося* [СЕМЕН ДЕНИСОВ 2002: 40; ИВАНОВ 2005: 309].

Иоанникий Галятковский в своем сборнике сказаний о Елецкой иконе Божией Матери (“Скарбница потребная”, Новгород-Северский, 1676) упоминает о жившем в XVII в. в Чернигове юродивом Иоанне, который раздавал нищим всю получаемую им милостыню, был наделен от Бога пророческим даром, а также способностью стоять босыми ногами на огне:

... быть въ Чернѣговѣ [. . .] едень человекъ на имя Иоанъ, который для Христа глупымъ ся чинил [. . .]. Для того за молитвами Пресвятой Богородици такую ласку от Бога одержалъ, же босыми ногами на огнь стоялъ, еднѣкъ огонь его ногъ бынамнѣ не спалилъ и не образилъ (цит. по: [Галятовский 1985: 360]; см. также: [Иванов 1994: 142; Тарасенко 2013: 276]).

Об Иоанне Самсоновиче Сольвычегодском говорится, что блаженный, укладываясь спать на печи, *“множицею и в самом дыму лежаше и тако мучи себя Христа ради”* [Власов 2011: 346].

Особый отголосок мотива искушения огнем можно видеть в вошедшей в состав “Степенной книги” Повести “О страшныхъ и сугубѣйшихъ пожарѣхъ и блаженномъ Василии Уродивомъ”⁸: здесь в повествовании об обрушившихся на Москву в 1547 г. пожарах, один из которых был предсказан Василием Блаженным, говорится о “неврежении” святого огнем: “Онъ же [. . .] о телеси нерадяше, его же ни огонь, ни мразъ не врежаше. [. . .] Огня же и мраза сильнейши плоть праведнаго сего бяше” [Степенная книга: 635].

Показателен в этом отношении комментарий к одной из икон Василия Блаженного, предложенный немецким исследователем Эрнстом Бенцем⁹. Подпись под черно-белым воспроизведением иконы московского уродивого в его издании звучит так: “Bildnis des heiligen Narren Wassilij Blashenny, der völlig nackt im Feuer steht und eine Christusvision hat (= Изображение святого Василия Блаженного, который абсолютно нагим стоит в огне перед явившимся ему Христом)” [BENZ 1987: илл. 45]¹⁰. Любопытно, что ученый интерпретирует изображение святого на иконе как стоящего среди языков пламени (“im Feuer steht”), между тем как ни одна из известных версий Жития Василия Блаженного не содержит собственно сюжета об испытании огнем (упомянутые эпизоды о пожарах в Москве или Новгороде здесь вряд ли могут приниматься во внимание); изображения же в нижней части иконы, описанные Э. Бенцем как языки пламени, искусствоведы интерпретируют как стилизованные кусты, которые можно видеть и на других иконах Василия Блаженного¹¹.

⁸ Полное заглавие: “О страшныхъ и сугубѣйшихъ пожарѣхъ и блаженномъ Василии Уродивомъ и о явлении Пречистыя Богородицы и о образе ея чюдо и о покаянии людстемъ”; см. изд. [Степенная книга: 635–638].

⁹ Имеется в виду икона Василия Блаженного XVII века, хранящаяся в настоящее время в Государственном Русском музее в С.-Петербурге (шифр хранения: ДРЖ 451).

¹⁰ См. воспроизведение той же иконы в [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 125].

¹¹ Ср. сходное изображение на иконе Максима Московского, воспроизведенной в книге “Смех в Древней Руси” рядом с иконой Василия; см. [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 124]. Благодарю за консультацию по этому вопросу А. С. Преображенского. Подробнее об иконографии Василия Блаженного см. [Преображенский 2004].

Своеобразным свидетельством того, что мотив истязания плоти углями печи является “общим местом” житий юродивых, может, по-видимому, служить присутствие его в рассказе И. А. Бунина “Под серпом и молотом” [Бунин 2003: 346–347]. В главке XIX здесь повествуется о встрече автора с неким монахом, который рассказывает ему о своем монастыре и его основателе, а также о знаменитом юродивом, там погребенном. Этот краткий рассказ содержит многие традиционные мотивы юродских житий: его герой и зимой, и летом ходит босиком, в одной в рубахе, носит на теле пудовую собачью цепь, а кроме того — истязает себя углями печи. Позволим себе привести здесь этот краткий сюжет целиком:

У стен одного из т-ских монастырей встретил монаха из уезда. Он отвязывал от дерева старую лошадь с вытекшим глазом, запряженную в старомодную колымажку, на дрогах, с загнутыми сзади полурессорами. Очень маленького роста, в сером подряснике и черной шляпе; лицо худое, длинное, редькой, в оловянных очках; на грудь спускается по плечам два жгута волос, маслянисто-каштановых, с серебром. Разговорились, я присел к нему в колымажку, и мы выехали за город, поехали по лесной дороге. В пути он стал рассказывать про свой монастырь, про хозяйство, которое там опять понемногу налаживается. Рассказал также про святого, основавшего монастырь, и про знаменитого юродивого, погребенного в монастыре.

Юродивый был “как бы Голиаф”, ходил в одной рубахе, под которой носил целый пуд тяжелой собачьей цепи (до сих пор хранимой в монастырской ризнице). Пришел в монастырь неизвестно откуда, ископал себе поблизости от него, в дремучем ельнике, землянку. Каждый день, услышав монастырский колокол, приходил к монастырской церкви и становился на паперти, — стоял на ней босиком и в одной рубахе, даже зимой, не боясь ни морозов, ни метелей. *После обедни являлся в хлебодарню, залезал в печь и закрывал за собой заслонку, говоря: “В аду еще жарче будет!”*

Как-то раз не пришел. На другой день тоже. Монахи стали тревожиться: не случилось ли чего?

А как нарочно шла сильная метель. Стали бить в колокола. День и ночь, сквозь бурю и снег, в дремучих еловых лесах, в снежном густом бору, гудел колокольный звон — его все не было. Когда стихло, пошли искать по лесам окрест — не нашли и в лесах. А потом пошел как-то на медведя мужик — и видит: лежит юродивый возле своей хижины, окруженный сугробами, но не на снегу, а на весенней зеленой траве, посреди благовонных цветов... [Бунин 2003: 346–347].

Примечательно, что герой рассказа Бунина как бы повторяет жест Гурия Соловецкого: залезая в печь, закрывает за собой заслонку, — юродивый Гурий, войдя после выпечки хлебов в горячую печь, затворяет за собой “устие печи” [Семен Денисов 2002: 40]¹².

¹² Любопытно сопоставить этот аскетический житийный мотив с распространенным у восточнославянских народов ритуалом “перепекания” ребенка: большого младенца для исцеления клали на хлебную лопату и помещали

Мотив испытания огнем, традиционный для житий юродивых, находит параллель в одном из житий преподобных. Речь идет о севернорусском Житии Иродиона Илоезерского¹³, в котором повествуется о том, как некий благочестивый муж Елисей, принеся однажды пищу преподобному Иродиону, нашел его лежащим в печи на раскаленных углях, “яко на мѣстѣ прохладнѣ”. Приведу здесь этот любопытный фрагмент целиком:

По смотрению же Божию в нѣкое время прииде къ преподобному с пищею мужъ нѣкий боголюбивъ, именовъ Елисей. Той стоя внѣ трапезы, молитву творяше, прося от преподобнаго благословения, и не бысть ему отвѣта. Елисей же, постоявъ мало, и паки во второе сотвори молитву, но не бысть гласа, ни послушания. Елисей же и третье сотвори молитву. Преподобный же отнюдь отвѣта не даде. И бысть мужъ той въ размышлении. По семъ Елисей вниде собою въ трапезу, и обзрѣвъ сѣмо и овамо, и нигдѣже видѣ святаго. *И прииде къ печи, и узрѣ преподобнаго въ печи на горящемъ углихъ лежаще, и ужасеся.* Преподобный же, видѣвъ мужа того в скорби суща, изыде скоро ис печи, ничимже вредимъ, и рече ему: “Прости мя, брате, Бога ради!” Мужъ же той во ужасѣ бысть велицѣ и во удивлении, *видя велми разгорѣвшуюся печь, яко едва с нуждею бѣ человеку стояти близъ тоя, како преподобный посредеъ печи, яко на мѣсть прохладнѣ.* И заповѣда святыи Елисею с прещениемъ никомуже повѣдати бывшаго¹⁴.

Примечательно, что в цитированном фрагменте Жития Иродиона и в рассказе об аскетических упражнениях Гурия Соловецкого использованы сходные выражения: святой стоит (лежит) на углях печи “яко на мѣсть прохладнѣ” (Житие Иродиона Илоезерского) или “яко в прохладѣ нѣкоемѣ” (История об отцах и страдальцах соловецких). Поскольку предположить прямое влияние одного текста на другой представляется в данном случае довольно затруднительным, можно, по-видимому, рассматривать эти выражения как имеющие формульную природу.

Интересно отметить также, что и в описанной сцене из Жития Иродиона, и в некоторых из упомянутых житий юродивых истязание огнем рисуется не только как аскетический подвиг святого, но и как житийное чудо: агиограф традиционно говорит о том, что святой остается после испытания “ничимже врежден” (Исаакий Печерский, Иоанн Устюжский, Иродион Илоезерский); Иоанн и Иродион, кроме того, запрещают свидетелям их подвигов рассказывать о них кому бы то ни было, что

в печь, что должно было символизировать его временное возвращение в материнскую утробу, с тем чтобы родиться заново; при этом материнское лоно (в других родственных практиках — дупло дерева, хомут и т. п.) понималось как “иной мир”. См. об этом: [Топорков 1988: 129; Байбурун 1993: 53–54].

¹³ См. о нем: [Лифшиц 2004; 2005А; 2005Б].

¹⁴ Житие цитируется по изд.: [Смирнов 1899]. Ср. тот же эпизод в краткой редакции Жития, сохранившей в этом фрагменте следы записи рассказа от лица участника событий [Лифшиц 2004: 130].

также говорит о восприятии описанной сцены самими героями житий как чуда во свидетельство дарованной им особой милости Божией.

В этом отношении рассмотренный мотив житий юродивых (реже — преподобных) может быть в определенном смысле соотнесен с житиями раннехристианских мучеников, многие из которых, будучи подвергнуты истязанию или казни огнем, оставались Божиим заступлением невредимы. Приведем пример из переводного Жития мучеников Дады, Гаведдая и Каздои (память 29 сентября) [Творогов 2008: 43]: когда персидский царь Сапор (в славянской транскрипции — Саворий) узнает о том, что его любимый сродник Дада, которому он дал во владение одну из областей, верует во Христа и готов умереть за него,

тогда огонь великъ вжегше и во нь въврещи святаго повелѣша. Толико бѣяше огонь разгорилься, яко ужасити видящихъ, привержи святаго Даду, иже воврещи его во огонь. *И яко приближиста ко огню, и сътвори знамение крестное, — и видѣша, яко угаше огонь и вода в мѣсто пламени истекши, удивившася вси о чудесѣ* [Q.I.1406: л. 79об.–80].

В отличие от житий юродивых или преподобных, в которых истязание углями печи является “самоизвольным мученичеством”, принимаемым на себя с целью умерщвления плоти, а “неврежение” огнем трактуется в первую очередь как свидетельство особой стойкости подвижника, и лишь затем — как житийное чудо, в мартириях божественное вмешательство проявляется в сценах огненной казни как спасительное заступничество Христа за своих последователей, а чудо приобретает абсолютный масштаб: огонь превращается в воду, а христианин оказывается неподвержен смерти.

Однако, несмотря на безусловные отличия, родство “огненных” мотивов в житиях мучеников и юродивых в целом несомненно, что подтверждается и на уровне поэтики: использованная Семеном Шаховским в Похвальном слове Прокопию и Иоанну Устюжским формула “яко на водѣ покойнѣ”¹⁵, восходящая к библейской образности (ср. Пс 22:2: “На мѣстѣ злчнѣ, тамо всели мя, *на водѣ покойнѣ* въспита мя”), находит прямую параллель в текстах, посвященных мученикам. Так, в Тропаре Анании, Азарии и Мисаилу — трем отрокам, подвергнутым царем Навуходоносором истязаниям в огненной печи за отказ поклониться его золотому изваянию¹⁶, — читаем: “Велия вѣры исправления, *во источницѣ пламеннѣ* яко на водѣ покойнѣ святии трие отроцы радовахуся. . .” [Кир.-Бел. 292/549: л. 180 библ. паг.]. Думается, использование

¹⁵ “На углие горящие пещи яко на водѣ покойнѣ почиваль еси. . .” [Логод. 749: л. 184]; ср. в Слове похвальном Иоанну Устюжскому: “Радуйся, многочисудне Иоанне, *на угли бо горящемъ* яко на водѣ покойнѣ почиваль еси. . .” [там же: л. 229об.].

¹⁶ См. этот библейский сюжет в Дан 3:1–100.

псаломской цитаты в “огненных сюжетах” объясняется не только прозрачной оппозицией огонь — вода, но и смысловым контекстом 22-го псалма (поющего на 3-й кафизме утрени), первый стих которого может являться обоснованием лежащей в основе обоих сюжетов идеи о неизбежности Божиего заступления: “Господь пасеть мя, и ничтоже мя лишитъ” (Пс 22:1).

Подведем краткие итоги. Многие аскетические мотивы житий юродивых, будучи элементами единой системы агиографической топики, обнаруживают родственную связь с мотивами аскезы житий преподобных (жестокый пост, ношение вериг, претерпевание холода или зноя и др.), а в некоторых случаях — и мучеников (“огненные” мотивы). Вместе с тем, некоторые аскетические практики, описанные в житиях юродивых, характеризуются провокативностью (нагота, сознательное навлечение на себя побоев) или принимают завуалированные формы (скрытый пост) — в соответствии со спецификой “сверхзаконного” подвига юродства Христа ради, важнейшей целью которого было сокрытие добродетелей.

Ориентация на образцы, составляющая один из важнейших элементов поэтики агиографических текстов в целом и житий юродивых в частности, равно как и несомненная историческая преемственность самого подвига юродства Христа ради (вспомним свидетельство Аввакума о поведении его духовного сына — юродивого Федора), объясняются, на наш взгляд, тем обстоятельством, что древнерусские агиографы и их герои следовали важнейшей этической и эстетической установке своего времени — принципу подобия (*imitatio*), который в значительной степени определял как литературные, так и поведенческие стратегии Средневековья.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.
РНБ Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.

Библиография

Источники (рукописи)

Вяз. Q.7

РНБ, Собрание П. П. Вяземского, Q.7, Жития Василия Блаженного и Иоанна Большого Колпака, XVIII в.

Кир.-Бел. 292/549

РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 292/549, Святцы с дополнениями, пер. пол. XVII в.

Муз. 1510

ГИМ, Музейское собрание, № 1510, Сборник житий русских святых, 20–40-е гг. XVIII в.

ОЛДП Q.769

РНБ, Собрание ОЛДП, Q.769, Сборник агиографический, XVIII в.

Погод. 749

РНБ, Собрание М. П. Погодина, № 749, Монографический сборник, посвященный Прокопию и Иоанну Устюжским, кон. XVII в.

Погод. 757

РНБ, Собрание М. П. Погодина, № 757, Житие Симона Юрьевецкого (отдельный список), пер. треть XVIII в.

Тит. 563

РНБ, Собрание А. А. Титова, № 563, Жития Трифона и Прокопия Вятских, XVII–XVIII вв.

Тит. 1434

РНБ, Собрание А. А. Титова, № 1434, Житие Иоанна Власатого и Канон Борису и Глебу, XVII в.

Тит. 2059

РНБ, Собрание А. А. Титова, № 2059, Сборник агиографический, XVIII в.

F.I.686

РНБ, Основное собрание рукописной книги (далее – ОСПК), F.I.686, Четья минея на июль, 1594 г.

Q.I.1216

РНБ, ОСПК, Q.I.1216, Сборник, XVIII–XIX вв.

Q.I.1406

РНБ, ОСПК, Q.I.1406, Сборник, XV–XVI вв.

Источники (издания)

Бунин 2003

Бунин И. А., “Под серпом и молотом: Из записей неизвестного”, в: Он же, *Воспоминания*, Москва, 2003.

Власов 2011

Власов А. Н., *Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII веков: Тексты и исследования*, С.-Петербург, 2011.

Галятювський 1985

Галятювський Іоаникій, *Ключ розуміння*, І. П. Чепіга, вид., Київ, 1985.

Житие Прокопия Устюжского

Житие преподобнаго Прокопия Устюжскаго (= Издание Общества любителей древней письменности, 103), С.-Петербург, 1893.

Житие протопопа Аввакума

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, Москва, 1960.

Житие Симеона Эмесского

“Житие и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского”, в: С. В. Полякова, пер., вступ. ст. и примеч., *Жития византийских юродивых*, С.-Петербург, 1995.

Киево-Печерский патерик

Ольшевская Л. А., изд., коммент., Дмитриев Л. А., пер., коммент., “Киево-Печерский патерик”, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, 4, С.-Петербург, 1997, 296–489.

СЕМЕН ДЕНИСОВ 2002

СЕМЕН ДЕНИСОВ, *История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина*, Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко, изд., Москва, 2002.

Слово Даниила Заточника

Зарубин Н. Н., изд., *Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам*, Ленинград, 1932.

Смирнов 1899

Смирнов П., свящ., “Сказание и повесть о чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего Иродиона чудотворца, Божию благодатию просявшаго в Белозерских пределах, в веси Междоузерье, иже на Иле-озере”, *Новгородские епархиальные ведомости*, 1899, ч. неофиц., 14–15, 882–893.

Степенная книга

“Книга Степенная царского родословия”, в: *Полное собрание русских летописей*, 21/2, С.-Петербург, 1913.

Литература

АЛЕКСИЙ 1913

АЛЕКСИЙ (КУЗНЕЦОВ), иером., *Юродство и столпничество: Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование*, С.-Петербург, 1913 (репринт: Москва, 2000).

АНДРОНИК (ТРУБАЧЕВ) 2001

АНДРОНИК (ТРУБАЧЕВ), “Афанасий [Стахий]”, в: *Православная энциклопедия*, 3, Москва, 2001, 707–708.

БАЙБУРИН 1993

БАЙБУРИН А. К., *Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*, С.-Петербург, 1993.

ИВАНОВ 1994

ИВАНОВ С. А., *Византийское юродство*, Москва, 1994.

— 2005

ИВАНОВ С. А., *Блаженные похабы: Культурная история юродства*, Москва, 2005.

ИОАНН (КОЛОГРИВОВ) 1961

ИОАНН (КОЛОГРИВОВ), иером., *Очерки по истории русской святости*, Брюссель, 1961.

КАГАН 1992

КАГАН М. Д., “Житие Иоанна, Московского юродивого, по прозвищу Большой Колпак”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: XVII век / 1: А–З, С.-Петербург, 1992, 355–359.

КОВАЛЕВСКИЙ 1895

КОВАЛЕВСКИЙ ИОАНН, свящ., *Юродство о Христе или Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви: Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия*, Москва, 1895 (репринт: Москва, 1900; 1902; Scarborough, 1984; Москва, 1992; 2000).

КУЗНЕЦОВ 1910

КУЗНЕЦОВ ИОАНН, прот., *Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование (= Записки Московского Археологического института, 8)*, Москва, 1910.

ЛИФШИЦ 2004

ЛИФШИЦ А. Л., “Преподобный Иродион Илоезерский чудотворец: забытый святой, неизученное житие”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2004, 4 (18), 129–132.

— 2005а

ЛИФШИЦ А. Л., “Об одном виде древнего неблагочестия (фрагмент комментария к Житию преподобного Иродиона Илоезерского)”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2005, 1 (19), 108–110.

— 2005б

ЛиФшиц А. Л., “Житие преподобного Иродиона Илоезерского: Заметки о возникновении Пространной редакции и истории ее бытования в XVII веке”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2005, 2 (20), 85–104.

Лихачев, Панченко 1976

Лихачев Д. С., Панченко А. М., “Смеховой мир” *Древней Руси*, Ленинград, 1976.

Лихачев, Панченко, Понырко 1984

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В., *Смех в Древней Руси*, Ленинград, 1984.

МАРКЕЛОВ 1998

МАРКЕЛОВ Г. В., *Святые Древней Руси. Материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники)*, 2: *Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков: Свод описаний*, С.-Петербург, 1998.

Мельник 2004

Мельник А. Г., “Житие Иоанна Власатого Милостивого Ростовского”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3: *XVII век / 4: Т–Я, Дополнения*, С.-Петербург, 2004, 388–390.

Недоспасова 1997

Недоспасова Т. А., *Русское юродство XI–XVI вв.*, Москва, 1997.

Панченко 1986

Панченко А. М., “Топика и культурная дистанция”, в: *Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения*, Москва, 1986, 236–250.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 2004

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. С., “Василий Блаженный: Иконография”, в: *Православная энциклопедия*, 7, Москва, 2004, 128–131.

РОМАНЕНКО 2004

РОМАНЕНКО Е. В., “Василий Каменский”, в: *Православная энциклопедия*, 7, Москва, 2004, 203.

Руди 2004

Руди Т. Р., “«Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе)”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 211–227.

— 2006

Руди Т. Р., “О топике житий преподобных”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 57, С.-Петербург, 2006, 431–500.

— 2007

Руди Т. Р., “О топике житий юродивых”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2007, 443–484.

— 2011

Руди Т. Р., “Преподобный и юродивый (о житийной топике и типологии святости)”, в: О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев, сост., отв. ред., *Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): Сборник статей, посвященный 45-летию научно-педагогической деятельности Елены Ивановны Дергачевой-Скоп*, Новосибирск, 2011, 497–513.

ТАРАСЕНКО 2013

ТАРАСЕНКО А., сост., *Черниговский Елецкий Свято-Успенский монастырь*, Чернигов, 2013.

Творогов 2008

ТВОРОГОВ О. В., *Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог*, Москва, С.-Петербург, 2008.

ТОПОРКОВ 1988

ТОПОРКОВ А. Л., "Ритуал «перепекания» ребенка у восточных славян", в: *Фольклор: Проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Всесоюзная научно-практическая конференция*, 1, Москва, 1988, 128–130.

ФЕДОТОВ 1931

ФЕДОТОВ Г. П., *Святые Древней Руси*, Париж, 1931 (репринт: Москва, 1990).

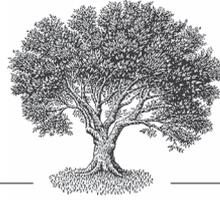
BENZ 1987

BENZ E., *Russische Heiligenlegenden*, Zürich, 1987.

References

- Andronik (Trubachev), "Afanasii [Stakhii]," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 3, Moscow, 2001, 707–708.
- Baiburin A. K., *Ritual v traditsionnoi kul'ture: Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov*, St. Petersburg, 1993.
- Benz E., *Russische Heiligenlegenden*, Zürich, 1987.
- Fedotov G. P., *Sviatyie Drevnei Rusi*, Paris, 1931.
- Ioann (Kologrivov), *Ocherki po istorii russkoi sviatosti*, Brussels, 1961.
- Ivanov S. A., *Vizantiiskoe iurodstvo*, Moscow, 1994.
- Ivanov S. A., *Blazhennye pokhaby: Kul'turnaia istoriia iurodstva*, Moscow, 2005.
- Kagan M. D., "Zhitie Ioanna, Moskovskogo iurodivogo, po prozviščhu Bol'shoi Kolpak," in: *Slovar' kniznikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/1, St. Petersburg, 1992, 355–359.
- Lifshits A. L., "Prepodobnyi Irodion Iloezerskii chudotvoret: zabytyi sviatoi, neizuchennoe zhitie," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2004, 4 (18), 129–132.
- Lifshits A. L., "Ob odnom vide drevnego neblagochestiia (fragment kommentarii k Zhitiiu prepodobnogo Irodiona Iloezerskogo)," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2005, 1 (19), 108–110.
- Lifshits A. L., "Zhitie prepodobnogo Irodiona Iloezerskogo: Zametki o vzniknovenii Prostrannoi redaktsii i istorii ee bytovaniia v XVII veke," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2005, 2 (20), 85–104.
- Likhachev D. S., Panchenko A. M., "Smekhovoi mir" *Drevnei Rusi*, Leningrad, 1976.
- Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V., *Smekh v Drevnei Rusi*, Leningrad, 1984.
- Markelov G. V., *Sviatyie Drevnei Rusi. Materialy po ikonografii (prorisi i perevody, ikonopisnye podlinniki)*, 2: *Sviatyie Drevnei Rusi v ikonopisnykh podlinnikakh XVII–XIX vekov: Svod opisaniu*, St. Petersburg, 1998.
- Melnik A. G., "Zhitie Ioanna Vlasatogo Milostivogo Rostovskogo," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/4, St. Petersburg, 2004, 388–390.
- Nedospasova T. A., *Russkoe iurodstvo XI–XVI vv.*, Moscow, 1997.
- Olshevskaya L. A., Dmitriev L. A., eds., comments., "Kievo-Pecherskii paterik," in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 4, St. Petersburg, 1997, 296–489.
- Panchenko A. M., "Topika i kul'turnaia distantsiia," in: *Istoricheskaia poetika: Itogi i perspektivy izucheniia*, Moscow, 1986, 236–250.
- Poliakova S. V., ed., transl., *Zhitiia vizantiiskikh iurodivykh*, St. Petersburg, 1995.
- Ponyrko N. V., Yukhimenko E. M., eds., *Semen Denisov, Istoriia ob otsakh i stradal'tsakh solovetskikh: Litsevoi spisok iz sobraniia F. F. Mazurina*, Moscow, 2002.
- Preobrazhenskii A. S., "Vasilii Blazhennyi: Ikonografiia," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 7, Moscow, 2004, 128–131.
- Romanenko E. V., "Vasilii Kamenskii," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 7, Moscow, 2004, 203.
- Rudi T. R., "«Iako stolp nepokolebim» (ob odnom agiograficheskom topose)," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 211–227.
- Rudi T. R., "O topike zhitii prepodobnykh," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 57, St. Petersburg, 2006, 431–500.
- Rudi T. R., "O topike zhitii iurodivykh," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2007, 443–484.
- Rudi T. R., "Prepodobnyi i iurodivyi (o zhitii noi topike i tipologii sviatosti)," in: O. N. Fokina, V. N. Alekseev, eds., *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka)*, Novosibirsk, 2011, 497–513.
- Tarascenko A., ed., *Chernigovskii Eletskaia Sviatouspenskii monastyr'*, Chernigov, 2013.
- Toporkov A. L., "Ritual «perepekaniia» rebenka u vostochnykh slavian," in: *Folklor: Problemy sokhraneniia, izucheniia i propagandy. Vsesoiuznaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia*, 1, Moscow, 1988, 128–130.
- Tvorogov O. V., *Perevodnye zhitia v russkoi knizhnosti XI–XV vekov: Katalog*, Moscow, St. Petersburg, 2008.
- Vlasov A. N., *Skazaniia i povesti o mestnochtimykh sviatykh i chudotvornykh ikonakh Vychegodsko-Severodvinskogo kraia XVI–XVIII vekov: Teksty i issledovaniia*, St. Petersburg, 2011.
- Zarubin N. N., ed., *Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiiam XII i XIII vv. i ikh predelkam*, Leningrad, 1932.

Татьяна Робертовна Руди, канд. филол. наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший научный
сотрудник Отдела древнерусской литературы
199034 С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Россия/Russia
tatianarudi@mail.ru

“Поучение к братии
обще живущей”:
к вопросу о
формировании
дисциплинарного
устава на Руси

*The Sermon to the
Coenobitic Monastic
Brotherhood: On the
Formation of the
Monastic Disciplinary
Charter in Rus’*

**Светлана Алексеевна
Семячко**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(С.-Петербург)

Svetlana A. Semiachko

Institute of Russian Literature (Pushkin
House) of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg)

Резюме

Статья посвящена определению источников и сферы влияния “Поучения к братии обще живущей”, памятника уставного характера, имеющего форму игуменского наставления, обращенного к населенникам общежительного монастыря. Среди текстов уставного характера в статье также рассматриваются уставы основателей монастырей, поучения к братии киновий и поучения к новоначальным инокам. Авторы древнерусских дисциплинарных уставов опирались на апостольские и святоотеческие тексты, но не в оригинале, а в переводе. Часто цитаты из этих авторитетных сочинений попадали в уставы через посредство других текстов, как переводных византийских, так и русских. Заимствуя из устава в устав большие фрагменты текста, авторы этих уставов заимствовали и цитаты, сделанные их предшественниками, и всю их систему авторитетов. “Поучение к братии обще живущей” известно в русской рукописной традиции с начала XV в. Среди его источников были обнаружены сочинения Василия Великого, Ефрема Сирина и некоего анонимного автора. Оказав влияние на Устав Корнилия Комельского, “Предание старческое новоначальному иноку” и “Наказание некоего старца”, “Поучение к братии обще живущей” выполнило функцию своеобразного мостика между византийской и русской уставной традицией.

Ключевые слова

монастырский дисциплинарный устав, старческая традиция, заимствование, цитата

Abstract

This article is devoted to the study of sources transmitting the *Sermon to the Coenobitic Monastic Brotherhood* and its spheres of influence. The article determines authentic copies of this text and considers several elements: charters of the founders of several Russian monasteries and lectures to the brotherhood of the coenobitic monasteries and to their new members. Authors of Old Russian disciplinary charters were guided by apostolic and patristic texts; these sources were used not in their original language but in translation. Quotations from these authoritative compositions were often incorporated into charters through other texts, both translated and Russian. In their borrowings, the authors of these charters also used material that had been borrowed by their predecessors, who relied on their own authoritative texts. The *Sermon to the Coenobitic Monastic Brotherhood* is known in the Russian manuscript tradition from the beginning of the 15th century. Among its sources, there are compositions by Basil of Caesarea, Ephrem the Syrian, and a certain anonymous author. The *Sermon* influenced the Charter of Cornelius of Komel and some texts from the *starchestvo* tradition. The *Sermon to the Coenobitic Monastic Brotherhood* functioned as a link, a bridge between the Byzantine and Russian tradition of the monastic disciplinary charter.

Keywords

monastic disciplinary charter, *starchestvo*, Rus', 15th century

Формирование общежительного дисциплинарного устава на Руси в ряде случаев оказалось в зависимости от текста, который в древнейшем своем списке называется “Почуением к братии обще живущей”¹. Охарактеризованный К. И. НЕВОСТРУЕВЫМ [1862: 29] как произведение “очевидно русское”, а Н. И. СЕРЕБРЯНСКИМ [1908: 265] как сочинение “какого-то игумена”, этот текст был отмечен в составе одного из сборников кирилло-белозерского инока Ефросина [КАГАН и др. 1980: 54] и дважды издан². В настоящее время введены в научный оборот 22 списка этого памятника [СЕМЯЧКО 2014: 138–139]³, старейший датируется 10-ми годами XV в. [СЕРГЕЕВ 2010]. Кроме того, известен сокращенный вариант этого произведения, бытовавший как самостоятельно, так и в составе текстов старческой традиции: “Предания старческого новонаначальному

¹ Другие варианты названия см. [СЕМЯЧКО 2014: 141–142].

² К. И. Невоструевым по двум спискам XVI в. (*Син935* (основной текст) и *Син824* (разночтения) [Невоструев 1862: 29–37]) и автором данной статьи по двум спискам XV в. (древнейшему списку *Солов7* и списку инока Ефросина *КБ22/1099* [СЕМЯЧКО 2014: 149–154]).

³ В названной работе была допущена опечатка в шифре списка *ТСЛ806* (вместо этого указан *ТСЛ808*).

иноку"⁴ и "Наказания некоего старца ко своему сыну и чаду духовному и послушнику во всем" [Семячко 2014: 139–141].

Определяя этот текст как русский по происхождению, К. И. Невоструев основывался на его "простоте и наивности, отчасти внешности и указанию на домашний быт" [Невоструев 1862: 29], однако в списке *ТСЛ765* памятник атрибутирован Василию Великому⁵, а в списке *ТСЛ802* — святому Дорофею [Семячко 2014: 141–142]. И если последняя атрибуция пока не поддается объяснению, то приписывание текста Василию Кесарийскому безусловно связано с его источниками, первое место среди которых занимает одно из сочинений Василия Великого. Уже в начале текста автор "Поучения" дает отсылку к нему, фактически прямо его называя, и кратко излагает его содержание, перемежая свой пересказ евангельскими цитатами⁶. Последняя же четверть "Поучения к братии обще живущей"⁷ почти буквально воспроизводит это "Наказание" Василия Великого, "како есть лѣпо быти черньцю", широко распространенное на русской почве с самого раннего времени⁸. В "Поучении братии обще живущей" нашел отражение исконный вариант "Наказания", где наставления адресованы черноризцу, в отличие от переработок, обращенных к человеку вообще [Каталог 2014: 122]. Текст Василия Великого в "Поучении" перебивается лишь дважды: в одном случае новозаветной цитатой⁹, в другом — ремаркой, судя по всему, самого автора, сформулированной по образцу новозаветных высказываний¹⁰.

⁴ Сокращенный вариант "Поучения к братии обще живущей" (нач.: "Писаше Великий Василий. . .") входит в Распространенную редакцию "Предания старческого новоначальному иноку" Соловецкого вида, в составе которой издан по списку *Солов669/727* [Семячко 2008а: 69–71].

⁵ Такую же атрибуцию имел и древнейший список, однако слова "святого Василия Кесарийскаго" в заголовке *Солов7* были стерты еще до того, как список попал в руки иноку Ефросину [Семячко 2014: 142].

⁶ "И писаше бо Василье Великий Кисариский, како есть лѣпо быти черньцю: болѣ всего имѣти безъимѣнное житие, пост — красота образу, молитися прилѣжно въ кѣлициѣ своей, молчаливу быти и несмѣшливу быти. «Горе бо, — рече, — смѣющимся, плакаться имѣ въ вѣкы» (Лк 6:25). Не любити же праздныхъ бесѣд: «о празднѣ бо словѣ, — рече, — възда ти вся въ день судный» (Мф 12:36)" [Солов7: л. 243 об.; Семячко 2014: 150].

⁷ Со слов "Слыши же, брате, и Василья Великаго, глаголюща: лѣпо убо, брате, черньцю не многорѣчиву быти. . ." до слов ". . . О Отци и о Сынѣ и о Святомъ Дусѣ не пытати, но несозданную и единосущную Троицу з дерзновениемъ глаголати" [Солов7: л. 247–48; Семячко 2014: 153–154].

⁸ В Изборник 1076 г. этот текст попал уже в переработанном виде (совпадающую с нашим текстом часть см. [Изборник 1076: 466–472]). О греческом оригинале, древнейших славянских списках, переработках и изданиях см. [Каталог 2014: 121–122].

⁹ "Гордымъ бо Господь противиться и смиреннымъ же благодать даеть" (1 Пет 5:5).

¹⁰ "Рукодѣлници бо наслѣдять Царство Небесное, а празднѣ чернець — пища дьяволу" [Солов7: л. 247–247 об.; Семячко 2014: 154].

Объем заимствования из текста Василия Великого и неоднократное упоминание его имени в “Поучении братии обще живущей” во многом объясняет атрибуцию “Поучения” этому автору в списках древнейшей группы¹¹. И в то же время характер ссылок на Василия Великого делает очевидным и то, почему эта атрибуция была снята. Автор нигде не “присваивает” себе текст Василия Великого, всякий раз заимствование оформляется с помощью прямой отсылки к источнику.

В этом отношении любопытна последняя фраза “Поучения”, которая в старейшем списке выглядит так: “Се же ти, брате мой, явлю великаго Василия заповѣди съ” [Солов7: л. 248; Семячко 2014: 154]. Будущее время (“явлю”) предполагает некое продолжение повествования. И действительно, в сборнике Солов7 далее идет текст, начинающийся словами “Чернескаго [так! — С. С.] устава житие: инокъ — ума блюдение. . .” [Солов7: л. 248]. В русской рукописной традиции этот текст бытовал и как анонимный, и как приписанный Василию Великому. Например, в одном из его старейших списков — Чуд4: “Сия правила святаго Великаго Василия заповедь мнишьскаго жития уным чернцем в кельи” [Каталог 2014: 269]. Вероятно, этот текст¹² должен был войти в состав “Поучения”, но он так явно был выделен как текст “чужой”, что в рукописной традиции он в рамках “Поучения” не закрепился, а будущее время стало превращаться в настоящее (“Се же ти, брате, явлю Великаго Василья заповѣди: высочайших себе не ищи, глубочайших тебе не пытай, яже повелѣная ти, сия разумѣвай” [ТСЛ765: л. 316 об.]) или в прошедшее (“Се же ти, брате мой, явихъ Великаго Василия заповедь о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, емуже слава нынѣ и присно” [ТСЛ626: л. 564; аналогично Тихан371 и F.I.690]).

Интересно, что в Следованной псалтири F.I.738, в части, датированной 70–80 гг. XV в., этот атрибутируемый Василию Великому текст помещен под заголовком “И се же ти, брате мой, явлю Великаго Василиа заповѣдь, како лѣпо есть быти иноком” [F.I.738: л. 318–319; Гордиенко и др. 2011: 98]. Но “Поучения к братии обще живущей” в F.I.738

¹¹ О группах списков “Поучения к братии обще живущей” см.: [Семячко 2014: 141–142].

¹² Впрочем, в ТСЛ784, ТСЛ 802 и ТСЛ806 за последней фразой “Поучения” с многообещающим “явлю” следует другой текст Василия Великого — Правила о епитимьях [Каталог 2014: 123]: “Ижи здравъ тѣлом чернець, а лѣнится на молитву. . .” [ТСЛ802: л. 134 об.], ср.: [ТСЛ 784: л. 243 об.; ТСЛ806: л. 297 об.]. Причем в ТСЛ802 на уровне начала следующего текста на левом поле стоит “Глава 1”, в ТСЛ806 на поле осталась лишь единица, слово “Глава” вписано в строку, а в ТСЛ784 последняя фраза “Поучения” выделена кинovarью и вместе с продолжающими ее словами “Глава 1”, тоже кинovarными, воспринимается как заголовок епитимийных правил Василия Великого.

нет. Это может быть как подтверждением традиции бытования текста с подобным заголовком, так и свидетельством определенной зависимости *F.I.738* от *Солов7*, тем более что одна из частей этой Следованной псалтири, связанная со сборником “Старчество” и включающая в себя “Предание старческое новонаначальному иноку”, своим происхождением непосредственно или опосредованно связана с Кирилло-Белозерским монастырем [там же: 152–160].

Фраза “Но буди бесѣда ваша о постѣ и о молитвѣ, о грѣсѣх, о слезах, о поклонѣх и о ратѣх бѣсовскихъ, о бранехъ, о печалех, о терпѣнии” [*Солов7*: л. 244 об.–245; Семячко 2014: 151] заимствована в “Поучение братии обще живущей” из другого сочинения Василия Великого, в рукописях, как правило, не имеющего специального названия и озаглавленного просто как “Слово. . .” или “Поучение Василия Великаго” (нач.: “Си же к вам, христороубци и овчата стада его. . .”) [Каталог 2014: 127]¹³.

Заимствования из Василия Великого наиболее обширны, однако в “Поучении” есть ссылка и на Ефрема Сирина: “Святый бо Ефрѣмъ рече: ропчай чернецъ исчезновение собѣ творить” [*Солов7*: л. 246 об.; Семячко 2014: 153]. Обращение к трудам сирийского подвижника этим не ограничивается: вслед за святым Ефремом автор “Поучения” перефразирует некоторые цитаты из апостольских посланий. Все они касаются власти игумена.

¹³ Этот текст может и не иметь в рукописи атрибуции Василию Великому, именно в таком виде он опубликован [Невоструев 1862: 25–29]. Зависимость “Поучения братии обще живущей” от этого текста была отмечена еще К. И. Невоструевым [там же: 30]. Он же высказал предположение, что автор “Поучения к братии обще живущей” знал “сказание о чернеческом чине Кирилла туровского и, может быть, послание Симона владимирского Поликарпу” [там же]. Конечно, у нас нет оснований исключать знакомство автора “Поучения” с этими текстами, однако прямых заимствований он отсюда не сделал. Что касается переключек на идейном уровне, то в том случае, когда речь идет о монашеских добродетелях и прегрешениях, эти переключки неизбежны. Использование одних и тех же цитат из Священного Писания — тоже не очень надежный показатель, особенно когда речь идет о таких часто встречающихся цитатах, наподобие “Приидите ко мнѣ вси тружашеися. . .” [*Солов7*: л. 243; Семячко 2014: 150], которая, кстати, присутствует не только у Кирилла Туровского и Симона Владимирского, но и у Василия Великого. В качестве совпадения можно, пожалуй, отметить, что автор “Послания к братии обще живущей” ссылается на историю с Дафаном и Авироном [*Солов7*: л. 244 об.; Семячко 2014: 151], так же, как это делает Кирилл Туровский в “Притче о душе и теле” [Еремин 1956: 344] и в “Сказании об иноческом образе” [там же: 357], но ничто не говорит о том, что он берет эту историю из сочинений Кирилла Туровского, а не из Ветхого Завета (Числ 16: 1–33).

“Поучение к братии обще живущей”	Ефрем Сирий “Слово о покорствѣ игумении и о покаянии”	Чудовский Новый Завет ¹⁴
Противляся игумену Божию повелѣнью противиться [Солов7: л. 244 об.; Семячко 2014: 151].	Тѣмже иже противляется игумену , Божию повелѣнью противляется [ТСЛ126: л. 316].	Якоже противяся власти ¹⁵ Божью повелѣнью противится (Рим 13:2) [ЛЕОНТИЙ 1892: л. 105 об.] ¹⁶ .
И апостолъ поучаетъ, глаголя: “Покаряйтесь игуменомъ вашимъ, ти бо бдятъ о душахъ ваших, слово бо имъ вздати въ день судный за послушливья” [Солов7: л. 244 об.; Семячко 2014: 151].	Покаряйтесь игуменом вашим и повинуйтесь [ТСЛ126: л. 316] ¹⁷ .	Повинуйтесь игуменомъ ¹⁸ вашим и покаряйтесь, ти бо бдят о душахъ ваших, яко слово отдати хотяще (Евр 13:17) [ЛЕОНТИЙ 1892: л. 148 об.]

¹⁴ Для сопоставления избран текст Чудовского Нового Завета (3-я редакция, по классификации Г. А. Воскресенского [1892: 181–186]), поскольку на данный момент лишь в нем в одном из указанных фрагментов упомянуты игумены. Разночтения других вариантов и отдельных рукописей, принципиальные для данного сопоставления, оговариваются особо. Ссылки даны на классификацию Г. А. Воскресенского, поскольку более поздние и более развернутые системы из шести редакций [Пентковская 2003: 19–20] относятся к евангельскому тексту.

¹⁵ В других трех редакциях рукописного славянского Апостола, выделенных Г. А. Воскресенским, речь идет о противлении “владычеству” / “власти” / “властелемъ” (1-я ред.), “властелемъ” (2-я ред.), “власти” (4-я ред.) [Воскресенский 1892: 188–189]. Чтение “игумену” в рукописях Апостола исследователем не отмечено. Это вполне соответствует греческой традиции, устойчиво дающей, как показывает критическое издание Нового Завета, в данном случае чтение τῆ ἐξουσίᾳ [NESTLE-ALAND 1990: 432].

¹⁶ Утраченная ныне рукопись XIV в. [Алексеев 1999: 191–195] не имела разбивки на главы и стихи, зачала отмечены эпизодически и, возможно, значительно позже основного текста. Лекционная разметка рукописи описана в: [Пентковская 2003: 42–43].

¹⁷ У Ефрема Сирина эта цитата встречается не единожды. См., например, случай, еще более близкий к “Поучению братии обще живущей”, — фрагмент из 13-го наказания Паренесиса, в списке ТСЛ126 не имеющего специального названия, а в ТСЛ127 озаглавленного как Слово “о томъ, како подобаетъ наставляти новоначального мниха”: “Глаголет бо апостолъ: «Повинуйтесь игуменомъ вашимъ и покаряйтесь, то бо бдятъ о душахъ ваших, яко слово вздати хотяще»” [ТСЛ126: л. 20 об.–21].

¹⁸ В получившей на Руси преимущественное распространение четвертой, по классификации Г. А. Воскресенского, редакции Апостола читается “наставникомъ”, как в варианте апракос [МДА6: л. 358 об.; ТСЛ81: л. 340 об.], так и в четвѣм варианте [МДА4: л. 304; МДА5: л. 434 об.; МДА7: л. 232 об.; ТСЛ71: л. 409 об.; ТСЛ72: л. 398 об.; ТСЛ73: л. 408; ТСЛ74: л. 254; ТСЛ75: л. 399; ТСЛ76: л. 312; ТСЛ78: л. 412] (о принадлежности четвертой редакции указанных списков см. [Воскресенский 1892: 42–44]). В Апостоле-апракос ТСЛ82, отнесенном

В обоих случаях, когда в “Поучении братии обще живущей” апостольский текст привлекается для придания авторитетности положению о власти игумена, эти цитаты совпадают с соответствующими цитатами в переводе сочинений Ефрема Сирина. При этом нет ни одной редакции перевода апостольских посланий, в которой бы в двух этих случаях речь шла об игуменах. Было бы странным предполагать, что в первом случае автор “Поучения” заимствует цитату через посредство Ефрема Сирина, а во втором обращается непосредственно к Апостолу, причем в его распоряжении оказывается редакция, чрезвычайно мало распространенная¹⁹. Хотя для заимствования апостольского текста вовсе не обязательно обращение к книге. Первый из приведенных выше фрагментов входит в зачало 111, читающееся на службе субботы восьмой седмицы. Второй фрагмент открывает собой зачало 335, являющееся непременным атрибутом большинства святительских служб (в частности, служб Николаю Мирликийскому) и служб таким почитаемым в среде монашества преподобным, как Антоний Великий и Евфимий Великий. Однако и в церковной службе апостольский текст фигурирует не в редакции Чудовского Нового Завета. Так что остается думать, что заимствует автор “Поучения” эти фрагменты не из Апостола и не из богослужебных последований, а из сочинений Ефрема Сирина, вслед за ним применяя апостольский текст к дисциплинарному уставу.

В “Поучении к братии обще живущей” есть и заимствования, не обозначенные как цитаты. Они наиболее трудны для выявления и, очевидно, обнаружены далеко не все. Так, во фрагменте, где речь идет о беседах с игуменом, говорится: “*Ты же послушай словесъ его, не дай же ни единому пасти на землю словеси его, и приимъ утѣшение, идеши въ кѣлию свою*” [Солов7: л. 245 об.; Семячко 2014: 152]. Выделенные слова восходят к тексту, известному в русской рукописной традиции под названием “Слово некоего отца к сыну своему, словеса душеполезная”,

Г. А. Воскресенским ко второй редакции, в данном фрагменте (обозначенном, правда, как фрагмент из Послания “къ галатамъ”) читается “старѣйшинам” [л. 238]. Хотя греческая традиция Апостола в данном случае дает чтение *τοῖς ἡγουμένοις* [NESTLE-ALAND 1990: 586; Пентковская 2003: 43], трудно представить себе точечное обращение автора Поучения к греческому тексту или к Чудовскому Новому Завету. Гораздо более вероятно, что и в этом случае источником Поучения был текст Ефрема Сирина в русском переводе. О вариантах перевода греческого *ἡγούμενος* в ранний период см.: [Пичхадзе 2011: 293–294].

¹⁹ В части Апостола эта редакция до сих пор рассматривается исследователями лишь в двух списках – сохраненной в фотокопии рукописи Чудовского Нового Завета и *Погод27* [Воскресенский 1904; Пентковская 2003: 21]. Если бы удалось доказать обращение автора “Поучения” к апостольскому тексту в редакции Чудовского Нового Завета, то, учитывая столь малую распространенность этой редакции, пришлось бы локализовать происхождение “Поучения” в Чудовом монастыре. В этом нет ничего невероятного, но на данном этапе это совершенно недоказуемо.

вошедшему в Изборник 1076 г. (выделенный текст см. в: [Изборник 1076: 185]) и уже в ранний период имевшему определенную рукописную традицию [Каталог 2014: 276]²⁰.

Общий объем заимствований, если учитывать и все цитаты из Священного Писания, составит приблизительно треть текста “Поучения к братии обще живущей”. Оставшиеся две трети — наставления, касающиеся общих правил поведения, содержания кельи, отношений со старцем, с игуменом, с другими братьями.

“Поучение к братии обще живущей” стало своеобразным мостиком между уставной традицией Василия Великого и дисциплинарными уставами некоторых русских монастырей. В частности, оно было использовано в Уставе преподобного Корнилия Комельского:

Устав Корнилия Комельского	“Поучение к братии обще живущей”	Слово Василия Великого
Наипаче же внегда будем нѣгде внѣ монастыря и близ мирских человек, блюстися ничтоже при них не глаголати ни монастырских и братних вещей износити. Да не похулено будеть чернеческое житие и съблзняются мирская чадь. Но о сем едином да будут словеса наша, о немже изыдохом от мира: о трѣпѣнии, о подвизѣ, о смиреннии, о жизни духовней, о ратѣхъ бесовскихъ, о надѣжди жизни вѣчныя, о бесконечнѣй муцѣ грѣшным . . . [СЕРГЕЕВ 2001: 240]	И блюдиися мирскихъ чловѣкъ, ничтоже с ними не бесѣдуй, да не похулено ти будеть житие чернества, но з братомъ не глаголи монастырскихъ вещи пред мирскими чловѣки, да не соблазниться мирская чадь. [Солов7: л. 246 об.; Семячко 2014: 153]	
	Но буди бесѣда ваша о постѣ и о молитвѣ, о грѣсѣхъ, о слезахъ, о покло-нѣхъ и о ратѣхъ бѣсовскихъ, о бранехъ, о печалехъ, о терпѣнии. [Солов7: л. 244 об.–245; Семячко 2014: 151]	Но о томъ да бесѣдуете, въ неже звани бысте, о терпѣнии, о подвизѣхъ духовныхъ, и о смиреннии, и о жизни духовнѣй, о ратѣхъ бѣсовскихъ. [НЕВОСТРУЕВ 1862: 26]

Из “Поучения братии обще живущей” в Устав Корнилия Комельского был заимствован фрагмент, часть которого в “Поучение” попала из Слова Василия Великого. Интересно, что Устав преподобного Корнилия в отдельных чтениях обнаруживает большую близость к Слову Василия Великого, нежели к “Поучению к братии обще живущей”. Либо Корнилий Комельский хорошо знал текст Василия Великого и

²⁰ Выделенные слова встречаются и в других памятниках, см., например, Житие Александра Ошевенского: “И учителя своего во семь послушаше и чтыше, ни в чьмъ николиже прслушаше его, но въ сладость глаголь его послушаше. И не дасть же ни единому словеси его пасти на землю. . .” [Пигин 2016].

скорректировал по первоисточнику заимствованный из “Поучения” фрагмент, либо в его распоряжении был неизвестный нам список “Поучения”, соответствующим образом передающий заимствованную из Василия Великого фразу.

“Поучение к братии обще живущей” следует добавить к тому перечню источников Устава Корнилия Комельского, который был установлен предшествующими исследователями, а именно, к Уставам Нила Сорского и Иосифа Волоцкого²¹. Очевидно, что вместе с заимствованиями из этих Уставов в Устав преподобного Корнилия заимствовались и ссылки на авторитеты, в первую очередь, на Василия Великого. Точно так же и цитата из Ефрема Сирина (“Святыи бо Ефрѣм рече: «Ропщай чернецъ исчезновение себѣ творит»» [СЕРГЕЕВ 2001: 239]) попала в Корнилиев Устав, по всей вероятности, не из первоисточника, а через посредство “Поучения к братии обще живущей”, и уже к ней были приписаны другие высказывания святого Ефрема.

Эту же фразу, но уже без ссылки на Ефрема Сирина, мы встретим и в Житии Геннадия Костромского и Любимоградского (“Ропщай чернецъ исчезновение себѣ творит” [ТСЛ673: л. 323 об.]), в той его части, которая называется “Наказание и поучение преподобного отца нашего аввы Геннадия къ братии и людем” и представляет собой краткое изложение дисциплинарного устава Геннадиева монастыря. Сформулированные здесь уставные требования всецело основаны на Уставе Корнилия Комельского, и это неудивительно, учитывая тот факт, что преподобный Геннадий был постриженником Корнилия Комельского и провел с ним вместе немалое время. Однако, декларируя зависимость своего устава от устава своего наставника, преподобный Геннадий (или автор его Жития игумен Алексей?²²) делает любопытную оговорку: “. . . Да будет

²¹ Наиболее полно и всесторонне этот вопрос был рассмотрен в последних работах на эту тему: [Лурье 1972; Понырко 1988; СЕРГЕЕВ 1997].

²² Вопрос о принадлежности тому или иному святому поучений, помещенных в его Житии, требует всякий раз особого рассмотрения. С одной стороны, предсмертное поучение главы монастыря своей пастве — элемент сугубо этикетный, часто реализуемый в житии с помощью определенного набора топов [Руди 2006: 491]. С другой стороны, в поучениях основателей монастырей порой оказываются зафиксированными элементы устава этих монастырей. Что касается Геннадия Костромского, бывшего, по свидетельству его Жития, неграмотным, речь не может идти о написанном им тексте, несмотря на начало “Наказания и поучения”, имеющего некоторые признаки письменного послания (определение адресата: “Великия лавры Живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородицы Ипакция обители о Христе брату и присному сыну, словесных овецъ пастырю игумену Васиану; тако же Спасовы обители наша паствы строителю Иосифу и всѣму еже о Христѣ братству нашему” [ТСЛ673: л. 322 об.]). Вопрос заключается в том, воспользовался ли автор Жития каким-то прижизненным посланием Геннадия (продиктованным им), или составил “Наказание и поучение” как необходимый компонент жития, описав при этом уставные нормы, существовавшие в монастыре.

житие ваше по преданию, како нам написал отец наш Корнилие по преданию святых отецъ, прочее же и здѣ во обители нашего смирения обретается, како жити чернцемъ. . .” [ТСЛ673: л. 323]. Под упоминаемым здесь “прочим”, неким текстом (или текстами) о том, “како жити чернцемъ”, может подразумеваться и “Наказание” Василия Великого “како есть лѣпо быти чернецу”, и “Поучение к братии обще живущей”, основанное на этом “Наказании”.

Фраза о ропщущем чернеце была вставлена и в один из более чем пятидесяти списков “Предания старческого новонаначальному иноку”, читающийся в составе Следованной псалтири XVI в. *Унд52* [л. 365 об.]: “А не мози ни о чем побранити, ни пороптати. *Занеже, брате, по глаголющему, «ропщай чернецъ исчезновение себѣ творит»*” (выделенные слова являются вставкой). Проследить путь, какой прошла эта цитата, прежде чем попала в “Предание старческое”, практически невозможно. Совершенно очевидно, что она не была заимствована из первоисточника. Ссылка на Ефрема Сирина уже потеряна, но фраза по-прежнему связывается с уставной практикой.

Особый интерес представляет вопрос о влиянии “Поучения братии обще живущей” на старческую традицию, т. е. на традицию наставления новонаначального монаха. Старческие поучения самым тесным образом связаны с монастырским уставом, поскольку по большей части как раз и посвящены изложению этого устава новопостриженному иноку²³. В упомянутые выше тексты старческой традиции (“Предание старческое” и “Наказание некоего старца”) был вставлен, целиком или почти целиком, краткий вариант “Поучения” вместе с заимствованиями из Василия

С архимандрита Филарета (Гумилевского) идет традиция приписывать Геннадию Костромскому еще один уставной текст – “Поучение святых отец новопостриженным инокам” [Филарет 1882: 105–107], что было оспорено Т. В. Буланиной [1988: 147]. Исследовательница не привела при этом никаких аргументов, сославшись лишь на издание поучения по списку XVI в. [Невоструев 1862: 57–75]. Действительно, приписанное Геннадию Костромскому поучение является фрагментом “Предания старческого новонаначальному иноку, како подобает жити у старца в послушании”. В настоящее время об этом тексте известно достаточно много. Вопрос, как и когда этот текст попал в Житие Геннадия Костромского и Любимоградского, заслуживает особого рассмотрения. Сейчас скажу лишь, что “Предание старческое” было создано задолго до преподобного Геннадия, его наиболее ранний, но отнюдь не первоначальный список датируется 60-ми гг. XV в. [Семячко 2014: 125–137, 148–149], сам же памятник отражает совсем другую уставную традицию [она же 2009].

²³ Нельзя не отметить любопытный факт, что “Наказание” Василия Великого “како есть лѣпо быти чернецу”, послужившее источником “Поучения братии обще живущей”, однажды было целиком преобразовано в старческое поучение, будучи озаглавленным как “Наказание новонаначальному мниху от своего старца” [ТСЛ658: л. 9–12], при этом ни в заголовке, ни в тексте никаких ссылок на Василия Великого не осталось.

Великого и Ефрема Сирина²⁴. Характер взаимодействия “Поучения к братии обще живущей” со старческими наставлениями позволяет нам в какой-то степени локализовать отдельные этапы истории текста “Поучения”.

Среди списков “Поучения братии обще живущей” явно выделяются несколько локальных групп, связанных с отдельными монастырями: троицкая, кирилловская, волоколамская, соловецкая. Очевидно, что “Поучение” возникло не в Соловецком и не в Иосифо-Волоколамском монастырях, поскольку оно существовало еще до их создания. Взаимоотношения “Поучения” со старческими текстами являются косвенным свидетельством того, что и Кириллов монастырь не являлся местом написания “Поучения”.

Краткий вариант “Поучения” вошел в состав “Наказания некоего старца”, читающегося в Основном варианте сборника “Старчество” [Семячко 2008б: 227], который сформировался, скорее всего, в Кирилло-Белозерском монастыре. А “Наказание некоего старца” было написано там же, где был создан Основной вариант “Старчества”, поскольку за пределами этого варианта “Наказание” встречается лишь в старообрядческих “Старчествах”, к этому же Основному варианту восходящих [Семячко 2015]. Это не единственный для Кирилло-Белозерского монастыря пример пересечения “Поучения братии обще живущей” со старческой традицией. В одном из кирилловских списков [Соф1444] “Поучение” приобрело заголовок “Поучение к общей братии и к новопостриженным”, а в другом [Соф1460] ему было предпослано, под отдельным заголовком, предисловие, в качестве которого выступило начало “Предания старческого новоначальному иноку”²⁵. Важно, что при всем этом слияния

²⁴ На основе “Поучения братии обще живущей” был создан еще один текст старческой традиции — так называемое “Предисловие Старчеству”, известное в двух списках: *ТСЛ II 6* [л.1–2] XVII в. и *QLI.1074* [л. 67–68] XVIII в. Это Предисловие представляет собой выборку из “Поучения братии обще живущей” фрагментов общедисциплинарного плана, касающихся отношений со старцем, содержания кельи, общих правил поведения, в том числе и в случаях искушения. В Предисловии обойдены все заимствования из Василия Великого и Ефрема Сирина и та часть Поучения, которая касается отношения к игумену.

²⁵ Такая же, как в *Соф1460*, композиция из двух текстов встречается еще в двух списках: *Тихонр198*, происходящем из Троицкого Дорогожанского монастыря, не обязательно в этом монастыре составленном, но несомненно, некоторое время в нем находившемся [Семячко 2014: 146], и *Волок566* [л. 413–420 об.]. Относительно происхождения *Волок566* некоторые соображения были высказаны А. И. Плигузовым, полагающим, что сборник был составлен “повидимому” в Симоновом монастыре. Эта гипотеза “опирается на тот факт, что сборник соединил в себе волоколамскую и «нестяжательскую» литературные традиции” [Плигузов 2002: 103]. Не решая вопроса о возможности формирования сборника именно в Симоновом монастыре, замечу, что учитывая частичное совпадение состава *Волок566* и *Соф1460*, можно догадываться, откуда происходит “нестяжательская” составляющая волоколамского сборника.

“Предания старческого” и “Поучения к братии обще живущей” в Кирилловом монастыре не произошло, это случилось уже в Соловецком монастыре. В Кирилловом монастыре “Предание старческое” очень четко осознавалось как текст, передающий устав преподобного Кирилла. И неважно, был ли этот текст написан самим Кириллом [Прохоров 2011: 47–56] или наставления Кирилла были записаны кем-то из его учеников [Семячко 2009; 2012], важно иное: “Предание старческое” могло быть дополнено фрагментами патериков или святоотеческих текстов [она же 2010б], но не могло быть слито с текстом, представляющим уставную традицию другого монастыря, какой бы правильной она ни была. Таким образом, “Поучение братии обще живущей” пришло в Кирилло-Белозерский монастырь извне. Однако у нас нет никаких свидетельств, что оно не пришло извне и в Троице-Сергиев монастырь.

Если учесть число списков и самого “Поучения”, и Устава Корнилия Комельского, и названных старческих поучений, можно заключить, что “Поучение братии обще живущей” оказало значительное влияние на русскую уставную практику. Автор “Поучения” не только внедрил в эту практику свои представления о монастырском порядке, но и связал ее через посредство “Наказания” Василия Великого с византийской традицией. Цитируя святоотеческие тексты, он безусловно обращался не к первоисточнику, а исключительно к переводному тексту, тексту, уже прошедшему определенную адаптацию. Включая этот адаптированный текст в свое сочинение, он подверг его еще большей адаптации. И такой как минимум дважды адаптированный текст становится источником для тех, кто делает из него заимствования во вновь создаваемые уставные произведения. Автор “Поучения к братии обще живущей” (а у Н. И. Серебрянского были все основания подозревать, что это был некий игумен) оказывается весьма важным лицом в истории формирования на Руси монастырского дисциплинарного устава. Однако вопрос, что это за игумен, пока что остается открытым.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ	Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.
БАН	Библиотека Академии наук (С.-Петербург), Отдел рукописей.
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей.
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.

Рукописные источники

Волок566

РГБ, ф. 113 (Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 566, 4°, Сборник, сер. – вт. пол. 20-х гг. XVI в.; описание: [Иосиф 1882: 212–217; Плигузов 2002: 103].

КБ22/1099

РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, 8°, Сборник, третья четв. XV в.; описание: [КАГАН и др. 1980: 7–105; ШИБАЕВ 2014: 226–233].

МДА4

РГБ, ф. 173.I (Фундаментальная библиотека Московской духовной академии), № 4, Апостол, посл. четв. XV в., 1°; описание: [ЛЕОНИД 1887, 2: 11–13; УХОВА 1960: 162].

МДА5

РГБ, ф. 173.I (Фундаментальная библиотека Московской духовной академии), № 5, 1°, Апостол, сер. XVI в.; описание: [ЛЕОНИД 1887, 2: 13–14; УХОВА 1960: 163].

МДА6

РГБ, ф. 173.I (Фундаментальная библиотека Московской духовной академии), № 6, 1°, Апостол-апракос, втор. четв. XVI в.; описание: [ЛЕОНИД 1887, 2: 14–15; УХОВА 1960: 165].

МДА7

РГБ, ф. 173.I (Фундаментальная библиотека Московской духовной академии), № 7, 1°, Апостол, XV в.; описание: [ЛЕОНИД 1887, 1: 2–4].

Погод27

РНБ, Собр. М. П. Погодина, № 27, 4°, Апостол, кон. XIV в.; описание: [Рукописные книги 1988: 36–37].

Син824

ГИМ, Синодальное собр., № 824, 4°, Сборник, перв. пол. XVI в.; описание: [ПРОТАСЬЕВА 1970: 77–78].

Син935

ГИМ, Синодальное собр., № 935, 4°, Сборник, XVI в.; описание: [ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1857: 617–629].

Солов7

БАН, Соловецкое собр., № 7, 1°, Сборник, 10-е гг. XV в.; описание: [СЕРГЕЕВ 2010].

Солов669/727

РНБ, Соловецкое собр., № 669/727, 4°, Сборник, посл. четв. XVII в.; описание: [СЕМЯЧКО 2010а: 131, 157–169].

Соф1444

РНБ, Софийское собр., № 1444, 4°, Сборник, перв. пол. XVII в.; описание: [АБРАМОВИЧ 1910: 159–173].

Соф1460

РНБ, Софийское собр., № 1460, 4°, Сборник, XVI в.; описание: [АБРАМОВИЧ 1910: 246–253].

Тихан371

РНБ, Собр. П. Н. Тиханова, № 371, Сборник-конволют, кон. XV–XIX вв.; описание: [СЕМЯЧКО 2014: 139].

Тихонр198

РГБ, ф. 299 (Собр. Н. С. Тихонравова), № 198, 4°, Сборник-конволют, перв. четв. XVI в.; описание: [ГЕОРГИЕВСКИЙ 1913: 30; СЕМЯЧКО 2014: 138].

ТСЛ71

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 71, 1°, Апостол, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 64–67].

ТСЛ72

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 72, 1°, Апостол, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 67–68].

ТСЛ73

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 73, 1°, Апостол, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 68].

ТСЛ74

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 74, 4°, Апостол, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 68].

ТСЛ75

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 75, 4°, Апостол, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 68].

ТСЛ76

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 76, 4°, Апостол, кон. XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 69].

ТСЛ78

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 78, 4°, Апостол, XVII в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 69].

ТСЛ81

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 81, 1°, Апостол-апракос, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 70].

ТСЛ82

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 82, 4°, Апостол-апракос, кон. XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 71].

ТСЛ126

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 126, 4°, Паренесис Ефрема Сирина с дополнениями, кон. XV – нач. XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 93–94].

ТСЛ127

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 127, 1°, Паренесис Ефрема Сирина, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 1: 94].

ТСЛ626

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 626, 4°, Трефолог, XVII в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 2: 207–211].

ТСЛ658

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 658, 4°, Сборник, перв. четв. XVII в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878, 2: 236–237].

ТСЛ673

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 673, 1°, Четья минея на январь Германа Тулупова, 1629 г.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1879, 3: 22–24].

ТСЛ765

РГБ, ф. 304.1 (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 765, 4°, Сборник-конволют, XV–XVI вв.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1879, 3: 175–180].

ТСЛ784

РГБ, ф. 304.I (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 784, 4°, Сборник, XVI в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1879, 3: 206–210].

ТСЛ802

РГБ, ф. 304.I (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 802, 4°, Сборник, XVII в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1879, 3: 243].

ТСЛ806

РГБ, ф. 304.I (Собр. Троице-Сергиевой лавры), № 806, 8°, Сборник, XVII в.; описание: [ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1879, 3: 255–258].

ТСЛ II 6

РГБ, ф. 304.II (Дополнительное собр. библиотеки Троице-Сергиевой лавры), № 6, 4°, Старчество, XVII в.

Унд52

РГБ, ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского), № 52, 1°, Следованная псалтирь, XVI в.; описание: [Ундольский 1870: 72–77].

Чуд4

ГИМ, Чудовское собр., № 4, 1°, Варсонофьевская Кормчая, кон. XIV в.; описание: [ПРОТАСЬЕВА 1980: 6–7].

F.I.690

РНБ, F.I.690, 1°, Сборник, кон. XVI – нач. XVII вв.; описание: [Бычков 1891: 108–110].

F.I.738

РНБ, F.I.738, 1°, Следованная псалтирь, посл. треть XV – перв. четв. XVI в.; полное описание: [Гордиенко и др. 2011].

Q.I.1074

РНБ, Q.I.1074, 4°, Сборник, XVIII в.

Литература и издания

АБРАМОВИЧ 1910

АБРАМОВИЧ Д. И., *Софийская библиотека*, 3, С.-Петербург, 1910.

АЛЕКСЕЕВ 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., *Текстология славянской библии*, С.-Петербург, 1999.

БУЛАНИНА 1988

БУЛАНИНА Т. В., “Геннадий”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, С.-Петербург, 1988, 146–148.

БЫЧКОВ 1891

БЫЧКОВ И. А., *Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова*, 1, С.-Петербург, 1891.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ 1892

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Г., *Послания святого апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями из пятидесяти одной рукописи Апостола XII–XVI в.*, 1: *Послание к римлянам*, Москва, 1892.

— 1904

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Г. А., “Погодинский № 27 Апостол и Чудовская, усвояемая св. Алексею, рукопись Нового Завета”, в: В. И. ЛАМАНСКИЙ, ред., *Статьи по славяноведению*, 1, С.-Петербург, 1904, 1–29.

ГЕОРГИЕВСКИЙ 1913

ГЕОРГИЕВСКИЙ Г. П., *Собрание Н. С. Тихонравова*, 1: *Рукописи*, Москва, 1913.

ГОРДИЕНКО и др. 2011

ГОРДИЕНКО Э. А., СЕМЯЧКО С. А., ШИБАЕВ М. А., *Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738*, С.-Петербург, 2011.

ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1857

ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, 2/3, Москва, 1857.

ЕРЕМИН 1956

ЕРЕМИН И. П., "Литературное наследие Кирилла Туровского", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 12, Москва, Ленинград, 1956, 340–361.

ИЗБОРНИК 1076

МУШИНСКАЯ М. С., МИШИНА Е. А., ГОЛЫШЕНКО В. С., *Изборник 1076 года*, Изд. 2-е, перераб. и доп., А. М. Молдован, ред., 1–2, Москва, 2009.

ИЛАРИЙ, АРСЕНИЙ 1878–1879, 1–3

ИЛАРИЙ, ИЕРОМ., АРСЕНИЙ, ИЕРОМ., *Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, 1–3, Москва, 1878–1879.

ИОСИФ 1882

ИОСИФ, ИЕРОМ., *Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии*, Москва, 1882.

КАГАН и др. 1980

КАГАН М. Д., ПОНЬРКО Н. В., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., "Описание сборников XV в. книгописца Ефросина", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 35, Ленинград, 1980, 3–300.

КАТАЛОГ 2014

Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги), С.-Петербург, 2014.

ЛЕОНИД 1887

ЛЕОНИД, АРХИМ., *Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии)*, 1–2, Москва, 1887.

ЛЕОНТИЙ 1892

ЛЕОНТИЙ (ЛЕБЕДИНСКИЙ), МИТР., *Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси: Фототипическое издание*, Москва, 1892.

ЛУРЬЕ 1972

ЛУРЬЕ Я. С., "Устав Корнилия Комельского в сборнике первой половины XVI в.", в: *Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома*, Ленинград, 1972, 253–260.

НЕВОСТРУЕВ 1862

[НЕВОСТРУЕВ К. И.] *Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни*, Харьков, 1862.

ПЕНТКОВСКАЯ 2003

ПЕНТКОВСКАЯ Т. В., "Чудовская редакция Нового Завета и ее взаимоотношение с другими редакциями", *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, 27/3, 2003, 18–46.

ПИГИН 2016

ПИГИН А. В., "Пространная редакция Жития Александра Ошевенского", в: *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*, 3, С.-Петербург, 2016 (в печати).

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект*, Москва, 2011.

Плигузов 2002

Плигузов А. И., *Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия*, Москва, 2002.

Понырко 1988

Понырко Н. В., "Корнилий Комельский", в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, С.-Петербург, 1988, 485–490.

Протасьева 1970

Протасьева Т. Н., *Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)*, 1, Москва, 1970.

— 1980

Протасьева Т. Н., *Описание рукописей Чудовского собрания*, Новосибирск, 1980.

Прохоров 2011

Прохоров Г. М., *Преподобный Кирилл Белозерский*, С.-Петербург, 2011.

Руди 2006

Руди Т. Р., "О композиции и топике житий преподобных", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 57, С.-Петербург, 2006, 431–500.

Рукописные книги 1988

Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог, 1, Ленинград, 1988.

Семячко 2008а

Семячко С. А., "История текста «Предания старческого новонаначальному иноку» и ранняя история сборника «Старчество»", в: *Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь*, С.-Петербург, 2008, 25–71.

— 2008б

Семячко С. А., "Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре", в: *Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь*, С.-Петербург, 2008, 211–296.

— 2009

Семячко С. А., "Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 60, С.-Петербург, 2009, 450–459.

— 2010а

Семячко С. А., "Сборник «Старчество» в Соловецком монастыре", в: *Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря*, С.-Петербург, 2010, 123–169.

— 2010б

Семячко С. А., "Патерик, Старчество и «Старчество»", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 61, С.-Петербург, 2010, 489–512.

— 2012

Семячко С. А., "Был ли Кирилл Белозерский автором «Предания старческого новонаначальному иноку»? (Из наблюдений над сборником РНБ, собр. Погодина, № 874)", в: *Очерки феодальной России*, 15, Москва, С.-Петербург, 2012, 3–25.

— 2014

Семячко С. А., "Тексты старческой традиции в списках инока Ефросина", в: *Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря*, С.-Петербург, 2014, 124–154.

— 2015

Семячко С. А., "Сборник «Старчество» в старообрядческой среде", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 64, С.-Петербург, 2015 (в печати).

СЕРГЕЕВ 1997

СЕРГЕЕВ А. Г., “К вопросу об источниках Устава св. Корнилия Комельского”, в: *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Сборник статей в честь В. К. Зиборова*, С.-Петербург, 1997, 67–77.

——— 2001

СЕРГЕЕВ А. Г., “Рукописная традиция Устава св. Корнилия Комельского”, в: *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность*, 4, С.-Петербург, 2001..221–245.

——— 2010

СЕРГЕЕВ А. Г., “«Лавсаик» Зосимы Соловецкого (палеографический очерк)”, в: *Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря*, С.-Петербург, 2010, 3–13.

СЕРЕБРЯНСКИЙ 1908

СЕРЕБРЯНСКИЙ Н., *Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества*, Москва, 1908.

Ундольский 1870

Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по 579-й, Москва, 1870.

Ухова 1960

Ухова Т. Б., “Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии”, в: *Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей*, 22, Москва, 1960.

ФИЛАРЕТ 1882

ФИЛАРЕТ, АРХИЕП. ЧЕРНИГОВСКИЙ, *Русские святые, чтимые всею церковью или местно: Январь–апрель*, 3-е изд., С.-Петербург, 1882.

ШИБАЕВ 2014

ШИБАЕВ М. А., *Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодикологическое исследование*, Москва, С.-Петербург, 2014.

NESTLE-ALAND 1990

NESTLE E., ALAND K., eds., *Novum Testamentum Graece*, 11. Druck, Stuttgart, 1990.

References

Alekseev A. A., *Tekstologija slavianskoi biblii*, St. Petersburg, 1999.

Bulanina T. V., “Gennadii,” in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, St. Petersburg, 1988, 146–148.

Eremin I. P., “Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 12, Moscow, Leningrad, 1956, 340–361.

Golyshenko V. S., Mishina E. A., Moldovan A. M., Mushinskaya M. S., eds., *Izbornik 1076 goda*, 2nd edition, 1–2, Moscow, 2009.

Gordienko E. A., Semiachko S. A., Shibaev M. A., *Miniatiura i tekst: K istorii sledovannoi psaltiri iz sobraniia Rossiiskoi natsional'noi biblioteki F.I.738*, St. Petersburg, 2011.

Kagan M. D., Ponyrko N. V., Rozhdestvenskaya M. V., “Opisanie sbornikov XV v. knigopista

Efrosina,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 35, Leningrad, 1980, 3–300.

Lurye Ya. S., “Ustav Kornilii Komel'skogo v sbornike pervoi poloviny XVI v.,” in: *Rukopisnoe nasledie Drevnei Rusi: po materialam Pushkinskogo Doma*, Leningrad, 1972, 253–260.

Nestle E., Aland K., eds., *Novum Testamentum Graece*, 11. Druck, Stuttgart, 1990.

Pentkovskaya T. V., “Chudovskaia redaktsiia Novogo Zaveta i ee vzaimootnoshenie s drugimi redaktsiiami,” *Palaeobulgarica*, 27/3, 2003, 18–46.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: Lingvisticheski aspekt*, Moscow, 2011.

Pigin A. V., “Prostrannaia redaktsiia Zhitia Aleksandra Oshevenskogo,” in: *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii*, 3, St. Petersburg, 2016 (in print).

Pliguzov A. I., *Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletia*, Moscow, 2002.

Ponyrko N. V., "Kornilii Komel'skii," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, St. Petersburg, 1988, 485–490.

Prokhorov G. M., *Prepodobnyi Kirill Belozerskii*, St. Petersburg, 2011.

Protasyeva T. N., *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniia (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)*, 1, Moscow, 1970.

Protasyeva T. N., *Opisanie rukopisei Chudovskogo sobraniia*, Novosibirsk, 1980.

Rudi T. R., "O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 57, St. Petersburg, 2006, 431–500.

Semiachko S. A., "Istoriia teksta «Predaniia starcheskogo novonachal'nomu inoku» i ranniaia istoriia sbornika «Starchestvo»," in: *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi: Kirillo-Belozerskii monastyr'*, St. Petersburg, 2008, 25–71.

Semiachko S. A., "Sbornik «Starchestvo» v Kirillo-Belozerskom monastyre," in: *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi: Kirillo-Belozerskii monastyr'*, St. Petersburg, 2008, 211–296.

Semiachko S. A., "Ustav prepodobnogo Kirilla Belozerskogo i ego otrazhenie v pis'mennykh pamiatnikakh," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 60, St. Petersburg, 2009, 450–459.

Semiachko S. A., "Sbornik «Starchestvo» v Solovetskom monastyre," in: *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyria*, St. Petersburg, 2010, 123–169.

Semiachko S. A., "Paterik, Starchestvo i «Starchestvo»," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 61, St. Petersburg, 2010, 489–512.

Semiachko S. A., "Byl li Kirill Belozerskii avtorom «Predaniia starcheskogo novonachal'nomu inoku»? (Iz nabliudenii nad sbornikom RNB, sobr. Pogodina, № 874)," in: *Ocherki feodal'noi Rossii*, 15, Moscow, St. Petersburg, 2012, 3–25.

Semiachko S. A., "Teksty starcheskoi traditsii v spiskakh inoka Efrosina," in: *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi: Knizhniki i rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyria*, St. Petersburg, 2014, 124–154.

Semiachko S. A., "Sbornik «Starchestvo» v staroobriadcheskoi srede," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 64, St. Petersburg, 2015 (in print).

Sergeev A. G., "K voprosu ob istochnikakh Ustava sv. Kornilii Komel'skogo," in: *Opyty po istochnikovedeniiu: Drevnerusskaia knizhnost': Sbornik statei v chest' V. K. Ziborova*, St. Petersburg, 1997, 67–77.

Sergeev A. G., "Rukopisnaia traditsiia Ustava sv. Kornilii Komel'skogo," in: *Opyty po istochnikovedeniiu. Drevnerusskaia knizhnost'*, 4, St. Petersburg, 2001, 221–245.

Sergeev A. G., "«Lavsai» Zosimy Solovetskogo (paleograficheskii ocherk)," in: *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyria*, St. Petersburg, 2010, 3–13.

Shibaev M. A., *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyria XV veka: Istoriko-kodikologicheskoe issledovanie*, Moscow, St. Petersburg, 2014.

Ukhova T. B., "Katalog miniatiur, ornamenta i graviur sobraniia Troitse-Sergievoi lavry i Moskovskoi dukhovnoi akademii," in: *Gosudarstvennaia biblioteka SSSR im. V. I. Lenina. Zapiski otdela rukopisei*, 22, Moscow, 1960.

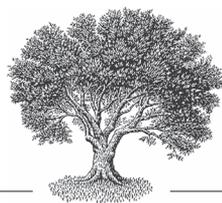
Светлана Алексеевна Семьячко, канд. филол. наук

ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

199034 С.-Петербург, наб. Макарова, 4

Россия/Russia

svetlanasm08@mail.ru

О почитании князя Андрея Васильевича Большого в Угличе и создании его жития

On the Cult of Prince Andrey Bolshoy in Uglich and the Creation of his *Life*

**Елизавета Григорьевна
Сосновцева**

Институт лингвистических исследований
РАН (Санкт-Петербург)

Elizaveta G. Sosnovtseva

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg)

Резюме

В статье рассматривается история местного почитания князя Андрея Васильевича Большого в Угличе, где он княжил в последней трети XV в. В ходе исследования привлекались летописные данные, а также сообщения Угличского летописца XVIII в. Основными источниками сведений о почитании князя Андрея Большого в Угличе являются произведения угличской агиографии, причем наиболее полно данный процесс отражен в поздних пространственных редакциях второй половины XVIII в. Отличительной особенностью этой группы памятников является то, что они переносят из Москвы в Углич ряд ключевых событий последних лет жизни князя Андрея, а именно его арест и погребение. Согласно житиям угличских святых, князь Андрей был погребен в Спасо-Преображенском соборе угличского кремля, а не в Архангельском соборе московского. Традиция почитания князя Андрея впервые получила письменное отражение в житиях других угличских святых, как современников князя (преп. Паисия и Кассиана), так и святых, живших в другое время (князь Роман Угличский и царевич Димитрий). Только затем, на следующем этапе становления рассматриваемой традиции, появилось Житие князя Андрея, известное в настоящее время в единственном списке XVIII в., хранящемся в Государственном историческом музее. В статье показано, каким образом текст жития связан с другими произведениями угличской агиографии.

Ключевые слова

Углич, Андрей Васильевич Большой, житие, редакция, список, церковнославянский язык

Abstract

The article studies the local practice of the cult of Prince Andrey Bolshoy in Uglich, where he ruled during the last third of the 15th century. This work is based on data from the chronicles, especially the Uglich Chronicle of the 18th century; this is the primary source used in this study, and the most detailed information appears in the latest full versions, which date to the second half of the 18th century. These chronicles have “moved” the key biographical events of the last years of Prince Andrey’s life (his arrest and funeral) from Moscow to Uglich, which differs from other historical sources. According to the hagiography of Uglich saints, Prince Andrey was buried in the Transfiguration Cathedral of the Uglich Kremlin, not in the Cathedral of the Archangel in Moscow. The cult of Prince Andrey was mentioned for the first time in hagiographic writings, not only for saints who were contemporaries of Prince Andrey (SS. Paisius and Cassian), but also for saints who lived later (Prince Roman of Uglich and Tsarevich Dmitry of Uglich). It was only later, in the 18th century, that the unique copy of the *Life* of Prince Andrey appeared. This source is now held in the State Historical Museum in Moscow. The article shows how the text of the *Life* is connected with other hagiographic texts relating to Uglich.

Keywords

Uglich, Andrey Bolshoy, hagiography, version, manuscript copy, Church Slavonic

Рукописное наследие г. Углича, древнего верхневолжского города, основанного в 937 г. [Томсинский 2004: 95], состоит из памятников исторического и агиографического содержания. К историческим памятникам относятся несколько вариантов Угличского летописца XVIII в., известного в двух пространных версиях [Томсинский 2004; Сагнук 2005] и в кратком виде. Агиографические памятники включают в себя произведения, посвященные святым Угличского края, создававшиеся и редактировавшиеся на протяжении XVII–XIX вв.

Угличский удельный князь Андрей Васильевич Большой (Горяй), один из пяти сыновей Василия Темного, княжил в Угличе с 1462 по 1491 г., когда был арестован в Москве по приказу своего старшего брата Ивана Васильевича III, и умер в заточении в 1493 г. Основная канва событий, связанных с деятельностью князя Андрея (участие в военных походах разных лет — на Казань в 1469 г., Новгород в 1471, 1477–1478 гг., Тверь в 1485 г., история непростых отношений с великим князем московским) восстанавливается благодаря сообщениям летописей конца XV — XVI вв. Эти проблемы подробно рассматриваются в работах А. А. Зимина [1977], Я. С. Лурье [1994], Ю. Г. Алексеева [1989].

Сопоставление сообщений из разных летописных сводов показывает, что история взаимоотношения двух братьев, Ивана III Васильевича Московского и Андрея Васильевича Большого, в трудах летописцев XVI–XVII вв. с течением времени обретала все новые и новые детали, часть из которых, по-видимому, была связана с устной традицией. Так, под 1479–1480 гг. Софийская II летопись сообщает: “Князь великий слыша много нелюбие подержа на матерь, мнѣвъ, яко та сдума братьѣ его отъ него отступити, понеже князя Ондръя велми любяше” [ПСРЛ 1853: 223]. Другой пример содержится в Архангелогородском летописце, который, согласно мнению Я. С. Лурье [1994: 205–206], во многом подвержен влиянию устных преданий. Этот источник содержит уникальное, подробное и эмоциональное, описание сцены “поимания” князя Андрея:

... И князь Семен Рязоловской со многими князми и бояры приде в западню ко князю Андрею Васильевичу, и ста пред ним слезен, и не моги слова ясно молвити. И рече слово слезен ко князю Андрею: “Государь, князь Андрей Васильевичь, поиман еси богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Руссии, братом твоим старейшим”. И князь Андрей воста и рече: “Волен бог да государь брат мой старейший, князь велики Иван Васильевичь, а суд ми с ним пред богом, что мя неповинно имае”, — на 1 часу дни. И сидел в западне до вечерни. И сведоша его на Казенной двор и приставиша стеречи многих князеи и бояр [ПСРЛ 1982: 97–98].

Таким образом, не только угличан интересовали причины и обстоятельства гибели Андрея Большого. Исторические источники XVI–XVII вв. также включают в повествование дополнительные детали и ищут психологические причины, приведшие к окончательной ссоре братьев и аресту младшего.

Судьба князя Андрея в Угличском летописце XVIII в.

В Угличе ко второй половине XVIII в. сложилась собственная историографическая традиция описания тридцатилетнего княжения Андрея Большого в Угличе и его трагической гибели. Эта тема затрагивается в большинстве произведений угличской письменности. Однако как в Угличском летописце XVIII в., так и в памятниках местной агнографии основное внимание уделяется собственно угличским событиям. Причиной того, что князь Андрей лишился своего удела и погиб в заточении, угличские источники называют властолюбие московского князя и дьявольское наущение. Так, в житии князя Дмитрия Андреевича сказано:

... но искони ненавидяи добра, древле завистникъ, лукавы врагъ, возмущаетъ дя-
дю ихъ роднаго, московскаго князя Ивана, брата благовернаго и христоролюбиваго

князя Андрея Васильевича, отца ихъ, и сверже с престола, княжения углецакого, князь Иванъ Московский брата своего, святого и великаго князя Андрея Васильевича и с его святыми благородными чады Иоанномъ и Димитриемъ Андреевичи, с племянники своими, и возложи на нихъ железа тяжки многи, и въ темницу в Угличе заточи ихъ, со отцемъ ихъ [Увар818: 143].

Источниками, которыми пользовались углечане — историки и агиографы XVIII–XIX вв., — могли быть как общерусские и московские летописи (об этом сообщается во вступлении к краткому и пространному летописцам и в маргиналиях на полях житий углечских преподобных в автографе Григория Дмитриевича Серебренникова [ВязQ-37]), так и местные документы (о создании и украшении церквей и монастырей), а также устные легенды и предания. Ключевой вопрос, связанный с проблемой достоверности некоторых уникальных сведений, обнаруживаемых в местных источниках, заключается в том, велось ли летописание в конце XV в. при дворе Андрея Большого. Некоторые исследователи полагают, что это возможно, исходя из того, что амбиции князя, строившего в Угличе каменные соборы (достоверно известно о создании каменной церкви в Покровском Паисиеве монастыре и каменного Спасо-Преображенского собора в кремле [Денисов 1998]), устраивавшего новые и возрождавшего пришедшие в упадок монашеские обители, приглашавшего московских художников для создания убранства церквей¹, должны были распространяться и на создание собственного летописного свода [Русинов 1996: 26; Горстка 1998; Томсинский 2004: 47–79]. Никаких прямых доказательств существования такого свода до сих пор не обнаружено. Возможно, это связано с тем, что большинство древних Угличских документов погибло в Смутное время, в 1609 и 1613 гг. Так, известно, что созданное до углецкого разорения Житие князя Романа Владимировича было заново написано в XVII в. Вопрос о том, был ли у Угличского летописца второй половины XVIII в. древнейший письменный источник летописного происхождения, не решен.

Угличская рукописная традиция передает историю княжения Андрея Большого в двух основных вариантах. Один из них связан с составленным во второй половине XVIII в. Угличским летописцем, второй — с памятниками местной агиографии, которые также примерно в это время оформляются в цикл житий с относительно постоянным составом. Летописец второй половины XVIII в. известен в кратком и пространном

¹ Предположение Н. К. Голейзовского [2002] о том, что в Угличе во время княжения Андрея Большого работал Дионисий, как кажется, нуждается в дополнительном обосновании, однако московские иконописцы, по-видимому, были приглашены в Углич. Об этом свидетельствует Леонтиевский деисус 80-х гг. XV в., происходящий из Покровского собора Паисиева монастыря [Горстка 2006: кат. 4–9; Денисов 1998].

виде. И. В. Сагнак выделяет два основных вида пространного Угличского летописца: Барсовский (по списку *ГМЗРК, Р-48*) и Музейный (по списку *Муз934*) [Сагнак 2005: 250].

В статье, посвященной княжению Андрея Большого, Угличский летописец, основываясь, по-видимому, на местных источниках, сообщает о каменном строительстве в Угличе этого периода, устройении Покровского монастыря, Кассиановой пустыни, обретении мощей князя Романа Владимировича. О “поимании” князя Андрея в 1491 г. сказано:

... потом же прииде и благоверный князь Андрей Васильевич с Углича с благоверною своею княгинею Еленою в великодержавный град Москву, еже бо умирится с братом своим великим князем о гневѣ его, слышал бо, что великий князь на него в непослании ратныя силы гнев держит велий [. . .] Той же не прият никаких его молений и прошений о мире, но наипаче гневом враждебных кипя, повеле изымати его и с княгинею и посадити их за караул в казенной приказ [*ГМЗРК, Р-48: 41 об.–42*]².

Это сообщение лишь в общих чертах перекликается с известными сообщениями летописей конца XV–XVI вв., которые, невзирая на различия в интерпретации [Лурье 1994: 180–226], все же позволяют восстановить значительные события от начала княжения Андрея Васильевича до 1491 г. [Экземплярский 1891: 414–437; Зимин 1977: 163–165]. Поздний Угличский летописец игнорирует сообщение летописей о кончине княгини Елены Романовны в 1483 г. [ПСРЛ 1921: 202; 2004: 330] и не вполне точно, даже уклончиво, передает причину гнева великого князя:

Прилучися великому князю Ивану Васильевичу Московскому, брату благовернаго князя Андрея, брань с татары. Он же, великий князь, посылая по братии своей, дабы на помощь ему пришли на ту брань с воинскими людьми. И тогда благоверный сей князь Андрей не после приити к нему с ратными людьми на помощь противу татар [*ГМЗРК, Р-48: 41 об.*].

Однако для сохранившихся угличских рукописных исторических источников принципиально именно упоминание о том, что князь Андрей умер и был погребен в Москве, в Архангельском соборе. Группа местных агиографических памятников передает эти события по-другому. По версии Музейного летописца [*Муз934*], составленного Г. Д. Серебrenниковым, князь Андрей и княгиня Елена были арестованы в Угличе, а затем отправлены в Москву:

В которое же время брат родный сего благовернаго князя Андрея Васильевича Углическаго великий князь Московский Иоанн Васильевич за укушение собрании во-

² Здесь и далее цит. по: [Царе-Углический летописец 2013].

инских людѣй и за малонеуспѣшство, извѣтом, аки бы к бранному времѣни гражданскаго удержания, несвободности ради той же, *поймал его во граде Угличѣ властною рукою и за приставы посадив [. . .] Самого ж благовернаго и христолюбиваго князя Андрея Васильевича, брата своего, и со княгинюю его благоверною Елѣною, сведе с княжения их Углическаго за караул в великодержавный град Москву в ничтожное соблюдѣние, и в Приказ Судебных дѣл обоих за приставы и сторожа, позаключив, спосади, и весьма твердо стрещи его, яко осужденника, соблюдателѣм предаде [Муз934: 75 об.–76].*

Большинство летописей сообщают о том, что сразу после “поимания” князя Андрея в Москве в Углич были посланы бояре и дети боярские, которые должны были арестовать сыновей князя Андрея, см., например, [ПСРЛ 1913: 275; 2004: 333]. Возможно, это летописное сообщение об аресте князей Ивана и Димитрия в Угличе, многократно повторенное всеми источниками, и послужило одним из поводов появления в Угличском летописце и житиях рассказа об аресте самого Андрея Васильевича Большого в Угличе, а не в Москве.

При этом из Краткого летописца [Тум3538; 17.16.5] упоминание о Москве исчезает, а в рукописи Тум3538 [32 об.] сообщается: “Отец же их благоверный велики князь Андреи Васильевичъ преставися в лето 7002-е ноября 6-го дня, а где преставися и погребен, о том известия неотыскано”.

Образ князя Андрея в памятниках угличской агиографии

Судьба большинства угличских святых так или иначе связана с именем князя Андрея Васильевича Большого: это его современники преподобные Паисий Угличский и Кассиан Учемский, сын Андрея Васильевича князь-инок Иоанн-Игнатий, князь Роман Владимирович, живший в XIII в., мощи которого были обретены князем Андреем при строительстве каменного Преображенского собора. М. Д. Каган [1992б: 379] пишет о том, что собор угличских святых формируется на рубеже XVI–XVII вв. С этим временем можно связать ранние, в основном краткие, редакции угличских житий. Исследователь отмечает, что помимо преп. Паисия и Кассиана, князя-инока Иоанна-Игнатия, князя Романа и царевича Димитрия, существовала традиция относить к угличским святым и неканонизированного Андрея Васильевича [там же]. В статье, посвященной Житию Кассиана Учемского, также отмечается сочувственное отношение Угличского летописца и Житий к судьбе Андрея Большого. Князь упомянут при описании пространной редакции Жития Кассиана Угличского, которую М. Д. Каган датирует второй половиной XVIII в. Анализ содержания пространной редакции (открытое осуждение Ивана III и сочувствие Андрею Большому), а также состав рукописи, в которой она

читается (старообрядческий сборник – *ВязQ-37*), позволяют М. Д. Каган сделать вывод, что поздняя редакция Жития Кассиана была создана в старообрядческой среде [Каган 1992а: 365–366]. Поздние редакции других памятников угличской агиографии также известны в составе сборников XVIII–XIX вв., и именно они с наибольшей полнотой отражают формирование в Угличе традиции почитания официально не канонизированного князя Андрея:

но и тяжкая узы на блаженных яко осужденников наложи, еже ту и преставися *святой и благоверный* князь Андрей Васильевич [. . .] но последи благоверными мужи *со святыми равне* сей блаженный князь Андрей Углицкий *почтесе* (Житие Романа Угличского [Ал.-Нев.А-47: 178 об.]).

Некоторые из этих сборников происходят из старообрядческой среды Углича. Житие князя Андрея [*Увар818*] также читается в составе старообрядческого сборника XVIII в. В этой же рукописи помещено житие младшего сына князя Андрея, Димитрия, стихийно почитавшегося в Вологде (и, очевидно, в Угличе) вместе с братом, Иоанном-Игнатием [Романова 2008: 8–10].

Жития, в отличие от летописных источников, сообщают, что князь Андрей был схвачен князем Димитрием Ивановичем Жилкой в Угличе, где и умер в заточении, и был погребен в Угличском Преображенском соборе. В большинстве списков пространной редакции Жития преп. Паисия отмечается, что обряд погребения совершил сам преподобный. Именно таким образом представлены эти события и в Житии князя Андрея.

Житие князя Андрея Васильевича Большого

“Житие святого и благовѣрнаго князя Андрея Васильевича Углецаго и чад его, благовѣрных князей Иоанна и Димитрия, новых страстотѣрпцев” [*Увар818*] известно в единственном списке XVIII в. и является, по-видимому, самым поздним из агиографических памятников угличского цикла. Основные его части представляют собой компиляцию из нескольких житий угличских святых (притом, как правило, в поздних редакциях). Так, в текст включен отрывок из раздела чудес пространной редакции Жития Паисия Угличского (пример (1) в *Таблице 1*). Описание “поимания” и смерти князя Андрея заимствовано из пространной редакции Жития Кассиана Учемского (первая пространная редакция в исследовании Е. Л. Алексеевой [2008: 39], см. примеры (2, 3) в *Таблице 1*).

Таблица 1

Житие Паисия Угличского <i>[Ал.-Нев.А-47]</i>	Житие князя Андрея <i>[Увар818]</i>
<p>(1) И единою счислѣ емъ во вградѣ в лѣтнѣе время землю своимъ рѣкѣ [296 об.–297] по вбощѣе снѣди ради садовѣа копати и в хвдѣи зѣло удѣжди. Тогда по прилѣчно еде на конѣ нѣкѣи воларинъ княза Андреа Васильевича, с зглѣча мимо вбители преподобнаго, и видѣвъ его тако творѣща, и посмѣавса прѣбномъ ѿцѣ в з срѣци своемъ, и похвали егѡ. Тога, В дивнагѡ бжѣа чюдеси и оудрѣника егѡ прѣбнагѡ оца нашегѡ Павсѣа каково подвижаніе яви бѣз. Ибо той воларинъ послѣ хсанаго своего словеси на блженнѣимъ оцѣмъ и смѣха своего тогда бжѣимъ гнѣвомъ пораже. И едва ѡбхавъ ѡ вбитѣли стѣмъ [296 об.–297] на пѣнадѣсѣтъ саженъ, и постиже его тѣ сѣдъ бжѣи и, ѡмщеніа прѣбнаго ради мѣжа, оудрѣивъ егѡ конь в землю крѣпкѡ, такъже развѣгнѣса емѣ, а самъ конь в неспагѡ тогда вокрича велегласно и издѣше. Тогда воларинъ винзи мало полежава на земли и, в себѣ пришѣдъ, посла къ преподобномъ ѿцѣ сѣжитѣла своего и мола егѡ, и прощеніа согрѣшенію своемъ ѡ стѣмъ просѣ. Прѣбнѣи же ѿцѣ не словивъ зѣи, скоро и к немъ прѣиде, и рѣкѣ помощи страждѣемъ подѣде, ѡ земли того возстѣвивъ, здрава свѣа и крепка тѣло, такъ не чюати емъ нимало волѣзни своего оудрѣнѣа. Тако и конѣ слово единѣмъ [297–297 об.] воскресивъ, наказа его не сѣдити старцевъ. Рече бо емъ сицѣ, яко гордѣимъ паденіе ихъ возношеніа ради в зѣвае. И потомъ ѡпвсти егѡ воскоаси с миромъ.</p>	<p>(1) Нѣкогда блаженному во оградѣ землю своимъ руками копающу и зѣло в худѣи одежди. Тогда нѣкѣи от благородныхъ боляр еде на кони своем. И увидѣвъ блаженнаго, и посмѣявса в сердце своем и похули его. Тогда, Божиим гнѣвом, едва отѣхав от оби[156]тели свѣаго на 15 сажен, и поразил его конь о землю крѣпко, а сам издѣше. Тогда посла к преподобному отцу страждущи болярин, мола его и прощѣния согрѣшению своему от него просѣ.</p> <p>Преподобныи же, незлобив сѣи, скоро к нему прииде, и руку помощи страждущему подаде, от земли того постави, и коня его словом единѣм воскресив, и наказа его не судити старцев.</p> <p>Рече бо ему сице, яко гордым падение — их возношения ради бывает. И потом отпусти его преподобныи с миром восвоаси [155 об.–156].</p>
Житие Кассиана Угличского <i>[Ал.-Нев.А-47]</i>	Житие князя Андрея <i>[Увар818]</i>
<p>(2) и посылаетъ сына своего с Москвы на Угличе именемъ Димитрия с воинствомъ многимъ, воеже согнати брата своего с престола и заточити его в темнице. Той же въскоре ко граду Угличю пришедъ и нападе на благовѣрнаго нечаянно нощию, стражю бо града [343 об.–344] и двора княжескаго</p>	<p>(2) посла бо сына своего Димитрия со множествомъ войнскимъ на Угличъ и повелѣ ему дядо своего с престола согнати и заточити в темницу. Той же, вкорѣ шед, с войнску силою наипаче на благовѣрнаго нечаянно ночью, пришед бо ко граду, и стражю скрѣша,</p>

<p>нощию скръша, и обступивше вокругъ дворець, и в' палаты и, яко дивии звѣрие, устремшася воинство, и отбиша двери полатныя, и нападше на благовѣрнаго люто. Благоверному же князю тогда не спящу, но правило своея молитвы к' господеву возсылающу. И тогда благовѣрныи князь не противляшеся ничемся к сопотивнымъ ему, ниже брань возставити можаше, но, яко агнецъ незлобивый, ничтоже вѣщая врагомъ своимъ, и в'дадеса самъ в рущѣ немилосердыхъ ратаев. Тогда бо они неблагоговеинии воин'стии людие вѣскочивше в' полаты и ухватиша блаженнаго князя въ единой срачце и боса суца ногами [344–344 об.], и ниже сандалиа обути ему дадоша, и повлекоша его вонъ из' царскихъ полат, безчестно честнѣйшаго пхающе и ругающе ненавистными и досадными словѣсьми.</p>	<p>и пришедше ко двору княжескому, и обступивше вокругъ дворец, и в палаты, яко дивие зверие, устремшася. Благовѣрному же ночное свое правило совершающу и Господеву молящуся.</p> <p>Тогда вѣспочившии лютии воинстии людие и ухвативше блаженнаго в единой срачце, и вон ис царских палат, яко волцы, незлобиваго агнца, повлекше [л. 162].</p>
<p>(З) нача же преподобный тогда у вышепомяновенаго князя Дмитрия просити места, еже в соборнѣй церкви погребсти честное тѣло блаженнаго князя.</p> <p>Той же не даде ему во церкви погребсти благовѣрнаго.</p> <p>Преподобный же тогда наполни уста своя благодати божия и яко пророчески противу ему отвѣщавъ: То и самъ ты, князю, сего не наслѣдиши [347].</p>	<p>(З) тогда паки прииде преподобный отѣцъ Касиян ко оному Дмитрию восхитившему блаженнаго престол, и прося у него, да повелит погребсти тѣло блажѣннаго, юзника благовѣрнаго князя [165] Андрея в соборнѣй и от него создѣннѣй Преображения Господня церкви. Той же не даде ему того мѣста.</p> <p>Преподобный же рече ему яко пророческий:</p> <p>То и сам ты сего не наслѣдиши [164 об.].</p>

Житие содержит оригинальное объяснение конфликта князей:

И толико бѣ рещи сия благолѣпная церковь чюдновидна, толико преукрашенна и драгоцѣнна, яко благовѣрному князю на тоя здание и все свое государское имение источиши и в недостаток приити, но послѣ любѣзнейшаго брата своего умершаго, Георгия, княжившаго во градѣ Дмитрове оставшимся ему имѣнием сию боголѣпную церковь довершити. Ему же и град сей по смерти своей во владѣние Георгии, брат его благовѣрныи, приказа и духовною своею грамотою вѣчно укрѣпи, за что на благовѣрнаго и святаго князя Андрея Васильевича и брату его большему, Ивану, всяеростно подыхати и не точию оное наслѣдие послѣ Георгия брата их взыскати поострившуся на благовѣрнѣм князѣ Андрее Углѣцком, но и всего его живота решили покусися и един властецъ паки желаше быти [Увар818: 161 об.–162].

При этом из исторических источников известно, что Юрий Васильевич не включил свой удел в духовное завещание, предоставляя великому князю право распорядиться им по своему усмотрению.

Источник легенды о преставлении и погребении князя Андрея в Угличе не установлен. В основе ее, возможно, лежит устное предание, однако оно было распространено настолько (и в рукописной традиции в том числе), что на рубеже XVIII–XIX вв. писатель и историк Григорий Дмитриевич Серебренников (Тихомеров) считал необходимым ее опровергать на полях списка Жития Паисия Угличского [ВязQ-37: 45–45 об.].³ При этом именно эта версия событий в наибольшей степени соответствует образу праведного князя-мученика и приближает текст к агиографическому канону.

Упоминания о князе Андрее, включенные в большинство произведений угличского цикла, отражают представления угличан о тридцатилетнем княжении князя Андрея в Угличе как о времени процветания и благоденствия. Имя князя постоянно сопровождается эпитетами *святой* и *благочестивый*. Заточение и смерть угличского князя описываются как несомненное злодейство Ивана III и как трагедия для всех угличан:

Зри: князя Андрея Васильевича и княгиню Елену его супругу князь московский Иван Васильевич в темнице нечаянную смертью уморил, и княжение углическое неправдою восхитил [. . .] Пребеззаконное сие есть дело (запись на полях [Лук77: 31]);

воста брат его родный князь Иван московский и согнав брата своего благоверного и великаго князя Андрея с престола и с Углича града (Житие Паисия Угличского [ВязQ-37: 45]).

Изложение сведений исторического характера, по-видимому, восходит к местным преданиям и, возможно, к неизвестным на сегодняшний день письменным источникам также местного происхождения. Анализ сообщений Угличских летописцев показывает, как традиция почитания князя Андрея отражается в памятниках угличской письменности, начиная с к. XVII–XVIII вв. Вероятно, “Житие князя Андрея Васильевича Угличского и чад его, князей Иоанна и Димитрия, новых страсотерпцев” является своеобразным итогом формирования этой традиции. Написанное в XVIII в., житие князя Андрея составлено в соответствии с принципами организации средневекового агиографического текста.

Создание Жития благоверного князя Андрея Васильевича Большого стало заключительным этапом оформления цикла угличских житий.

³ “Зри: и московский древний летопис[ец] сказует, что ж увезен благоверный князь Андрей к Москве и там в темнице уморен бысть голодом, а погребен тамо же в Архангеле в соборе, что там и гробница его и доньнѣ и образ всем ясно зрится” [ВязQ-37: 45 об.].

Это подтверждается текстологическими данными: текст жития XVIII в. составлен из фрагментов более ранних произведений угличской агиографии. Кроме того, образ благоверного князя-мученика объединяет все поздние редакции угличских житий, эпизоды, обеспечивает содержательное единство всего цикла. Именно с интересом к историческому прошлому Углича, а точнее к последней трети XV в., во многом связано изменение облика житий. Переход от незначительных, необходимых по ходу повествования упоминаний о княжении Андрея Большого в ранних редакциях житий к подробным рассказам о его деятельности и трагической гибели в поздних редакциях отражает появление культа почитания князя. Таким образом, возникновение Жития Андрея Большого означает окончательное оформление как традиции местного почитания князя, так и местного агиографического цикла.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН	Библиотека Академии наук (С.-Петербург).
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва).
ГМЗРК	Государственный музей-заповедник "Ростовский кремль" (Ростов Великий).
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва).
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

Библиография

Источники

Рукописи

17.16.5

БАН, 17.16.5, Новый список углицкого летописца, 20–30-е XIX в., 77 л.

Ал.-Нев.А-47

РНБ, собр. Александро-Невской лавры, А-47, Сборник Житий угличских святых, 80-е гг. XVIII в.: Житие Романа Угличского, л. 165–188 об.; Житие Паисия Угличского, л. 232–319; Житие Кассиана Учемского (Угличского), л. 320–427.

ВязQ-37

РНБ, собр. Вяземского, Q-37, сборник, к. XVIII – нач. XIX в.: Житие Паисия Угличского, л. 17–99; Житие Кассиана Учемского (Угличского), л. 99–177.

ГМЗРК, P-48

Государственный музей-заповедник "Ростовский кремль", P-48, Барсовский летописец, кон. XVIII в., 244 л.; по изд.: [ЦАРЕ-Углический летописец 2013].

Лук77

БАН, собр. Лукьянова, № 77, Угличская летопись киевских и ростовских князей, 30-е гг. XIX в., 74 л.

Муз934

РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 934, История о состоянии города Углича. Музейный (Серебренниковский) летописец, XIX в., 239 л.

Тит3538

РНБ, собр. Титова, № 3538, Краткий града Углича летописец, кон. XVIII в., 48 л.

Увар818

ГИМ, собр. Уварова, № 818, Сборник, XVIII в.: Житие святого и благоверного князя Андрея Васильевича Углецакого и чад его, благоверных князей Иоанна и Димитрия, новых страсотерпцев, л. 151 об.–167 об.; Житие Димитрия Андреевича, л. 142–151 об.

Издания

ПСРЛ 1853

Полное собрание русских летописей, 4: *Софийские летописи*, С.-Петербург, 1853.

ПСРЛ 1913

Полное собрание русских летописей, 18: *Симеоновская летопись*, С.-Петербург, 1913.

ПСРЛ 1921

Полное собрание русских летописей, 24: *Типографская летопись*, Петроград, 1921.

ПСРЛ 1982

Полное собрание русских летописей, 37: *Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв.*, Ленинград, 1982.

ПСРЛ 2004

Полное собрание русских летописей, 15: *Московский летописный свод конца XV в.*, Москва, 2004.

ЦАРЕ-УГЛИЧЕСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ 2013

САГНАК И. В., изд., *Царе-Углический летописец*, Углич, 2013.

Литература

АЛЕКСЕЕВ 1989

АЛЕКСЕЕВ Ю. Г., *Освобождение Руси от ордынского ига*, Ленинград, 1989.

АЛЕКСЕЕВА 2008

АЛЕКСЕЕВА Е. Л., “Рукописная традиция жития Кассиана Угличского”, в: *Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: тексты и словоуказатель*, С.-Петербург, 2008, 34–42.

ГОЛЕЙЗОВСКИЙ 2002

ГОЛЕЙЗОВСКИЙ Н. К., “Начало деятельности Кассиана Угличского по письменным источникам”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (10), 2002, 20–27.

ГОРСТКА 1998

ГОРСТКА А. Н., “Из истории культурной жизни Углича времени Андрея Васильевича Большого”, в: *Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья: статьи, публикации*, 5, Углич, 1998, 52–71.

——— 2006

ГОРСТКА А. Н., *Иконы Углича XIV–XX вв.: “Свод русской иконописи”*, Москва, 2006.

ДЕНИСОВ 1998

ДЕНИСОВ В. В., “Монастыри Угличского Верхневолжья как историко-культурные центры: комплексное изучение и перспективы использования (втор. пол. XV–XX вв.)” (автореф. дисс. [. . .] канд. культурологии, Москва, 1998).

ЗИМИН 1977

ЗИМИН А. А., “Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в.”, в: *История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований*, Москва, 1977, 161–189.

КАГАН 1992А

КАГАН М. Д., “Житие Кассиана Угличского”, в: *Словарь книжников и книжностей Древней Руси*, 3: XVII в., 1, С.-Петербург, 1992, 361–366.

——— 1992Б

КАГАН М. Д., “Житие Романа Угличского”, в: *Словарь книжников и книжностей Древней Руси*, 3: XVII в., 1, С.-Петербург, 1992, 377–380.

ЛУРЬЕ 1994

ЛУРЬЕ Я. С., *Две истории Руси XV века*, С.-Петербург, 1994.

РОМАНОВА 2008

РОМАНОВА А. А., “Житие Игнатия (Иоанна) Вологодского”, в: *Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: тексты и словоуказатель*, С.-Петербург, 2008, 5–17.

РУСИНОВ 1996

РУСИНОВ Н. Д., “Письменная культура угличан средневековья и XVIII века”, в: *Исследования и публикации по истории Угличского Верхневолжья: статьи, публикации*, 4, Углич, 1996, 21–33.

САГНАК 2005

САГНАК И. В., “Угличские Летописцы: предварительные исследования и наблюдения над рукописями и текстами”, в: *Сообщения научных конференций Угличского музея 2002, 2003, 2004*, Углич, 2005, 241–257.

ТОМСИНСКИЙ 2004

ТОМСИНСКИЙ С. В., *Углеце поле в IX–XIII веках*, С.-Петербург, 2004.

ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ 1891

ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ А. В., *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг.*, 2: *Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья суздальские, нижегородские, тверские и рязанские*, С.-Петербург, 1891.

References

Alekseev Yu. G., *Osvobozhdenie Rusi ot ordynskogo iga*, Leningrad, 1989.

Alekseeva E. L., “Rukopisnaia traditsiia zhitia Kassiana Uglichskogo,” in: *Zhitia Ignatii Vologodskogo, Ignatii Lomskogo, Gerasima Vologodskogo i Kassiana Uglichskogo: teksty i slovoukazatel'*, St. Petersburg, 2008, 34–42.

Goleizovskiy N. K., “Nachalo deiatel'nosti Kassiana Uchemskogo po pis'mennym istochnikam,” *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 4 (10), 2002, 20–27.

Gorstka A. N., “Iz istorii kul'turnoi zhizni Uglicha vremeni Andreia Vasil'evicha Bol'shogo,” in: *Issledovaniia i materialy po istorii Uglichskogo Verkhnevolzh'ia: stat'i, publikatsii*, 5, Uglich, 1998, 52–71.

Gorstka A. N., *Ikony Uglicha XIV–XX vv.: “Svod russkoi ikonopisi,”* Moscow, 2006.

Kagan M. D., “Zhitie Kassiana Uglichskogo,” in: *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 1, St. Petersburg, 1992, 361–366.

Kagan M. D., “Zhitie Romana Uglichskogo,” in: *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: XVII v., 1, St. Petersburg, 1992, 377–380.

Lur'e Ya. S., *Dve istorii Rusi XV veka*, St. Petersburg, 1994.

Romanova A. A., “Zhitie Ignatii (Ioanna) Vologodskogo,” in: *Zhitia Ignatii Vologodskogo, Ignatii Lomskogo, Gerasima Vologodskogo i Kassiana Uglichskogo: teksty i slovoukazatel'*, St. Petersburg, 2008, 5–17.

Rusinov N. D., “Pis'mennaia kul'tura uglichan srednevekov'ia i XVIII veka,” in: *Issledovaniia i publikatsii po istorii Uglichskogo Verkhnevolzh'ia: stat'i, publikatsii*, 4, Uglich, 1996, 21–33.

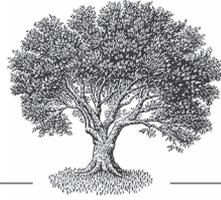
Sagnak I. V., “Uglicskie Letopistsy: predvaritel'nye issledovaniia i nabliudeniia nad rukopisiami i tekstami,” in: *Soobshcheniia nauchnykh konferentsii Uglichskogo muzeia 2002, 2003, 2004*, Uglich, 2005, 241–257.

Sagnak I. V., ed., *Tsare-Uglicheskii letopisets*, Uglich, 2013.

Tomsinskiy S. V., *Ugleche pole v IX–XIII vekakh*, St. Petersburg, 2004.

Zimin A. A., “Udel nye kniaz ia i ikh dvory vo vtoroi polovine XV i pervoi polovine XVI v.,” in: *Istoriia i genealogiia: S. B. Veselovskii i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovaniia*, Moscow, 1977, 161–189.

Елизавета Григорьевна Сосновцева, канд. филол. наук
Институт лингвистических исследований РАН,
младший научный сотрудник Отдела теории грамматики
199053 С.-Петербург, Тучков пер., 9
Россия/Russia
e.sosnovtseva@gmail.com

Ксеркс в пьесе М. А. Булгакова “Адам и Ева”

Xerxes in Mikhail Bulgakov's Play *Adam and Eve*

**Сурен Арменович
Тахтаджян**

Souren A. Takhtajan

С.-Петербургский государственный
университет

St. Petersburg State University

Резюме

В пьесе М. Булгакова советский летчик Дараган выносит следующий приговор своему спасителю Ефросимову: за свое изобретение он достоин награды, а за уничтожение бомб — расстрела. Мотив награды с последующей смертной казнью встречается в “Истории” Геродота (8: 118). Ксеркс, наградив своего спасителя, кормчего корабля, золотым венком, отрубил ему голову за то, что он погубил множество персов. Я полагаю, что этот мотив Булгаков заимствовал у Геродота.

Ключевые слова

“Адам и Ева” М. Булгакова, Геродот о возвращении Ксеркса, Дараган, Ефросимов, спасение жизни, мотив награды и казни

Abstract

In his *Histories* 8:118, Herodotus tells the dramatic story of Xerxes' return to Asia from Greece by sea. The overcrowded ship was caught in a storm, and the captain advised the king to get rid of most of the passengers. Xerxes called on the Persians to prove their loyalty to the king, and they showed their obeisance by leaping into the sea. After his return, Xerxes awarded the captain of the ship with a golden crown for saving the king's life—and cut off his head for causing the deaths of so many Persians. In the play *Adam and Eve*, Bulgakov depicts the outbreak of war between the Soviet Union and the Western world. Nearly everyone in Leningrad dies from a gas attack. But Efrosimov, a chemistry professor and a man of genius, has managed to save the lives of the other characters in the play, the Soviet fighter pilot Daragan included. Nevertheless, Daragan hates Efrosimov for his efforts to

prevent the war and then to stop it. The fighter pilot imagines for the professor both an award for his merits and subsequent capital punishment for his alleged crime. In this article, I suggest that Bulgakov has borrowed the motif of award and execution from Herodotus.

Keywords

Mikhail Bulgakov's *Adam and Eve*, Herodotus on Xerxes' return from Greece, Daragan, Efrosimov, saving of life, motif of award and execution

В конце третьего акта пьесы “Адам и Ева”¹ советский летчик Дараган говорит ученому Ефросимову:

Профессор! Когда восстановится жизнь в Союзе, ты получишь награду за это изобретение. (*Указывает на аппарат*). О, какая голова! После этого ты пойдешь под суд за уничтожение бомб, и суд тебя расстреляет [Булгаков 1994: 95].

Награду Ефросимов должен получить за свое гениальное изобретение: аппарат, способный защищать от отравляющих газов и исцелять уже отравленных. С его помощью ученый спас жизни героев пьесы, в том числе и Дарагана. Это события первых двух актов “Адама и Евы”.

В третьем акте выздоровевший Дараган готовится к вылету для сброса химических бомб на территорию противника. Однако выясняется, что Ефросимов обезвредил газ в этих бомбах. Узнав об этом, Дараган сначала пытается сам застрелить изобретателя. Однако вмешательство Маркизова и Евы предотвратило убийство. Затем происходит суд над Ефросимовым, в ходе которого Дараган и произносит процитированные выше слова.

Впрочем, “истребитель”² еще раньше пытался расправиться с Ефросимовым. Во втором акте ученый спасает ему жизнь. После этого спасенный, вооружившись бомбой, требует своего спасителя к ответу. Вина Ефросимова, по словам Дарагана, в том, что он не сдал вовремя свой аппарат государству, но хотел отдать его за границу. На самом деле ученый собирался отдать свое изобретение всем странам сразу, “чтобы спасти человечество от беды” [Булгаков 1994: 70].

Дараган в пьесе является одним из представителей власти. Награждение с последующей смертной казнью — так он решает участь

¹ Цитаты из “Адама и Евы” приводятся по подготовленному И. Е. Ерыкаловой тексту в издании [Булгаков 1994].

² Так называют Дарагана Ефросимов [Булгаков 1994: 82, 105] и Ева [там же: 94]. Ср. интересное наблюдение И. Е. Ерыкаловой: “Он [Дараган. — С. Т.] — летчик, но автор пьесы никогда не называет его профессию «летчик-истребитель», но всегда — «истребитель Дараган», словно подчеркивая, что главная функция этого героя — уничтожение” [Ерыкалова 2007: 106].

Ефросимова в конце третьего акта³. Я думаю, что источником столь необычного приговора был Геродот.

Греческий историк приводит две версии возвращения Ксеркса в Азию после поражения персов при Саламине. Согласно первой, царь возвращался в основном по суше, за исключением переправы через Геллеспонт (8: 113–117). Второй рассказ описывает возвращение морем: во Фракии Ксеркс садится на корабль и плывет в Азию (8: 118). Геродот, приводя различные доводы, отказывает в доверии второй версии и признает истинной первую (8: 119–120).

В связи с пьесой Булгакова представляет интерес, впрочем, как раз второй рассказ. Вот он:

Ксеркс, отступая от Афин, дошел до Эиона на реке Стримоне. Оттуда он уже не двигался по суше, но, поручив Гидарну отвести войско к Геллеспонту, сам сел на финикийский корабль и отплыл в Азию. Во время плавания со Стримона поднялся сильный, вздымавший высокие волны ветер. Буря становилась все сильнее, а корабль был перегружен: на палубе находилось множество персов, возвращавшихся вместе с Ксерксом. Тогда царь, объятый страхом, прокричал кормчему вопрос, есть ли у них какая-нибудь надежда на спасение. Тот ответил: “Владыка, нет никакой надежды, если только не освободиться от большинства людей, находящихся на корабле”. Услышав это, Ксеркс, как рассказывают, воскликнул: “Мужи персы, сейчас каждый из вас должен показать, как он любит своего царя! Ведь мое спасение в ваших руках!” Так он сказал, а они, падая перед ним ниц, стали прыгать в море. И корабль, облегченный вот таким образом, благополучно прибыл в Азию. А Ксеркс, как только сошел на землю, поступил следующим образом. Он наградил кормчего золотым венком за то, что он спас жизнь царя, но отрубил ему голову за то, что он погубил множество персов.

Вряд ли есть необходимость подробно останавливаться на сходстве царского приговора кормчему у Геродота и тем решением судьбы Ефросимова, которое предвидит Дараган в пьесе Булгакова. Ограничусь указанием на совпадающие в обоих произведениях обстоятельства:

1. действие происходит во время войны;
2. спасенный выносит одинаковый приговор своему спасителю: награждение с последующей смертной казнью;
3. спасенный является лицом, наделенным властью: у Геродота это ее верховный носитель, у Булгакова — представитель.

Геродот, отказывая процитированному выше рассказу в достоверности, все-таки его приводит. Причину, очевидно, следует искать в достоинствах недостоверной версии. Будучи краткой, она отличается яркостью и драматичностью. Существеннее, пожалуй, то, что небольшой рассказ рисует образ жестокого и неблагодарного деспота. Вопиюще

³ В конце четвертого, заключительного, акта после одержанной победы Дараган готов предоставить Ефросимову жизнь и покой.

несправедливое решение царя является в то же время надругательством над здравым смыслом⁴. Таким же, как отмечалось учеными, предстает Ксеркс у Геродота в других эпизодах, которые автор “Истории” считает достоверными [FLORY 1987: 58–60], [GRAY 2002: 295]. Геродот, очевидно, считал, что этот недостоверный рассказ замечательно доносит до читателя немаловажную истину о деспотизме⁵. Наверно, поэтому Булгаков обратил внимание на рассказ Геродота и затем использовал мотив награды с последующей казнью для характеристики того бесчеловечного режима, под пятой которого автору “Адама и Евы” пришлось жить.

Библиография

БУЛГАКОВ 1994

Булгаков М. А., *Пьесы 30-х годов*, А. А. Нинов, сост. и общ. ред., С.-Петербург, 1994.

ЕРЫКАЛОВА 2007

Ерыкалова И. Е., *Фантастика Булгакова: Творческая история. Текстология. Литературный контекст*, С.-Петербург, 2007.

BOWIE 2007

Bowie A. M., ed., *Herodotus, Histories, Book VIII*, Cambridge, 2007.

FLORY 1987

Flory S., *The Archaic Smile of Herodotus*, Detroit, 1987.

GRAY 2002

Gray V., “Short Stories in Herodotus’ *Histories*,” in: E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees, eds., *Brill’s Companion to Herodotus*, Leiden, 2002, 291–317.

MACAN 1908

Macan R. W., *Herodotus: The Seventh, Eighth, and Ninth Books*, 1/2, London, 1908.

References

Bowie A. M., ed., *Herodotus, Histories, Book VIII*, Cambridge, 2007.

Erykalova I. E., *Fantastika Bulgakova: Tvorcheskaia istoriia. Tekstologija. Literaturnyi kontekst*, St. Petersburg, 2007.

Flory S., *The Archaic Smile of Herodotus*, Detroit, 1987.

Gray V., “Short Stories in Herodotus’ *Histories*,” in: E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees, eds., *Brill’s Companion to Herodotus*, Leiden, 2002, 291–317.

Сурен Арменович Тахтаджян, канд. филол. наук

С.-Петербургский государственный университет, филологический факультет,
доцент кафедры классической филологии

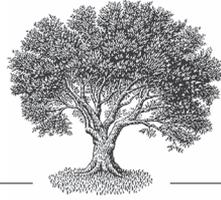
199034 С.-Петербург, Университетская набережная, 11

Россия/Russia

sourtakh@mail.ru

⁴ Комментатор Геродота Р. Макан [Macan 1908: 545] со свойственным ему остроумием задает вопрос: должны ли мы представлять, что в момент казни венок был на голове кормчего?

⁵ Здесь я несколько изменяю высказанное А. Бауи суждение [Bowie 2007: 210].

К палеографической
датировке двух
мощевиков
из Благовещенского
собора Московского
Кремля

**Анатолий Аркадьевич
Турилов**

Институт славяноведения РАН
(Москва)

On the Palaeographic
Dating of Two
Reliquaries from
the Annunciation
Cathedral of the
Moscow Kremlin

Anatolij A. Turilov

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences (Moscow)

Резюме

Статья посвящена палеографической датировке двух драгоценных медальонов-реликвариев, происходящих из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля. Один из них (серебряный) украшен на лицевой стороне изображением Спасителя в окружении апостолов и на обороте — Богоматери в окружении пророков. На лицевой стороне второго (золотого) помещено изображение Рождества Христова, а на обороте часть композиции Сретения — св. Симеон Богоприимец с младенцем Христом на руках в окружении святых. Памятники не имели до последнего времени палеографической датировки. По стилю они датировались историками искусства последней третью XV в. и необоснованно связывались (главным образом из-за круглой формы) со второй женой великого князя Ивана III Софьей Палеолог (при том что патрональные изображения отсутствуют на обоих). Обращение к надписям, которые сочетают ряд архаических начертаний, восходящих к концу XIV в., и новации, свойственные “младшему” русскому полууставу, позволяет отнести медальоны к первой четверти — трети XV в., т. е. времени Андрея Рублева.

Ключевые слова

средневековое ювелирное искусство, вещевая палеография, декоративное письмо, второе южнославянское влияние, XV в., Москва

Abstract

This article is devoted to the palaeographic dating of two precious medallions-reliquaries originating from the sacristy of the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. One of them (made of silver) is decorated with the image of the Savior, surrounded by the apostles on the front side and, on the back, by the Virgin surrounded by prophets. On the front side of the second reliquary (made of gold) is a depiction of the Nativity and, on the back, part of the Presentation of Jesus at the Temple, i.e., St. Simeon the God-receiver with the infant Christ in his arms and surrounded by saints. Until recently, there had been no palaeographic dating for these monuments. In terms of style, they had been dated by historians of art to the last third of the 15th century and, primarily due to their rounded shape, they had been connected with the second wife of Grand Prince Ivan III, Sophia Palaeologos (despite the fact that neither work portrays the patrons). By examining the labels, which combine a number of archaic styles dating back to the end of the 14th century and include innovations of the “younger” Russian poluustav, one can attribute the medallions to the first quarter or first third of the 15th century, i.e., the time of Andrei Rublev.

Keywords

medieval jewelry, epigraphy, artifact palaeography, decorative letter, second South Slavic influence, 15th century, Muscovy

В ризнице великокняжеского (а с середины XVI в. — царского) Благовещенского собора Московского Кремля издавна хранятся два круглых медальона-мошевики (энколпиона) — один серебряный с позолотой (Рис. 1, 2), а второй золотой (Рис. 3, 4). На лицевой стороне серебряного (инв. № МР-6095) в центре помещено погрудное изображение Спасителя, окруженное двенадцатью медальонами с полуфигурами апостолов; на обороте изображена Богоматерь Воплощение в обрамлении своеобразного деисусного чина. У золотого (инв. № МР-1028) на лицевой стороне изображено Рождество Христово, а на обороте — Симеон Богоприимец с младенцем Христом на руках в круге, окруженный восемью медальонами с полуфигурами святых. Оба памятника экспонировались в 2003 г. на выставке “Царский храм”, воспроизведены с обеих сторон в цвете и подробно описаны в ее каталоге [Моршакова 2003: 263–265 (№ 93), 269–272 (№ 95); 2008]. Энколпионы датированы здесь близким временем (первый — 1470-ми гг., второй — предположительно 1479 г.), их изготовление связывается (тоже предположительно) с заказом великой княгини Софии Палеолог. Палеография надписей при этом не была рассмотрена, но в отношении первого вполне справедливо, на мой взгляд,

Рис. 1. Серебряный мощевик из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (инв. № МР-6095). Лицевая сторона

Рис. 2. То же. Обратная сторона

Рис. 3. Золотой мощевик из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (инв. № МР-1028). Лицевая сторона

Рис. 4. То же. Обратная сторона

отмечена большая близость к панагии и двум мощевикам (также круглым) из ризницы Троице-Сергиева монастыря [Моршакова 2003: 265]¹.

Нужно сказать, что аргументация датировки в обоих случаях носит сугубо “импрессионистический” характер: она состоит из предположений и допущений общеисторического и историко-культурного характера, лишенных, по сути, доказательной силы. Автор статьи в каталоге практически а priori исходит из допущения, что круглая форма энколпионов может быть объяснена их связью с произведениями итальянского искусства (тондо) [Моршакова 2003: 265]. Дополнительным аргументом в отношении серебряного мощевика служит нестандартное расположение евангелистов, окружающих (в числе полуфигур 12 апостолов) центральное изображение Спасителя: Марк помещен здесь слева, наискосок внизу под Петром (справа, ниже Павла, ему соответствует Иоанн). Эта действительно достаточно редкая особенность (см. ниже) вызвала в памяти исследовательницы “два великих престола Итальянской земли: престол святого Петра в Риме и святого Марка в Венеции. Так, возможно, воспоминание о них отразилось в миниатюрных драгоценных реликвариях, заказанных приехавшей из Рима в 1472 г. в Москву княгиней Софьей” [там же: 265].

Приведенные аргументы трудно признать убедительными как по отдельности, так и в совокупности. Круглая форма действительно не слишком типична для русских мощевиков, однако она вполне обычна (даже если оставить в стороне византийские образцы) для змеевиков² и панагий³, с которыми энколпионы имеют определенное функционально-типологическое сходство (в первом случае как обереги-филактерии, во втором как вместилища святынь — соответственно, мощей и Св. Даров). Поэтому “итальянский след” представляется здесь излишним (во всяком случае, без дополнительной обоснованной аргументации). Не лучше обстоит в реальности дело и с местоположением евангелиста Марка в кругу изображения 12 верховных апостолов. Оставим в стороне тот общеизвестный факт, что Марк был учеником апостола Петра, зафиксированный в житии евангелиста [ВМЧ 1916: 958–959] и в предисловии к его Евангелию [Смирнова 1994: 15; 2011: 17], ограничимся лишь данными иконографии. Практически в том же самом положении (слева от Петра, стоящего с Павлом по центру) Марк изображен на новгородской иконе ок. 1432 г. “Собор 12 апостолов” [Смирнова и др. 1982: 206–207, 410–411 (кат. 7); Византия. Балканы. Русь 1991: 260 (кат. 107)]

¹ Изображение панагии и мощевиков см.: [Николаева 1960: 223–226 (№ 100 – панагия), 270–273 (№ 124, 125 – мощевики); 1971: 131, табл. 31 (кат. 42 – панагия)].

² Наиболее полную сводку сведений см.: [Николаева, Чернецов 1991].

³ Для XIV–XV вв. наиболее полную сводку сведений о них см. в: [Николаева 1971].

(поэтому изображение на кремлевском энколпионе допустимо рассматривать как круговой вариант данной композиции).

Особенно же произвольной выглядит в каталоге попытка связать создание золотого энколпиона с рождением великой княгиней Софьей сына-первенца Василия (будущего Василия III) и, соответственно, датировать предмет 1479 г. [Моршакова 2003: 271–272]. При этом совершенно игнорируется отсутствие на драгоценном мощевике изображений, патрональных для матери и /или сына, не говоря уже об отце⁴.

Позднее исследовательница, по всей вероятности, и сама сочла названные аргументы не слишком убедительными (причем ход ее рассуждений вполне мог быть близким к изложенному здесь), во всяком случае, в ее статье, опубликованной в 2008 г., они, за исключением круглой формы, не фигурируют (не говорится здесь и о возможной связи золотого мощевика с рождением будущего Василия III), хотя датировка энколпионов оставлена прежней [Моршакова 2008: 281–282]⁵. При этом для золотого энколпиона упомянута предложенная мною широкая предварительная датировка в пределах от рубежа XIV–XV вв. до 1440-х гг., однако она не признана обоснованной, так как “особенности надписей на произведениях искусства часто ставят в тупик даже самых высоких профессионалов, поскольку специфика этих надписей не может считаться до конца выясненной” [там же: 288].

Перейдем теперь к рассмотрению палеографических особенностей надписей на благовещенских мощевиках. На серебряном имеется по две круговые надписи на каждой из сторон (вокруг центрального изображения и по внешнему краю) и имена святых, окружающих Спасителя и Богоматерь⁶; на лицевой стороне золотого — одна надпись по внешнему краю, а на обороте — две, как и на серебряном⁷. Надписи воспроизводятся

⁴ Странным образом на это обстоятельство не обратила внимание и И. Л. Бусева-Давыдова в рецензии на каталог “Царский храм” [Бусева-Давыдова 2010: 375]. Исследовательница считает достаточным основанием для предложенной Е. А. Моршаковой атрибуции и датировки присутствие в энколпионе частицы мощей св. Василия Великого, забывая о том, что в действительности “ангелом” великого князя, родившегося в праздник Благовещения, был (наряду с архангелом Гавриилом), как прямо свидетельствует летопись [ПСРЛ 1949: 323], св. Василий, епископ Парийский.

⁵ Сомнения автора в палеографической датировке благовещенских энколпионов выглядели бы, несомненно, более убедительно, если бы в самой статье имелась обоснованная искусствоведческая аргументация.

⁶ У этого мощевика имеется оглавление с изображением Спаса Нерукотворного на лицевой стороне и надписью о мощах на обороте. Поскольку оно датируется несомненно более поздним временем, чем сам энколпион — явно не ранее XVI в. (по мнению Е. А. Моршаковой [2003: 265] — второй половиной XVII в.), надпись на нем нами не рассматривается.

⁷ На золотом мощевике имеются надписи и на внутренних сторонах створок (прочтение см.: [Моршакова 2003: 270]), но мне они были недоступны для изучения.

без раскрытия титл, отсутствующих здесь, как и в большинстве надписей на памятниках церковно-ювелирного искусства⁸:

Серебряный мошевик (MP-6095)			
лицевая сторона		оборотная сторона	
внутренняя надпись	внешняя надпись	внутренняя надпись	внешняя надпись
• ѠПНІЕ ЗДѢЮ ПОСРЕДѢ ЗЕМЛѢ ХЕ БЕ НА КРТѢ ПРЧТѢ РҮЦѢ СВОИ ПРОСТЕРѢ СБИРАІА ВСА	+ ТВЕРДЫА И БОВѢЩАННЫА ПРОПОВѢДАТЕЛА ВЕРХЪ ОҮЧНКЪ ТВОИХЪ ГИ ПРИАТЪ В НАСЛАЖЕНИЕ БАГХЪ ТВОИХЪ ПОКОІА ТРУДЫ БО ШПѢХЪ И СМРТЬ ПРИАТЪ ПАЧЕ	МТИ СТАІА ПРЧТАГО СВѢТА АНГЛЬСКИМИ ПѢСНЫМИ ЧТОҮЩЕ ТА ПОЕМЪ И ВЕЛИ	+ ІАКО БЛГОЧТНА ПРОПОВѢДНИКИ И НЧТИНА ОБЪЗДАТЕЛА БОНОСНЪХЪ СБОРЪ ОҮГАСНИЛЪ ЕСИ ПОДЪСАИЧНЮ ЗАРАЮЩИХЪ [sic] ТѢХЪ МАТВАМИ ХЕ БЕ В МИРѢ СВѢРШЕНѢ ТЕБЕ СЛА

Золотой мошевик (MP-1028)		
лицевая сторона	оборотная сторона	
	внутренняя надпись	внешняя надпись
+ РОЖЕСТВО ВОЕ [sic] ХЕ БЕ НАШЪ ВОСИА ВСЕМҮ МИРҮ СВѢТЬ РАЗҮМНЫ В ОНѢ БО СЛУЖАЩИ ЗВѢЗДАМЪ ЗВЕДЮ [sic]	ОҮТРОБҮ ДВЧЮ УСТИ РЖТВОМЪ СВОИМЪ И РҮЦѢ	+ АПЛИ МЧНИЦИ ПРРЦИ СРАРЬСИ ПРПДОБЛИ ПРАВЕДНИ ІЖЕ ДОБРѢ ПОДВИГЪ СКОИЧАВШЕ І ВѢРҮ СЕ

На обеих святынях надписи выполнены несомненно разными мастерами, они отличаются и начертаниями отдельных букв, и их пропорциями, но в хронологическом плане они могут быть вполне синхронны, причем эта синхронность не имеет отношения к последней трети XV в.

Литургические круговые надписи на серебряном мошевике выполнены декоративным письмом, практически лишенным элементов вязи (можно указать лишь три лигатуры — Ж и Л в начале внешней круговой надписи на обороте и далее ИЖ в слове “проповедники”). Поскольку данный тип письма, в отличие от вязи, в целом освещен в литературе весьма слабо, а далее в статье будет фигурировать неоднократно, необходимо сделать ряд замечаний общего характера.

Наиболее ранние русские образцы такого письма, состоящего как бы из заглавных букв, не соединенных друг с другом, но расположенных

⁸ Определение цитат из богослужебных песнопений см. в: [Моршакова 2003: 263–264; 269–270].

достаточно плотно и написанных в один контур, представлены кино-варными заголовками рукописных книг. Можно думать (исходя уже из хронологии примеров), что они представляют собой упрощенный вариант более ранней разновидности заголовков, в которых буквы были написаны киноварью в два контура, а пространство между ними заполнялось орнаментальными мотивами либо заливалось желтой, зеленой или синей краской (еще ближе в этом смысле примеры, в которых киноварь служит для заливки чернильного контура⁹). Эти одноконтурные заголовки появляются в русских рукописях не позднее второй четверти XIV в.¹⁰ Один из старших образцов представлен в московском по происхождению Апостоле-Евангелии апракос, традиционно именуемом по заказчику “Евангелием Симеона Гордого” [PTСЛ1: л. 1 об.; Вздорнов 1980: кат. 30]. В изобилии они находятся во второй (церковно-юридической) части известной рукописи “Мерила Праведного” (вторая половина века) [ТСЛ15: лл. 70–70 об., 81, 83 об., 88 об., 91, 93 и др.]¹¹. С последней четверти этого столетия они становятся в рукописях обычным явлением: старшие датированные примеры дают Паремийник 1378 г. [Унд1207: л. 108 об., 111; Гальченко 2004: 16, рис. 2–3], Пандекты Никона Черногорца 1381 г. [Син193: л. 2; Вздорнов 1980: Кат. 81; Гальченко 2004: 16, рис. 4–5], малые заголовки (в начале библейских песней) Киевской Псалтыри 1397 г. [Вздорнов 1978, 1: 205]. Нельзя исключить поэтому, что на формирование облика одноконтурных заголовков и их распространение в восточнославянских рукописях известное воздействие (в качестве дополнительного источника) могло оказать также декоративное письмо (без элементов вязи или с минимальным их количеством) южнославянских книг, попавших на Русь в это время¹².

⁹ Таковы, к примеру, заголовки в известном новгородском Евангелии апракос полном [Син70: л. 1 об., 154; Щепкина 1974: 232].

¹⁰ Ввиду малого числа сохранившихся памятников представляется неясным, оказали ли влияние на формирование данного типа декоративного письма древнейшие образцы русской вязи (также одноконтурной), присутствующие в двух списках Кормчих книг – Рязанской Кормчей 1284 г. [Вздорнов 1980: кат. 13] и Воскресенской [Син131] конца XIII – нач. XIV вв. Заголовки последней, насколько я знаю, не репродуцировались, подробнее о рукописи см.: [Сводный каталог 2002: 620–621].

¹¹ Воспроизведения (черно-белые) см. в: [Тихомиров 1961: 141, 142, 163, 168, 178, 183, 187], а также (в цвете) на сайте Троице-Сергиевой Лавры: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>.

¹² Особенно широкое распространение декоративное письмо заголовков простого рисунка с минимумом лигатур получает с первой четверти XV в. (примеры см.: [Вздорнов 1980: кат. 61, 65, 68, 74, 90, 103, 110; Гальченко 2004: 24–27]), т. е. в эпоху “второго южнославянского влияния”, однако надежное разграничение в этих образцах более ранней древнерусской традиции и южнославянских “новаций” не представляется возможным.

Письмо литургических надписей на серебряном мощевике из Благовещенского собора близко по начеркам букв к “манерному”¹³ уставу конца XIV в., но отличается от него более вытянутыми пропорциями. Большинство начертаний букв нейтрально, т. е. может встречаться как в русских почерках, восходящих к традиции XIV в., так и в южнославянских. Явные графические новации, характерные бесспорно уже для XV в., отсутствуют. Трудно сказать что-то определенное в отношении буквы З с почти вертикальным хвостом (в словах ЗДЕЮ, ЗЕМЛЯ на лицевой стороне) — такой начерк в равной мере может и восходить к южнославянским полууставным почеркам, и представлять попытку трансформировать (“поставить на дыбы”) традиционное для русской письменности XIV в. начертание с длинным горизонтальным хвостом¹⁴. Буква М в надписях имеет практически современную печатную форму (с перемычкой в виде острой галочки), однако подобное начертание известно в русских памятниках письменности (правда, преимущественно некаллиграфических) и до начала XV в. — например, в новгородских берестяных грамотах оно прослеживается (в качестве одного из равноправных вариантов) [Зализняк 2000: 176–179, табл. 14]. Безусловно к русской традиции XIV в. восходят симметричное Ч на высокой ножке и Ы, написанное с Ъ. В орфографии литургических надписей почти нет следов “второго южнославянского влияния” (можно указать лишь ОУ после согласной)¹⁵. Может показаться, что ситуация с датировкой осложняется тем обстоятельством, что в русской вязи и декоративном письме с ее элементами старые начертания Ч и Ы встречаются изредка и существенно позднее¹⁶. Однако следует заметить, что во всех этих случаях,

¹³ Термин В. Н. Щепкина [1967: 119], используемый им в отношении письма роскошных кодексов этого времени.

¹⁴ См. о таком начертании буквы подробнее: [Турилов 1992: 22; 2010: 311–312]. К слову, на мощевике оно представлено (хотя хвост здесь и несколько укорочен) в словах ОБУЗДАТЕЛЬ и [О]ЗАРЯЮЩИХ внешней круговой надписи на обороте.

¹⁵ Данные признаки не составляют, впрочем, значительной хронологической приметы, поскольку сходные орфографические нормы господствуют в надписях (включая и литургические) на памятниках церковно-ювелирного искусства и шитья едва ли не до конца XV в. Многочисленные примеры этого представлены в своде Т. В. Николаевой [1971].

¹⁶ Например, в надписях на волоколамской плащанице 1477 г. [Николаева 1971: 78, № 72, табл. 47, 73] (только Ы) и на водосвятной чаше московского Успенского собора 1479 г. (?) [Николаева 1971: 61, № 44, табл. 33, 34, 78] (обе буквы). При этом из-за большого хронологического разрыва в примерах (наиболее поздний по времени из несомненно связанных с традицией XIV в. представляет потир Ивана Фомина 1439 г. — о датировке см.: [Турилов 2002: 57–59, № 1]) невозможно сказать с уверенностью, продолжают ли эти памятники 1470-х гг. более раннюю традицию, или же мы имеем дело с возрождением старых начертаний букв в качестве чисто декоративного приема. С рубежа XV–XVI вв. написание Ы через Ъ (при отсутствии в данном случае симметричного Ч) встречается также (наряду с обычным) в книжных каллиграфических курсивных

относящихся к последней четверти — концу XV столетия ставшие уже явно декоративными начерки указанных букв соседствуют с новыми характерными начертаниями А, Д, Л, Ѧ¹⁷, которые отсутствуют в надписи на благовещенском серебряном мощевике.

В качестве косвенной палеографической приметы круговых надписей на этом мощевике, позволяющей датировать памятник в пределах первой трети XV в., следует дополнительно указать на общий простой рисунок прямых букв. Дело в том, что со второй четверти XV в. (наиболее ранний пример представляет ковш новгородского посадника Григория Кирилловича Посахно 1428–1436 гг. [Николаева 1971: 38, 110, табл. 10 (кат. 10); Декоративно-прикладное искусство 1996: 270–271]) в декоративном письме появляются начертания букв с изгибами вертикалей и их расширениями вверху и / или внизу. Для Москвы (и Северо-Восточной Руси в целом) старший пример подобного письма дает складень троицкого мастера Амвросия 1456 г. [Николаева 1971: 85–86, 154, табл. 54 (кат. 84)], но, учитывая несомненно большую консервативность новгородской письменной традиции, можно предположить, что в данном случае отставание является кажущимся. Оно объясняется малым числом среднерусских памятников, созданных во второй четверти столетия из-за неблагоприятной внутривосточной ситуации 1430–1440-х гг. в Великом княжестве Московском и на сопредельных территориях — династической войны.

Из датированных памятников вещевой палеографии надписи на серебряном благовещенском энколпионе по общему облику (пропорции и начерки ряда букв) ближе всего к надписям на ковчеге-реликварии радонежских князей из ризницы Троице-Сергиева монастыря, датированном 1410-ми гг. (и, во всяком случае, не позднее середины 1420-х) [Рыбаков 1955; Николаева 1960: 262, кат. 118; 1969: 184–185; 1971: 53, 122, табл. 22.2, кат. 31], потире из того же собрания, достаточно единодушно относимом исследователями к 1420-м гг. [там же: 84, кат. 82, табл. 52], и на внутренних створках хранящейся там же так называемой панагии Мирославичевых [там же: 60, кат. 42, табл. 32].

Надписи при изображениях апостолов и святых выполнены на этом мощевике ранним вариантом русской скорописи [Щепкин 1967: 136–137], однако из-за крайне малого их объема и ограниченного набора

почерках, например, в курсивном варианте письма новгородского писца игумена Закхейя, в послесловиях к Евангелиям 1495 и 1523 гг. [Смирнова 2011: 448–449], а также у писцов жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю начала — первой трети XVI в. (см., к примеру: [Карский 1928: 441, сн. 88]).

¹⁷ Верхняя часть этих букв (включая сюда и правую часть Ѧ) превращена в псевдомачту, при этом А имеет Я-образное начертание, а Д и Л изображаются вполне симметричными (примеры см. в таблицах [Николаева 1971]).

букв они мало что могут дать для датировки (можно лишь быть уверенным, что они не противоречат датировке, предлагаемой для круговых надписей).

Для второго энколпиона (“Рождество Христово” — “Симеон Богоприимец с избранными святыми”) палеографическая датировка выглядит заметно более определенной. Литургические круговые надписи на нем выполнены не слишком каллиграфическим гибридным¹⁸ почерком довольно приземистых пропорций (см. *Рис. 3, 4*), совмещающим в себе признаки старшего (буква З сукороченным хвостом, наискось уходящим вниз, Н в форме прописного латинского N, симметричное Ч “расщепом”, Ы через Ъ, “омега” с низкой серединой) и младшего (Ж¹⁹, И практически современной формы, довольно широкое Е независимо от позиции, при отсутствии йотированного варианта) полуустава с явным преобладанием первых. Орфография без выраженных следов “второго южнославянского влияния”, И пишется перед гласными, І после гласных. Буква У представлена только зеркальным вариантом, который сам по себе не обладает значительным датирующим потенциалом, но вполне вписывается в общую картину почерка надписи²⁰. Подобные почерки (и даже с большим числом примет младшего полуустава и среднеболгарской орфографии) характерны для книг, переписанных в Северо-Восточной Руси в

¹⁸ Термин, употребляемый применительно к письму, сочетающему в себе признаки старшего (русского, идущего от традиции XIV в.) и младшего (южнославянского по происхождению) полуустава [Турилов 1992: 29; 2002: 318–319; Гальченко 2001: 369–370].

¹⁹ Единственный пример — в слове РОЖЕСТВО на лицевой стороне, остальные начертания нейтральны.

²⁰ В памятниках собственно вещевой палеографии примеры употребления данного начертания буквы весьма немногочисленны. Древнейшим памятником является чара великого князя Владимира Давыдовича [Рыбаков 1964: 29; табл. 5–6, 29; Медынцева 1991: 29], для которой автор этих строк предложил в последнее время датировку не ранее второй четверти XIV в. [Турилов 2009] (традиционная — 1139–1151 гг. [Рыбаков 1964: 28; Медынцева 1991: 27]). Далее с большим перерывом следуют складни троицкого мастера Амвросия 1456 г. [Николаева 1971: 154, табл. 54; 173, табл. 71] и игумена (будущего ростовского архиепископа) Вассиана Рыло 1463 г. [там же: 156, табл. 56, 173, табл. 71]; излишне говорить, что при традиционной датировке чары рассматриваемое начертание не имеет, в сущности, датирующего значения. В надписях-граффити У зеркальное встречается очень редко, но засвидетельствовано по крайней мере с конца XII в. [Рождественская 1992: 124–126, № 84; 128–130, № 86]. В новгородских берестяных грамотах такое начертание известно с первой половины XI в. [Зализняк 2000: 188–189, 190–191, табл. 21–22]. Применительно к письму рукописных книг вопрос остается практически неизученным. Допустимо, однако, предполагать, что в книжное письмо такое начертание У могло проникать под влиянием бытового неоднократно. При этом на рубеже XIV–XV вв. и несколько позднее дополнительным стимулом могло послужить появление в книжных почерках одностороннего Ч, представленного и зеркальным вариантом, например, в пергаменном Сборнике аскетическом (преимущественно слов Ефрема Сирина) первой четверти (?) XV в. — *Барс1383*.

первой четверти — трети XV в.²¹ (для Новгорода и Пскова это будет, соответственно, вторая четверть — треть столетия)

Металл, из которого изготовлен мощевик (золото), и происхождение из Благовещенского собора делают весьма вероятным его принадлежность кому-то из князей московского дома (не обязательно великих), при этом изображение Симеона Богоприимца на обороте вполне может носить патрональный характер. Из лиц, принадлежавших к московскому княжескому дому для конца XIV – пер. пол. XV вв., известен лишь один человек с таким именем — второй сын героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского, скончавшийся (как и все его братья) во время морового поветрия 1426–1427 гг. и погребенный в Троице-Сергиевом монастыре [ПСРЛ 1962: 101]. Неизвестно, к сожалению, в честь кого из наиболее прославленных святых с этим именем (Симеона Столпника под 1 сентября, Симеона Богоприимца под 3 февраля, Симеона Дивногорца под 24 мая или же Симеона Юродивого — 21 июля) он был назван (присутствие в русских месяцесловах XIV в. памятней всех четверых [Лосева 2001: 142, 262, 346–347, 389] не позволяет хоть как-то ограничить выбор). В отличие от его старшего (Ивана) и младших (Федора и Василия) братьев²², известие о рождении Семена не попало на страницы летописей, поэтому версия может существовать лишь в качестве предположения. Разумеется, более вероятным (и даже вполне естественным) местом хранения драгоценного мощевика князя Семена Владимировича, принявшего перед смертью постриг с именем Саввы и похороненного в Троице-Сергиевом монастыре, была бы именно ризница последнего, однако нет ничего невероятного и в кремлевском благовещенском варианте. Известно, что единственным наследником серпуховских князей после мора 1420-х гг. остался Василий Ярославич [Зимин 1991: 23, 37, 222], сестра которого Мария в 1432 г. вышла замуж за великого князя Василия Васильевича (будущего Темного) [там же: 47–52]. Выморочный золотой мощевик мог быть частью ее приданого. Если гипотеза справедлива, энколпион следует датировать, скорее всего, 1410–1426 гг. — промежутком между кончиной князя Владимира Андреевича Храброго и его сына.

²¹ См., к примеру, почерки собственно московских писцов 1410–1420-х гг. [Вздорнов 1980: кат. 65, 67, 68] и кирилло-белозерских того же времени [там же: кат. 103, 104, 106, 108; Смирнова 2011: 228–229, кат. 1], связанных выучкой, вероятно, с московским Симоновым монастырем, постриженником которого был прп. Кирилл Белозерский.

²² Иван родился в 1381 г. [ПСРЛ 1922: 142], Федор в 1390-м [Карамзин 1993: 315], Василий в 1394-м [ПСРЛ 1922: 164]. Между Семеном и Федором у Владимира Андреевича был еще один сын — Ярослав-Афанасий, дата появления на свет которого также неизвестна.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

- ГИМ Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.
РГБ Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский
отдел рукописей.

Библиография

Рукописи

Барс1383

ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1383, Сборник, XV в. (?).

РТСЛ1

РГБ, ф. 304. III (Собр. Ризницы Троице-Сергиевой лавры), № 1, Евангелие Симеона Гордого, ок. 1343/44 г.

Син70

ГИМ, Синодальное собр., № 70, Евангелии апракос (полный), 1355 г.

Син131

ГИМ, Синодальное собр., № 131, Воскресенская Кормчая, кон. XIII – нач. XIV вв.

Син193

ГИМ, Синодальное собр., № 193, Пандекты Никона Черногорца, 1381 г.

ТСЛ15

РГБ, ф. 304. I (Собр. Троице-Сергиевой лавры, основное), № 15, Мерило Праведное, XIV в.

Унд1207

РГБ, ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского), № 1207, Паремийник, 1378 г.

Литература и издания

Бусева-Давыдова 2010

БУСЕВА-ДАВЫДОВА И. Л., “[рец.:] Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры”, в: *Федеральное государственное учреждение культуры “Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”. Материалы и исследования*, 20, Москва, 2010, 374–378.

Вздорнов 1978, 1–2

ВЗДОРНОВ Г. И., *Киевская псалтирь 1397 г.: факсимиле и исследование*, 1–2, Москва, 1978.

— 1980

ВЗДОРНОВ Г. И., *Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XIII – начала XV вв.*, Москва, 1980.

Византия. Балканы. Русь 1991

Византия. Балканы. Русь: Иконы XIII – XV вв. (Каталог выставки), Москва, 1991.

ВМЧ 1916

Великие Минеи Четици, собранные всероссийским митрополитом Макарием, Издание императорской Археографической комиссией. Апрель, дни 22–30, Москва, 1916.

Гальченко 2001

ГАЛЬЧЕНКО М. Г., *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы* (= Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, 1), Москва, С.-Петербург, 2001.

——— 2004

Гальченко М. Г., *Заглавное письмо древнерусских рукописных книг XIV–XV вв.: Альбом зарисовок М. Г. Гальченко*, Москва, 2004.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО 1996

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI – XV в., Москва, 1996.

ЗАЛИЗНЯК 2000

Зализняк А. А., “Палеография берестяных грамот”, в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*, Москва, 2000, 134–274.

ЗИМИН 1991

Зимин А. А., *Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.*, Москва, 1991.

КАРАМЗИН 1993

КАРАМЗИН Н. М., *История государства Российского*, 5, Москва, 1993.

КАРСКИЙ 1928

КАРСКИЙ Е. Ф., *Славянская кирилловская палеография*, Ленинград, 1928 (репринт: Москва, 1979).

ЛОСЕВА 2001

ЛОСЕВА О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV вв.*, Москва, 2001.

МЕДЫНЦЕВА 1991

МЕДЫНЦЕВА А. А., *Подписные шедевры древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики. XI–XIII вв.*, Москва, 1991.

МОРШАКОВА 2003

МОРШАКОВА Е. А., “Золотая и серебряная утварь, княжеские и царские наперсные мощевики”, в: *Царский храм. Святые Благовещенского собора в Кремле*, Москва, 2003, 152–297.

——— 2008

МОРШАКОВА Е. А., “О драгоценных мощевиках второй половины XV в. из Благовещенского собора”, в: *Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры* (= Материалы и сообщения ГИКМЗ “Московский Кремль”, 19), Москва, 2008, 273–292.

НИКОЛАЕВА 1960

НИКОЛАЕВА Т. В., *Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея: Каталог*, Загорск, 1960.

——— 1969

НИКОЛАЕВА Т. В., *Собрание древнерусского искусства в Загорском музее*, Ленинград, 1969.

——— 1971

НИКОЛАЕВА Т. В., *Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в.* (= Археология СССР, Свод археологических источников, Е1-49), Москва, 1971.

НИКОЛАЕВА, ЧЕРНЕЦОВ 1991

НИКОЛАЕВА Т. В., ЧЕРНЕЦОВ А. В., *Древнерусские амулеты-змеевики*, Москва, 1991.

ПСРЛ 1922

Полное собрание русских летописей, 15/1: *Рогожский летописец*, Петроград, 1922 (репринт: Москва, 1965).

ПСРЛ 1949

Полное собрание русских летописей, 25: *Московский летописный свод конца XV века*, Москва, Ленинград, 1949.

ПСРЛ 1962

Полное собрание русских летописей, 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в., Москва, Ленинград, 1962.

Рождественская 1992

Рождественская Т. В., *Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв.*, С.-Петербург, 1992.

Рыбаков 1955

Рыбаков Б. А., “Прикладное искусство великокняжеской Москвы”, в: *История русского искусства*, 3, Москва, 1955, 227–229.

— 1964

Рыбаков Б. А., *Русские датированные надписи XI–XIV вв.* (= Археология СССР, Свод археологических источников, Е1-44), Москва, 1964.

Сводный каталог 2002

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в., Москва, 1, 2002.

Смирнова 1994

Смирнова Э. С., *Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в.*, Москва, 1994.

— 2011

Смирнова Э. С., *Искусство книги в средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в.*, Москва, 2011.

Смирнова и др. 1982

Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А., *Живопись Великого Новгорода. XV в.*, Москва, 1982.

Тихомиров 1961

Тихомиров М. Н., подгот., вступ.ст., *Мерило Праведное по рукописи XIV в.*, Москва, 1961.

Турилов 1992

Турилов А. А., “О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца»”, *Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур* (МАИРСК), 26, 1992, 15–46.

— 2002

Турилов А. А., “Заметки о датировке памятников древнерусского прикладного искусства XIII–XV вв.: палеографический аспект”, в: *Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV – начала XX вв. Сборник статей в честь Г. В. Попова* (= Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева, 2), Москва, 2002, 54–77.

— 2009

Турилов А. А., “Чара великого князя Владимира Давыдовича — памятник русской культуры XIV в.”, в: *Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II*, Москва, 2009, 393–399.

— 2010

Турилов А. А., *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья*, Москва, 2010.

Щепкин 1967

Щепкин В. Н., *Русская палеография*, 2-е изд., Москва, 1967.

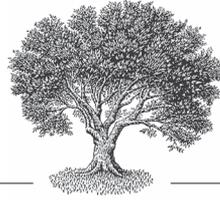
Щепкина 1974

Щепкина М. В., “Тератологический орнамент”, в: *Древнерусское искусство. Рукописная книга*, 2, Москва, 1974, 219–239.

References

- Buseva-Davydova I. L., "[rew.:] Tsarskii khram: Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremliia v istorii russkoi kul'tury," in: *Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'" Materialy i issledovaniia*, 20, Moscow, 2010, 374–378.
- Gal'chenko M. G., *Knizhnaia kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi: Izbrannye raboty*, Moscow, St. Petersburg, 2001.
- Gal'chenko M. G., *Zaglavnoe pis'mo drevnerusskikh rukopisnykh knig XIV–XV vv.: Al'bom zarisovok M. G. Gal'chenko*, Moscow, 2004.
- Gordienko E. A., Laurina V. K., Smirnova E. S., *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV v.*, Moscow, 1982.
- Karskiy E. F., *Slavianskaia kirillovskaia paleografia*, Moscow, 1979.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vv.*, Moscow, 2001.
- Medyntseva A. A., *Podpisnye shedevry drevnerusskogo remesla. Ocherki epigrafiki. XI–XIII vv.*, Moscow, 1991.
- Morshakova E. A., "Zolotaia i serebrianaia utvar', kniazheskie i tsarskie napersnye moshcheviki," in: *Tsarskii khram. Sviatyni Blagoveshchenskogo sobora v Kremle*, Moscow, 2003, 152–297.
- Morshakova E. A., "O dragotsennykh moshchevikakh vtoroi poloviny XV v. iz Blagoveshchenskogo sobora," in: *Tsarskii khram: Blagoveshchenskii sobor Moskovskogo Kremliia v istorii russkoi kul'tury* (= Materialy i soobshcheniia GIKMZ "Moskovskii Kreml'", 19), Moscow, 2008, 273–292.
- Nikolaeva T. V., *Proizvedeniia melkoi plastiki XIII–XVII vv. v sobranii Zagorskogo muzeia: Katalog*, Zagorsk, 1960.
- Nikolaeva T. V., *Sobranie drevnerusskogo iskusstva v Zagorskom muzei*, Leningrad, 1969.
- Nikolaeva T. V., *Proizvedeniia russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisiami XV – pervoi chetverti XVI v.*, Moscow, 1971.
- Nikolaeva T. V., Chernetsov A. V., *Drevnerusskie amulety-zmeeviki*, Moscow, 1991.
- Rozhdestvenskaya T. V., *Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov: novye istochniki XI–XV vv.*, St. Petersburg, 1992.
- Rybakov B. A., "Prikladnoe iskusstvo velikokniazheskoi Moskvy," in: *Istoriia russkogo iskusstva*, 3, Moscow, 1955, 227–229.
- Rybakov B. A., *Russkie datirovannye nadpisi XI–XIV vv.*, Moscow, 1964.
- Shchepkin V. N., *Russkaia paleografia*, Moscow, 1967.
- Shchepkina M. V., "Teratologicheskii ornament," in: *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaia kniga*, 2, Moscow, 1974.
- Smirnova E. S., *Litseye rukopisi Velikogo Novgoroda. XV v.*, Moscow, 1994, 219–239.
- Smirnova E. S., *Iskusstvo knigi v srednevekovoi Rusi: Litseye rukopisi Velikogo Novgoroda. XV v.*, Moscow, 2011.
- Tikhomirov M. N., ed., *Merilo Pravednoe po rukopisi XIV v.*, Moscow, 1961.
- Turilov A. A., "O vremeni i meste sozdaniia pergamennogo «Evangeliiia Memnona-knigopista»,» *Informatsionnyi biulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsii po izucheniiu i rasprostraneniui slavianskikh kul'tur (MAIRSK)*, 26, 1992, 15–46.
- Turilov A. A., "Zametki o datirovke pamiatnikov drevnerusskogo prikladnogo iskusstva XIII–XV vv.: paleograficheskii aspekt," in: *Khudozhestvennaia kul'tura Moskvy i Podmoskov'ia XIV – nachala XX vv. Sbornik statei v chest' G. V. Popova* (= Trudy Tsentral'nogo muzeia drevnerusskoi kul'tury i iskusstva im. A. Rubleva, 2), Moscow, 2002, 54–77.
- Turilov A. A., "Chara velikogo kniazia Vladimira Davydovicha – pamiatnik russkoi kul'tury XIV v.," in: *Moskovskii Kreml' XIV stoletii. Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki: Pamiati sviateishego Patriarkha Moskovskogo i Vseia Rusi Aleksiiia II*, Moscow, 2009, 393–399.
- Turilov A. A., *Slavia Cyrillomethodiana: Istochnikovedenie istorii i kul'tury iuzhnykh slavian i Drevnei Rusi. Mezhslavianskie kul'turnye sviazi epokhi srednevekov'ia*, Moscow, 2010.
- Vzdornov G. I., *Kievskaia psaltir' 1397 g.: faksimile i issledovanie*, 1–2, Moscow, 1978.
- Vzdornov G. I., *Iskusstvo knigi v Drevnei Rusi. Rukopisnaia kniga Severo-Vostochnoi Rusi XIII – nachala XV vv.*, Moscow, 1980.
- Zalizniak A. A., "Paleografia berestianykh gramot," in: V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.)*, Moscow, 2000, 134–274.
- Zimin A. A., *Vitiaz' na raspute'e: Feodal'naia voina v Rossii XV v.*, Moscow, 1991.

Анатолий Аркадьевич Турилов, канд. ист. наук, иностранный член Сербской академии наук и искусств
Институт славяноведения РАН,
ведущий научный сотрудник Отдела истории средних веков
119991, Москва, Ленинский проспект, 32А
Россия/Russia
aaturilov@gmail.com

К вопросу об апокрифах в Хождении игумена Даниила*

On the Apocrypha in the *Pilgrimage* by Daniel the Traveler

**Ирина Владимировна
Федорова**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)

Irina V. Fedorova

Institute of Russian Literature (Pushkin
House) of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg)

Резюме

Богатство апокрифического материала, содержащегося в Хождении игумена Даниила, не раз становилось предметом специального рассмотрения. Однако существующие в этой области исследования специалистов опираются на текст Первой редакции памятника и не учитывают его литературную историю. В статье показано, как апокрифические сюжеты могут быть по-разному переданы редакциями Хождения игумена Даниила (полнотекстовыми и сокращенными) и его переделками XVI–XVII вв. Отметим, к примеру, рассказ о Назарете, описание которого в Хождении сопровождает апокрифическая версия Благовещения, где, в отличие от евангельского текста (Мф 1:18–25, Лк 1:26–28), рассказывается о пред-Благовещении у колодца, куда Мария пришла за водой, а затем о явлении ей архангела Гавриила в пещере. В группе сокращенных списков XVI в., происходящих из Кирилло-Белозерской обители, это сообщение опущено, а о Назарете сказано только, что “ту благовѣсти ей архаг(е)ль Гаврииль”. Таким образом, полноценное предание, читающееся в полнотекстовых редакциях Хождения игумена Даниила, оказалось вытеснено лаконичным сообщением, согласным с евангельским повествованием.

Природу рассмотренных в статье разночтений еще предстоит осмыслить, так как они могут быть как поздней вставкой в текст, выполненной редакторами,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ–ИППО, проект “Хождение игумена Даниила в древнерусской книжности XV – пер. пол. XVI в. (исследование и тексты)”, № 14-64-01001а.

так и отражением более раннего периода истории памятника. Однако особенности передачи апокрифических сюжетов списками Хождения игумена Даниила необходимо учитывать, реконструируя литературную историю этого произведения.

Ключевые слова

Хождение игумена Даниила, паломническая литература, апокриф, неканонический сюжет, текстология, литературная история, редакция, список

Abstract

The abundance of apocryphal material in the text of the *Pilgrimage* by Daniel the Traveler has become the subject of several special studies in the past, by Ya. I. Gorozhansky, M. A. Venevitinov, P. A. Zabolotsky, V. P. Adrianova-Peretts, and M. Garzaniti. All of these studies, however, were based on the text of the First Redaction of the *Pilgrimage* (according to Venevitinov's classification) and they did not consider the work's literary history. The present study reveals the various ways in which the reproduction of apocryphal subjects appears in different redactions of the *Pilgrimage* (both full-text and abridged) and its later adaptations made in the 16th and 17th centuries. One of the examples is the description of Nazareth, which is accompanied by an apocryphal version of the Annunciation in the *Pilgrimage*. This version differs from the Bible text (Mt 1:18–25, Lk 1:26–28) in that it tells about the events directly preceding the Annunciation: the pre-Annunciation at the well, where Mary comes to draw water, and the appearance of the Archangel Gabriel to her in a cave. In the group of abridged copies of the 16th century from the Kirillo-Belozersky Monastery, this information is missing, and the only thing said about Nazareth is that "Archangel Gabriel announced to Her [Mary] there." Thus, the complete story appearing in the full-text redactions of Daniel's *Pilgrimage* was replaced by a compact report consistent with the Bible narrative.

The nature of the variant readings presented in this paper remains to be interpreted, as these variants may be later interpolations in the text made by redactors or they may represent traces of the earlier period of the history of the text. At the same time, any reconstruction of the literary history of the *Pilgrimage* has to take into account the peculiarities of the reproduction of apocryphal subjects in different redactions of the text.

Keywords

Pilgrimage by Daniel the Traveler, pilgrimage literature, apocrypha, non-canonical subject, textual study, literary history, redaction, copy

Богатство апокрифического материала в Хождении игумена Даниила — древнейшем памятнике отечественной паломнической литературы — уже не раз становилось предметом специального рассмотрения¹. Особое место в его исследовании принадлежит П. А. Заболотскому [1899:

¹ См., к примеру: [ГОРОЖАНСКИЙ 1884: 308–310; GARZANITI 1998; РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2004]. В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ [1941: 73] полагала, что именно из-за обилия апокрифических сюжетов Хождение игумена Даниила в XVI в. было включено в индекс "Отреченных книг".

9–52], которым выявлен и описан репертуар апокрифических сюжетов, включенных в текст памятника. Исследование П. А. Заболотского и других ученых опирается на публикацию текста Хождения в “Православном Палестинском сборнике”, где воспроизведена, по классификации М. А. Веневитинова, Первая редакция памятника [Веневитинов 1883; 1885]², и не учитывает его литературную историю. Однако, как показывает наше текстологическое изучение Хождения игумена Даниила, различия между наиболее распространенными в книжной традиции Первой и Второй редакциями этого произведения обнаруживаются и в передаче ими апокрифических сюжетов. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть, как некоторые апокрифические сюжеты передаются редакциями и переработками текста Хождения игумена Даниила.

* * *

В паломнический маршрут русского игумена по Галилее входил Капернаум, о котором Первая редакция памятника, обыгрывая слова Христа, приведенные в Мф 11:23 и Лк 10:15, сообщает еще и как о месте воцарения антихриста: “И о томъ Капернаумъ глаголетъ пророкъ: «О горѣ тебѣ, Капернауме! Възнеслѣя еси до небесъ и до ада снидеши». Изъ того бо града изити хотяшетъ антихристъ” [Веневитинов 1883: 89]³. Во Второй редакции это чтение распространено сообщением о том, что Капернаум и есть родина антихриста: “Ту бо ся родити антихристу” [Федорова, Прохоров 2007: 230]. В группе сокращенных списков XVI в., принадлежащих Кирилло-Белозерской библиотеке, — РГИА-1305, БАН-16.8.13, Соф-1409 — пророчество о городах опущено, а Капернаум назван местом рождения антихриста “от нечистыа девица”: “От Кесариа до Капернаума города версть 8; *туто родитися сатань от нечистыа девица*” [Соф-1409: 107; курсив мой. — И. Ф.].

² Здесь и далее пользуемся классификацией списков, предложенной этим исследователем [Веневитинов 1883: VI–IX]. Распределяя списки Хождения по редакциям, М. А. Веневитинов принимал во внимание их формальные признаки: под каким заглавием читается произведение; количество глав и их названия; присутствие в тексте главы “О горе Армафем”; в полном или сокращенном варианте воспроизведена “Молитва Авраама”; полноту описания в тексте дома царя Давида и главы “О свете небесном”; указано в эпилоге или нет время паломничества; имена каких князей названы в перечне, записанном Даниилом для поминовения в лавре Св. Саввы [он же 1884: 86–96]. Наименование выделенных ученым редакций носит условный характер и не отражает их взаимоотношений и последовательность происхождения.

³ П. А. Заболотский обратил внимание на то, что в Хождении “наблюдается смешение одноименных местностей” — Капернаума Тивериадского с Капернаумом у Средиземного моря, к последнему автор относил слова Спасителя, адресованные в Евангелиях от Матфея и Луки к Капернауму Тивериадскому [Заболотский 1899: 24].

Если пророчество о городах в тексте Первой редакции объединить с сообщениями Второй редакции и группой кирилловских списков о Капернауме как месте рождения антихриста от девицы, то можно реконструировать сюжет, известный по апокрифическому “Слову Мефодия Патарского: о языке последних времен”:

... за 4 лѣта и за 40 дней по скончаніи Царяграда объявятся три града: Хоразинъ, Вивсаида, Капернаумъ. Въ томъ же Хоразинѣ будетъ черница дѣвою, дщи нѣкоего боярина. Сѣдящи въ келіи своей услышитъ въ виноградѣ своемъ птицу, поюшу таковыя пѣсни, иже ни умъ чловѣчь возможетъ разумѣти. Она же открывши оконца и хотя обозрѣти птицу, птица же возлетѣвши и зашибетъ ея въ лице, черницы тоя, и въ томъ часу зачнетъ у нея сынъ пагубѣ, окаянный антихристъ. И родивши его, срама ради отдастъ его отъ себя въ градъ, нарицаемый Вивсаиду; въ томъ же градѣ вскормленъ будетъ, а в Капернаумѣ царствовати будетъ. Сего ради речеть Господь: “Горе тебѣ, Хоразине! Горѣ тебѣ, Вивсаида! А ты, Капернауме, вознесыйся до небесъ, и до ада низведешися” [Тихонравов 1863: 262].

На Руси Сказание Мефодия Патарского появилось достаточно рано, “с первых времен русской письменности” [Порфирьев 1872: 97]⁴, поэтому теоретически оно могло быть известно игумену Даниилу. Однако указание Второй редакции Хождения и кирилловской группы списков на Капернаум как родину антихриста не согласуется и с текстом Слова Мефодия Патарского и может свидетельствовать в пользу того, что в рассматриваемых чтениях могло отразиться одно из тех палестинских преданий, которые паломникам пересказывали их проводники⁵, а они, как известно, могли связывать с одним местом разные события [Веселовский 1885].

Знакомясь с текстом названных кирилловских списков, обратим внимание на описание “столпа” царя Давида. Полнотекстовые версии Первой и Второй редакций Хождения игумена Даниила при описании иерусалимской цитадели ветхозаветного царя сообщают: “Столпъ же то есть святаго пророка Давида; ту есть и домъ его былъ. Въ томъ столпѣ Давыдъ пророкъ и Псалтырю составилъ и написалъ. Дивенъ есть столп-отъ...” [Веневитинов 1883: 25]⁶. П. А. Заболотский в этом чтении

⁴ Подробнее о древнерусских переводах памятника также см.: [Истрин 1897: 121–174].

⁵ Из текста Хождения известно, что такого проводника — “вожа добра” — игумен Даниил обрел в лавре Саввы Освященного: “И пригоди ми Богъ налѣсти въ лаврѣ мужа свята и стара деньми, и книжна вельми” [Веневитинов 1883: 4]. Напомним о том, что в науке не раз обращалось внимание на “хождения” как на один из источников распространения апокрифических сведений, передаваемых проводниками по Святой Земле паломникам. “Следы таких рассказов” исследователи отмечают и в тексте Хождения игумена Даниила, см., к примеру: [Рождественская, Турилов 2001: 56].

⁶ Ср. со Второй редакцией: “Столпъ же есть святаго пророка Давыда, на немже Псалтырь съставилъ. Дивенъ вельми стоупъ тои...” [Федорова, Прохоров 2007: 180].

текста, связывающим написание Псалтири в “столпѣ”, видел “следы легендарных сказаний” [Заболотский 1899: 9–48]. В кирилловских списках приведенное чтение имеет дополнение: “Столпъ же той святаго пророка Давыда, иже Псалтырь *списа 3000*, и дивен столпъ той велми. . .” [Соф-1409: 92; курсив мой. — И. Ф.]. Вероятно, в этом чтении кирилловских списков в искаженном виде отразился апокрифический сюжет о написании царем Давидом 365-ти псалмов, известный по апокрифам “Слово как исписа Давид Псалтырь”⁷ и “Сказание о Псалтыри”: “Списа жа псалмовъ Давыдъ въ Псалтыри всѣхъ 300 и 60 и 5” [КАГАН-ТАРКОВСКАЯ, ТАРКОВСКИЙ 1999: 168].

Еще одно своеобразное чтение содержится в описании в кирилловских списках Рамы. Рассказ о ней, передаваемый Первой и Второй редакциями памятника, в этих списках сокращен до одной фразы: “А оттолѣ до Рамы 2 версты: дебрь велика и села многы” [Соф-1409: 106об.], — но далее читается уточнение, отсутствующее в большинстве известных сегодня списков Хождения: “. . . туто и младенци избиты 14000”⁸. Сведений о количестве избитенных Иродом младенцев (пам. 29 декабря) не знает ни евангельский текст (Мф 2:16–18), ни следующие за ним полнотекстовые редакции Хождения игумена Даниила. Но в одной из переделок Хождения, датируемой концом XVI – нач. XVII в., сохранившейся в сборнике Димитрия Ростовского (*Син-811*), также читается это предание: “. . . лежать мощи святыхъ 4000, избитенныхъ от Ирода царя” [ВЕНЕВИТИНОВ 1889: 16]⁹.

Церковное предание называет разное количество погибших: жертва в 14 000 известна по православному преданию, у блаженного Иеронима говорится о “многих тысячах”, в сирийской традиции указывается на 64 000, “а в ряде западных мартирологов — 144 тыс. младенцев” [О. В. Л. 2004: 604]. Сообщение о 14000 избитенных младенцах встречается в некоторых

⁷ Влияние этого апокрифа на паломнический текст можно проследить в Просквинитарии Арсения Каллуды, переведенном в XVII в. на русский язык Евфимием Чудовским: “. . . въ нейже сложи священный Псалтирь 150 псалмы” [Леонид 1883: 7].

⁸ Ср. в Первой редакции: “А от тоя горы къ западу лицъ есть двѣ версть до Рамы, и о той Рамѣ пророкъ Иеремья глаголетъ: «Гласъ в Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданье во ушью ею, Рахиль плачущюся чадъ своихъ и не хотяше утѣшиться, яко не суть». И есть Рама та дебрь велика, и по дебри той съдѣла села многа. И та земля вся около дебри тоа нынѣ зоветься Рама, и то есть область Вифлеемская. И ту Иродъ царь посла воя своа въ Раму избить святыхъ младенецъ” [ВЕНЕВИТИНОВ 1883: 85–86; курсив мой. — И. Ф.].

⁹ Заметим, что в копиях XVIII–XIX в., снятых со списка Хождения из сборника Димитрия Ростовского [Титов-2037: 112об.; Титов-4511: 255], сказано про “14 000 избитенныхъ младенцовъ”. К сожалению, рукопись *Син-811* нам оказалась недоступна, поэтому оценить, является указание на 4 000 младенцев, приведенное в статье М. А. Веневитиновым, опечаткой или отражением реального чтения этого списка, мы не смогли.

греческих проскинитариях XVI в.¹⁰ Об этом свидетельствовал и паломник XIV в. — гость Василий: “. . . и внутрь церкви тоя 14 тысяч избивенных младенец от Ирода царя” [Леонид 1884: 8], — и паломники Нового времени: иеромонахи Макарий и Селиверст (паломничество 1704 г.)¹¹, священник Андрей Игнатъев [Леонид 1874: 35]. Спорадически это предание приводится и в описаниях паломников XIX – нач. XX в.¹² Всё это свидетельствует о распространении предания среди паломников, но было ли оно известно авторскому тексту игумена Даниила или рассматриваемая группа кирилловских списков отразила чтение, свойственное только их архетипу, пока судить трудно.

Итак, природу отмеченных разночтений в тексте кирилловских списков Хождения игумена Даниила еще предстоит осмыслить, так как они могут как быть поздней вставкой в текст, выполненной редактором, так и отражать и более ранний период истории памятника. Такое предположение позволяет высказать следующее: несмотря на то, что кирилловские списки передают Хождение в сокращенном виде, в их тексте просматриваются особенности, характерные для так называемой Четвертой редакции Хождения, выделенной М. А. Веневитиновым [1884: 90–91]. В. П. Адрианова-Перетц списки памятника распределяла по двум редакциям — Первой и Второй. К Первой редакции Хождения она относила списки, объединенные ее предшественником в Четвертую редакцию [Адрианова-Перетц 1961: 249]. По мнению исследовательницы, формирование Первой и Второй редакций произошло к началу XV в., и тексты их независимо друг от друга отразили общий архетип [там же]. Если предположение исследовательницы верно, то можно полагать, что в сообщении о Капернауме Первая и Вторая редакции Хождения и кирилловская группа списков по-разному отразили апокриф, читавшийся в тексте их архетипа. Окончательно ответ на вопрос о происхождении рассмотренных разночтений может дать только словное исследование всех списков Хождения игумена Даниила.

Однако уже на современном этапе изучения литературной истории памятника можно найти пример того, как апокрифическая версия

¹⁰ См., к примеру, “Путник о святом граде Иерусалиме”: “Таможе въ вертепѣ мѣстце есть, идеже погребоша воины Христовы, сиречь незлобивыя дѣти, избивенны отъ Ирода царя, 14 тысячъ, и от того мѣстца исходитъ запахъ красный” [Пападопуло-Керамевс, Дестунис 1896: 85].

¹¹ “. . . из оной пещеры вход въ другую пещеру, въ которой пещерѣ лежать четырнадцать тысячъ избивенныхъ младенцевъ отъ Ирода” [Леонид 1874: 11].

¹² Об этом читаем в “Путешествии во святыи градъ Иерусалимъ села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны”: “. . . тутъ же, въ пещере, и младенцы 14 тысящъ, от Ирода избивенныхъ” [Титов-1307: 17]. Это же предание в нач. XX в. слышала паломница Анна Ковригина: “. . . в Вифлеемском храме есть место пространное, где стоят 40 колонн, тут, по преданию, было место избивения 14-ти тысяч младенцев за Христа” [Ковригина 1909: 29; курсив мой. — И. Ф.].

евангельского события, читающаяся в Хождении XII в., в результате работы редактора заменяется его каноническим вариантом.

Это хорошо видно на примере рассказа о Назарете, описание которого в Хождении игумена Даниила сопровождает апокрифическая версия Благовещения, в отличие от евангельского текста (Мф 1:18–25; Лк 1:26–28), рассказывающая о пред-Благовещении у колодца, куда Мария пришла за водой, а затем о явлении ей архангела Гавриила в пещере, где Мария “скаше кокнитъ, еже есть червленица” [ВЕНЕВИТИНОВ 1885: 119]. В еще одной группе сокращенных списков XVI в., также происходящих из Кирилло-Белозерской обители¹³ [СПБИИ-244; Соф-1449; Соф-1453], это сообщение опущено, а о Назарете сказано только, что “ту благовѣсти ей архагг(е)лъ Гавриилъ” [Соф-1453: 127об.]. Таким образом, полноценное предание, передаваемое Первой и Второй редакциями Хождения, оказалось вытеснено лаконичным сообщением, согласным с евангельским повествованием¹⁴. Показательна в этом отношении приписка, свидетельствующая о восприятии книжниками более поздней традиции неканонической версии Благовещения, переданной игуменом Даниилом. На поле одного из списков XVIII в. “Странника Иерусалимского” Даниила Корсунского¹⁵ напротив рассказа о пред-Благовещении написано: “От тут брехня: Благовещение одно було в Назарети” [АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ 1926: 7]. Если в конце XVI в., перерабатывая Хождение игумена Даниила, Корсунский архимандрит сохранил апокрифический сюжет своего источника,

¹³ Критерии распределения по группам кирилловских списков, передающих текст Хождения игумена Даниила в сокращенном виде, будут описаны нами в специальной работе, посвященной их текстологическому изучению.

¹⁴ Эту особенность кирилловских списков можно объяснить доминирующим приемом работы редактора с текстом — сокращением, однако к апокрифическим сюжетам этот прием не всегда последовательно применялся. Так, в первой группе кирилловских списков [РГИА-1305; БАН-16.8.13; Соф-1409] сюжет пред-Благовещения сохранен, а в одном из старших сокращенных списков Хождения игумена Даниила 1475 г. [Кир-Бел-9: 130об.–193] апокрифический пласт памятника Ефросин Белозерский передал почти в полном объеме. Сокращенные списки Хождения игумена Даниила, представляющие “не отдельную редакцию, а <передачу> текста хождения в сокращенном изложении” [ВЕНЕВИТИНОВ 1883: VIII], в настоящее время остаются наименее изученными. В результате сокращения Хождения редакторами разного времени оно, как правило, превращалось в путеводители, тексты которых отличаются вариативностью. Поэтому еще предстоит в полном объеме выявить, систематизировать и провести текстологическое изучение таких списков памятника.

¹⁵ Напомним о том, что архимандрит “града Корсуна в Белой России” Даниил совершил паломничество в 1592 г. В основу описания своего богомоля, известного в науке под названием “Странник Иерусалимский”, Даниил Корсунский положил текст Второй редакции Хождения игумена Даниила, подвергнув его не только сокращениям, но и распространив источник рядом апокрифических сюжетов, среди которых “Сон Богородицы” и своеобразная версия апокрифа “О иерействе Иисуса Христа”. Подробнее об этом см.: [АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ 1926: 11–18].

то в 1709 г. священник Тимофей Зборовский, редактируя уже “Странник Иерусалимский” Даниила Корсунского, неканоническое предание опустил. Из чего можно сделать вывод, что апокрифическая версия Благовещения не входила в категорию “речей потребнейших”, которые, по словам редактора, он выписывал из “той книжищи” [там же].

В названной группе кирилловских списков пропущено и апокрифическое сказание, относимое в Хождении игумена Даниила к месту, “идѣже свята Богородица видѣ двои люди, едины смѣющаяся, а другиа плачущаяся” [ВЕНЕВИТИНОВ 1883: 62]. Источником его П. А. Заболотский считал текст Первоевангелия [ЗАБОЛОТСКИЙ 1899: 36–37]. К нему же исследователь возводил описание русским игуменом места, “идѣже ссѣла свята Богородица съ осяти, егда понуди сущее въ чревѣ еа, хотя изыти” [там же: 36]. Это апокрифическое сказание опущено в текстах всех кирилловских списков, передающих Хождение в сокращенном варианте. И таким образом в списках *СПБIII-244*, *Соф-1449* и *Соф-1453* оказалась полностью пропущена неканоническая история о событиях, предшествовавших рождению Спасителя.

С Первоевангелием Иакова связан еще один неканонический сюжет Хождения. При описании места, где во время бегства в Египет Святое семейство “нощлѣгъ створиша”, в Первой редакции сказано, что вместе с Богородицей, младенцем Иисусом и Иосифом был еще и Иаков: “. . . свята Богородица съ Исусомъ Христомъ, и съ Иосифомъ, и съ Иаковомъ” [ВЕНЕВИТИНОВ 1883: 49]. П. А. Заболотский обратил внимание на то, что известие об участии в этой истории третьего лица — Иакова — содержится только в некоторых списках апокрифического Первоевангелия, где Иаков представлен воспитанником Богоматери [ЗАБОЛОТСКИЙ 1899: 38, прим. 2]. Это сообщение текста игумена Даниила, по наблюдениям исследователя, поддерживается древнейшей церковной живописью, где Иаков изображается юношей [там же: 37–38]. Однако в тексте Второй редакции Хождения сообщение об Иакове отсутствует [ФЕДОРОВА, ПРОХОРОВ 2007: 198]¹⁶, поэтому в этой версии текста памятника сюжет о бегстве в Египет соответствует Мф 2:13–15, где рассказывается об этом событии: “. . . ис тоя пещеры бѣжалъ Христос въ Египетъ с матерію своею и съ Иосифомъ” [ФЕДОРОВА, ПРОХОРОВ 2007: 212].

¹⁶ Справедливости ради отметим, что М. А. Веневитинов, публикуя Первую редакцию Хождения, этого разночтения не отметил [ВЕНЕВИТИНОВ 1883: 49, прим. 16], хотя списки Второй редакции использованы им для подведения разночтений [там же: ххiii]. В сокращенном списке Хождения Ефросина Белозерского 1475 г. это чтение текста сохранено: “На том мѣстѣ свята Богородица со Христомъ и со Иосифом, и со Ияковом ночлѣгъ створиша, егда бѣжаху во Египет” [*Кир-Бел-9*: 158], — что при решении вопроса об источнике, с которым работал кирилловский книжник, может свидетельствовать в пользу Первой или Четвертой редакций.

П. А. Заболотский, учитывая, что русские списки Первоевангелия относятся к позднему времени, XV в., даже полагал, что в руках Даниила был древнейший, неизвестный перевод апокрифа [Заболотский 1899: 34]. В пользу книжного происхождения апокрифического сюжета Благовещения, читающегося в *Хождении*, свидетельствуют как его текстуальное совпадение с Первоевангелием [Сперанский 1895: 28–29], так и повествовательные особенности этого фрагмента памятника: разработанность сюжетной линии, организуемой монологами действующих лиц; детализированность рассказа, в котором прописаны даже жесты девы Марии: “Озрѣвса Марія сюду и сюду, ни видѣ никогоже, но токмо гласъ слыша, и, взявше водонось свой, идяше, дивящися во умѣ своемъ” [Веневитинов 1886: 121].

Так же подробно в тексте *Хождения* передан еще один сюжет Первоевангелия о том, как Елисавета с младенцем Иоанном укрылась от воинов Ирода в горе, попросив ее о помощи: “«Горо, прими матеръ съ чадомъ!» И абие разступися гора и приять ю” [Веневитинов 1883: 84]¹⁷. В кирилловских списках памятника *РГИА-1305*, *БАН-16.8.13* и *Соф-1409* этот апокрифический сюжет сохранен, но в соответствии с установкой редактора передан в сокращенном виде: “А оттолѣ полверсты чрезъ дебрь до горы, идѣже раступися гора и приат Иоана и с матерію, слуги Иродовы искали, возвратишася посрамлени; и нынѣ мѣсто то знати — рассълина та” [Соф-1409: 106–106об.]. А в списках *СПБII-244*, *Соф-1449* и *Соф-1453* эта апокрифическая история пропущена¹⁸.

¹⁷ Одним из первых на зависимость этого фрагмента *Хождения* игумена Даниила от апокрифического Евангелия указал М. Н. Сперанский, хотя и оговорился, что “. . . едва ли всегда возможно утверждать, что приурочение того или другого места обязано своим происхождением именно апокр. ев.; возможно и то, что приурочение это объясняется существованием легенды, которая, с одной стороны, была прикреплена к местности, с другой — вошла в апокрифич. ев.” [Сперанский 1895: 17]. Апокрифический рассказ о горе, в которой скрылась Елисавета с младенцем Иоанном, читается и в *Проскинитарии* Арсения Суханова, но в этом памятнике XVII в. он передан в пространном варианте. Арсений Суханов назвал и использованный им источник: “О той горѣ пишетъ въ *Маргаритъ* же: Елисаветъ же, жена Захариина, видяще убийць оныхъ, убивающихъ младенцы, восхитивши отроча свое, блаженнаго Иоанна, бѣжаше съ нимъ. Слуги же, видѣвше, гнаша во слѣдъ ея. Елисаветъ же, бѣжавши, достиже къ горѣ, утрудися, яко не къ тому могуци взыти на ню, видяще же яко близъ бяху убийцы оныя, бѣгущие за нею, возопи ко Господу Богу въ горести души своея, и глагола горѣ той: горо, горо, прими матеръ съ чадомъ. И абие Господу хотящу, раступися гора, скры ю, свѣтяше же ся има въ горѣ, яко ангель Господень бѣ съ ними, храня ихъ. Убийцы же, погнавше во слѣдъ ея, поискавше, и не обрѣтше, вспять возвратишася; и Елисаветъ же пребысть ту до умертвия Иродова” [Ивановский 1889: 201–202].

¹⁸ Повествовательные особенности последних двух апокрифов выделяют их из всего корпуса преданий, содержащихся в *Хождении* игумена Даниила, доминирующей формой передачи которых была топографическая заметка. При такой форме сюжет легенды лишь скупо обозначается либо содержится только намек на него, и

Несмотря на то, что в русской книжности эпохи Средневековья Хождение игумена Даниила являлось “жанровым архетипом”, его литературная история сохранила примеры того, как содержание памятника расширялось неканоническими сюжетами, заимствованными из других паломнических описаний. Такие примеры единичны, поэтому заслуживают, чтобы акцентировать на них внимание еще раз. В данном случае речь идет об одном из “старших” списков памятника *ОИДР-189* (конец XV в.), в котором на полях рукописи и вклеенных листочках приведены фрагменты из текста русского перевода XV в. “Повести Епифания о Иерусалиме и сущих в нем местах” и Хождения Арсения Солунского. Среди добавлений к тексту этого списка Хождения игумена Даниила немало сообщений легендарно-апокрифического характера¹⁹. Например, о звезде волхвов, упавшей в цистерну: “. . . якоже есть на сѣверную страну вертепа студенець ископанъ. Въ водѣ студенца есть звѣзда, иже бѣ шествовала съ волхвы” [Васильевский 1886: xxiv]. Однако до сих пор не удалось обнаружить списка, в котором эти дополнения были бы интерполированы в текст нашего древнейшего Хождения. Обратим внимание и на чтение в одном из списков XVII в. *Уваров-132*, в котором рассказ о посещении Даниилом церкви Честного Креста в Иерусалиме дополнен сообщением о том, что эта церковь “мати всѣмъ церквамъ, сия бо церковь первая стала во Иерусалимѣ по распятии Христовѣ”. В этом чтении Уваровского списка М. А. Веневитинов усматривал влияние “на писца Беседы трех святителей, Голубиной книги или других произведений апокрифической и народной литературы” [Веневитинов 1887: 3].

Еще одно добавление апокрифического характера содержится в переломке Хождения игумена Даниила из сборника Димитрия Ростовского *Син-811*. Рассказ Хождения о том, как к Святому семейству в пещеру на поклонение младенцу Христу приходили волхвы, содержат Вторая, Третья и Четвертая редакции памятника²⁰. В списке *Син-811* сообщение Второй редакции о поклонении волхвов расширено за счет их имен, заимствованных, как полагал М. А. Веневитинов, из апокрифических

содержание предания можно восстановить, привлекая дополнительный источник. Таким образом, либо сам игумен Даниил воспользовался книжным источником, работая над Хождением, либо Первоевангелие привлекали уже редакторы Хождения, но произошло это не позднее начала XV в., когда оформились тексты известных сегодня редакций памятника.

¹⁹ Перечень их см.: [Кобяк 2003: 63–65]. Часть дополнений к тексту Хождения игумена Даниила опубликована А. С. Норовым [Норов 1864: 45, прим. *т*; 46–47, прим. *г*; 54, прим. *л*; 76, прим. *з*; 81, прим. *э*].

²⁰ Свидетельство Хождения о поклонении волхвов “въ пещерѣ” расходится с евангельским повествованием, сообщавшим о поклонении волхвов в доме; подробнее об этом см.: [Заволотский 1899: 9–11].

Евангелий: “. . . въ ту пещеру приходили и волсви *отъ Персиды Аталъ, и Валтасаръ, и Мелхионъ зъ дары и, поклонишася Христу, отверзше сокровища своя: злато и ливанъ и змирну*. Изъ тоѣ же пещеры и бѣжа Христость во Египеть. . .” [ВЕНЕВИТИНОВ 1889: 16; курсив мой. — И. Ф.]²¹.

Итак, рассмотренные примеры передачи апокрифических сюжетов редакциями и переделками Хождения игумена Даниила показывают, что обнаруживаемые между ними разночтения важны не только для характеристики работы с памятником редакторов, их также необходимо учитывать при классификации списков и реконструкции его литературной истории. Возможно, дальнейшее текстологическое изучение древнейшего памятника русской паломнической литературы обнаружит в его содержании и другие апокрифические сюжеты, что позволит более полно представить репертуар апокрифической легенды в составе Хождения XII в. и описать их источники.

Библиография

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ	Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей.
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей.
СПБНИИ	Санкт-Петербургский институт истории РАН.
РГИА	Российский государственный исторический архив.

Рукописи

БАН-16.8.13

БАН, 16.8.13, Сборник, XVI в., описание см. [Описание 1965: 118–121].

Кир-Бел-9

РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, Сборник, XV в., описание см.: [Каган и др. 1980: 105–143].

ОИДР-189

РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), №189, Сборник, XV в., описание см.: [Жобяк 2003: 58–65].

РГИА-1305

РГИА, ф. 834, оп. 2, № 1305, Сборник, кон. XV – нач. XVI в., описание см.: [Описание 1906: 77–81].

Син-811

ГИМ, Синодальное собр., № 811, Сборник, нач. XVIII в., описание см.: [Русский 1891: 115–116].

²¹ Это же чтение повторяют уже названные копии с рукописи *Син-811: Тутов-2037* [113] и *Тутов-4511* [255об.].

Соф-1409

РНБ, Софийское собр., № 1409, Сборник, XVI в., описание см.: [Рузский 1891: 43–44; АБРАМОВИЧ 1910: 72–73].

Соф-1449

РНБ, Софийское собр., № 1449, Сборник, кон. XVI – нач. XVII в., описание см.: [Рузский 1891: 61–66; АБРАМОВИЧ 1910: 186–204].

Соф-1453

РНБ, Софийское собр., № 1453, Сборник, XVI в., описание см.: [Рузский 1891: 46–48; АБРАМОВИЧ 1910: 217–220].

СПБIII-244

СПБIII РАН, ф. 11, оп. 1. № 244, Сборник, XVI в., описание см.: [Сидоров 1907: 8–13].

Титов-1307

РНБ, собр. А. А. Титова, № 1307, Путешествие Анны Алексеевны, нач. XIX в.,

Титов-2037

РНБ, собр. А. А. Титова, № 2037, Сборник, XVIII в.

Титов-4511

РНБ, собр. А. А. Титова, № 4511, Сборник, XIX в.

Уваров-132

ГИМ, собр. Уварова, № 132, 8°, Сборник, XVII в., описание см.: [ВЕНЕВИТИНОВ 1887: 3].

Литература и издания

АБРАМОВИЧ 1910

АБРАМОВИЧ Д. И., *Софийская библиотека*, С.-Петербург, 3, 1910.

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ 1926

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ В. П., “Данило Корсунский — паломник XVI–XVII вiкy”, *Записки Исторично-філологічного відділу Української академії наук*, 9, 1926, 1–18.

——— 1941

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ В. П., “Апокрифы”, в: *История русской литературы*, 1, Москва, Ленинград, 1941, 71–86.

——— 1961

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ В. П., “Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке (Украинские переводы «Хождения» игумена Даниила и «Сказания Афродитиана)”, в: *Исследования и материалы по древнерусской литературе*, Москва, 1961, 245–292.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ 1886

ВАСИЛЬЕВСКИЙ В. Г., общ. ред., предисл., подгот. текста, *Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест первой половины IX века* (= Православный Палестинский сборник, 11), С.-Петербург, 1886.

ВЕНЕВИТИНОВ 1883

ВЕНЕВИТИНОВ М. А., общ. ред., предисл., подгот. текста, *Житъе и хоженъе Данила, Русьскыя земли игумена. 1106–1108 гг.* (= Православный Палестинский сборник, 3), С.-Петербург, 1883.

——— 1884

ВЕНЕВИТИНОВ М. А., “Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст.”, *Летопись занятий Археологической комиссии*, 7, 1884, 3–138.

— 1885

ВЕНЕВИТИНОВ М. А., общ. ред., предисл., подгот. текста, *Житъе и хоженъе Данила, Русьскыя земли игумена. 1106–1108 гг.* (= *Православный Палестинский сборник*, 9), С.-Петербург, 1885.

— 1887

ВЕНЕВИТИНОВ М. А., *Уваровские списки Данилова Хождения* (оттиск), Москва, 1887.

— 1889

ВЕНЕВИТИНОВ М. А., “Переделка Хождения игумена Даниила в сборнике св. Димитрия Ростовского”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 3, 1889, 1–25.

ВЕСЕЛОВСКИЙ 1885

ВЕСЕЛОВСКИЙ А. Н., “К вопросу об образовании местных легенд в Палестине”, *Журнал Министерства народного просвещения*, 5, 1885, 166–183.

ГОРОЖАНСКИЙ 1884

ГОРОЖАНСКИЙ Я. И., “Хождение архимандрита Грефеня во Святую Землю: Исследование памятника с примечаниями к тексту”, *Русский филологический вестник*, 4, 1884, 251–312.

ЗАБОЛОТСКИЙ 1899

ЗАБОЛОТСКИЙ П. А., *Легендарный и апокрифический элемент в Хождении иг. Даниила и экскурс в область истории возникновения и развития легенды и апокрифа* (оттиск), Варшава, 1899.

ИВАНОВСКИЙ 1889

ИВАНОВСКИЙ Н. И., общ. ред., предисл., подгот. текста, *Проскинитарий Арсения Суханова* (= *Православный Палестинский сборник*, 21), С.-Петербург, 1889.

ИСТРИН 1897

ИСТРИН В., *Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследование и тексты*, Москва, 1897.

КАГАН И ДР. 1980

КАГАН М. Д., ПОНЫРКО Н. В., РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., “Описание сборников XV в. книгописца Ефросина”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 35, 1980, 3–300.

КАГАН-ТАРКОВСКАЯ, ТАРКОВСКИЙ 1999

КАГАН-ТАРКОВСКАЯ М. Д., ТАРКОВСКИЙ Р. Б., подгот. текста, пер. и коммент., “Слово о Псалтыри, как написана была Давидом царем”, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, 3, 1999, 166–168.

КОБЯК 2003

КОБЯК Н. А., “Список «Хождения игумена Даниила» конца XV в. с рукописными дополнениями”, в: *Очерки феодальной России*, 7, Москва, 2003, 58–65.

КОВРИГИНА 1909

Путешествие рясофорной послушницы Серафимо-Дивеева монастыря Анны Ковригиной во святой град Иерусалим и другие святыя места Палестины, Синая, Бар-града и Рима в 1907 и 1908 гг., Моршанск, 1909.

ЛЕОНИД 1874

ЛЕОНИД, АРХИМ., *Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим* (оттиск), Москва, 1874.

— 1883

ЛЕОНИД, АРХИМ., предисл., подгот. текста, *Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуди и напечатал в Венеции в 1679 году, с греческого на славянский диалект перевел Чудовский*

- монах Евфимий в 1686 году (из Синодальной рукописи, № 543) (= Памятники древней письменности и искусства, 46), С.-Петербург, 1883.
- 1884
Леонид, архим., предисл., подгот. текста, *Хождение гостя Василья* (= Православный Палестинский сборник, 6), С.-Петербург, 1884.
- Норов 1864
Норов А. С., общ. ред., *Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113–1115)*, С.-Петербург, 1864.
- О. В. Л. 2004
О. В. Л., “Вифлеемские младенцы”, *Православная энциклопедия*, 8, 2004, 604–605.
- ОПИСАНИЕ 1906
Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, С.-Петербург, 2/1, 1906.
- 1965
Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР, Москва, Ленинград, 3/2, 1965.
- ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС, ДЕСТУНИС 1896
ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А. И., ДЕСТУНИС Г. С., предисл, пер., подгот. текста, *Три греческие безымянные проскинитария XVI века* (= Православный Палестинский сборник, 46), С.-Петербург, 1896.
- ПОРФИРЬЕВ 1872
ПОРФИРЬЕВ И., *Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях*, Казань, 1872.
- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 2004
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., “Апокрифы в сборнике XVI в. из Стокгольмской Королевской библиотеки (А 797)”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 55, С.-Петербург, 2004, 387–393.
- РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, ТУРИЛОВ 2001
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., ТУРИЛОВ А. А., “Апокрифы в славянской и русской письменности”, в: *Православная энциклопедия*, 3, Москва, 2001, 55–57.
- РУЗСКИЙ 1891
РУЗСКИЙ Н. В., “Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 3, 1891, 6–133.
- СИДОРОВ 1907
СИДОРОВ Н. И., “Рукописи Императорской Археографической комиссии. Первое прибавление”, *Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1904 год*, 1907, 1–32.
- СПЕРАНСКИЙ 1895
СПЕРАНСКИЙ М., *Славянские апокрифические Евангелия (Общий обзор)*, Москва, 1895.
- ТИХОНРАВОВ 1863
ТИХОНРАВОВ Н., *Памятники отреченной русской литературы*, 2, Москва, 1863.
- ФЕДОРОВА, ПРОХОРОВ 2007
ФЕДОРОВА И. В., подгот. текста, ПРОХОРОВ Г. М., пер., “«Паломник» — вторая редакция «Хождения» игумена Даниила”, в: *«Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в.*, С.-Петербург, 2007, 160–269.
- GARZANITI 1998
GARZANITI M., “Les apocryphes dans la littérature slave ecclésiastique des pèlerinage en Palestine.” *Апоскрифа*, 9, 1998, 151–177.

References

- Adryanova-Peretts V. P., "Danylo Korsun'skyi — palomnyk XVI–XVII viku," *Zapysky Istorychno-filolohichnoho viddilU Ukraïnskoï akademii nauk*, 9, 1926, 1–18.
- Adryanova-Peretts V. P., "Apokryfy," in: *Istoriia russkoi literatury*, 1, Moscow, Leningrad, 1941, 71–86.
- Adrianova-Peretts V. P., "Iz istorii russko-ukrainskikh literaturnykh svyazei v XVII veke (Ukrainskie perevody «Khozhdeniia» igumena Daniila i «Skazaniia Afroditiiana»)," in: *Issledovaniia i materialy po drevnerusskoi literature*, Moscow, 1961, 245–292.
- Fedorova I. V., ed., Prokhorov G. M., transl., "«Palomnik» — vtoroia redaktsiia «Khozhdeniia» igumena Daniila," in: "Khozhenie" igumena Daniila v *Sviatuiu Zemliu v nachale XII v.*, St. Petersburg, 2007, 160–269.
- Garzaniti M., "Les apocryphes dans la litteérature slave ecclésiastique des pèlerinage en Palestine," *Apocrypha*, 9, 1998, 151–177.
- Kagan M. D., Ponyrko N. V., Rozhdestvenskaya M. V., "Opisanie sbornikov XV v. knigopistsa Efrosina," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 35, Leningrad, 1980, 3–300.
- Kagan-Tarkovskaya M. D., Tarkovskiy R. B., eds., "Slovo o Psaltyri, kak napisana byla Davidom tsarem," in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 3, 1999, 166–168.
- Kobiak N. A., "Spisok «Khozheniia igumena Daniila» kontsa XV v. s rukopisnymi dopolneniiami," in: *Ocherki feodal'noi Rossii*, 7, Moscow, 2003, 58–65.
- Rozhdestvenskaya M. V., "Apokryfy v sbornike XVI v. iz Stokgol'mskoi Korolevskoi biblioteki (A 797)," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 387–393.
- Rozhdestvenskaya M. V., Turilov A. A., "Apokryfy v slavianskoi i russkoi pis'mennosti," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 3, Moscow, 2001, 55–57.

Федорова Ирина Владимировна, канд. филол. наук

старший научный сотрудник

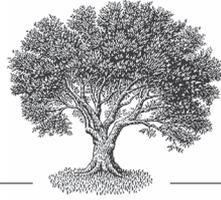
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

199034 Санкт-Петербург

наб. Макарова, д. 4

Россия / Russia

irirad@mail.ru

К истории издания
Четых Миней
Димитрия Ростовского
(статья “О лете
скончания
преподобной
Марии Египетской”
в составе дополнений
к Четым Минеям
святытеля Димитрия)*

On the History of
the Publication of the
Menaion Reader by
Demetrius of Rostov
(the Text *On the Year
of Death of St. Mary
of Egypt* as an
Additional Article to
the *Menaion Reader*
by St. Demetrius)

**Марина Анатольевна
Федотова**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)

Marina A. Fedotova

Institute of Russian Literature (Pushkin
House) of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg)

Резюме

В статье поставлен один из самых актуальных вопросов современного “димитриеведения” — вопрос о неизученных, неизданных и не введенных в научный оборот сочинениях свт. Димитрия Ростовского, которые обнаруживаются в рукописных сборниках, созданных и вышедших из ростовского скриптория, среди которых и тексты, не вошедшие в первое издание Четых Миней. Автор статьи вводится в научный оборот неизданный текст “О лете скончания преподобной Марии Египетской рассмотрение”, написанный митрополитом как дополнительная статья календарного типа к Житию Марии Египетской.

* Статья написана при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-04-00119 (“Каталог сочинений Димитрия Ростовского: библиографические материалы”).

Ключевые слова

святитель Димитрий Ростовский, неизвестные сочинения, агиография, календарные статьи

Abstract

The legacy of St. Demetrius of Rostov (1651–1709), metropolitan of Rostov and Yaroslavl, an Orthodox saint and one of the most prominent Slavonic authors, has always attracted a great deal of attention. His works have been the object of study of both Russian and foreign scholars.

This paper puts forward one of the most topical issues in the study of Demetrius' writing, namely, his unresearched, unpublished, and previously unavailable works. These are discovered in manuscript collections which were compiled in and emerged from the Rostov scriptorium (some of them are original manuscripts from the metropolitan's library). Among them are works that were unpublished in the first edition of the *Lives of Saints* by St. Demetrius of Rostov.

The author of the present paper makes available a new, unknown, and unpublished work by St. Demetrius of Rostov, *On the Year of Death of St. Mary of Egypt*, which was written as an additional calendar text referring to the *Life of St. Mary of Egypt*. The sources of the *Life of St. Mary of Egypt* were the *Acta Sanctorum* and *De Probatis Sanctorum Historiis* by Laurentius Surius. The text *On the Year of Death of St. Mary of Egypt* was written by Demetrius for the first edition, but it was not included in the printed edition and is preserved only in manuscript sources.

Keywords

Demetrius of Rostov, metropolitan of Rostov, unknown works, hagiography, calendar articles

Книга житий святых, или Четьи Минеи Димитрия Ростовского, писавшиеся более двадцати лет (митрополит начал работу над ними 6 мая 1684 г., а завершил 9 февраля 1705 г.), — это, как справедливо отметил А. А. Круминг, “самое большое по объему из всех небогослужебных изданий, встречающихся в старопечатной кирилловской книжности” [Круминг 1994: 7]. Первое издание Четьих Миней вышло в Киеве, в типографии Киево-Печерской лавры, в четырех книгах в лист, по три месяца в каждой: первая книга (на месяцы сентябрь–ноябрь) вышла в 1689 г., четвертая (на месяцы июнь–август) в 1705 г.

Перед исследователями Четьих Миней Димитрия Ростовского всегда стояли две большие задачи — изучение истории издания и источников текста. Наиболее полный и подробный очерк истории издания Четьих Миней Димитрия Ростовского принадлежит А. А. Крумингу [1994: 5–52].

Число источников, которыми пользовался Димитрий Ростовский при составлении Четьих Миней, очень велико, большинство из них определил и исследовал протоиерей Александр Державин в магистерской диссертации “Четии-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского,

как церковно-исторический и литературный памятник” [Державин 1976; 2006–2012]. Бесспорно, исследование прот. Александра Державина сегодня требует корректировки и дополнений. Такие дополнения были сделаны при изучении отдельных житий, входящих в состав Четьих Миней, в статьях Л. А. Янковской [1992; 1994а; 1994в; JANKOWSKA 1984; 1988], М. А. Федотовой [2003; 2011; 2012а], И. В. Жиленко [1998], С. В. Минеевой [1994], О. В. Гладковой [2013], Л. Н. Коробейниковой [2001; 2003] и др. Как определили исследователи, важнейшими источниками для Димитрия Ростовского были следующие труды: “Acta sanctorum” Иоанна Болланда и его последователей болландистов (к тому времени “Acta sanctorum” вышли только за месяцы январь–май, см. РГАДА, ф. 1251, № 453–470ин.); сборник Лаврентия Сурия “De Probatis Sanctorum Historiis” (в библиотеке Димитрия было второе издание, вышедшее в семи томах в 1576–1586 гг. в Кельне, см.: РГАДА, ф. 1251, № 486–489ин.); польские “Żywoty Świętych” Петра Скарги (у Димитрия Ростовского имелось три издания этой книги — 1619, 1626 и 1700 гг., см.: РГАДА, ф. 1251, № 2465ин, 2459ин, 2464ин.). Из русских источников у него были: Великие Четьи Минеи митрополита Макария (Успенский список)¹, Киево-Печерский патерик (издания 1661 и 1678 гг.) и Пролог (Москва, 1685, см. издание из библиотеки Димитрия Ростовского: РГБ, Музей книги, № 1287 (т. 1), 1290 (т. 2)). Безусловно, этим перечнем не исчерпывается то количество источников, которое было использовано митрополитом как при работе над месяцесловом, так и при работе над текстами самих житий, и для исследователей сегодня большая задача состоит в том, чтобы определить и найти дополнительные источники текстов, еще не выявленные и не обнаруженные.

Отличительной особенностью Четьих Миней святителя Димитрия является их агиологический характер, это был один из первых трудов “критической агиографии”: помимо агиографических текстов, текстов дидактического и нравоучительного характера, в них имеется дополнительная часть, в которой, помимо месяцеслова на каждый день, есть небольшие тексты (статьи), где автор делает сравнения, а иногда исправляет ошибки своих источников, вносит дополнения по истории, географии и церковной жизни. Среди них можно выделить тексты, уточняющие дату смерти, время жизни и подвижничества того или иного святого. Например, после “Жития Симеона Столпника” (1 сент.) — заметка “О лѣтѣх же его, колико на столпѣ стоял. . .” (I; 14 об.)²; после “Жития

¹ С Великими Четьими Минеями Димитрий Ростовский не мог работать постоянно [Крумлинг 1994: 9].

² Здесь и далее в скобках указывается том (римскими цифрами) и лист (арабскими цифрами) по первому изданию Четьих Миней Димитрия Ростовского [Димитрий Ростовский 1689–1705].

апостола и евангелиста Иоанна Богослова” (26 сент.) — текст, в котором говорится, что “о лѣтех апостола святого Иоанна нѣсть достовѣрнаго извѣстия. . .” (I; 176); после “Жития святой Евдокии” (1 марта) — “исследование”, в какое “лѣто крестится святая Евдокия” (III; 20); “Житие преподобного Герасима” (4 марта) и “Житие преподобного Иосифа, творца канонов” (4 апр.) заканчиваются рассуждениями, в царство какого императора жили святые (III, 33–33 об; 270); “Страдание святого мученика Саввы Готфского” (15 апр.) завершается выяснением “лѣта, в немже сей святыи [. . .] пострада” (III; 325 об.) и т. д. Любопытны примеры статей после житий двух русских святых: после “Жития великия княгини Ольги” (11 июля) текст, “в какое лѣто, при каком царѣ греческом и от коего патриарха Ольга блаженная приять крещение. . .” (IV; 427–428), а после “Успения равноапостольнаго великаго князя киевскаго Владимира” (15 июля) — “в какое лѣто преставися Владимир святыи” (IV; 456 об.).

В особый раздел объединяются статьи календарного характера: вопросы календаря затрагиваются в “Слове в начало индикта, си есть Новаго лѣта” (I; 1–4 об.); в рассуждении о “мѣсяцах египетских” (III; 605 об.) после “Жития преподобного Феодора” (16 мая); в статье о “марте мѣсяцѣ”, “в сей бо созда Господь видимый сей мир”, и о мартовском годе, открывающей третью книгу Четых Миней (III; 1–2 об.); в сочинении “О календару еллиноримском древнѣйшем”, помещенном в конце третьей книги на л. 680–686 об. При работе над этим последним сочинением нам удалось обнаружить два черновых автографа Димитрия Ростовского: *Тип. 420*, л. 7–17; ГИМ, Синодальное собр., № 139, л. 10–12 (автограф на латинском языке). Димитрий Ростовский, как показывают сохранившиеся автографы и помещенные в сочинении таблицы, проделал немалый труд, расписав по дням “числа древнѣйшаго еллиноримскаго календаря против наших числ”, при этом приводя примеры, “како прежднии онии людие дни своих мѣсяцей числяху и како тыя нарицаху”, “собрашася убо здѣ от божественных книг именованье мѣсяцей тѣми тремя языками: еврейским, греческим и египетским, да знаема будут любящым в чтении книг упражняться”.

Сразу после выхода первого издания Четых Миней Димитрию Ростовскому поступило предложение от Иоасафа Кроковского, архимандрита Киево-Печерской лавры, о переиздании с дополнениями первого тома “Книги житий святых”, святитель Димитрий сообщал об этом Феологу: “Писал к моему недостоинству отец архимандрит Печерский, желая, чтоб первую трехмѣсячную книгу сентемрия, октоврия, ноемврия паки начать исправити ко вторичному печатанию, полнея, неже первее, с приложением житий святых тѣх, иже преминушася. И паки триех Великих Миней Четей от Соборной Московской Патриаршей церкви дадут

ли?” [Федотова 2005: 83]. Димитрий, вероятно, приступил к подготовке нового издания, но изменений в него внес немного, причем только в первую книгу, вторая и третья книги никаких существенных изменений не претерпели. Второе издание, в котором принимал участие ростовский митрополит, вышло уже после его смерти в 1711–1718 гг., но до нас дошли только три книги, тираж четвертого тома полностью сгорел при пожаре Киево-Печерской лавры [Крумлинг 1994: 31–33]. Тем более интересны тексты, над которыми святитель Димитрий работал при подготовке своего издания, но которые по тем или иным причинам не вошли в него, например, черновой вариант Жития Авраамия Ростовского [Туп. 420: 487], большая работа была проделана и над месяцесловом русских житий [Федотова 2012в].

От работы над Четвыми Минеями сохранился еще один не вошедший в них и до сих пор неизданный памятник “О лѣтѣ скончания преподобной Марии Египетской разсмотрение” (нач. “Хотяще увѣдати, в которое истинно лѣто святая Мария преставися, потребно первѣе вняти словеса историчная. . .”). Нам известно два списка текста [Державин 2008, 2: 10–11; Крумлинг 1994: 27]: в составе рукописи Туп. 420 [л. 247–248 об.] и отдельный список — два листа, вложенные в экземпляр Четвых Миней (экземпляр принадлежал Димитрию Ростовскому) на март-май (РГБ МК, 2^о, инв. 8576) между листами 253 об. и 254. Текст “О лѣтѣ скончания преподобной Марии Египетской разсмотрение” относится к типу дополнительных статей календарного характера, комментирующих дату смерти святой.

“Житие преподобныя матере нашае Марии Египетския” читается под 1 апреля в третьей книге Четвых Миней Димитрия Ростовского [Димитрий Ростовский 1689–1705] на л. 244–254 (нач.: “Тайну цареву добро хранити, дѣла же Божии открывати и проповѣдати славно. . .”³). Создание Жития традиционно приписывается Софронию, патриарху Иерусалимскому, что, однако, опровергается в ряде исследований [Usener 1907; Творогов 1987]. В Четвых Минеях Димитрия Ростовского оно также отмечено как “списанное святѣйшим Софронием, патриархом Иерусалимским”⁴. Источник Жития в издании не указан. В рукописи

³ Житие Марии Египетской — один из самых распространенных житийных текстов средневековой литературы. Православной церковью ее память празднуется 1 апреля; Житие Марии Египетской, как было установлено VI Вселенским собором, включено в Великопостную службу: оно читается в четверг пятой седмицы Великого поста. Текст Жития в переводе на русский язык издавался неоднократно [Полякова 1972; Творогов 1999].

⁴ Заметим, что после Жития Марии Египетской уже имеется одна дополнительная статья, в которой преподобный старец Зосима, свидетель подвига святой Марии Египетской, противопоставляется Зосиме — “неправославному, но еретику”. Статья является комментарием к фразе: “Бысть нѣкий старец в едином от палестинских

Тит. 420 в составе одного из Месяцесловов, представляющего собой выписки из книг Лаврентия Сурия “De Probatis Sanctorum Historiis”, напротив Жития Марии Египетской имеется запись “Т. 2, л. 661”, а в издании Пролога, которым пользовался во время работы Димитрий Ростовский и в котором сохранились его автографы-маргиналии, кроме ссылки на сборник Лаврентия Сурия, есть указание на “Acta sanctorum” болландистов (“апр. Т. 1, л. 67”), на Великие Четьи Минеи и Триодь постную (“и в Чете и в Триоди постной”). Житие Марии Египетской, читающееся во всех этих сборниках, принадлежит одной редакции с некоторыми разночтениями. А. М. Державин справедливо полагал, что святитель Димитрий Ростовский составил свою редакцию Жития по славянскому переводу, но сравнивал его, дополнял и иногда исправлял по латинскому тексту: исправления вносил по “Acta sanctorum”, но в большей степени по сборнику Лаврентия Сурия⁵. Высказать предположение, что книга Лаврентия Сурия была основным источником для внесения правки, А. М. Державину позволяет один эпизод, интересовавший святителя Димитрия Ростовского именно в плане календарных вычислений: старец Зосима приходит в пустыню по повелению святой Марии Египетской через год после их последней встречи и находит ее мертвое тело; охваченный горем, прочитав псалмы и погребальную молитву, озабочившись погребением святой и подумав о том, угодно ли это было бы блаженной, Зосима видит “при главѣ ея изображенное писание на земли сие: погреби, авво Зосимо, на сем мѣстѣ смиренныя Марии тѣло, отдаждь персть персти, моли же Господа за мя, преставшуюся мѣсяца фармуфия египетски, римски же априлля, в 1 день, в самую ночь спасительныя Христовы страсти, по причащении Божественныя тайныя вечери” (III; 252). Этой фразе Димитрий Ростовский уделил самое пристальное внимание. В “Acta sanctorum” просто сказано, что “святая умерла в самую ночь Господних страданий” [*Собр. автор. мат.* 52: 194]; в сборнике Лаврентия Сурия дается египетское название месяца — фармуфия, но сообщается, что она умерла не в 1-й, а в 9-й день (“Ora tamen Dominum pro me, transeunte

монастыре, жития благонравен и слова благоразумнаго украшен, от самѣх пелен в иноческих подвизах добрѣ наставлен, Зосима же бѣ имя старцу тому [и да не мнит кто, яко он zde бѣ Зосима еретик, аще и обѣма имя едино есть: он бо злословен бѣ и чужд церкви, сей же православен и праведен], с пометой на поле “о сем Зосиме на концу” (III; 254).

⁵ А. М. Державин также полагает, что еще одним источником текста была книга Гериберта Росвейде “Жития святых отцов”: Heribertus Rosweydeus. Vitae patrum. Antverpiae, 1628; книга из библиотеки Димитрия Ростовского хранится в РГАДА, ф. 1251, № 446ин. Но Житие Марии Египетской в составе этого сборника не имеет никаких дополнительных сведений, каких мы не могли бы прочитать в издании болландистов и в сборнике Лаврентия Сурия, отсутствие указания на эту книгу у Димитрия Ростовского, возможно, дает нам право исключить ее из числа источников, см. [*Собр. автор. мат.* 52: 194–196].

mensis Parmathi secundum Aegyptios, quod est secundum Romanos Aprilis die nona. . .) [SURIUS 1571: 157]; в Великих Четых Минеях митрополита Макария указываются месяцы, но отсутствует дата (“Умерши же еи мѣсяца фармуфа египетский, римский же апрѣля, в самую ночь спасеныа муки по причащении Божия тайныа вечера”) [ВМЧ: 31]. Святитель Димитрий и раньше обращал внимание на употребление египетского названия календарного месяца в этом Житии: цитата из Жития Марии Египетской приведена в сочинении “О календару еллиноримском древнѣйшем” [“Египетское же мѣсяцей нарицание такожде обрѣтается в житиях святых, якоже в Житии святыя Марии Египетския: даждь [рече] персть персти, за мене же ко Господу молися, скончавшуюся мѣсяца фармуфия египетски, римски же апрѣлия” (III; 683), на это он указывает в статье после “Жития преподобного Феодора” (16 мая): “В началѣ жития сего преподобнаго Феодора воспомянуса мѣсяц египетский, глаголемый тѣба, иже у нас есть ианнуарий, якоже и в Житии преподобныя Марии Египетския воспоминуется фармуфий” (III; 605 об.)]. Результат “вычислений” Димитрием Ростовским даты смерти Марии Египетской отражен в маргиналии на поле напротив сообщения о смерти святой: “В лѣто от создания мира 6030, от Воплощения Божия 522, в царство Иустина Великаго”, а вот “процесс” этой работы, “процесс” вычисления изложен именно в статье “О лѣтѣ скончания преподобной Марии Египетской рассмотрение”, в которой дается сравнение известий в месяцесловах, напечатанных при богослужебных книгах и изданных в Москве, Киеве, Вильне, Львове, Чернигове. Сравнительный анализ и “вычисления” святителя Димитрия должны были привести читателя к единственно правильной, с его точки зрения, дате смерти Марии Египетской — 1 апреля 522 г. от Рождества Христова при императоре Иустине Великом. По форме изложения текст сочинения “О лѣтѣ скончания преподобной Марии Египетской рассмотрение” ничем не отличается от других дополнительных статей Четых Миней Димитрия Ростовского. Вероятно, “вычисления” были сделаны митрополитом еще для первого издания (маргиналия имеется уже в первом издании), но сам текст написан только для второго, но ни в первое, ни во второе издание он не вошел, а сохранился только в рукописях святителя.

В Приложении публикуется статья “О лѣтѣ скончания преподобной Марии Египетской рассмотрение” по списку, вложенному в экземпляр Четых Миней на март-май, принадлежавший Димитрию Ростовскому (РГБ МК, 2^о, инв. 8576), между листами 253 об.–254; имеющиеся незначительные разночтения даются по списку *Туп.* 420 [л. 247–248 об.]. При издании используются буквы современного русского алфавита (сохранена только буква “ѣ”) и современная пунктуация, славянская цифирь переведена в арабские цифры.

Приложение

[л. 1]⁶ О лѣтѣ скончания преподобной Марии Египетской рассмотрение

Хотяще увѣдати, в которое истинно лѣто святая Мария преставися, потребно первѣе внять словеса историчная, о преставлении ея сказующая то, яко преподобный Зосима видѣ при возглавии ея писание, на земли написанное, сице: “Погреби, авво Зосимо, тѣло смиренныя Марии, даждь персть перстѣ, за мене же к Господу молися, скончавшуюся мѣсяца фармуѳиа египетски, римски же априля в 1 день, в самую ночь спасительныя страсти, по божественныя тайныя вечера причащении”. То внемлши, вѣдати подобает, яко в лѣто оно бѣ литера пасхалная Л вруцѣлѣто 5, априлево же 1 число бѣ Великим пятком. А Пасха Христова априля 3. Третье⁷ убо число априлево бѣ нѣделя пресвѣтлаго Христова Воскресения. Второе же априлево число бѣ суббота великая, а первое число великих⁸ страстей Христовых – пятком, з четверга же на пятком в ночь спасительныя страсти по божественных таин причащении преставися преподобная.

Смотрѣм же разногласное всѣх мѣсяцесловов разумѣние.

Мѣсяцеслов Великий Московский, в лѣто от сотворения мира 7193, от Рождества же по плоти Бога слова 1684, индикта 8 мѣсяца септевриа в царствующем градѣ печатаний, о преподобной Марии Египетской априля в 1 день сказует сице: С миром почи, Зосимою и звѣром погребена в лѣто 6900 в царство Иустиниана Великаго. Доздѣ Мѣсяцеслов той. С тѣм лѣтом Бытия мира 6900 сходится лѣто Христова воплощения 1392, а в то лѣто бѣ литера пасхалная Л вруцѣлѣто 1, Пасха априля 14, а первое // [л. 1 об.] число априлево бѣ не пятком великим, но понедѣлком шестой недели Великаго поста. Еще же и царь в то лѣто не Иустинианъ Велики бѣ, но Еммануил Юний, си есть другий, а царствования его тогда бѣ лѣто девятое, царствова же послѣжде нескоро по Иустинианѣ Великом, многим лѣтом прешедшим, ибо Иустиниан Великий умре в лѣто воплощения Бога слова 565, Бытия же мира 6073, наченши же от скончания Иустиниана Великаго лѣта изчитати до лѣта 6900, иже есть до Рождества Христова лѣто 1392, обрящется разстояния лѣт 827.

Мѣсяцеслов же другий Московский, аки бы исправнѣйший, в четыре лѣта потом печатаный, в лѣто от сотворения мира 7198, от Рождества Христова 1689, индикта 13 мѣсяца септевриа изданий, сказует о преподобной Марии Египецкой⁹, яко преставися в лѣто 6920 в царство Иустиниана Великаго, а лѣту тому сходно есть воплощения Христова лѣто 1412. И аки бы добрѣ сице, ибо в то лѣто литера пасхалная бѣ Л вруцѣлѣто 5,

⁶ Нумерация листов наша, в рукописи отсутствует.

⁷ Третье

⁸ великий

⁹ Египетской

Пасха апреля 3, и приходит апрелево первое число в Великий пяток. Обаче не в то лѣто скончася святая Мария Египетская, но многими прежде того лѣты, иже извѣствуется отсюду.

Святый Софроний, патриарх Иерусалимский, писал Житие преподобныя Марии по многих преставления ея лѣтех, а поживе святый Софроний в царство Ираклиево, скончася же в лѣто Бытия мира (по мѣсяцесловах московских) 6136, по извѣстнѣйшему же рассмотрению в лѣто 6144, от воплощения же Христова в лѣто 636. Здѣ смотри: аще святая Мария скончася в лѣто 6920, а святый Софроний скончася в лѣто 6137 или в лѣто 6144, то явѣ покажется, яко // [л. 2] святая Мирия Египетская по святом Софронии, писатели Жития своего (а не пред ним) по многих лѣтех жити послѣжде. Изчетши бо обою лѣта, обрящется то, яко святая Мария болѣе неже по седмистѣх лѣтех послѣжде Софрония святого жителствова. Аще же святая Мария послѣжде святого Софрония жити, то како святый Софроний прежде седмисот лѣт и болѣе имѣл вѣдати и писати житие ея? Извѣстно же есть, яко не Софроний святый пред Мариею святою, но Мария святая прежде Софрония святаго за многия поживе лѣта, убо в обоих мѣсяцесловах московских не истыи лѣта положены скончанию преподобной Марии Египетской.

Мѣсяцеслов Киевской великий пишет сице: Погребена святая Мария в лѣто 6020 (воплощения Божия 512) в царство Иустиниана Великаго. Обаче в то лѣто не Иустиниан Великий царствова, но Анастасий еретик, громом послѣжде убиенный. Еще же и лѣто оно 6020 (512), в неже бѣ лѣтера пасхалная Ъ, имѣ вѣруцѣлѣто 7, Пасха апреля 12. И когда бы имѣла быти ночь спасительныя вечера (апреля 1) з четвертка великаго на пяток великий, то тогда апрелево число 1 бѣ неделю четвертою Великаго поста.

Мѣсяцеслов Львовский, такожде и Полустав Киевский менши, по великом послѣжде изданный, еще же и Виленский и Чернѣговский малый мѣсяцесловы пишут сице: Погребена бысть (святая Мария) в лѣто 520, Бытия мира 6028 в царство Иустина Болшаго, и добрѣ написаша царство Иустина (а не Иустиниана) Болшаго, тако бо и бысть, но лѣта мало не улчиша, ибо в 520 Воплощения Божия (Бытия же мира 6028) лѣто литера пасхалная бѣ Ъ // [л. 2 об.] вѣруцѣлѣто 3, Пасха апреля 19, и не можаше то быти, дабы святой Марии в 1 число апрелево преставлшейся было скончание близко пред Пасхою в самую ночь спасительныя страсти, но бѣ тогда апрелево 1 число средю пятой недѣли Великаго поста, а не пятком страстным. О Иустиниановом же царствѣ сие вѣдати подобает, яко вѣцарися он по Иустину, стрюю своем, в лѣто по Рождествѣ Христовом 527, Бытия же мира 6035, и царствовал лѣт яко 38, скончася в лѣто Христово 565, Бытия же мира 6073, в вся же лѣта его царствования — не обрѣтается таков год — во¹⁰ еже бы апреля 1 число прилучилося в Великий

¹⁰ В

пятком, когда святая Мариа по причащении божественных таин з четвертка великаго на пяток страстный¹¹ преставися.

Есть же истое подобие, яко скончася святая в царство не Иустиниана, но Иустина (яко и мѣсяцесловы меншии рѣша) Великаго, си есть Перваго, иже стрый бѣ по нем царствовавшему Иустиниану, ибо в лѣтех царства Иустинова обрѣтается лѣто 522 от воплощения Божия, Бытия же мира 6030, в неже литера пасхалная Л вруцѣлѣто 5, Пасха Христова априля 3, егда же априля третие¹² число бѣ Пасхою, си есть неделю пресвѣтлаго Воскресения Христова, то 2 число априлево бѣ Великою субботою, а первое число бѣ Великим пятком, в которое число святая Мариа Египетская в ночь с четверка на пяток преставися, якоже сама о себѣ при возгавии своем представляющися написа: даждь перст перстѣ, за мене же к Господу молися, скончавшуюся априля в 1 день, в самую ночь спасителныя страсти, по божественныя тайныя вечера причащении.

Убо преставися святая Мариа Египетская в лѣто Бытия мира 6030, воплощения же Божия 522 в царство не Иустиниана, но Иустина Великаго в 5 лѣто царствования его.

Библиография

Рукописи и старопечатные издания

Тип. 420

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 381 (Тип.), № 420; описание в: [Державин 2006, 1: 240–248].

Собр. автор. мат. 52

Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург), Собрание авторских материалов, № 52, А. М. Державин, Приложение к сочинению “Четьи Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник”, ч. 2 (месяц январь, февраль, март, апрель).

Димитрий Ростовский 1689–1705

Димитрий Ростовский, *Книга житий святых*, 1–4, Киев, 1689–1705.

ВМЧ

Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием: Апрель: 1–8, Москва, 1910.

Литература

Гладкова 2013

Гладкова О. В., *Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе*, Москва, 2013.

Державин 1976

Державин А., прот., “Четии-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник”, *Богословские труды*, 15, 1976, 61–145; 16, 1976, 46–141.

¹¹ страстный

¹² третее

——— 2006–2012, 1–3

Державин А., прот., *Радуют верных сердца / Чети-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник*, 1–3, Москва, 2006, 2008, 2012.

Жиленко 1998

Жиленко И. В., “К вопросу о главном источнике первого тома Житий Святых св. Димитрия Туптала-Савича”, в: *Могиланские чтения, Материалы ежегодных научных конференций, 1996–1997*, Киев, 1998, 60–71.

КОРОБЕЙНИКОВА 2001

КОРОБЕЙНИКОВА Л. Н., “Житие Галактиона и Епистимии в составе Четиих-Миней Димитрия Ростовского”, в: *V Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой*, Ярославль, 2001, 122–137.

——— 2003

КОРОБЕЙНИКОВА Л. Н., “«Житие святой Феклы» в редакции святителя Димитрия Ростовского”, в: *VII Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой*, Ярославль, 2003, 135–148.

Круминг 1994

Круминг А. А., “Четы Миней святого Димитрия Ростовского: Очерк истории издания”, в: Л. Янковска, ред., *Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы* (= Филевские чтения, 9), Москва, 1994, 5–52.

МИНЕЕВА 1994

МИНЕЕВА С. В., “Житие Зосимы и Савватия Соловецких в составе «Книги Житий Святых» Димитрия Ростовского (проблема источников)”, в: Л. Янковска, ред., *Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы* (= Филевские чтения, 9), Москва, 1994, С. 53–74.

Полякова 1972

Полякова С. В., пер. с греч., “Житие Марии Египетской, бывшей блудницы, честно подвизавшейся в Иорданской пустыне”, в: Она же, изд., *Византийские легенды*, Ленинград, 1972, 84–98.

Творогов 1987

Творогов О. В., “Житие Марии Египетской”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 11: XI – первая половина XIV в., Ленинград, 1987, 161.

——— 1999

Творогов О. В., изд. и пер., “Житие Марии Египетской”, в: *Библиотека литературы Древней Руси*, 2: XI–XII века, С.-Петербург, 1999, 190–215.

Федотова 2003

Федотова М. А., “Житие святой Варвары в древнерусской традиции”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 53, С.-Петербург, 2003, 76–89.

——— 2005

Федотова М. А., *Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты*, Москва, 2005.

——— 2011

Федотова М. А., “Житие княгини Ольги в Четьих Миней Димитрия Ростовского”, в: *Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сб. трудов междунар. науч. конф., Псков, Май 19–20, 2010*, Псков, 2011, 362–383.

——— 2012a

Федотова М. А., “Метафрастовская редакция Жития Григория Армянского в древнерусской книжности”, *Вестник Ереванского университета. Серия “Арменоведение”*, 137/1, 2012, 17–29.

——— 2012в

Федотова М. А., “К истории Четых Миней Димитрия Ростовского: рукописные материалы”, *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 11, 2012, 123–133.

ЯНКОВСКА 1992

ЯНКОВСКА Л. А., “Житие преподобного Сергия Радонежского в обработке святителя Димитрия Ростовского”, в: *История и культура Ростовской земли: 1992*, Ростов, 1993, 10–26.

——— 1994А

ЯНКОВСКА Л. А., “Еще несколько замечаний по поводу проблемы источников и литературно-богословского значения Житий свв. Зосимы и Савватия Соловецких”, в: Она же, ред., *Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы* (= Филевские чтения, 9), Москва, 1994, С. 75–107.

——— 1994В

ЯНКОВСКА Л. А., “Жития византийских песнотворцев в Четых-Минях Святого Димитрия Ростовского”, *Acta Univ. N. Copernici: Nauki humanistyczno-spolecz.*, 281, 1994, 3–17.

JANKOWSKA 1984

JANKOWSKA L., “К исследованию писательского мастерства Димитрия Ростовского: Литературная обработка Жития Авраамия Ростовского”, *Slavica Orientalis*, 33/3–4, 1984, 383–396.

——— 1988

JANKOWSKA L., “Житие и труды св. Мефодия и св. Константина-Кирилла в Четых-Минях св. Димитрия Ростовского”, *Slavica Orientalis*, 32/2, 1988, 179–221.

SURIUS 1571

SURIUS LAURENTIUS, *De Probatis Sanctorum Historiis*, 2, Cologne, 1571.

USENER 1907

USENER H., *Der heilige Tychon*, Leipzig, Berlin, 1907.

References

Derzhavin A., “Chetii-Minei sviatitelia Dimitriia, mitropolita Rostovskogo, kak tserkovno-istoricheskii i literaturnyi pamiatnik,” *Bogoslovskie trudy*, 15, 1976, 61–145; 16, 1976, 46–141.

Derzhavin A., *Raduiut vermykh serdtsa / Chetii-Minei sviatitelia Dimitriia, mitropolita Rostovskogo, kak tserkovno-istoricheskii i literaturnyi pamiatnik*, 1–3, Moscow, 2006, 2008, 2012.

Fedotova M. A., “Zhitie sviatoi Varvary v drevnerusskoi traditsii,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 53, St. Petersburg, 2003, 76–89.

Fedotova M. A., *Epistoliarное nasledie Dimitriia Rostovskogo: issledovanie i teksty*, Moscow, 2005.

Fedotova M. A., “Zhitie kniagini Ol’gi v Chet’ikh Mineiakh Dimitriia Rostovskogo,” in: *Pskov, russkie zemli i Vostochnaia Evropa v XV–XVII vv.: K 500-letii vkhozhdeniia Pskova v sostav edinogo Russkogo gosudarstva*, 2010, Pskov, 2011, 362–383.

Fedotova M. A., “Metafrastovskaia redaktsiia Zhitia Grigoriia Armianskogo v drevnerusskoi knizhnosti,” *Vestnik Erevanskogo universiteta. Seriiia Arme-novedenie*, 137/1, 2012, 17–29.

Fedotova M. A., “K istorii Chet’ikh Minei Dimitriia Rostovskogo: rukopisnye materialy,” *Vestnik NGU. Seriiia: Istoriiia, filologiiia*, 11, 2012, 123–133.

Gladkova O. V., *Zhitie Evstafiia Plakidy v russkoi i slavianskoi knizhnosti i literature*, Moscow, 2013.

Jankowska L., “K issledovaniiu pisatel’skogo masterstva Dimitriia Rostovskogo: Literaturnaia obrabotka Zhitia Avraamiia Rostovskogo,” *Slavica Orientalis*, 33/3–4, 1984, 383–396.

Jankowska L., “Zhitie i trudy sv. Mefodiia i sv. Konstantina-Kirilla v Chet’ikh-Mineiakh sv. Dimitriia Rostovskogo,” *Slavica Orientalis*, 32/2, 1988, 179–221.

Jankowska L. A., “Zhitie prepodobnogo Sergiia Radonezhskogo v obrabotke sviatitelia Dimitriia Rostovskogo,” in: *Istoriiia i kul’tura Rostovskoi zemli: 1992*, Rostov, 1993, 10–26.

Jankowska L. A., “Eshche neskol’ko zamechaniia po povodu problemy istochnikov i literaturno-bogoslovskogo znacheniiia Zhitii svv. Zosimy i Savvatiiia Solovetskikh,” in: Eadem, ed., *Sviatoi Dimitrii, mitropolit Rostovskii. Issledovaniia i materialy* (= Filevskie chteniia, 9), Moscow, 1994, S. 75–107.

Jankowska L. A., "Zhitiiia vizantiiskikh pesnotvortsev v Chet'ikh-Mineiakh Sviatogo Dimitriia Rostovskogo," *Acta Univ. N. Copernici: Nauki humanistyczno-spoecz.*, 281, 1994, 3–17.

Korobeynikova L. N., "Zhitie Galaktiona i Epistimii v sostave Chetiikh-Minei Dimitriia Rostovskogo," in: *V Nauchnye chteniia pamiati Iriny Petrovny Bolottsevoi*, Yaroslavl, 2001, 122–137.

Korobeynikova L. N., "«Zhitie sviatoi Fekly» v redaktsii sviatitelia Dimitriia Rostovskogo," in: *VII Nauchnye chteniia pamiati Iriny Petrovny Bolottsevoi*, Yaroslavl, 2003, 135–148.

Kruming A. A., "Chet'i Minei sviatogo Dimitriia Rostovskogo: Ocherk istorii izdaniia," in: L. Jankowska, ed., *Sviatoi Dimitrii, mitropolit Rostovskii. Issledovaniia i materialy* (= Filevskie chteniia, 9), Moscow, 1994, 5–52.

Mineeva S. V., "Zhitie Zosimy i Savvatiia Solovetskikh v sostave «Knigi Zhitii Sviatykh» Dimitriia Rostovskogo (problema istochnikov)," in: L. Jankowska, ed., *Sviatoi Dimitrii, mitropolit Rostovskii. Issledovaniia i materialy* (= Filevskie chteniia, 9), Moscow, 1994, S. 53–74.

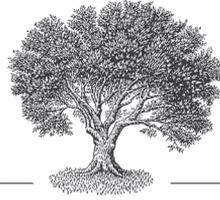
Poliakova S. V., ed., *Vizantiiskie legendy*, Leningrad, 1972.

Tvorogov O. V., "Zhitie Marii Egipetskoii," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 11: XI – pervaiia polovina XIV v., Leningrad, 1987, 161.

Tvorogov O. V., ed., transl., "Zhitie Marii Egipetskoii," in: *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 2: XI–XII veka, St. Petersburg, 1999, 190–215.

Zhilenko I. V., "K voprosu o glavnom istochnike pervogo toma Zhitii Sviatykh sv. Dimitriia Tuptala-Savicha," in: *Mogilianskie chteniia, Materialy ezhegodnykh nauchnykh konferentsii, 1996–1997*, Kiev, 1998, 60–71.

Марина Анатольевна Федотова, канд. филол. наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы
199034 С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Россия/Russia
fedotova_m@mail.ru

ВЪЗГЛАВЛЕНИЮ
или
ВЪЗГРАЖДЕНИЮ?
(о переводе греч.
ἀνακεφαλαίωσις)*

VЪZGLAVLENIJE or
VЪZGRAŽDENIJE?
On the Slavonic
Translation of
the Greek Word
Ἀνακεφαλαίωσις

**Маргарита Ивановна
Чернышева**

Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН (Москва)

Margarita I. Chernysheva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Резюме

Автор ставит целью выявить семантику слов *възглавленіѣ* и *възгражденіѣ* (как перевод греч. *ἀνακεφαλαίωσις*), употребленных в системе именований Богородицы в славянском переводе “Слова на Введение Пресвятой Богородицы во храм” константинопольского патриарха Тарасия. Сравнительный анализ словообразовательных гнезд старославянского, древнерусского языков и соответствующих исходных греческих слов, а также проверка редких и уникальных контекстов (в том числе богословского характера) позволили выявить незафиксированное в лексикографии значение ‘осуществление’. Обсуждаемый частный вопрос подвел автора к дискуссионной проблеме о степени допустимости теологического комментария в лаконичных рамках исторического словаря русского языка.

* Статья подготовлена при содействии Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00093 “Лексикологическое исследование и словарное описание лексики русского языка XI–XVII вв. («у» – «умытникъ»)), руководитель – доктор филол. наук, проф. М. И. Чернышева).

Ключевые слова

историческая лексикография русского языка, церковнославянский язык, славянские переводы с греческого, свт. Макарий Московский, Великие Минеи Четьи, свт. Тарасий Константинопольский, Введение во Храм Пресвятой Богородицы, гомилии

Abstract

In this article the author examines the meaning of the Church Slavonic words *vъzglavlenije* (literally ‘heading’) and *vъzgraždenije* (literally ‘erecting’) that occur in the Great Menaion Reader compiled in the 16th century under the supervision of St. Macarius, metropolitan of Moscow. These words have been used to translate the Greek term *ἀνακεφαλαιώσις* ‘recapitulation’ in Constantinopolitan Patriarch Tarasios’ *Homily on the Entrance of the Theotokos into the Temple*. The first Slavonic word is a specific derivational and semantic calque. The second one seems to be more correct as the exact semantic equivalent for the Greek word. Comparative analysis of derivative relationships of the Church Slavonic words and their comparison with Greek data as well as the treatment of some unique and rare passages, including those of a theological character, make it possible to establish previously uncovered lexical meaning of the words *vъzglavlenije* and *vъzgraždenije* ‘implementation.’ The problem of theological commentary in historical dictionaries of a general character is also covered in this article.

Keywords

historical lexicography of the Russian language, Church Slavonic, translations from Greek into Church Slavonic, St. Macarius of Moscow, Great Menaion Reader, St. Tarasios of Constantinople, Entrance of the Theotokos into the Temple, homilies

По свидетельству историков византийской церкви, празднование Введения Богородицы во храм было установлено в VIII в. (по крайней мере, в это время праздник отмечен в некоторых месяцесловах; М. Н. Скабалланович сообщает о его упоминании в праздничном Евангелии 715 г. [Скабалланович 1995: 327]), высказывалось также мнение, основанное на свидетельстве из трактата Прокопия Кесарийского “О постройках”, что появление праздника могло быть связано с возведением в 543 г. Юстинианом на развалинах иерусалимского храма церкви, посвященной Пресвятой Богородице [Лукашевич 2004: 343]. Два константинопольских патриарха — Герман (630/640–740) [GERMANUS 1863] и Тарасий (ок. 730–806) [TARASIOS 1863] посвятили этому празднику свои “Слова”. Несколькими веками позже архиепископ Фессалоникийский Григорий Палама (1296–1359) дал богословское толкование этому празднику.

В “Слове на Введение Пресвятой Богородицы во храм” константинопольского патриарха Тарасия, славянский перевод которого представлен в ноябрьском томе Великих Миней Четых митрополита Макария

XVI в. [ВМЧ ноябрь, 3051–3065], дважды встретившееся в системе именованій Богородицы греч. *ἀνακεφαλαίωσις* переведено по-разному: в одном случае как **вѣзглавленіе** (гиперкоррекция, вместо ***вѣзглавленіе**), в другом — как **вѣзгражденіе**. Итак, первый случай:

[В обращении к пророку Захарии:] Прорѣци во сен, прорѣкъ гавльшжюса испльненіе (τὴν τῶν προφητῶν ἀναδειχθεῖσαν πλήρωσιν) и ѡбѣтованіа Бжїа къ чѣкомъ (τῆς ἐπαγγελίας Θεοῦ πρὸς ἀνθρώπους) **вѣзглавленіе** (*ἀνακεφαλαίωσιν*) [ВМЧ ноябрь, 3057] (ср. представленный в Интернете перевод на русский язык: “прорекы о Той, Которая явилась исполнением пророков и возглавием благовестия Божия к людям” [ТАРАСИЙ 1897]).

Второй случай:

[Восклицание пророка Захарии:] Ты Иовоу вѣ искжшени(х) трѣпеливое вѣзгражденіе (ἡ [. . .] ὑπομονητικῆ ἀνακεφαλαίωσις)² [ВМЧ ноябрь, 3059] (ср.: “. . . Ты — терпеливое в о з г л а в и е Иова в напастях”).

Как видим, предлагаемый перевод на русский язык ничего не проясняет.

Обширные цитаты из этого места сочинения Тарасия находятся в “Челобитной” Никиты Пустосвята 1665 г., опубликованной в “Материалах по истории раскола” [СУББОТИН 1878: 41–43], но в них представлена только первая цитата, где ***вѣзглавленіе** заменено на *возоглавление*: “обѣтованіа Божїа къ челѡвѣкомъ возоглавление” [ТАМ ЖЕ: 42] (между прочим, *возоглавление* отсутствует в “Словаре русского языка XI–XVII вв.”).

Семантика обоих славянских слов, будучи переводом греч. *ἀνακεφαλαίωσις*, в контекстуально сходном употреблении должна совпадать, однако ни один из существующих словарей церковнославянского, старославянского и древнерусского языков не предлагает подходящего толкования ни для того, ни для другого.

***Вѣзглавленіе**

В Пражском и Московском словарях старославянского языка приводится только **вѣзглавница** *προσκεφάλαιον* ‘подушка’ (цитаты из Маринского и Никольского четвероевангелия — Мк 4:38) [SJS, 1: 259; Старославянский словарь 1994: 133].

“Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)” представляет группу **вѣзглавица** и **вѣзглавница** ‘подушка’ (из Прологов XIII и XIV вв.) и **вѣзглавнице** (уменьш. к **вѣзглавик** ‘возвышение в изголовье, подушка’ — примеры из ранних текстов, начиная с Изборника 1076 г., л. 11); **вѣзглавик**

² Можно также вспомнить еще одно употребление *ἀνακεφαλαίωσις*. Это название Богородицы патриархом Константинопольским Афанасием: *ἀνακεφαλαίωσις τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν* [EUSTRATIADIS 1930: 5].

имеет, помимо указанного, еще значение ‘изголовье’ (цитаты XII–XIII вв.)³ [СДРЯ XI–XIV вв., 2: 31].

В [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 145, 146–147, 278] у лексем *взглавие*, *взгололье*, *возглавие*, *возглавийце*, *возглавица*, *возглавница* и в орфографических вариантах та же семантика.

“Полный церковнославянский словарь” прот. Григория Дьяченко включает слова **возглавїѣ**, **возглавїице** (*προσκεφάλαιον*) ‘подушка’ со ссылками на Св. Писание: Иез 13:20; Мк 4:38⁴; 1 Цар 19:13; 3 Цар 19:6; 2 Езд 3:8 [Дьяченко 1900: 85].

И только в “Материалах для словаря древнерусского языка” И. И. Срезневского обнаруживается само слово **възглавленїиѣ** (в соответствии с греч. *ἀνακεφαλαίωσις*) для называния риторического приема *recapitulatio* ‘повторение вкратце’, употребленное в славянском переводе “Лествицы” (XIV в.): **Възглавленїиѣ въкратцѣ прѣ(д)рѣ(ч)ны(х) встѣхъ** [Срезневский 1893: 346]. Согласно сведениям, сообщенным Т. Г. Поповой, из двух рукописей начала XIII в.⁵ (*Рум198*, *Рум199*) слово **възглавленїиѣ** есть в *Рум199* (в названии третьей части Слова 26). Во второй рукописи, *Рум198*, ему соответствует **съвьршенїиѣ** (л. 170 в, 14).

Поскольку **възглавленїиѣ** — это очевидная словообразовательно-семантическая калька (т. е. перенос семантики исходного слова в формально и структурно подобное лексическое образование), то бóльший интерес вызывает второй перевод, представляющий собой попытку подобрать для передачи семантики исходного *ἀνακεφαλαίωσις* подходящий славянский эквивалент.

Възгражденїиѣ

Възгражденїиѣ (как перевод *οἰκονομή*) отмечено в Московском и Пражском словарях старославянского языка со значением ‘построение’, ‘укрепление’, так же как и глагол **възграждати (о чемь)** (перевод *οἰκονομεῖν*) ‘укреплять (в чем-л.)’ (в обоих случаях цитаты — из Супрасльской рукописи) [Старославянский словарь 1994: 134; SJS, 1: 262].

“Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.” отмечает **възграждати** ‘воздвигать, строить’ (в соответствии с *ἀναγεῖρειν*; одна цитата XIV в.) и **възграженїиѣ** ‘возведение, строительство’ (цитаты, начиная с XII в.), ‘наставление, назидание’ (в соответствии с *οἰκοδομή*; цитаты, начиная с XII в.)⁶ [СДРЯ XI–XIV вв., 2: 35–36].

³ Третье значение ‘пуговица’ вызывает сомнения.

⁴ В издании ошибочно указан 32 стих.

⁵ Датировка варьируется между XII и XIII вв.

⁶ Образное употребление (‘узда’) здесь опускаем.

В [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 281] *возграждение* и *возгражение* — ‘возведение, строительство’ (частичное совпадение материала с представленным в предыдущем словаре; цитаты начиная с XII в.).

В “Полном церковнославянском словаре” прот. Григория Дьяченко есть глагол *возграждаю* (*οἰκονομέω*) ‘возстановляю⁷, вновь строю’ со ссылкой на Иез 36:36 [Дьяченко 1900: 85].

Выписки из словарей с полной очевидностью показывают, что лексемы *възглавленіи* и *възгражденіи*, употребленные в ряду именовании Богородицы, отражают какой-то другой смысл, для прояснения которого необходимо провести краткий анализ греч. *ἀνακεφαλαίωσις*, словообразовательно и семантически связанного с глаголом *ἀνακεφαλαιοῦσθαι*.

Ἀνακεφαλαίωσις и *ἀνακεφαλαιοῦσθαι*

Оба слова выражают понятие античной риторики: *ἀνακεφαλαίωσις* ‘recapitulatio’, ‘instauratio’ — ‘сжатое изложение’, ‘краткое повторение’, ‘вывод’, ‘итог’; соответствующую семантику имеет и глагол *ἀνακεφαλαιοῦσθαι* (от *κεφάλαιον* ‘главное, основное’, ‘итог, сумма’, ‘целое’).

В христианскую эпоху произошли переосмысление и, в определенных контекстах, детерминологизация, и глагол получил, по большей части, христолого-сотериологическое осмысление. В связи с этим возникло богословское понимание того, что на фоне разрушенного грехами единства *ἀνακεφαλαίωσις* через Спасителя выражает новое всеобщее единение (Allzusammenfassung), будучи главным (Haupt) в космосе (и Церкви) (ср. Еф 1:22: “Бог [. . .] поставил Его выше всего, главою Церкви” — “*κεφαλὴν ὑπὲρ πάντα τῆ ἐκκλησίᾳ*”) [BUCHBERGER 1957: 573].

По данным “Греческо-старославянского конкорданса к древнейшим спискам славянского перевода Евангелий”, не существует славянских соответствий отсутствующим в Евангелиях словам *ἀνακεφαλαίωσις* и *ἀνακεφαλαιοῦσθαι* [Люсен 1995]. Они появляются только в новозаветных Посланиях.

Создаваемый составителями Пражского старославянского словаря “Греческо-старославянский индекс” [ŘSI 2011: 327] указывает на употребление *ἀνακεφαλαιοῦσθαι* в “Апостоле”, и каждый раз слово переводится по-разному.

В Христинопольском апостоле (Еф 1:10) *οглавьствовати* употреблено в значении ‘объединять’: *ἀνακεφαλαιώσασθαι τὰ πάντα ἐν τῷ Χριστῷ τὰ ἐπὶ τοῖς οὐρανοῖς καὶ τὰ ἐπὶ τῆς γῆς* — *οглавьствовати всачьскага о Хѣѣ ꙗже на небѣхъ и ꙗже на земли* [КАѢУЖНИАСКИ 1898: 189]; вариантное чтение в Слепченском и Шишатовоцком апостолах: *οглавити* ‘объединить’ (ср. Синодальный перевод: “. . . дабы все небесное и земное соединить под главою Христом”).

⁷ Сохранено написание оригинала.

Способ перевода ἀνακεφαλαιοῦσθαι ‘соединять воедино, суммировать’ как **оглавьствовати** (вар. **оглавити**) сопоставим с переводом ἀνακεφαλαίωσις как **възглавленіе**, т. е. в данном случае перед нами снова словообразовательно-семантическая калька.

Между тем, “Греческо-старославянский индекс” [ŘSI 2011: 327] неожиданно указывает на другие способы перевода ἀνακεφαλαιοῦσθαι — это ряд глаголов: **конъчавати сѧ** ‘наполнять, свершать’ [SJS, 2: 48], **съкончати сѧ** (третье значение, второй оттенок) ‘исполнить, совершить’ [SJS, 4: 274–275] и **съврѣшати сѧ** (четвертое значение) ‘содержать в себе, заключать’ [Ibid.: 230], ср. первое значение к активной форме: ‘свершать, исполнять’ [Ibid.: 229] — в “Послании апостола Павла к Римлянам” (13:9): [о заповедях] . . . ἐν τῷ λόγῳ τούτῳ ἀνακεφαλαιοῦται — . . . **и жеина заповѣдь въ словеси семь съврѣшакть сѧ** [KAŁUŹNIASKI 1898: 132] (ср. Синодальный перевод: “. . . и все другие <заповеди> заключаются в сем слове”). Здесь самое время вспомнить о слове **съврѣшеник** (в соответствии с ἀνακεφαλαίωσις) в славянской Лествице.

Кроме того, “Греческо-старославянский индекс” свидетельствует о том, что ἀνακεφαλαιοῦσθαι может быть вариантным чтением глагола πληροῦσθαι [ŘSI 2011: 327] — в Послании апостола Павла Галатам (5:14) в Слепченском и Шишатовачком апостолах: **весь законъ въ единомъ словеси кончаваетъ сѧ** (ὁ γὰρ πᾶς νόμος ἐν ἐνὶ λόγῳ πεπλήρωται), в Христинопольском апостоле: **съконча сѧ** (ср. Синодальный перевод: “ибо весь закон в одном слове заключается”).

На близость семантики ἀνακεφαλαιοῦσθαι с πληροῦσθαι и τελεῖν в определенных контекстах указывает W. STAERK [1950: 412] в статье, посвященной понятию “Anakephaliosis”. Он сообщает, что форме ἐτελέσθησαν в переводе Аквилы (II в.) (в значении ‘zum Abschluss bringen’, т. е. ‘завершить, осуществить’) соответствует у Феодотиона (II в.) ἀνακεφαλαιώθησαν.

В самом деле, составленная Оригеном Hexapla позволяет видеть в конце 71-го псалма целую синонимическую подборку глаголов в греческих переводах еврейского оригинала: в Септуагинте (в редакции Оригена — O.), в переводе Аквилы (A.), Симмаха (Σ.) и Феодотиона (Θ.):

O.: ἐξέλιπον οἱ ὕμνοι Δαυὶδ υἱοῦ Ἰεσσαί (то же в гёттингенском издании Ветхого Завета [Septuaginta 1979: 201]),

A.: ἐτελέσθησαν προσευχαὶ Δαυὶδ υἱοῦ Ἰεσσαί,

Σ.: ἐπετελέσθησαν προσευχαὶ Δαυὶδ υἱοῦ Ἰεσσαί,

Θ.: ἀνακεφαλαιώθησαν προσευχαὶ Δαυὶδ υἱοῦ Ἰεσσαί [ORIGENES 1875, 2: 212].

Кстати, приведенный там же латинский перевод: *consummatae sunt orationes Davidis filii Isai* отличается от Вульгаты, где: *defecerunt*

laudes David filii Iesse (ср. Синодальный перевод: “Кончились молитвы Давида, сына Иесеева”).

Приведенная подборка, безусловно, свидетельствует о наличии в *ἀνακεφαλαίωσις* и *ἀνακεφαλαιοῦσθαι* идеи (и, соответственно, семантики) завершения и осуществления или итогового осуществления.

Это имеет продолжение в богословской трактовке завершения и осуществления как обновления [СТАЕРК 1950: 412]. Подобная семантика во внутренней форме анализируемых греческих слов этимологически не представлена, но она легко выводима из приведенных выше терминологических значений *recapitulatio*.

В этом смысле очень интересно употребление *ἀνακεφαλαιοῦσθαι* в Протоевангелии Иакова, где, когда Иосиф обращается к беременной Деве Марии, по словам W. СТАЕРК [1950: 414], “возникает эсхатолого-сотериологическая схема противопоставления девы Евы и Девы Марии, а Иосиф выступает в роли Адама”: *Μῆτι εἰς ἐμὲ ἀνακεφαλαιωθῆ ἡ ἱστορία <τοῦ Ἀδάμ>*; [TISCHENDORF 1876: 124] (ср. вариант: . . . ἐν ἐμοί. . . [STRYCKER 1961: 124]) “разве во мне не повторяется (= обновляется, осуществляется) история Адама?”. Сомнения в правомерности такого предположения сходят на нет при обращении к славянскому переводу Протоевангелия Иакова (под названием **Слово на Рождество пресвятыя славныя Владычицы нашея Богородицы**⁸, сп. XVI в.), сохранившемуся в составе сентябрьского тома Макарьевских миней: **Сгда како на мнѣ обновися сказаніе Адамово?** [ВМЧ СЕНТЯБРЬ, 358].

Сказанное позволяет обоснованно утверждать, что в приведенных выше цитатах из написанного патриархом Тарасием “Слова на Введение Пресвятой Богородицы во храм” слова **възглавленік** и **възгражденик** употреблены в значении ‘осуществление’, при этом семантически наиболее удачным оказывается второй, эквивалентный, перевод, т. е. **възгражденик**.

* * *

Подводя итоги, укажем на два момента. Первый, казалось бы, частный. Он относится к выявлению семантики интересующих слов. Этому вопросу и посвящена статья.

Существует еще и второй момент, на который хотелось бы также обратить внимание. Анализ, проведенный на скромном материале, наводит на размышление о необходимости осмысления более общего вопроса: он касается обсуждения дискуссионной проблемы о том, нужны ли (или только допустимы?) теологические рассуждения на стра-

⁸ Здесь и далее воспроизводится написание издания.

ницах исторического словаря русского языка в обычной словарной статье.

Дело в том, что в момент передачи смысла семантически сложных слов (как правило, встречающихся в переводных произведениях) каждый раз перед лексикографом-исследователем встает вопрос выбора между герменевтическим или лингвистическим толкованием — это все та же старая проблема, с которой сталкивались в древности переводчики Библии и о чем задумывался еще блаженный Иероним.

Библиография

Рукописи

Рум198

Российская государственная библиотека (Москва), ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 198, Лествица, XII–XIII в.

Рум199

Российская государственная библиотека (Москва), ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 199, Лествица, XII–XIII в.

Литература и издания

ВМЧ НОЯБРЬ

Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, Ноябрь, дни 16–22, 1/3, Москва, 1914.

ВМЧ СЕНТЯБРЬ

Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, Сентябрь, дни 1–13, С.-Петербург, 1868.

Дьяченко 1900

Григорий Дьяченко, прот., *Полный церковнославянский словарь*, Москва, 1900.

Лукашевич 2004

Лукашевич А. А., "Введение во храм Пресвятой Богородицы", в: *Православная энциклопедия*, 7, Москва, 2004, 343–346.

Люсен 1995

Люсен И., *Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода Евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri)*, Uppsala, 1995.

СДРЯ XI–XIV вв., 1–10

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–10—, Москва, 1988–2013—.

СКАБАЛЛАНОВИЧ 1995

СКАБАЛЛАНОВИЧ М. Н., *Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением*, 1, Москва, 1995 (цит. по Интернет-изданию, режим доступа: <http://predanie.ru/skaballanovich-mihail-nikolaevich/book/72342-tolkovuyu-tipikon-1>; последнее обращение: 11.05.2015).

СЛРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29—, Москва, 1975–2011—.

СРЕЗНЕВСКИЙ 1893

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, 1, С.-Петербург, 1893.

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ 1994

ЦЕЙТЛИН В. М., ВЕЧЕРКА Р., БЛАГОВА Э., ред., *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, Москва, 1994.

СУББОТИН 1878

СУББОТИН Н., ред., *Материалы для истории раскола за первое время его существования*, 4/1, Москва, 1878.

ТАРАСИЙ 1897

ТАРАСИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ, СВТ., “Слово на Введение Пресвятой Богородицы во храм”, в: *Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде*, 46, 15 ноября 1897 г., С.-Петербург, 1897, 1671–1676 (онлайн публикация перевода на современный русский язык; режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Tarasij_Konstantinopolskij/Slovo_na_Vvedenie_Presvatiyia_Bogoroditsy_vo_khram; последнее обращение: 11.05.2015).

BUCHBERGER 1957

BUCHBERGER M., *Lexikon für Theologie und Kirche*, 2. Auflage, Freiburg, 1957.

EUSTRATIADIS 1930

ΣΦΡΟΝΙΟΣ (ΕΥΣΤΡΑΤΙΑΔΗΣ), ΜΗΤΡ. ΛΕΟΝΤΟΠΟΛΕΩΣ, *Ἡ Θεοτόκος ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ* (= *Ἀγιορειτικὴ Βιβλιοθήκη*, 6), Paris, 1930.

GERMANUS 1863

GERMANUS, “In ingressum sanctissimae Deiparae sermo,” in: *Patrologiae cursus completus. Series graeca*, 98, Parisiis, 1863, 292–309, 309–320.

KAĽUŽNIACKI 1898

KAĽUŽNIACKI A., *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti*, Vindobonae, 1896.

ORIGENES 1875

FIELD Fr., ed., *ORIGENES Hexaplorum quae supersunt; sive Veterum interpretum Graecorum in totum Vetus Testamentum Fragmenta*, 1–2, Oxonii, 1875.

ŘSI 2011

Řecko-staroslověnský index, Index verborum graeco-palaeoslovenicus, 1/5, Praha, 2011.

SEPTUAGINTA 1979

Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum, Ed. X, Göttingen, 1979.

SJS, 1–4

Slovník jazyka staroslověnského, 1–4, Praha, 1958–1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

STAERK 1950

STAERK W., “Anakephalaios,” in: TH. KLAUSER, Hrsg., *Reallexikon für Antike und Christentum*, 1, Stuttgart, 1950, 412–414.

STRYCKER 1961

DE STRYCKER É., *La forme la plus ancienne du Protévangile de Jacques*, Bruxelles, 1961.

TARASIIUS 1863

TARASIIUS, “Oratio in SS. Dei Matrem in templum deductam,” in: *Patrologiae cursus completus. Series graeca*, 98, Parisiis, 1863, 1481–1520.

TISCHENDORF 1876

TISCHENDORF C., *Evangelia Apocrypha*, Ed. II, Lipsiae, 1876.

References

Bláhová E., Cejtin R. M., Večerka R., eds., *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisiam X–XI vekov)*, Moscow, 1994.

Buchberger M., *Lexikon für Theologie und Kirche*, 2. Auflage, Freiburg, 1957.

Eustratiadēs S., *Hē Theotokos en tē hymnographia* (= Hagioretikē Bibliothēkē), Paris, 1930.

Lukashevich A. A., "Vvedenie vo khram Presvatoi Bogoroditsy," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 7, Moscow, 2004, 343–346.

Lysén I., *Grechesko-staroslavjanskii konkordans k drevneishim spiskam slavjanskogo perevoda Evangelii*

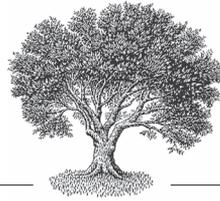
(*codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri*), Uppsala, 1995.

Skaballanovich M. N., *Tolkovy Tipikon. Ob'iasnitel'noe izlozhenie Tipikona s istoricheskim vvedeniem*, 1, Moscow, 1995.

Staerk W., "Anakephalaisios," in: Th. Klauser, Hrsg., *Reallexikon für Antike und Christentum*, 1, Stuttgart, 1950, 412–414.

de Strycker E., *La forme la plus ancienne du Protévangile de Jacques*, Bruxelles, 1961.

проф. **Маргарита Ивановна Чернышева**, доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник Отдела исторической лексикографии,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019 Москва, Волхонка 18/2
Россия/Russia
chernysheva@bk.ru

О некоторых
глагольных формах
в “Поучении”
Владимира Мономаха
и языке Киева
на рубеже XI–XII вв.

Some Verbal Forms
in the *Testament of
Vladimir Monomakh
to His Children* and
the Language of Kiev
in the 11th Century

Мария Наумовна
Шевелёва

Maria N. Sheveleva

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Moscow State University

Резюме

В статье рассматриваются характерные особенности глагольной системы древнекиевского диалекта рубежа XI–XII вв., отраженные в “Поучении” Владимира Мономаха: древнерусский плюсквамперфект в результативном значении и восточнославянская модель имперфективации с суффиксом *-ыва-/ива-*, уже продуктивная в Киеве этого времени.

Ключевые слова

древнерусский не книжный плюсквамперфект, восточнославянский суффикс имперфективации *-ыва-/ива-*

Abstract

This article deals with the specific features of the Old Kievan verbal system (11th–12th centuries) reflected in the *Testament of Vladimir Monomakh to His Children*,—the Old Russian pluperfect in the resultative meaning and the East Slavic pattern of imperfectionization with the *-yva-/iva-* suffix.

The *Testament of Vladimir Monomakh* contains the earliest example of the Old Russian colloquial pluperfect *bylv stvorilv*—this form, as the context shows, has

the meaning of the resultative state beginning before the point of reference. The comparison of this usage with other early examples of the pluperfect in the *Tale of Bygone Years* and Monomakh's *Testament* itself permits the supposition that in the 11th century in Kiev, literary and colloquial pluperfect forms were synonymous.

In the oldest part of the *Testament*, the specifically East Slavic suffix of imperfectivization *-yva-/-iva-* is just as frequent as in the Kievan Chronicle of the 12th century. A similar example is in the Russian-translated passage in the *Izbornik* of 1076, which scholars believe was known to Monomakh himself. These facts show that the *-yva-/-iva-* pattern of imperfectivization was already in common use in Kiev at the end of the 11th century.

Keywords

Old Russian colloquial pluperfect, East Slavic suffix of imperfectivization *-yva-/-iva-*

О языке сочинений Владимира Мономаха много писали — и в работах XX в. [Обнорский 1946: 32–80; Якубинский 1953: 309–320; Кузнецов 1953: 238–239; Марков 1974: 18; Мещерский 1977; 1980/1995], и в лингвотекстологических и лингвистических исследованиях последнего времени [Гиппиус 2003; 2004; 2006; Зализняк 2008: 201–205]. Те глагольные формы, о которых пойдет здесь речь, были известны исследователям, но, как кажется, они достойны большего внимания.

1. Все исследователи сходятся в том, что язык “Поучения” Мономаха (в широком смысле, далее — ПВМ) по единственному списку Лавр. в значительной степени близок к живому древнерусскому языку и отражает не книжные черты на всех уровнях. В глагольной системе не книжный компонент ярко проявляется в сфере прошедших времен: здесь употребляется перфект, причем в 3-м лице последовательно без связки, свободно варьирующийся с аористом в нарративном контексте, — фактически новое прошедшее на *-л-*, ср. хорошо известное описание “охот” Мономаха:

олень ма одинъ болъ. а ѿ. лоси // ѿдинъ ногама то пталъ. а другыи рогама болъ. вепрь ми на бедръ мечъ ѿталъ. медвѣдь ми у колена подъклада окусилъ. лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра. и конь со мною поверже. и Бѣ неврежена ма съблюде [ПВМ: л. 83].

О показательности этих данных ПВМ, “неопровержимо доказывающих” тождество грамматических значений аориста и перфекта, писали П. Я. Якубинский и П. С. Кузнецов: “Ясно, что лишь одна из этих тождественных грамматических форм могла быть живой, активной формой разговорной речи; это, как показывает дальнейшая её судьба, была форма перфекта; форма же аориста была уже мертвой в разговорной речи и

существовала лишь как особенность литературного языка” [Якубинский 1953: 315] (ср. [Кузнецов 1953: 238]).

Отмечалось исследователями и использование в ПВМ двух типов образования плюсквамперфекта — старого книжного (пять примеров) и нового некнижного (один пример) [Обнорский 1946: 49], при этом случай нового плюсквамперфекта в ПВМ оказывается одним из двух старейших засвидетельствованных примеров данной формы вообще [Кузнецов 1953: 242], а может быть и самым старшим, поскольку второй пример — из Повести временных лет под 1074 г. — читается только в Лавр. и принадлежность его тексту конца XI в. не очевидна (см. ниже). Обратим на плюсквамперфект в ПВМ более пристальное внимание.

Некнижная форма *быль* + *-л-* читается в ПВМ в заключительном обращении Мономаха к детям, после его рассказа о своей жизни и непосредственно после описания “охот”; эту часть ПВМ (как и описание “охот”) есть все основания возводить к старейшей редакции текста, датируемой рубежом 1099–1100 гг. [Гиппиус 2003: 89]. Вот контекст с плюсквамперфектом:

да не зазрите ми дѣти мои. но инь кто прочеть не хвалю бо са ни дерзости своеа. но хвалю Бѣ и прославляю мѣть юго. иже ма грѣшнаго и худаго селико лѣ сблю Ѡ тѣхъ часъ смѣртныхъ. и не лѣнива ма быль створи лѣ худаго на вса дѣла члвчѣкаа потреба [ПВМ: л. 83].

Некнижный плюсквамперфект в этом древнейшем примере рубежа XI–XII вв. имеет несомненно результативное значение, при этом результирующее состояние начинает свое существование в момент в прошлом, предшествующий и моменту речи, и моменту(-ам) других прошедших событий основной линии повествования: завершая рассказ о своей жизни, воинских и охотничьих подвигах, Мономах благодарит Бога за то, что уберег его ото всех смертельных опасностей и создал его (до всех описанных событий, т. е. в момент начала его жизни) не ленивым и способным преодолеть все испытания. Перед нами значение результирующего состояния, смещенного в прошлое, — смещенно-перфектное значение, как называл его Ю. С. Маслов [2004: 441]. Плюсквамперфект *быль створи лѣ* здесь выражает перфектность, отнесенную в прошлое, при этом предшествующая глагольная форма *сблю*^d ‘сохранил, уберег’ (видимо, аорист *сблюде*, хотя допустимо и прочтение как причастия *сблюдѣ*) относит результат собственно к моменту речи — введение плюсквамперфекта в этом контексте задает регресс, относя начало результирующего состояния ко времени, предшествующему времени описанных до этого событий. Вряд ли реалистично предполагать, что это состояние мыслилось говорящим как аннулированное к моменту

речи. Вряд ли Мономах хочет сказать, что в данный момент обращения к детям он уже утратил дарованное ему Богом трудолюбие, стал “ленивым” и ни на что не способным: хоть завещательное наставление Мономаха и имеет коннотации завершения жизни (что во многом связано с его литературными источниками), оно писалось Мономахом, как показал А. А. Гиппиус [2003: 69–71], отнюдь не в старческом возрасте, когда князь был еще полон сил. Кроме того, вряд ли Мономах хотел представить дарованные ему Богом добродетели аннулированными. “Антирезультативная” трактовка значения некнижного плюсквамперфекта в этом контексте представляется маловероятной — плюсквамперфект *быль створилъ* здесь имеет первичное смещенно-перфектное значение действия, результат которого отнесен к некоторому моменту в прошлом, предшествующему основной линии событий.

По поводу семантики древнерусского некнижного (“сверхсложного”) плюсквамперфекта велись споры, главным в которых стал вопрос о том, было ли значение новой формы типа *быль* + *-л-* изначально отлично от значений формы старой типа *бъ* (*бъше*) + *-л-*, ставшей в восточнославянском ареале уже в раннюю эпоху специфически книжной [Петрухин, Сичинава 2006; 2008], или же некнижная форма исконно имела ту же семантику, что и “старая” книжная, и лишь впоследствии по диалектам утратила первичное для славянского плюсквамперфекта смещенно-перфектное значение и специализировалась на выражении значений из сферы “неактуального прошедшего” [ШЕВЕЛЕВА 2007; 2008]. Примеры результативного значения некнижного плюсквамперфекта, хоть и в небольшом количестве (пять случаев), встречались в летописях XII в. — в Киевской летописи (далее — КЛ) и в Суздальской летописи за XII в. (далее — СЛ), но в большинстве своем они имеют разночтения по спискам и потому вызывали сомнения (ср. [ШЕВЕЛЕВА 2008] и [ПЕТРУХИН, СИЧИНАВА 2008]), ср. некоторые из этих примеров:

И се слышавъ Всеволодъ не поустѣ сѣа своего Стѣслава. ни моужии новгородскихъ. **иже то бы** (Х.П.: **был**) **привелъ** к собѣ [КЛ, 1140 г.: л. 114];

... а всѣхъ невѣрнѣ оубициъ числомъ .ѣ. **иже са были снали** на вканыи свѣтъ того дѣи оу Петра оу Кучкова зата [СЛ, 1175 г.: л. 124 об.] (в КЛ: л. 207: баху снали; в Хлебниковском и Погодинском списках: были снали);

ср. контекст из прямой речи в СЛ, где Всеволод утверждает исконность и законность своего наследственного права на Владимирское княжение:

Брате вже та привели старѣшаа дружина. а поѣди Ростову. а ѡтолѣ миръ възмевѣ. тобе Ростовци привели и боларе. а мене **быль** с братомъ Бѣ **привелъ** и Володимерци. а Суздаль буди намъ вбче. да кого всхотать. то имъ буди князь [СЛ, 1177 г.: л. 128 об.].

Наш пример из ПВМ свидетельствует в пользу исконности чтений с не книжным плюсквамперфектом в этих контекстах: значение новой формы здесь то же, что и в ПВМ, — во всех этих случаях не книжный плюсквамперфект имеет значение действия, результат которого отнесен к некоторому моменту в предшествующем основной линии повествования прошлом.

Контекст из ПВМ становится явным свидетельством наличия у не книжного плюсквамперфекта в раннедревнерусскую эпоху первичного результативного значения — того же, что и у старой формы, ставшей книжной. По крайней мере, это представляется несомненным для киевской и ростово-суздальской диалектных зон (на северо-западе — в новгородской и псковской зонах — утрата новой формой первичного результативного значения осуществилась, очевидно, раньше). Таким образом, в XI–XII вв. в Киеве новый не книжный плюсквамперфект мог употребляться синонимично старому, уходящему в сферу книжности, для выражения смещенно-перфектного значения.

В выражении значения аннулированного результата (антирезультативного), всегда контекстуально обусловленного, не книжный и книжный плюсквамперфект в ранний период тоже синонимичны. Показателен в этом отношении единственный в Повести временных лет (далее — ПВЛ, по спискам Лавр., Ипат. и НПЛ мл.) пример не книжной формы — он имеет антирезультативное значение — в Лавр. под 1074 г. в рассказе старца Исакия о том, как он был прельщен бесом и впоследствии после долгой болезни исцелен благодаря трудам Феодосия Печерского:

Исакии же рѣ. се оуже прелстил ма кси былъ дьаволе сѣдаща на кдинѣ мѣстѣ. а оуже не имѣ са затворити в печерѣ. но имѣ та побѣдити хода в манастырѣ [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 65 об.] (прельстиль ма еси дьаволе [Ипат.: л. 72], так же в Радзивилловском и Академическом списках).

Значение аннулированного результата у формы прелстил ма кси былъ здесь несомненно, но оно задается контекстом противопоставления положению дел в момент речи (а оуже не имѣ са затворити в печерѣ. . .). При этом в продолжении того же рассказа о старце Исакии в совершенно идентичном контексте дважды встречается книжный плюсквамперфект в том же антирезультативном значении — ср. в диалоге Исакия с бесами:

глѣшетъ бо к нимъ. аще ма бѣсте прелстили в печерѣ первое. понеже не вѣдахъ козни вашѣ и лукавства. нонѣ же имамъ Га Іс Ха̇ и Ба̇ мо҃го и молитву вѣда мо҃го Феодосѣа. надѣюса [на Ха̇] имѣ побѣдити [вас] [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 66 = Ипат.: л. 72 об.];

не мо҃гоша кму ничтоже створити. и рѣша кму. Исакие побѣди̇ кси на̇. вн же рѣ ꙗкоже бѣсте мене вы [первое — из Радзивилловского и Академического списков] побѣдили въ образѣ Іс̇ Х̇вѣ и въ англьстѣмь недостоини (су)ще того

видѣнѣа. но се поистѣнѣ ѡвляктеса топерво въ ѡбразѣ звѣринѣмь. и скотьемь. и змеѣми и гадо̅. аци же и сами кесте [скверни. и зли в видѣннѣи. и абие погибоша бѣси ѡ него — из Радзивилловского и Академического списков] и ѡтолѣ не бѣ̅ кму пакости ѡ бѣсовъ [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 66 об.] (в Ипат.: л. 72 об. — перфект: и вы первѣ мене побѣдили есте).

Как и в примере с некнижной формой, противопоставление последующему положению дел здесь задается контекстом (нонѣ же имамь. . . , но се. . . ѡвляктеса топерво) — как мы видим, условия употребления некнижной и книжной форм плюсквамперфекта при выражении антирезультативного значения одинаковы. При этом заметим, что некнижная форма в первом контексте читается только в ПВЛ-Лавр. и потому остается неясно, восходит ли она к тексту кон. XI в. или появилась на более позднем этапе, книжная же форма в следующем примере читается во всех старших списках Лавр. и Ипат. групп и принадлежность ее первоначальному тексту сомнений не вызывает. Колебание по спискам книжного плюсквамперфекта / перфекта в третьем примере — точно такое же, как у некнижной формы в первом примере, свидетельствующее о факультативности плюсквамперфекта в подобном контексте прямой речи и возможности замены его в таких условиях на перфект, — также указывает на синонимичность старой и новой форм.

Показателен и пример ПВЛ под тем же 1074 г. из предшествующего рассказам о печерских старцах рассказа об избрании преемника Феодосия Печерского — рассказ несомненно восходит к Начальному своду 90-х гг. XI в., во всех старших списках ПВЛ он читается с книжным плюсквамперфектом в значении аннулированного результата, при этом в более поздних Радзивилловском и Академическом списках книжная форма нареклѣ бахъ заменена на некнижную нареклѣ былѣ:

рѣ̅ же имь Феодосии. се азъ по Бжью повелѣнью нареклѣ бахъ Иакова. се же вы свою волю створити хочете. и послушавъ ихъ предасть имь Стеѡана. да будетъ имь игумень [ПВЛ, 1074 г. — Лавр.: л. 63; Ипат.: л. 69; нареклѣ бѣхъ = НПЛ мл.: л. 98; в Радзивилловском и Академическом списках: нареклѣ былѣ).

Таким образом, в антирезультативном значении, задаваемом контекстом противопоставления последующему положению дел, книжный и некнижный плюсквамперфект, по данным летописи кон. XI – нач. XII вв., также синонимичны.

В тексте самого ПВМ книжный плюсквамперфект представлен пятью примерами, все они — в “летописи путей” Мономаха, причем преимущественно (за исключением одного случая из пяти) в тех её фрагментах, которые, по наблюдениям А. А. Гиппиуса [2004], представляют отредактированный и дополненный текст окончательной редакции 1117 г., отличающийся от первоначальных фрагментов “летописи путей” более

книжными средствами текстовых связей, сходством с летописным нарративом. По летописному типу — как в нарративе ПВЛ — здесь употребляется и книжный плюсквамперфект. Большинство примеров имеют смещенно-перфектное значение, ср. пример из старейшей части “летописи” Мономаха:

то и-Смолиньска идохъ Володимерю. [Тоѣ же зимы — по А. А. Гиппиусу, вставка позднейшей редакцией] то и посласта Берестию брата на головнѣ. иде **б а х у п о ж г л и**. то и ту блюдѣть городѣ тихъ [ПВМ: л. 81] (см. [Гиппиус 2004: 165]);

примеры из позднейших добавлений к исконному тексту первоначальной редакции:

И срѣтоша ны внезапно Половечскыѣ князи .й. тысячъ и хотѣхѣ с ними ради битиса. но вружьѣ **б а х о м ъ о у с л а л и** напередѣ на повозѣхъ [ПВМ: л. 81 об.];

И Стародубу идохѣ на Волга зане с а **б а ш е п р и л о ж и л ѣ** к Половцѣ [ПВМ: л. 82];

И потѣ пакы на Донѣ идохѣ с Стополкѣ и с Двѣдмѣ. и Бѣ ны поможе. и к Выреви **б а х у п р и ш л и** Аспа. и Бонакѣ. хотѣша взати и [ПВМ: л. 82 об.];

— ср. сходные употребления в поздней части ПВЛ:

В то же время **б а ш е п р и ш е л ѣ** Славата ис Кыева к Володимерю ѿ Стополка [ПВЛ, 1095 г. — Лавр.: л. 75 об.];

Мстиславу сѣдацю на вбѣдѣ. приде ему вѣсть яко Влегъ на Клязьмѣ. близъ бо **б ѣ п р и ш е л ѣ** без вѣсти [ПВЛ, 1096 г. — Лавр.: л. 86; Ипат.: л. 87 об.] и др.

В одном случае контекст позволяет предполагать “отмененность” результата последующими событиями:

И потѣ к Мѣньску ходихѣ на Глѣба. уже ны **б а ш е** люди за а л ѣ. и Бѣ ны поможе [ПВМ: л. 82 об.];

— ср. сходный контекст в ближайшей части ПВЛ:

а Мстиславъ пришѣ створи миръ с Рязанци и поа люди своя. да же **б ѣ з а т о ч и л ѣ** Влегъ [ПВЛ, 1096 г. — Лавр.: л. 86 об.; Ипат.: л. 88].

Как мы видим, книжный плюсквамперфект в ПВМ употребляется в нарративе летописного типа, тогда как в речевом режиме непосредственного обращения Мономаха к детям использована древнерусская не книжная форма. По значению же книжная и не книжная формы плюсквамперфекта в языке ПВМ, как и в ПВЛ за конец XI в. и в КЛ XII в., синонимичны: обе формы могут выражать первичное смещенно-перфектное значение, а в контексте противопоставления последующей ситуации —

антирезультативное. При этом в самом ПВМ новая форма представлена только в первичном результативном значении, а в исконном тексте Мономаха первоначальной редакции имелись, по-видимому, всего 2 формы плюсквамперфекта — одна старая и одна новая, обе в результативном значении: книжная в автобиографическом рассказе о “путях” и некнижная в заключительном обращении автора к детям. Таким образом, старый и новый плюсквамперфект соотносятся здесь как книжная форма литературного нарратива летописного типа и некнижная форма живого языка, проникновение которой в “гибридные” литературные тексты такого типа, как ПВМ и летописи, впрочем, вполне допустимо.

В живом языке Киева конца XI – начала XII в., судя по всему, использовался только новый плюсквамперфект — в тех же значениях, что и старый, уходящий, как и аорист, в сферу пассивного знания и литературной традиции (см. выше об аористе [Якубинский 1953], а также [Зализняк 2004: 174]).

2. Показательны данные ПВМ относительно моделей образования вторичных имперфективных основ в древнекиевском диалекте рубежа XI–XII вв. В ПВМ фиксируется пять случаев имперфективов с суффиксом *-ыва-/-ива-* — на эти живые древнерусские формы уже обращали внимание исследователи [Обнорский 1946: 76; Якубинский 1953: 313]. Надо сказать, что пять примеров *-ыва-*имперфективов на относительно небольшой объем текста ПВМ (семь листов) — это высокий уровень употребительности *-ыва-*глаголов, значительно превышающий их употребительность в окружающем тексте ПВЛ и в ПВЛ в целом (см. подробнее в [Шевелева 2014]) и сопоставимый только с КЛ XII в. (63 примера на 139 листов) и с Волынской частью (далее — ВЛ) Галицко-Волынской летописи XIII в. (12 примеров на 25 листов). Как мы теперь знаем, КЛ и ВЛ с их высоким уровнем представленности *-ыва-*имперфективов хорошо отражают ситуацию в южнодревнерусских диалектах XII–XIII вв.: здесь модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* была уже в эту эпоху вполне продуктивна — в отличие от северо-запада, где рост продуктивности *-ыва-*образований отмечается существенно позднее [Шевелева 2010; 2013]. В киевской и галицко-волынской диалектных зонах *-ыва-*имперфективы могут встречаться и в книжных текстах, в том числе в переводах южнорусского происхождения — они вполне употребительны в Пчеле, Истории Иудейской войны и др. [Пичхадзе 2011: 151–152]. В числе таких южнодревнерусских текстов с высокой употребительностью имперфективов на *-ыва-/-ива-* оказывается и ПВМ.

Обратим при этом внимание на то, что большая часть примеров *-ыва-*глаголов представлены в старейших частях ПВМ, которые могут

быть возведены к первоначальной редакции 1099–1100 гг. К исходному тексту Мономаха, несомненно, восходит контекст с наставлением о воинском труде из дидактической части ПВМ [Гиппиус 2003: 73, 78–82, 89]:

На воину вышедъ не лѣнитеса. не зрите на воеводы. ни питью ни ѣденыю не лагодите ни спанью. и сторожѣ сами **на р а ж и в а и т е**. и ночь ѡвсюду нарадивше ѡколо вои тоже лазите. а рано встанѣте [ПВМ: л. 80 об.]

— и контекст из описания “охот” [Гиппиус 2003: 89–90; 2004: 146]:

А се тружахъ са ловы дѣѡ. понеже сѣдѡ в Черниговѣ. а и-Щернигова вышѣ и д[о се]го лѣта по сту **о у г а н и в а [л ѣ]** (Би)имѣ дарѡ. всею силою кромѣ иного лова. кромѣ Турова. иже со ѡцмѣ ловиль ѡсмѣ всакѣ звѣрь [ПВМ: л. 82 об.].

Два *-ыва-*глагола читаются в Письме Мономаха к Олегу Святославичу, написание которого все исследователи относят к еще более раннему времени — к 1096 г. [Гиппиус 2003: 62], ср.:

Но все дѡволе наѡчене. то бо были рати при оумнѣ дѣтѣ нашѣ. при добрѣ и при блжныхъ ѡцѣхъ нашѣ. дѡволь бо не хоче добра роду челоѡѣцкому **с в а ж и в а (ж и в а) е т н ы** [ПВМ: л. 83 об.];

дивно ли ѡже мужь оумерлѣ в полку ти лѣпше суть измерли и роди наши. да не **в ы и с к ы в а т и** было чюжего. ни мене в соромѣ ни в печаль вести [ПВМ: л. 84].

Только один контекст с *-ыва-*имперфективом, видимо, вставлен в окончательной редакции ПВМ 1117 г., однако сам этот фрагмент с наставлением об утренней и вечерней молитве, как убедительно показал А. А. Гиппиус, был частью некоего целостного текста — великопостной “Беседы” Мономаха, составленной ранее (возможно, в 1101 г.), разбитой при редактировании 1117 г. на фрагменты и вставленной этими фрагментами внутрь ПВМ [Гиппиус 2003: 83–88, 90–91], ср.:

Тако похвалю Бѡ и сѣдше думати с дружиною. или люди **ѡ п р а в л и в а т и**. или на ловѣ ѣхати. или поѣздити. или лечи спати [ПВМ: л. 81].

Таким образом, в языке Владимира Мономаха на рубеже XI–XII вв. имперфективы на *-ыва-/-ива-* были уже вполне продуктивны — как мы видим, уже не менее продуктивны, чем по данным КЛ и других киевских памятников XII в., свидетельствующих о высокой активности *-ыва-*модели имперфективации в киевской диалектной системе. Показательно, что сходство с КЛ XII в. в отношении *-ыва-*имперфективов обнаруживается у Мономаха даже на уровне представленности конкретных глаголов, бóльшая часть которых встречается и в КЛ, ср. имперфективы *нараживати, оправливати, сваживати* в КЛ за втор. пол. XII в.:

Михалку не доспѣвающо с братомъ Всеволодомъ. на р а ж и в а ю щ и полкы свои поидоша [КЛ, 1176 г.: л. 211 об.];

И посла посоль свои к Рюрикови. ш п р а в л и в а ѓ с а во кр̑тное целованье [КЛ, 1195 г.: л. 238 об.];

на томъ же и моужи ею цѣловаша хр̑тъ ако межи има добра хотѣти. и ч̑ти ею стеречи. а не с в а ж и в а т и ею [КЛ, 1150 г.: л. 145];

ѓ кр̑тъ цѣлую к вама ѓко лиха на ваю не замысливъ а вы ми выдаите кто ны с в а ж и в а е т ь [КЛ, 1170 г.: л. 193 об.].

Таким образом, на рубеже XI–XII вв. киевская система вторичных имперфективов уже имела тот же вид, что во второй половине XII в. ПВМ, широко включающее черты живого языка — особенно в своей исходной древнейшей части, — прекрасно отразило эту особенность древнекиевского диалекта конца XI в.

Обратим внимание еще на одно показательное соответствие. На сегодняшний день старейший бесспорный пример имперфектива с суффиксом *-ива-* обнаружен в заключительной части Изборника 1076 г. — в статье 14.31, составленной из отрывков гомилии Василия Великого “Против упивающихся”, славянских параллелей не имеющей [Изборник 1076, 1: 75, 79], ср.:

Вълагакть оубо си въ болѣзни тажкыи: глава оубо правѣ прѣбывати не можеть: сѣмо и овамо прѣкланаюшти са на рамѣ: сѣни оубо тажцы и зѣли выходаште о т а г ѣ ч и в а ж т ь о т ь оупиваниа [Изборник 1076: л. 266].

На то, что Изборник 1076 г. (или сборник аналогичного состава) был одним из главных литературных источников ПВМ, неоднократно обращали внимание исследователи [Лихачев 1986; Мещерский 1980/1995; Гиппиус 2003: 70, 77–78, 90]; особо обращают внимание на выдержки из Жития и Поучений Василия Великого, святого патрона Владимира Мономаха, интерес к которому Мономаха вполне понятен [Гиппиус 2003: 77]. Наша статья Изборника 1076 г. с отрывками гомилии Василия Великого о вреде пьянства не нашла прямого отражения в ПВМ, но, надо полагать, тоже была Мономаху хорошо известна, поскольку тоже связана с его небесным патроном Василием Кесарийским. Наличие имперфектива на *-ива-* в этом образцовом для Мономаха тексте из Изборника 1076 г. представляется значимым: свободно допуская в своем “Поучении” живые древнерусские образования на *-ыва-/ива-*, Мономах в то же время вполне соответствует в этом языке своего авторитетного литературного источника — Изборника 1076 г.

Сопоставление этих данных ПВМ и Изборника 1076 г. указывает на то, что *-ива-*имперфективы были в Киеве вполне употребительны уже во втор. пол. XI в., по крайней мере в 70-х гг.

Заметим при этом, что имперфективы на *-ова-* в ПВМ полностью отсутствуют — модель *-ова-/-uj-* здесь представлена только у отыменных образований, причем все примеры — в специфически книжных фрагментах ПВМ — выписках из Псалтыри и других церковных книг, ср.: не ревнѹи лукавнующимъ [л. 78, 83]; занеже лукавнующи потребатса [л. 78 об.]; не сверѣповати словомъ. ни хулити бесѣдою [л. 79]; к женѹ нелѣпымъ не бесѣдовати [л. 79об.]; и сему чюду дивуемъса [л. 79об.] и некоторые другие. Модель имперфективации с суффиксом *-ова-* в древнекиевском диалекте отсутствовала: данные ПВМ подтверждают предположение о её вторичности и распространении в югозападнорусских диалектах на имперфективы из деноминативов только в относительно позднее время [ШЕВЕЛЕВА 2010: 222, 239].

Итак, ПВМ — и прежде всего его исходный текст первоначальной редакции — хорошо отражает особенности глагольной системы древнекиевского диалекта рубежа XI–XII вв. В этой системе перфект уже употребляется синонимично аористу, уходящему в сферу пассивного знания — литературной традиции. Точно так же новый древнерусский плюсквамперфект типа *быль +-л-* употребляется синонимично старой форме плюсквамперфекта, остающейся в сфере книжности; некнижный плюсквамперфект здесь еще сохраняет способность выражать первичное результативное значение. Для видовой системы древнекиевского диалекта уже во второй половине XI в. характерна продуктивность специфически восточнославянской модели имперфективации с суффиксом *-ыва-/-ива-*.

ПВМ, отражая все эти особенности грамматической системы живого языка и сочетая их с книжными вариантами, оказалось у истоков особой литературной традиции — “гибридного регистра” книжного языка (термин В. М. Живова [2004: 63–69]), причем столь его русифицированную версию мы найдем впоследствии в традиции киевского летописания XII в. — прежде всего в КЛ XII в. Именно эти два памятника киевского происхождения — ПВМ рубежа XI–XII вв. и КЛ XII в. — оказываются в языковом отношении ближе всего друг к другу, отражая раннюю киевскую традицию “гибридного регистра” литературного языка, допускающую широкое проникновение разговорных элементов.

Библиография

Гиппиус 2003

Гиппиус А. А., "Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. 1", *Русский язык в научном освещении*, 2(6), 2003, 60–99.

— 2004

Гиппиус А. А., "Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. 2", *Русский язык в научном освещении*, 2(8), 2004, 146–170.

— 2006

Гиппиус А. А., "Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. 3", *Русский язык в научном освещении*, 2(12), 2006, 186–203.

Живов 2004

Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2004.

— 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

Изборник 1076

Мушинская М. С., Мишина Е. А., Гольщенко В. С., *Изборник 1076 года*, Изд. 2-е, перераб. и доп., А. М. Молдован, ред., 1–2, Москва, 2009.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 1998.

Кузнецов 1953

Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка. Морфология*, Москва, 1953.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

Лихачев 1986

Лихачев Д. С., "«Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха", в: Он же, *Исследования по древнерусской литературе*, Ленинград, 1986, 137–139.

Марков 1974

Марков В. М., *Историческая грамматика русского языка. Именное склонение*, Москва, 1974.

Маслов 2004

Маслов Ю. С., "Перфектность", в: Он же, *Избранные труды*, Москва, 2004, 426–444.

Мещерский 1977

Мещерский Н. А., "К толкованию лексики одного из «темных мест» в «Поучении Владимира Мономаха»", в: *Русская историческая лексикология и лексикография*, Ленинград, 1977, 39–42.

— 1980/1995

Мещерский Н. А., "«Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник» 1076 г.", в: Он же, *Избранные статьи*, С.-Петербург, 1995, 85–88.

НПЛ мл.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

Обнорский 1946

Обнорский С. П., *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*, Москва, Ленинград, 1946.

ПЕТРУХИН, СИЧИНАВА 2006

ПЕТРУХИН П. В., СИЧИНАВА Д. В., «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе», в: *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 193–214.

— 2008

ПЕТРУХИН П. В., СИЧИНАВА Д. В., «Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях», *Русский язык в научном освещении*, 1(15), 2008, 224–258.

ПИЧХАДЗЕ 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

ШЕВЕЛЁВА 2007

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах», *Русский язык в научном освещении*, 2(14), 2007, 214–252.

— 2008

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта», *Русский язык в научном освещении*, 2(16), 2008, 217–245.

— 2010

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв.», *Русский язык в научном освещении*, 2(20), 2010, 200–242.

— 2013

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в севернорусских летописях», *Русский язык в научном освещении*, 2(26), 2013, 191–224.

— 2014

ШЕВЕЛЁВА М. Н., «Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в Повести временных лет», *Русский язык в научном освещении*, 2 (28), 2014, 153–179.

ЯКУБИНСКИЙ 1953

ЯКУБИНСКИЙ Л. П., *История древнерусского языка*, Москва, 1953.

References

Gippius A. A., "Sochineniia Vladimira Monomakh: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. 1," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(6), 2003, 60–99.

Gippius A. A., "Sochineniia Vladimira Monomakh: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. 2," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(8), 2004, 146–170.

Gippius A. A., "Sochineniia Vladimira Monomakh: opyt tekstologicheskoi rekonstruktsii. 3," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(12), 2006, 186–203.

Golyshenko V. S., Mishina E. A., Moldovan A. M., Mushinskaya M. S., eds., *Izbornik 1076 goda*, 2nd edition, 1–2, Moscow, 2009.

Kuznetsov P. S., *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka. Morfologiia*, Moscow, 1953.

Likhachev D. S., *Issledovaniia po drevnerusskoi literature*, Leningrad, 1986.

Markov V. M., *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka. Imennoe sklonenie*, Moscow, 1974.

Maslov Yu. S., *Izbrannye trudy*, Moscow, 2004.

Meshcherskiy N. A., "K tolkovaniiu leksiki odnogo iz «temnykh mest» v «Pouchenii Vladimira Mo-

nomakha»," in: *Russkaia istoricheskaiia leksikologiia i leksikografiia*, Leningrad, 1977, 39–42.

Meshcherskiy N. A., *Izbrannye stat'i*, St. Petersburg, 1995.

Obnorskiy S. P., *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo iazyka starshego perioda*, Moscow, Leningrad, 1946.

Petrukhin P. V., Sichinava D. V., «Russkii pluskvamperfekt» v tipologicheskoi perspektive," in: *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 193–214.

Petrukhin P. V., Sichinava D. V., "Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkhshlozhnom proshedshe, pluskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstrukttsiiaikh," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(15), 2008, 224–258.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaiia deiate'l'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.

Sheveleva M. N., «Russkii pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i sovremennykh

govorakh," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(14), 2007, 214–252.

Sheveleva M. N., "Eshche raz o istorii drevnerusskogo pluskvamperfekta," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(16), 2008, 217–245.

Sheveleva M. N., "Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v letopisiakh XII–XVI vv.," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(20), 2010, 200–242.

Sheveleva M. N., "Imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v severnorusskikh letopisiakh," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(26), 2013, 191–224.

Sheveleva M. N., "Vtorichnye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v Povesti vremennykh let," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (28), 2014, 153–179.

Yakubinskiy L. P., *Istoriia drevnerusskogo iazyka*, Moscow, 1953.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd edition, Moscow, 2004.

Zalizniak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

доц. **Шевелёва Мария Наумовна**, канд. филол. наук
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
доцент кафедры русского языка
119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ,
1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет
Россия/Russia
mnsheveleva@mail.ru

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 4. № 1

*К 70-летию проф. М. В. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ и проф. Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ =
In Honor of the 70th Birthdays of Prof. Milena V. ROZHDESTVENSKAYA
and Prof. Tatiana V. ROZHDESTVENSKAYA*

Part 2 / Часть 2

Институт славяноведения РАН, 2015

Подписано в печать 26 • VII • 2015 г. Формат 70 x 100 1/16.
Объём 17,5 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленин-
ский просп., д. 32-А. Отпечатано в типографии "Белый
ветер". Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru/>